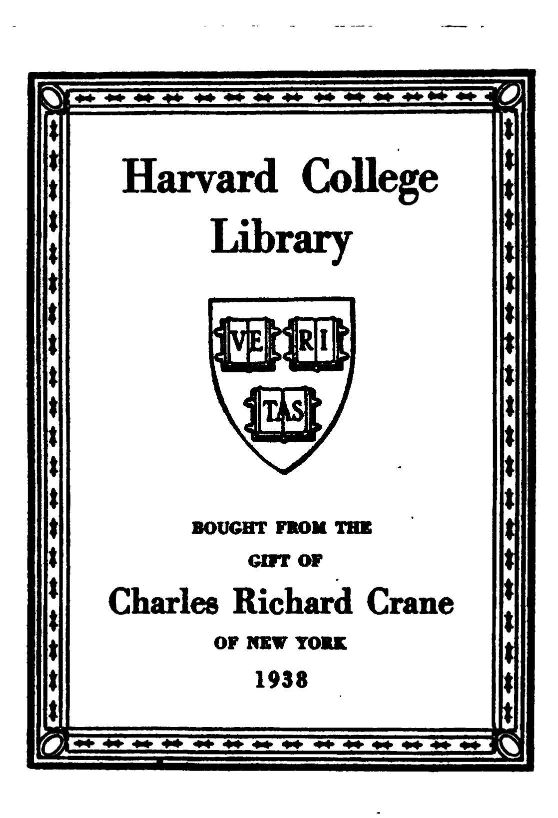

Harvard College
Library
VE RI
TAS
BOUGHT FROM THE
GIFT OF
Charles Richard Crane
OF NEW YORK
1938

PAVLISHCHEV

„PUSHKIN"

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ

А. С. ПУШКИНѢ

Л. Павлищева.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстн. бульв.
1890.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

„Отдыхъ отъ жизни тяжелой
„Могила одна лишь даетъ,—
„Пусть же съ улыбкой веселой
„Страдалица къ смерти идетъ“...

Ольга Павлищева.

Въ теченіе очень долгаго времени писалъ я для себя воспоминанія о моемъ дѣтствѣ, юности и дальнѣйшихъ затѣмъ событіяхъ моей жизни. Воспоминанія эти, касающіяся меня лично, не могутъ, большею частію, представлять особеннаго интереса для читающей публики. Всякій изъ насъ, людей обыкновенныхъ, прошедшихъ, впрочемъ, далеко неусѣянную розами жизненную школу, если не записываетъ, то сохраняетъ въ душѣ воспоминанія, которыми считаетъ совершенно излишнимъ дѣлиться съ посторонними: личность человѣка зауряднаго никого не можетъ интересовать, хотя и эти люди несутъ тоже весьма нелегкій жизненный крестъ, а можетъ быть и несравненно болѣе испытываютъ «скорбь, гнѣвъ и нужду», чѣмъ люди выдающіеся. Но публикѣ до этихъ іеремiадъ ровно никакого дѣла нѣтъ.

Вотъ почему я и не вижу надобности предавать гласности цѣликомъ всѣ мои воспоминанія.

Но среди этихъ воспоминаній,—скажу безъ самоувѣренности,—находятся страницы, которыя мнѣ было бы просто

грѣшно не сообщить читателямъ. Разумѣю подъ этими страницами выдержки изъ моихъ воспоминаній, которыя относятся къ родителямъ и родственникамъ незабвенной, неизгладимой памяти поэта нашего, Александра Сергѣевича Пушкина, и въ особенности къ единственной сестрѣ его, Ольгѣ Сергѣевнѣ Павлищевой — матери моей. Будучи старше его, она скончалась слишкомъ тридцать лѣтъ спустя послѣ безвременной смерти брата.

Пушкинъ принадлежитъ не только своимъ кровнымъ роднымъ, но и всей Россіи, а потому и личность горячо любимой имъ сестры не должна отнюдь оставаться въ совершенной тѣни.

Въ покойной матери моей Александръ Сергѣевичъ видѣлъ не только сестру родную, но своего искренняго друга; съ ней — съ дѣтскаго возраста своего — онъ отводилъ душу и дѣлился вдохновеніями, осуществляемыми его внезапно угасшею лирой. Нечуждая—какъ увидимъ ниже—поэтическаго творчества, мать моя была первоначальнымъ его товарищемъ. Передъ нею онъ ничего не скрывалъ; впрочемъ, его честной, вполнѣ рыцарской душѣ и скрывать передъ горячо любимой имъ сестрою было нечего: характеры ихъ были какъ нельзя болѣе схожи; чуткая ко всему возвышенному, мать моя была, въ глазахъ моего дяди, идеаломъ женщины теплой, отзывчивой, благородной, что̀ видно изъ его къ ней отношеній.

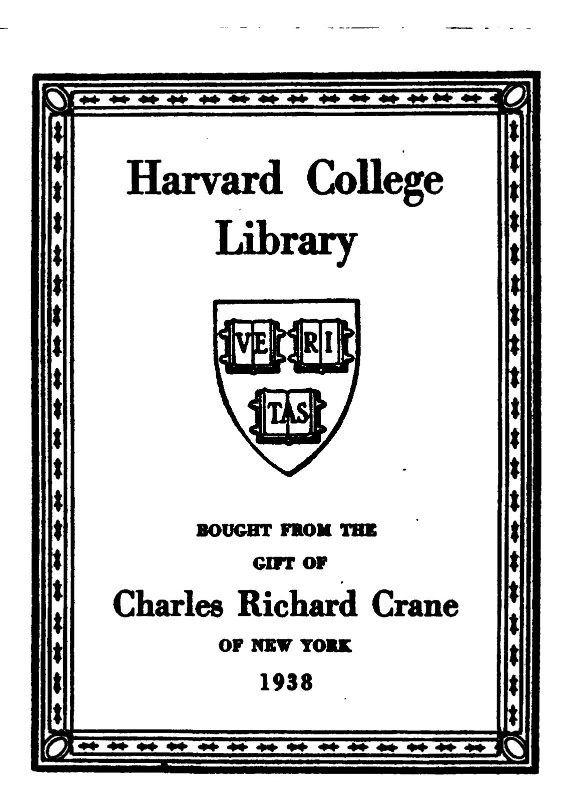
Послѣ всего этого не могу допустить предположенія, что часть моихъ записокъ, въ которой упоминаю въ главныхъ чертахъ о покойной Ольгѣ Сергѣевнѣ, не заинтересуетъ всякаго, кому мало-мальски дорога память ея брата.

Въ этомъ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній описанъ мною, хотя весьма неполно, но, смѣю сказать, добросовѣстно домашній бытъ родителей Александра Сергѣевича и Ольги Сергѣевны, характеръ матери моей, дни ея молодости, замужество, общество, въ которомъ она вращалась и, наконецъ, страдальческая ея кончина.

Не будучи чуждой литературнаго творчества, Ольга Сергѣевна никогда не дѣлилась съ публикой своими произведені-

ями, находя, что,—какъ она выражалась,—le jeu ne vaut pas la chandelle (игра не стоитъ свѣчки), а въ 1854 году она, занимаясь бывшимъ тогда въ модѣ спиритизмомъ, (который впослѣдствіи сама же осмѣяла въ одномъ изъ приводимыхъ мною ниже предсмертныхъ ея стихотвореній. «Что такое спиритизмъ»)—сожгла безъ моего вѣдома, повинуясь явившейся будто бы ей тѣни Александра Сергѣевича, почти всѣ свои старинныя рукописи, въ числѣ которыхъ первое по интересу мѣсто занимали веденныя ею съ молодыхъ лѣтъ на французскомъ языкѣ записки, озаглавленныя «Mes souvenirs». Въ запискахъ этихъ весьма интересно была изложена хроника семействъ Пушкиныхъ, Ганнибаловыхъ и характеристика, посѣщавшихъ домъ ея родителей, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей первой половины текущаго столѣтія. Не имѣя никакой возможности пополнить этотъ пробѣлъ въ моихъ воспоминаніяхъ, я ограничился только тѣмъ, что мать моя сообщала мнѣ изустно. Не подвергся, къ счастію, истребленію хранящійся у меня альбомъ со стихами ея на французскомъ языкѣ и списанными ею любимыми произведеніями ея брата, Жуковскаго, Дельвига, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Мятлева, Веневитинова и другихъ писателей Пушкинской плеяды. Изъ этого альбома привожу нѣсколько ея произведеній, и, кромѣ того, сохранившіяся у меня на отдѣльныхъ листкахъ ея предсмертныя стихотворенія—русскія и французскія, которыя она писала довольно четко, несмотря на постигшую ее неизлѣчимую глазную болѣзнь—умерла она почти слѣпая.

Наконецъ я счелъ не лишнимъ записать въ моихъ воспоминаніяхъ и нѣкоторыя семейныя легенды Пушкинскія. Для большинства читателей легенды эти, носящія на себѣ мистическій характеръ, столь осмѣянный нашимъ положительнымъ вѣкомъ не могутъ представлять особеннаго интереса, но отвожу имъ мѣсто потому, что, завлекая мать мою въ міръ фантазій, онѣ способствовали мистическому настроенію ума ея. Дѣлаю это и потому, что какія бы то ни было событія въ семействѣ Ольги Сергѣевны—будь даже они и плодомъ галлюцинаціи—имѣютъ для меня, какъ для сына ея, немалое зна-


Harvard College
Library
VE RI
TAS
BOUGHT FROM THE
GIFT OF
Charles Richard Crane
OF NEW YORK
1938

цузскіе стихи, даже цѣлыя повѣсти въ стихахъ и былъ душою общества, устраивая домашніе спектакли, собранія и игры— jeux d'esprit, причемъ отличался и въ каламбурахъ, и въ разнообразныхъ, принимаемыхъ имъ на себя, актерскихъ рôляхъ. Мастерскимъ чтеніемъ его комедій Мольера восхищались всѣ, а остроты его, изъ числа коихъ нѣкоторыя, со словъ моей матери, приведены въ собранныхъ покойнымъ П. В. Анненковымъ матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича, ходили по рукамъ. Французскія же его повѣсти написаны были имъ въ альбомѣ, принадлежавшемъ родственницѣ поэта Мицкевича, госпожѣ Воловской, съ которой дѣдъ мой встрѣчался въ Варшавѣ.

При своемъ легкомысленномъ направленіи Сергѣй Львовичъ, хотя и читалъ книги серьезныя, но не любилъ въ бесѣдѣ своей затрагивать политическіе и экономическіе вопросы, и несмотря на то, что перечиталъ у себя всѣ творенія французскихъ энциклопедистовъ прошлаго вѣка, избѣгалъ въ обществѣ всякихъ философскихъ преній и разговоровъ мало-мальски серьезныхъ. Въ жизни практической онъ всегда былъ наивенъ: поручивъ управленіе своимъ Болдинскимъ имѣніемъ въ Нижегородской губерніи своему крѣпостному человѣку М. К—ву, дѣдъ въ это помѣстье не заглядывалъ, чѣмъ К—въ и воспользовался, кончивъ тѣмъ, что самъ разбогатѣлъ. Также небрежно дѣдъ слѣдилъ за дѣлами и Михайловскаго имѣнія, и только въ 1836 году, по смерти Надежды Осиповны, отецъ мой, Николай Ивановичъ Павлищевъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву, проведя въ Михайловскомъ лѣтнее время, выпросилъ у Сергѣя Львовича разрѣшеніе смѣнить плута управляющаго и завести новые порядки, значительно увеличившіе поземельный доходъ. Распоряженія отца моего по этому предмету изложены въ пріобщаемой къ этимъ воспоминаніямъ перепискѣ его съ Александромъ Сергѣевичемъ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, дѣдъ мой довольствовался присылаемыми изъ Михайловскаго двумя-тремя возами домашней замороженной птицы и масла, съ прибавкой сотенъ двухъ-трехъ рублей ассигнаці-

ями, и не терпѣлъ занятій по хозяйству до такой степени, что когда къ нему прибыла изъ деревни депутація крестьянъ съ весьма основательными жалобами на мошенника управляющаго, прогналъ ее, не разспросивъ въ чемъ дѣло. Да и бабка моя, Надежда Осиповна, которой Сергѣй Львовичъ предоставилъ, ради своихъ сибаритскихъ привычекъ, дѣла по хозяйству, хотя и была практичнѣе своего мужа до нѣкоторой степени, но едва ли знала и вѣдала настоящую цѣну вещамъ, а потому въ итогѣ всегда у нихъ получался минусъ, а не плюсъ, на что и намекнулъ въ одной изъ своихъ сатиръ Мятлевъ, подъ названіемъ: «Сельское хозяйство, быль на Руси.»

(„Вотъ управляютъ какъ у насъ:
„Все минусъ, а не плюсъ.
„Ке вуле ву ке л'онъ фассъ?
„Онъ не се па ле Рюссъ").

При такомъ отношеніи къ практическому быту мой дѣдъ и бабка нуждались постоянно, что̀ и отзывалось на дѣтяхъ, не всегда получавшихъ отъ родителей деньги даже на мелкіе расходы. Парадныя комнаты освѣщались канделябрами, а въ комнатѣ моей матери, продававшей зачастую свои брошки и серьги, чтобы справить себѣ новое платье, горѣла сальная свѣча, купленная Ольгою Сергѣевной на сбереженныя ею деньги.

За то въ домѣ дѣда и бабки благоденствовала и процвѣтала поэзія, а благоденствовала и процвѣтала она до такой степени, что и въ передней Пушкиныхъ поклонялись музѣ доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, Никита Тимоѳеевичъ, поклонявшійся одновременно и древнему богу Вакху, — на общемъ основаніи,—состряпалъ нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной имъ изъ сказокъ о «Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ широкогрудомъ Еруcланѣ Лазаревичѣ и златокудрой царевнѣ Миликтрисѣ Кирбитьевнѣ». Безграмотная рукопись Тимоѳеевича, въ концѣ которой нарисованъ имъ въ ужасномъ, по его мнѣнію, видѣ Змѣй-Горыничъ — долгое время хранилась

у моей матери,—затеряна при переѣздѣ Ольги Сергѣевны въ 1851 году изъ Варшавы въ Петербургъ.

Дѣдъ мой по природѣ своей отличался добрымъ, благороднымъ сердцемъ, но, увы! и самодурствомъ. Будучи въ высшей степени вспыльчивъ, онъ во время порывовъ гнѣва забывался. Порывы эти продолжались у него, впрочемъ, недолго и, придя въ себя, онъ раскаивался и просилъ извиненія. Такъ однажды дѣдъ мой въ припадкѣ гнѣва далъ довольно внушительное физическое наставленіе автору баллады о «Соловьѣ разбойникѣ» за плохо вычищенные сапоги или разбитіе лампы, навѣрное не знаю, но послѣ этого наставленія почувствовалъ такое сильное угрызеніе совѣсти, что, надѣвъ шляпу, выскочилъ на улицу и болѣе четверти часа просидѣлъ на тумбѣ, заливаясь горчайшими слезами. Такъ разсказывала мнѣ объ этомъ случаѣ мать.

Сергѣй Львовичъ, женившійся на внучкѣ Ибрагима (Авраама) Петровича Ганнибала, негра Петра Великаго, состоялъ съ женой своей, Надеждой Осиповной, въ родствѣ, такъ какъ мать ея, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, рожденная Пушкина, приходилась ему внучатной сестрою.

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою и въ свѣтѣ прозвали ее совершенно справедливо «прекрасною креолкой» (la belle créole). Въ полномъ блескѣ красоты своей бабка моя изображена на доставшемся мнѣ, какъ выше я упомянулъ, единственномъ ея портретѣ на слоновой кости работы французскаго эмигранта графа Ксаверія де-Местра, автора многихъ литературныхъ произведеній, между прочимъ, «Voyage autour de ma chambre»; графъ любилъ посвящать свои досуги и портретной живописи.

По своему знанію французской литературы и свѣтскости бабка моя совершенно сошлась съ своимъ мужемъ: въ имѣющихся у меня ея письмахъ къ дочери замѣчается безукоризненный стиль какой-нибудь Севинье, а проводя свою молодость сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, среди шумныхъ забавъ большаго свѣта, Надежда Осиповна очаровывала общество красотою, остроуміемъ и неподдѣльною веселостью.

По характеру своему, напротивъ того, она рѣзко отличалась отъ Сергѣя Львовича: никогда не выходя изъ себя, не возвышая голоса, она умѣла, что называется, дуться по днямъ, мѣсяцамъ и даже цѣлымъ годамъ. Такъ, разсердясь за что-то на Александра Сергѣевича, которому въ дѣтствѣ доставалось отъ нея гораздо больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, она играла съ нимъ въ молчанку круглый годъ, проживая подъ одною кровлею; оттого дѣти, предпочитая взбалмошныя выходки и острастки Сергѣя Львовича игрѣ въ молчанку Надежды Осиповны, боялись ея несравненно болѣе, чѣмъ отца. Эта черта своеобразнаго характера бабки моей особенно проявилась рѣзко относительно моего отца, Николая Ивановича, послѣ его свадьбы. Но объ этомъ будетъ мною сказано въ своемъ мѣстѣ.

Не могу не упомянуть кстати, со словъ моей матери, о наказаніяхъ, придуманныхъ Надеждой Осиповной для моего дяди Александра Сергѣевича, чтобы отучить его въ дѣтствѣ отъ двухъ привычекъ: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искорененія первой изъ этихъ привычекъ она завязала ему руки назадъ на цѣлый день, проморивъ его голодомъ; для искорененія же второй—прибѣгала къ слѣдующему: «Жалую тебя моимъ безсмѣннымъ адъютантомъ, ce dont je te félicite» (съ чѣмъ тебя поздравляю)»,—сказала она дядѣ, подавая ему курточку. На курточкѣ красовался пришитый, въ видѣ аксельбанта, носовой платокъ. Аксельбанты мѣнялись въ недѣлю два раза; при аксельбантахъ она заставляла его и къ гостямъ выходить. Въ итогѣ получился требуемый результатъ—Александръ Сергѣевичъ пересталъ и ладони тереть, и платки терять.

Укажу, кромѣ того, и на слѣдующую странность моей бабки: она терпѣть не могла заживаться на одномъ и томъ же мѣстѣ и любила мѣнять квартиры; если переѣзжать, паче чаянья, было нельзя, то она превращала, не спрашивая Сергѣя Львовича, снисходившаго къ ея причудамъ, кабинетъ его въ гостиную, спальню въ столовую и обратно, мѣняя обои, переставляя мебель и прочее.

Сергѣй Львовичъ пережилъ свою жену на 12 слишкомъ лѣтъ, а сына-поэта — на 11 лѣтъ; скончался онъ въ іюлѣ 1848 года, а бабка — въ 1836 году, въ самый день Пасхи, во время заутрени. Но и объ этомъ скажу ниже болѣе подробно.

II.

Воспріемникомъ матери моей Ольги Сергѣевны былъ братъ ея дѣда съ материнской стороны генералъ-поручикъ Иванъ Ибрагимовичъ Ганнибалъ, сынъ крестника Петра Великаго, негра Ибрагима (Авраама) Петровича, родоначальника Ганнибаловъ, Наваринскій герой и основатель Херсона, гдѣ ему воздвигнутъ и памятникъ.

Александръ Сергѣевичъ, воспѣвая его въ своей родословной, говоритъ такъ:

... „И былъ отецъ онъ *) Ганнибала **),
„Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
„Громада кораблей вспылала
„И палъ впервые Наваринъ“...

Какъ извѣстно уже изъ упомянутыхъ мною выше, собранныхъ П. В. Анненковымъ, матеріаловъ, въ числѣ которыхъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ эпизодъ о дѣтствѣ Александра Сергѣевича, написанный моимъ отцомъ, Николаемъ Ивановичемъ Павлищевымъ, со словъ покойной Ольги Сергѣевны, Иванъ Ибрагимовичъ (скончавшійся въ 1800 г.) былъ опекуномъ племянницы своей, бабки моей Надежды Осиповны. Онъ употребилъ всѣ мѣры расторгнуть второй бракъ своего брата Осипа, который, при живой женѣ своей, Маріи Алексѣевнѣ, обвѣнчался, при помощи фальшиваго свидѣтельства о смерти супруги, съ Устиньей Ермолаевной Толстой, и достигнулъ цѣли; энергически вступился Иванъ Ибрагимовичъ за права брошенной своей невѣстки. Марьѣ

*) Негръ, Авраамъ Петровичъ.

**) Ивана Авраамовича.

Алексѣевнѣ вслѣдствіе этого отдана была дочь ея, Надежда Осиповна, а мужъ ея, второй бракъ котораго былъ уничтоженъ, поселился въ своей вотчинѣ Михайловскомъ, гдѣ и скончался въ 1807 году, когда матери моей, т. е. внучкѣ его, было уже десять лѣтъ; не видался онъ, со времени окончанія дѣла, ни съ дочерью, ни съ женой Марьей Алексѣевной, которая по окончаніи бракоразводнаго процесса, продавъ сосѣднее свое имѣніе Кобрино и пріобрѣтя подмосковное сельцо Захарьино, поселилась въ домѣ своего зятя Сергѣя Львовича и не покидала уже этотъ домъ до самой своей смерти въ 1819 году. Затѣмъ, какая судьба постигла обманутую Осипомъ Ибрагимовичемъ Устинью Ермолаевну—мнѣ неизвѣстно.

Окончательно поселясь у Пушкиныхъ, Марья Алексѣевна Ганнибалъ была первой наставницей своей внучки и внуковъ. Обладая изящнымъ слогомъ, которымъ любовались всѣ, читавшіе ея письма, она обучала мать мою и братьевъ ея Александра и Льва Сергѣевичей сначала русской грамотѣ, а впослѣдствіи и русской словесности. Какъ она, такъ и дядя ихъ Василій Львовичъ, возившій въ 1811 году Александра Сергѣевича для опредѣленія въ Царскосельскій лицей, имѣли на молодыхъ Пушкиныхъ самое благотворное вліяніе своими кроткими внушеніями, религіозными убѣжденіями и возвышенною душою. Пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ Василій Львовичъ рѣзко отличался своимъ характеромъ отъ своего брата Сергѣя: мать моя не помнитъ, сердился ли онъ когда-нибудь и возвышалъ ли голосъ, а если разошелся съ своей легкомысленной женой Капитолиной Михайловной, рожденной Вышеславской, то отнюдь не по своей винѣ, и понятно, что всѣ, кто его только зналъ и любилъ, (а знала его и любила вся Москва), очутились безусловно на его сторонѣ. Василій Львовичъ былъ настолько уменъ, что не обижался, если иногда надъ нимъ друзья его и подшучивали. Такъ онъ расхохотался хотя мѣткой, но исполненной деликатности, шуткѣ своего большаго пріятеля, литератора И. И. Дмитріева, выразившейся въ формѣ напечатаннаго только для тѣснаго кружка друзей стихотворенія: «Путеше-

ствіе Василія Львсвича въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія», съ нарисованной на Василія Львовича карикатурой. Не разсердился онъ и на выходку того же Дмитріева, когда послѣдній сказалъ ему: «Эхъ, братъ, Василій Львовичъ! много, много написалъ ты на своемъ вѣку, а все-таки лучшее твое произведеніе нецензурный «Опасный сосѣдъ», да и тотъ приписываютъ не тебѣ, а твоему племяннику».

Василій Львовичъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ погостить у своего брата, ввелъ его въ кружокъ первоклассныхъ литераторовъ: Дмитріевъ, Жуковскій, исторіографъ Карамзинъ, Батюшковъ, князь Вяземскій стали обычными посѣтителями моего дѣда. Впослѣдствіи, съ выпускомъ Александра Сергѣевича изъ лицея, а Льва Сергѣевича изъ университетскаго пансіона, кружокъ этотъ увеличился товарищами и друзьями дяди Александра — барономъ А. А. Дельвигомъ, В. В. Кюхельбекеромъ, А. С. Грибоѣдовымъ, барономъ М. А. Корфомъ, П. А. Плетневымъ, Е. А. Баратынскимъ и С. А. Соболевскимъ, изъ числа которыхъ Пушкинъ особенно былъ друженъ съ двумя первыми и Плетневымъ, а впослѣдствіи съ Соболевскимъ и Данзасомъ.

Итакъ, Марья Алексѣевна Ганнибалъ и Василій Львовичъ Пушкинъ были первыми руководителями моей матери. Имѣли также вліяніе на ея нравственное воспитаніе и незабвенныя тетки ея по отцу — Анна Львовна Пушкина, скончавшаяся въ дѣвицахъ, и Елизавета Львовна, вышедшая замужъ за душевнаго друга Сергѣя Львовича — Матвѣя Михайловича Сонцова, превосходившаго моего дѣда въ остротахъ и шуткахъ; на этой-то почвѣ они и сошлись послѣ слѣдующей шутки Матвѣя Михайловича: «Вотъ милый другъ, Пушкинъ, ты говоришь, что фамилія Пушкиныхъ древнѣе фамиліи моей—Сонцовыхъ; быть можетъ по геральдикѣ, а не по существу: сонъ былъ извѣстенъ вселенной, когда ей о пушкѣ еще и не снилось».

Общей нянею моей матери и братьевъ ея была, получившая отпускную, приписанная по Кобрину и воспѣтая Але-

ксандромъ Сергѣевичемъ, Ирина Родіоновна, какъ извѣстно, въ слѣдующихъ стихахъ:

„Подруга дней моихъ суровыхъ,
„Голубка дряхлая моя!
„Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
„Давно, давно ты ждешь меня"... и проч.

Приставленная сперва къ моей матери, со дня рожденія Ольги Сергѣевны, она уже потомъ стала няней ея братьевъ, отдавая все-таки предпочтеніе первенцу—Ольгѣ Сергѣевнѣ,—что̀ и доказала, переѣхавъ въ домъ отца моего тотчасъ послѣ его свадьбы, гдѣ мать моя и закрыла ей глаза въ концѣ 1828 года.

Какъ выше сказано, Ольга Сергѣевна обучалась отечественному языку у своей бабки, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, а Законъ Божій преподавалъ ей священникъ Маріинскаго института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ до ея семнадцатилѣтняго возраста. Обладая въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ прекраснымъ переводомъ своимъ по-русски «Духа Масильона», а также краснорѣчивыми проповѣдями. Въ гостиной Пушкиныхъ онъ бесѣдовалъ съ пользовавшимися широкимъ—à deux battants—гостепріимствомъ дѣда моего и бабки французскими эмигрантами на ихъ же языкѣ и весьма ловко, при возникающихъ во время этихъ бесѣдъ съ поклонниками Дидро и Вольтера преніяхъ, поражалъ собственнымъ же оружіемъ этихъ господъ — колкой насмѣшкой. Бѣликовъ, какъ мнѣ разсказывала мать, продолжалъ посѣщать домъ дѣда и бабки еще долгое время по окончаніи ея воспитанія и неоднократно, ведя съ нею философскіе въ духѣ христіанства разговоры, увѣщевалъ ее не предаваться чтенію имѣвшихся у ея родителей произведеній софистовъ прошлаго вѣка, называя ихъ по-французски же: «les apôtres du diable», причемъ подарилъ ей на память составленное неизвѣстнымъ испанскимъ авторомъ и переведенное на русскій языкъ сочиненіе въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ: «Торжество Евангелія, или записки свѣтскаго чело-

вѣка, обратившагося отъ заблужденій новой философіи. Сочиненіе, въ которомъ побѣдоносными образомъ поражаются лжемудрствованія невѣрія и въ коемъ доказывается истина христіанской вѣры». Подарокъ Бѣликова, составляющій нынѣ, если не ошибаюсь, библіографическую рѣдкость, мать моя считала весьма цѣннымъ и подарила мнѣ его на память, въ свою очередь, въ день моего поступленія въ университетъ. Книгу эту я храню, какъ священное для меня о моей матери воспоминаніе.

Бѣликовъ умѣлъ снискивать себѣ расположеніе всѣхъ, кто только посѣщалъ домъ моего дѣда и бабки, своей сдержанностью, безобиднымъ остроуміемъ и, несмотря на свою рясу, салоннымъ тактомъ. Уважалъ его и перебывавшій въ этомъ семействѣ легіонъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Затѣмъ скажу и объ этихъ господахъ пару словъ.

Именно господъ и госпожъ этихъ перебывалъ легіонъ; имена же ихъ знаетъ одинъ Господь; изъ нихъ выбираю эссенцію, а именно, несноснаго, капризнаго самодура Русло̀, да достойнаго его преемника, по тѣмъ же качествамъ, Шеделя, въ рукахъ которыхъ находилось обученіе дѣтей всѣмъ почти наукамъ. Къ счастію, не отдали въ ихъ распоряженіе русскій языкъ, да православный катехизисъ.

Изъ нихъ Русло̀, а не Шедель, какъ ошибочно сказано въ матеріалахъ Анненкова, нанесъ оскорбленіе юному своему питомцу Александру Сергѣевичу, одиннадцатилѣтнему ребенку, расхохотавшись ему въ глаза, когда ребенокъ написалъ для своихъ лѣтъ вполнѣ геніальную стихотворную шутку «La Tolyade» въ подражаніе «Генріадѣ». Изображая битву между карлами и карлицами, дядя прочелъ гувернеру начальное четверостишіе:

Je chante ce combat que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une terible escarmouche.»

Русло̀ довелъ Александра Сергѣевича до слезъ, осмѣявъ безжалостно всякое слово этого четверостишія, и, имѣя самъ

претензію писать французскіе стихи не хуже Корнеля и Расина, разсудилъ, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надеждѣ Осиповнѣ, обвиняя ребенка въ лѣности и праздности. Разумѣется, въ глазахъ Надежды Осиповны дитя оказалось виноватымъ, а самодуръ правымъ, и она, не знаю какимъ образомъ, наказала сына, а самодуру за педагогическій талантъ прибавила жалованье. Оскорбленный ребенокъ разорвалъ и бросилъ въ печку стихи свои, а непомѣрно усерднаго наставника возненавидѣлъ со всѣмъ пыломъ африканской своей крови.

Преемникъ Русло̀, Шедель, былъ тоже экземпляръ своего рода: свободные отъ занятій съ дѣтьми досуги проводилъ онъ въ передней, играя съ дворней въ дурачки, за что̀, въ концѣ концовъ, и получилъ отставку. Все это разсказала мнѣ мать.

Въ рукахъ этихъ-то господъ находилось первоначальное образованіе моей матери и ея брата и, смѣло скажу, умственнымъ своимъ развитіемъ мать моя обязана самой себѣ, точно такъ же, какъ и братъ ея.

Порицая Русло̀ и Шеделя, не могу однако ставить съ этими чудаками на одну доску воспитателя дѣтей, тоже французскаго эмигранта, графа Монфора, человѣка образованнаго, гуманнаго, чуждаго вполнѣ того, что̀ называютъ французы maniere de goujat (казарменныхъ выходокъ). Графъ Монфоръ, живописецъ далеко незаурядный, подмѣтивъ въ моей матери охоту къ рисованію, очень этому обрадовался и подъ его руководствомъ она сдѣлала первые шаги въ искусствѣ. Впослѣдствіи Ольга Сергѣевна обучалась съ большимъ успѣхомъ живописи у графа Ксаверія де-Местра и прекрасно рисовала портреты акварелью. Не былъ ей чуждъ и каррикатурный жанръ.

Гувернантки были сноснѣе гувернѐровъ, хотя и не блистали напускными педагогическими ухватками. Но изъ нихъ бо̀льшая часть по образованію и уму стояла ниже всякой критики, поражая своею наивностію. Такъ, одна изъ нихъ удивлялась, какимъ образомъ волки не прогуливаются по улицамъ Москвы, какъ о томъ ей разсказывали, когда она поѣхала въ Россію изъ родины своей—отчизны Вильгельма Телля; а дру-

гая тоже удивлялась, что въ Россіи дессертомъ послѣ обѣда не служатъ сальныя свѣчки. Но всѣ эти гувернантки были женщины добрыя, искренно любившія своихъ питомцевъ. Въ особенности выдѣлялась своей, такъ сказать, материнской нѣжностью къ Ольгѣ Сергѣевнѣ англичанка, миссъ Белли, кончину которой питомица ея горько оплакивала. Миссъ Белли развила въ матери моей любовь къ англійской словесности, познакомивъ ее съ образцовыми произведеніями Шекспира, особенно съ «Макбетомъ», котораго она ставила выше другихъ трагедій знаменитаго поэта. Подъ руководствомъ миссъ Белли Ольга Сергѣевна и изучила англійскій языкъ основательно.

Живопись, какъ я сказалъ уже, была любимымъ искусствомъ моей матери; она полюбила было и музыку, но, къ сожалѣнію, дѣло испортилъ приставленный къ ней въ качествѣ преподавателя фортепіанной игры неудавшійся танцмейстеръ, нѣмецъ Гринвальдъ; барабаня безпощадно на клавикордахъ, принадлежавшихъ едва ли не дѣду моей бабки, негру Ибрагиму Петровичу, — другаго же болѣе приличнаго инструмента не водилось,—Гринвальдъ пробовалъ также безпощадно силы мышцъ своихъ и на ученикахъ; придя въ музыкальный восторгъ, онъ такъ больно ударилъ бѣдную Ольгу Сергѣевну линейкою по рукѣ, что она вскрикнула: «Monsieur Grünwald, vous me faites mal!» — «Et qui vous dit que je ne veux pas vous faire du mal?», счелъ за благо отвѣчать нѣмецъ.

Блистательный результатъ подобной музыкальной школы не замедлилъ обнаружиться—музыка опротивѣла Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Кромѣ посѣщавшихъ дѣда моего замѣчательныхъ лицъ, которыя не могли не повліять на развитіе умственной дѣятельности моей матери, и характеръ которыхъ, каждаго въ особенности, она очертила, насколько мнѣ помнится, превосходно въ уничтоженныхъ ею впослѣдствіи запискахъ, — обычными гостями ея родителей были французскіе эмигранты въ родѣ графа Бурдибура, Кашара и виконта Сентъ-Обена (о графѣ де-Местрѣ я сказалъ выше); эти такъ называемые «habitués» находили у дѣда и бабки и радушный русскій пріемъ, безуко-

ризненный, родной имъ французскій говоръ. Въ числѣ эмигрантокъ блистала остроумной бесѣдой и талантливая, между прочимъ, піанистка Першеронъ де-Муши, вышедшая впослѣдствіи замужъ за знаменитаго Фильда.

III.

Отношенія Александра Сергѣевича къ сестрѣ были самыя дружественныя, начиная съ дѣтства и до самой его кончины. Она была товарищемъ его дѣтскихъ игръ. Вопреки безсмысленныхъ преслѣдованій гувернера Русло̀, дядя мой, забираясь въ библіотеку отца, перечитывалъ французскія комедіи Мольера, и подъ впечатлѣніемъ такого чтенія самъ сталъ упражняться въ писаніи подобныхъ же комедій, по-французски же. Братъ и сестра для представленія этихъ комедій соорудили въ дѣтской сцену, причемъ онъ былъ и авторомъ пьесъ и актеромъ, а публику изображала она. Въ числѣ этихъ комедій была носившая названіе «Escamoteur» (Похититель), сильно не понравившаяся Ольгѣ Сергѣевнѣ; она, въ качествѣ публики, освистала этого «Похитителя», что и послужило дядѣ поводомъ къ слѣдующему четверостишію:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est il sifflé par le parterre?
Helas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière *).

Въ 1814 году Александръ Сергѣевичъ, будучи въ лицеѣ, написалъ извѣстное посланіе къ сестрѣ:

„Ты хочешь, другъ безцѣнный,
„Чтобъ я, поэтъ младой,
„Бесѣдовалъ съ тобой"... и проч.

Посланіе это написалъ онъ въ пяти экземплярахъ на простой сѣрой бумагѣ. Одинъ изъ нихъ мать моя подарила мнѣ на память.

*) Скажи мнѣ, почему «Похититель» освистанъ партеромъ? Увы! потому, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера.

По воскресеньямъ и праздникамъ родные посѣщали царскосельскихъ питомцевъ, такъ какъ воспитанники лицея на домъ не отпускались. (Правило это строго соблюдалось при первомъ директорѣ Малиновскомъ; но при его преемникѣ, Энгельгардтѣ, оно нѣсколько разъ было то отмѣняемо, то возстановляемо). Тутъ-то во время этихъ посѣщеній дядя мой читывалъ своей сестрѣ поэтическія произведенія своей юной лицейской музы, спрашивая ея совѣтовъ, такъ какъ сознавалъ тонкость ея вкуса и мѣткость ея замѣчаній. Она, съ своей стороны, обмѣнивалась съ нимъ мыслями, сама стараясь развивать себя умственно и пополнять пробѣлы домашняго своего образованія.

Пополненіемъ этихъ пробѣловъ послужили ей бесѣды съ Державинымъ (въ ея дѣтствѣ), а потомъ съ Жуковскимъ, другомъ его П. А. Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и, какъ упомянуто выше, со священникомъ А. И. Бѣликовымъ. Отецъ же ея, Сергѣй Львовичъ, ограничивался тѣмъ, что по вечерамъ занималъ ее мастерскимъ чтеніемъ французскихъ классиковъ, въ особенности Мольера, но безъ всякихъ объясненій и разбора, читая все, что ни попадется ему подъ руку; за то обширная библіотека его открыта была настежъ и пищею для любознательности матери моей послужили находившіяся въ шкафахъ сочиненія Декарта, Спинозы, Галля, Лафатера, Локка, Гельвеція, Вольфа, Канта, Вольтера, Руссо, Дидро и проч. Этой же библіотекѣ, часть которой подарена была Ольгѣ Сергѣевнѣ моимъ дѣдомъ послѣ ея замужества, а затѣмъ перешла ко мнѣ, мать моя обязана пріобрѣтеніемъ познаній въ астрономіи (по руководству Albert Montemont: «Lettres sur l'astronomie»), зоологіи, ботаникѣ, исторіи всеобщей и отечественной, а также основательнымъ изученіемъ французскихъ, англійскихъ и италіянскихъ классиковъ. Нѣмецкая же словесность далась ей гораздо труднѣе, точно такъ же, какъ и Александру Сергѣевичу.

Однимъ изъ любимыхъ занятій Ольги Сергѣевны въ молодые годы ея было изученіе физіогномистики и френологіи, такъ что сочиненія Лафатера и Галле сдѣлались ея настоль-

ными книгами, съ помощію которыхъ она, какъ говорила, безошибочно распознавала характеръ людей; занялась она слѣдовательно и хиромантіей, сама иногда изумляясь своимъ предсказаніямъ, изъ которыхъ привожу два примѣра. Однажды Александръ Сергѣевичъ, вскорѣ послѣ выпуска своего изъ лицея, убѣдительно сталъ просить ее посмотрѣть его руку. Ольга Сергѣевна долго не соглашалась на это, но уступивъ наконецъ усиленной просьбѣ брата, взяла его руку, долго на нее глядѣла и, заливаясь слезами, сказала ему цѣлуя эту же руку:

— Зачѣмъ, Александръ, принуждаешь меня сказать тебѣ, что боюсь за тебя?.. Грозитъ тебѣ насильственная смерть и еще не въ пожилые годы.

Какъ извѣстно предсказаніе сбылось въ 1837 году.

Подобную же насильственную кончину Ольга Сергѣевна предсказала своему родственнику А. Г. Батурину, поручику лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Онъ за два дня до своей кончины провелъ у Пушкиныхъ, родителей Ольги Сергѣевны, вечеръ въ полномъ цвѣтѣ здоровья и юношескихъ силъ. Разговоръ зашелъ о хиромантіи, и Ольга Сергѣевна, посмотрѣвъ его руку, сказала:

— По рукѣ вашей вы не умрете естественной смертію; впрочемъ, не вѣрьте моимъ хиромантическимъ познаніямъ.

На третій же день послѣ этого предсказанія Батуринъ палъ отъ руки убійцы. Солдатъ полка, въ которомъ служилъ Батуринъ, пылая местью къ наказавшему его жестокому фельдфебелю, рѣшился его умертвить, а для ободренія себя къ злодѣянію напился до-пьяна и, ворвавшись въ казарменную комнату, гдѣ думалъ встрѣтить намѣченную жертву, бросился съ ножомъ на Батурина, принявъ его за предметъ своей мести. Батуринъ тутъ же испустилъ духъ.

Вопросы отвлеченные, — кто я, что я и для чего я — надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ усердно трудились мыслители двухъ прошедшихъ столѣтій, были главнымъ предметомъ умозрительныхъ и, въ полномъ смыслѣ, мучительныхъ изслѣдованій моей матери. Занятія френологіей и дочерью этой

науки — хиромантіей, не мѣшали, однако, Ольгѣ Сергѣевнѣ смотрѣть въ молодости своей на философскіе предметы съ точки зрѣнія большинства вышеупомянутыхъ мыслителей, но впослѣдствіи она исполнилась убѣжденія, что одни лишь философы-христіане могутъ вывести ее изъ лабиринта.

Перелому въ ея взглядахъ способствовалъ главнымъ образомъ А. И. Бѣликовъ; онъ велъ съ нею безъ (свойственныхъ лицамъ его званія схоластическихъ пріемовъ) весьма оживленныя пренія и, разумѣется, достигъ чего желалъ: Ольга Сергѣевна, увлеченная его методическими опроверженіями Руссо, Вольтера и tutti quanti, опроверженіями шагъ за шагомъ, притомъ исполненными ѣдкихъ надъ этими господами насмѣшекъ, пришла къ заключенію о несостоятельности системъ вполнѣ гадательныхъ и стала уже разъяснять себѣ тревожившіе ея вопросы путемъ христіанскаго ученія. Къ сожалѣнію, она, желая постичь т а й н ы г р о б а р о к о в ы я, увлеклась во второй половинѣ жизни своей мистицизмомъ, въ особенности послѣ насильственной кончины брата; она вспомнила свое ему предсказаніе, а кстати вспомнила и довольно загадочныя происшествія въ семействѣ Пушкиныхъ, на которыя она, не смотря на то, что записала ихъ, не обращала прежде особеннаго вниманія. Но обо всемъ этомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, а теперь, возвращаясь къ хронологическому изложенію воспоминаній о моей матери, скажу, что она считала безполезною тратою времени всѣ балы и рауты, къ которымъ были такъ падки ея родители и на которыхъ она, какъ говорятъ французы, à son corps défendant, должна была присутствовать, по приказанію Надежды Осиповны; предпочитала она бесѣду съ книгами, ставя выше всего, по ея выраженію, жизнь с о з е р ц а т е л ь н у ю, почерпая въ красотахъ природы, поэтическихъ своихъ вдохновеніяхъ и живописи самое высокое наслажденіе. Въ одномъ изъ сохранившихся у меня ея писемъ мать моя говоритъ между прочимъ:

«Le despotisme de mes parents dans ma jeunesse, et ensuite les soucis et revers m'ont fait manquer ma vocation. J'étais née pour mener une vie contemplative, mais non pour la lutte avec

les vicissitudes d'une existence problématique ici bas, entre deux éternités—lutte pénible, et insupportable»...

(Деспотизмъ моихъ родителей въ моей молодости, а потомъ заботы и злоключенія заставили меня измѣнить моему призванію. Появилась я на свѣтъ для жизни созерцательной, но не для борьбы съ обстоятельствами загадочнаго существованія земнаго, между двумя вѣчностями,—борьбы трудной и невыносимой).

Письмо это она заключаетъ любимыми стихами ея брата:

„Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, на что ты мнѣ дана?...“

...вполнѣ раздѣляя взглядъ его и сочувствуя изложеннымъ въ этихъ стихахъ мыслямъ.

IV.

Дѣдъ и бабка проводили весну и лѣто ежегодно съ Ольгой Сергѣевной, а въ 1818 году и съ Александромъ Сергѣевичемъ въ сельцѣ Михайловскомъ. (Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи), принадлежавшемъ Надеждѣ Осиповнѣ, которая предназначала это имѣніе моей матери; но такъ какъ бабка скончалась, не оставивъ завѣщанія, то послѣ ея смерти и послѣдовалъ раздѣлъ по закону: Александръ Сергѣевичъ, выплативъ сестрѣ соотвѣтственную часть, удержалъ имѣніе за собою.

Сосѣдями Пушкиныхъ, во время пребыванія ихъ въ Михайловскомъ, оказались родственники ихъ Ганнибалы, хлѣбосольство которыхъ, радушіе, доброта и порою навязчивое гостепріимство вошли у прочихъ сосѣдей въ пословицу: «Это чтò за Ганнибальщина?» — говаривалъ зачастую сосѣдній съ Ганнибалами помѣщикъ другому же помѣщику, къ которому пріѣзжалъ погостить, если этотъ послѣдній не отпускалъ его, приказывая отпречь лошадей, пряча его саквояжи и продѣлывая тому подобныя штуки, въ производствѣ которыхъ изощрялись оба дяди Ольги Сергѣевны — Петръ и Павелъ Исааковичи Ганнибалы. Они были олицетвореніе пыл-

кой африканской и широкой русской натуры, безшабашные кутилы, но люди такого рѣдкаго, честнаго, чистаго сердца, которые, чтобы выручить друзей изъ бѣды, помочь нуждающимся, не жалѣли ничего и рады были лѣзть въ петлю.

И Петръ, и Павелъ Исааковичи были людьми веселыми, въ особенности Павелъ, придумававшій для гостей всевозможныя забавы, лишь бы имъ не было скучно въ деревенской глуши. Веселость его выразилась, между прочимъ, какъ разсказывала мнѣ мать, въ слѣдующемъ экспромптѣ, который онъ пропѣлъ во главѣ импровизованнаго хора безчисленныхъ деревенскихъ своихъ родственниковъ, когда, вооруженный бутылкой шампанскаго, онъ постучалъ утромъ въ дверь комнаты, предоставленной пріѣхавшему къ нему племяннику Александру Сергѣевичу, желая поздравить дядю съ именинами:

„Кто-то въ двери постучалъ:
„Подполковникъ Ганнибалъ,
„Право-слово, Ганнибалъ,
„Пожалуйста, Ганнибалъ,
„Сдѣлай милость, Ганнибалъ,
„Свѣтъ, Исакычъ, Ганнибалъ,
„Тьфу, ты пропасть! Ганнибалъ!“

(Стихи сообщены моею матерью).

Александръ Сергѣевичъ, только-что выпущенный тогда изъ лицея, очень его полюбилъ, что̀ однако не помѣшало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павелъ Исааковичъ въ одной изъ фигуръ котильона отбилъ у него дѣвицу Лошакову, въ которую, несмотря на ея дурноту и вставные зубы, Александръ Сергѣевичъ по̀-уши влюбился. Ссора племянника съ дядей кончилась минутъ черезъ десять мировой и... новыми увеселеніями, да пляской, причемъ Павелъ Исааковичъ за ужиномъ возгласилъ, подъ вліяніемъ Вакха:

„Хоть ты, Саша, среди бала
„Вызвалъ Павла Ганнибала;
„Но, ей Богу, Ганнибалъ
„Ссорой не подгадитъ балъ!“

(Сообщено моей матерью).

Дядя тутъ же, при публикѣ, бросился ему въ объятія.

Въ тотъ же годъ моя мать и дядя видѣлись съ престарѣлымъ братомъ ихъ дѣда, Петромъ Ибрагимовичемъ (Авраамовичемъ) Ганнибаломъ, сыномъ родоначальника этой фамиліи, ихъ прадѣда, генералъ-аншефомъ отъ артиллеріи. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ и скончался въ 1822 году, имѣя болѣе девяноста лѣтъ отъ роду.

Петръ Ибрагимовичъ очень приласкалъ Ольгу Сергѣевну и въ особенности обрадовался тому, что Александръ Сергѣевичъ, котораго онъ угостилъ настойкой, повистовалъ ему не поморщась.

По словамъ моей матери Ганнибалъ впалъ тогда въ такую забывчивость, что не помнилъ своихъ близкихъ. Такъ напримѣръ, желая разсказать о посѣщеніи имъ своего сына, онъ говорилъ:

— Вообразите мою радость: ко мнѣ надняхъ заѣзжалъ... да вы его должны знать... ну, прекрасный молодой офицеръ... еще недавно женился въ Казани... какъ бишь его... еще хотѣлъ побывать въ Петербургѣ... ну... хотѣлъ купить домъ въ Казани...

— Да это Веніаминъ Петровичъ,—подсказала ему его внучка Ольга Сергѣевна.

— Ну да, Веня, сынъ мой; что же раньше не говорите? Эхъ вы!..

Пребываніе Ольги Сергѣевны въ Михайловскомъ было для нея отрадой. Окруженная веселыми сосѣдями, отводя съ ними душу, она забывала порою тягостный для нея деспотизмъ родителей, которому Ганнибалы не давали черезчуръ разгуливаться; но съ осени, съ переѣздомъ въ сѣверную Пальмиру, начиналась родительская музыка: надоѣданья изъ-за пустяковъ, придирки и тому подобныя угощенія. Мать моя, однако, выдержала все это дольше своихъ братьевъ — Александра и Льва. Первый изъ нихъ едва ли не нарочно, лишь бы бѣжать отъ родителей, провинился въ 1820 году стихами: «Ода на свободу», за которые и удаленъ былъ изъ Петербурга, а второй равномѣрно бѣжалъ изъ дома, записавшись въ 1826 году тай-

комъ отъ отца и матери въ Нижегородскій драгунскій полкъ, на Кавказъ: «Nous trois nous avons fui la maison, говорила мнѣ мать, car le joug était insoutenable». («Мы трое бѣжали изъ дома, такъ какъ иго было невыносимо»). Дѣтей пилила въ особенности Надежда Осиповна, а въ довершеніе страданій Ольги Сергѣевны, она въ 1819 году лишилась горячо любившей бабки своей, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, послѣ чего и заступаться за Ольгу Сергѣевну было некому. Отъ родительскаго гнета избавилъ ее, какъ увидимъ ниже, только 9 лѣтъ спустя отецъ мой.

Послѣ разлуки съ сестрой Александръ Сергѣевичъ переписывался съ нею, сообщая въ живыхъ разсказахъ свои путевыя впечатлѣнія и раскрывая ей все, что у него накипало на душѣ. Къ сожалѣнію, бо̀льшая часть этихъ писемъ утрачена, а уцѣлѣвшія у меня, нося на себѣ характеръ совершенно интимный, не могутъ представлять особеннаго интереса для публики. Нѣкоторыя же приписки моего дяди къ сестрѣ напечатаны въ брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Москвѣ (въ типографіи С. Селивановскаго), подъ заглавіемъ: «Письма А. С. Пушкина къ брату Льву Сергѣевичу» (съ 1820 по 1836 годъ включительно), и сообщены въ копіи редакціи «Библіографическихъ Записокъ» Сергѣемъ Александровичемъ Соболевскимъ съ разрѣшенія вдовы дяди Льва Сергѣевича, Елизаветы Александровны Пушкиной, рожденной Загряжской.

Упомянувъ о второмъ братѣ моей матери, Львѣ, въ честь котораго и дано мнѣ при крещеніи имя, считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Обладая умомъ, далеко недюжиннымъ, Левъ Сергѣевичъ образовалъ себя самъ, подобно сестрѣ, чтеніемъ научныхъ книгъ въ отцовской библіотекѣ, убѣдясь, что вся преподаваемая премудрость по системѣ Русло̀, Шеделя и прочихъ имъ подобныхъ фокусниковъ, критики не выдерживаетъ; такимъ образомъ онъ обязанъ самъ себѣ поступленіемъ въ бывшій университетскій пансіонъ, послѣ блистательно выдержаннаго пріемнаго экзамена. Въ этомъ заведеніи Левъ Сергѣевичъ и кончилъ курсъ. Одаренный громадной памятью, онъ не только

декламировалъ произведенія своего брата наизусть, чѣмъ иногда не на шутку бѣсилъ его, но и самъ порой увлекался вдохновеніемъ музы, которую, однако, держалъ подъ спудомъ: самолюбіе не позволяло ему состязаться съ колоссальнымъ талантомъ брата. Левъ Сергѣевичъ, записавшійся, какъ сказано выше, «уходомъ» въ неоднократно покрывшій себя славой Нижегородскій драгунскій полкъ, отличился беззавѣтной, вполнѣ «львиной», какъ выражалась мать моя, храбростью въ кампаніяхъ персидской, турецкой и затѣмъ польской. Покойный фельдмаршалъ Паскевичъ очень любилъ его, украсивъ его грудь многочисленными знаками отличія; дядя въ особенности проявилъ свою отвагу въ сраженіи подъ Елисаветполемъ. Привожу для примѣра слѣдующую черту его находчивости въ названномъ сраженіи:

Когда нижегородцы понеслись въ атаку, одинъ изъ молодыхъ солдатъ, оробѣвъ, пустился наутекъ. «Пушкинъ!» — закричалъ полковой командиръ,—«видишь этого подлеца, догоняй его, руби его—онъ полкъ безчеститъ!»—«Сабля тупа»,— нашелся Левъ Сергѣевичъ, взявъ подъ козырекъ, и пришпоривъ коня, воскликнулъ: «За мной ребята»!—Черезъ нѣсколько минутъ непріятельская колонна обратилась въ бѣгство. Орденъ св. Владиміра былъ наградой моему дядѣ за этотъ подвигъ.

Будучи храбръ на войнѣ «до отчаянія», Левъ Сергѣевичъ, въ противоположность своему брату, никогда не выходилъ на дуэли, считая поединки не доказательствомъ храбрости, а храброваніемъ, «родомонтадой», какъ выражаются французы.

Находясь во время службы въ обществѣ бретеровъ, (а бретерство было въ модѣ), онъ никогда не имѣлъ съ ними никакихъ столкновеній; напротивъ того, эти же бретеры относились къ нему съ должнымъ уваженіемъ и любили его; во избѣжаніе же непріятныхъ исторій дядя, между прочимъ,— даже за бутылкой — никому не говорилъ «ты»; не «тыкалъ» онъ и своего закадычнаго пріятеля Ушакова, считая это мѣстоименіе никакой дружбы недоказывающимъ,—сущимъ, какъ онъ выразился однажды матери моей, ядомъ, источникомъ пошлой фамильярности, слѣдовательно «разглупѣйшихъ»

(его собственное выраженіе) дуэлей; а происходятъ онѣ именно отъ фамильярнаго обращенія, корень котораго и есть пагубное «ты». Этого мѣстоименія, по мнѣнію дяди Льва, Александру Сергѣевичу слѣдовало бы избѣгать какъ огня. «Неужели до сихъ поръ не дознано Сашкой братомъ», сказалъ онъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, — что «опаснѣе врага фамильярный другъ»? Ко Льву Сергѣевичу и я еще возвращусь, а теперь возвращаюсь къ послѣдовательному разсказу.

Кончина Марьи Алексѣевны Ганнибалъ въ 1819 году, а затѣмъ и неожиданная разлука съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, высланнымъ изъ Петербурга въ слѣдующемъ, 1820 году, повліяли какъ нельзя болѣе неблагопріятно на характеръ моей матери; родительскіе же капризы стѣсняли ея свободу; по этимъ капризамъ Ольга Сергѣевна должна была сопровождать Надежду Осиповну и на вечера, и на рауты, и на утренніе визиты, тогда какъ ей хотѣлось заниматься дома; причемъ Надежда Осиповна, принуждая ее выѣзжать, не заботилась ничуть о туалетѣ дочери, такъ что, одѣтая хуже другихъ, Ольга Сергѣевна чувствовала себя болѣе нежели неловко; Сергѣй же Львовичъ, что̀ называется, и въ усъ не дулъ: смотрѣлъ онъ на все глазами супруги. Наконецъ, неожиданная въ 1824 году смерть нѣжно любившей Ольгу Сергѣевну тетки ея, Анны Львовны, довершила превращеніе: отъ прирожденной матери моей веселости и слѣда не осталось. Здѣсь будетъ кстати сказать, что Александръ Сергѣевичъ, несмотря на чувства любви и уваженія, которыя всегда питалъ къ скончавшейся теткѣ, написалъ въ одну изъ минутъ, когда нашелъ на него дѣйствительно шаловливый стихъ, «Элегію на кончину тетушки». Ольга Сергѣевна шалости этой, написанной, какъ она сказала ему. «ни къ селу ни къ городу», долго простить не могла. Въ названномъ стихотвореніи Александръ Сергѣевичъ задѣваетъ довольно колко сестру покойной Елизавету Львовну Сонцову, любившую обзаводиться серебряными самоварами и прочей серебряной утварью, мужа ея Матвѣя Михайловича, да за одинъ махъ и дядю своего Василія Львовича, который имѣлъ страсть писать эпитафіи, въ родѣ сочиненной имъ послѣ смерти его камердинера Василія:

„Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій.
„Миръ и покой тебѣ отъ всѣхъ мірскихъ насилій»...

Въ заключеніе элегіи Александръ Сергѣевичъ крѣпко выругалъ насолившаго ему цензора Красовскаго.

Супруги Сонцовы и обѣ ихъ дочери — Ольга и Екатерина Матвѣевны—помимо всей ихъ незлобивости, разсердились за элегію не на шутку; Василій Львовичъ, не придавая выходкѣ племянника особеннаго значенія, удивлялся, какъ можно сердиться изъ-за такихъ пустяковъ, а цензоръ, какъ сказалъ моей матери авторъ, во время довольно непріятнаго разговора съ сестрой по этому случаю, «получилъ, что желалъ, и задумчивымъ сталъ».

Привожу эпиграмму въ настоящемъ, первоначальномъ ея видѣ, какъ продиктовала мнѣ мать, а не въ томъ, въ которомъ элегія эта, передѣланная дядей впослѣдствіи, появилась въ напечатанномъ его письмѣ къ князю Вяземскому (См. VIII томъ сочиненій Пушкина, издан. А. С. Суворина 1887 г. стр. 32). Вотъ первоначальный текстъ:

„Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна,
„Сергѣя Львовича сестра,
„Ты къ батюшкѣ была любовна,
„А къ матушкѣ была добра!
„Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный
„Всегда встрѣчалъ среди двора,
„Тебя Елизавета Львовна
„Цѣнила больше серебра...
„Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
„Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
„Какъ бы на зло судьбинѣ гнѣвной
„Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?
„Но „Вотъ“ *) уже Василій Львовичъ
„Стихами гробъ твой окропилъ!
„Почто стихи его поповичъ,
„Подлецъ Красовскій, пропустилъ?“

*) Тутъ каламбуръ: Василій Львовичъ получилъ въ литературномъ обществѣ „Арзамасцевъ“ прозваніе „Вотъ“, подобно тому какъ Жуковскій — прозваніе „Громобой“, а самъ Александръ Сергѣевичъ—„Сверчокъ“.

V.

Поэзія была родовою особенностью Пушкиныхъ; въ молодости Ольга Сергѣевна сочиняла преимущественно французскіе стихи, которые и записаны ею въ завѣщанномъ мнѣ альбомѣ. Привожу оттуда слѣдующія коротенькія пьесы:

1.

Sur un Songe.

Tourmentée par un songe, il me semblait naguère,
Que dans les cieux agitant mes bras,
Je volais, soutenue par des ailes legères.
L'amour, à ses pieds délicats,
Trainant pour me braver une masse psante,
Part plus prompt que les vents, que la foudre éclatante,
Et m'atteint dès les premiers pas.
Que présage un tel songe? Hélas! je crois l'entendre!
Jusqu' à présent, plus volage que tendre
J'ai pu fuir, m'échapper à travers mille amours,
Et je suis maintenant enchainée pour toujours
Par le dernier qui m'a su prendre.

(На сновидѣніе).

(Тревожимая сномъ, я когда-то видѣла, будто бы простирая руки въ небесахъ, я летала поддерживаемая легкими крыльями. Амуръ, чтобы воспротивиться мнѣ, двигая своими нѣжными ножками тяжелую массу, летитъ быстрѣе вѣтровъ, быстрѣе лучезарной молніи и настигаетъ меня на первыхъ полетахъ. Что значитъ этотъ сонъ? Увы! кажется мнѣ, что его понимаю. До сихъ поръ—болѣе вѣтреная чѣмъ нѣжная—я могла бѣжать и уклоняться отъ тысячи привязанностей, а теперь связана на вѣки съ послѣднею, которая и успѣла завлечь меня).

2.

A la Nuit.

Toujours le malheureux t'appelle,
O nuit, favoralle aux chagrins!

Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains!
Voile ma douleur solitaire!
Et lorsque la main du sommeil
Fermera ma triste paupière,
O Dieu! reculez mon réveil!..
Qu'à pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour;
Importuns, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour!

(Къ Ночи).

(Несчастный всегда тебя призываетъ, о ночь, благопріятная горестямъ! Прійди же и неси на твоихъ крыльяхъ забвеніе вѣроломныхъ смертныхъ. Завѣсь скорбь моего одиночества и когда рука сна смежитъ мои печальныя вѣжды, о Боже! отодвинь мое пробужденіе, и пусть заря медленными шагами приблизится открыть двери дня. Непрошенные храните молчаніе и не мѣшайте спать моей любви).

3.

Sur la cigale.

O cigale mélodieuse!
Que ta destinée est heureuse!
Que tu vis sous d'aimables lois!
Dans le parfum de la rosée
Tu t'enivres, reine des lois!
Puis sur un vert rameau posée,
L' écho retentit de ta voix!
Des fruits, que prodigue l'automne
Des biens, qu'apporte le printemps—
La faveur des dieux te les donne
Dans le bocage et dans les champs!
Des guerrets hôte pacifique,
Ta vue est chère au laboureur;
Nous aimons ton chant prophétique
De l'été doux avant-coureur!
Les muses daignent te sourire,
Et tu tiens du dieu de la lyre
L'éclat de tes joyeux accents.

Des bois oracle harmonieux,
Fille innocente de la terre!...
Ta substance pûre et legère
Te rend presque semblable aux dieux!

(На стрекозу).

(О стрекоза благозвучная, какъ счастлива судьба твоя, подъ какими прекрасными законами ты живешь! Ты, царица лѣсовъ, опьяняешься среди благоуханій росы, а когда сидишь на зеленой вѣткѣ, эхо передаетъ твой голосъ! Плоды, которые расточаетъ осень, богатства, приносимыя весною—все это предоставляетъ тебѣ въ рощахъ и поляхъ милость боговъ. Мирный посѣтитель пашенъ! Видъ твой драгоцѣненъ земледѣльцу! Мы любимъ твое пророческое пѣніе, пріятный предвѣстникъ лѣта! Музы удостоиваютъ тебя улыбкою, и ты получила отъ бога лиры очарованіе твоихъ радостныхъ напѣвовъ. Сладкогласный пѣвецъ лѣсовъ, невинная дочь земли, твое чистое и легкое вещество уподобляетъ тебя богамъ!..).

Привожу еще, хотя и вопреки хронологическому порядку, одно французское четверостишіе моей матери; сочинила она его въ теченіе не болѣе пяти минутъ въ 1849 году (23 мая) за два часа передъ моимъ выѣздомъ изъ Варшавы въ Петербургъ для поступленія въ учебное заведеніе:

Acrostiche à mon fils Léon.

Les souhaits, qu'en ce jour je fais pour ton bonheur,
En te disant adieu, partent du fond du coeur;
O mon Dieu! daigne, daigne écouter ma prière,
Ne la rejette pas—tu vois qu'elle est sincère....

(Акростихъ сыну моему Льву).

(Пожеланія, которыя сегодня произношу для твоего счастія, говоря тебѣ прости, исходятъ изъ глубины сердца. О, Боже мой, удостой, удостой услышать молитву мою! Не отвергай ея, ты видишь, что она искренна!).

Въ вышеупомянутомъ альбомѣ списаны моей матерью также многія любимыя ею стихотворенія брата ея и другихъ писа-

телей. Къ сожалѣнію, Ольга Сергѣевна не подъ каждымъ изъ нихъ подписывала фамилію авторовъ. Въ числѣ помѣщенныхъ въ этой книжкѣ произведеній находится пьеса: «Разувѣреніе», приписываемая Ольгѣ Сергѣевнѣ ея друзьями; мать же на вопросъ мой—«кто авторъ?» отвѣчала, улыбаясь:—«Самъ оттадай Леонъ, а такъ-таки и не скажу».

Въ этомъ стихотвореніи авторъ—по всей вѣроятности Ольга Сергѣевна — говоритъ, какъ бы отъ имени товарища Александра Сергѣевича по лицею, В. В. Кюхельбекера, послѣ упрека, сдѣланнаго ему дядей за обидчивый нравъ. И дѣйствительно, Александръ Сергѣевичъ, однажды, въ присутствіи своей сестры, сказалъ Кюхельбекеру: «Тяжелый у тебя характеръ, братъ «Кюхля» (такъ всегда онъ называлъ его); люблю тебя какъ брата, но когда меня не станетъ, вспомни мое слово: «ни друга, ни подруги не познать тебѣ во вѣкъ».

Пушкинъ любилъ всей душой брата «Кюхлю», хотя, такъ же какъ и съ Павломъ Ганнибаломъ, повздорилъ съ нимъ именно изъ-за вздоровъ, вслѣдствіе чего, разсказывала мнѣ мать, секунданты, ихъ же друзья и пріятели, поставивъ Пушкина и «Кюхлю» на дистанцію въ пятнадцати шагахъ одинъ отъ другаго, вручили каждому изъ ратоборцевъ по игрушечному пистолету, не бившему и на пять шаговъ. Результатомъ поединка — искреннія объятія соперниковъ, слезы умиленія и не одна бутылка «Аи».

Вотъ стихи «Разувѣреніе»:

Не мани меня, надежда,
Не прельщай меня, мечта!
Ужъ нельзя мнѣ всей душою
Вдаться въ сладостный обманъ;
Ужъ унесся предо мною
Съ жизни жизненный туманъ.

Неожиданная встрѣча
Съ сердцемъ любящимъ меня...
Мнѣ ль тобою восхищаться?
Мнѣ ль противиться судьбѣ?
Я боюсь тебѣ ввѣряться,
Я не радуюсь тебѣ!

Надо мною тяготѣетъ
Клятва друга первыхъ лѣтъ!
Юношей связали музы,
Радость, молодость, любовь,
Я расторгъ святыя узы...
Онъ въ числѣ моихъ враговъ!

Ни подруги и ни друга
Не имѣть тебѣ во вѣкъ!
Молвилъ, гнѣвомъ вдохновенный,
И пропалъ мнѣ изъ очей;
Съ той поры уединенный
Я скитаюсь межъ людей!

Разъ еще я видѣлъ счастье...
Видѣлъ на глазахъ слезу,
Видѣлъ нѣжное участье,
Видѣлъ... но прости, пѣвецъ,
Ужъ предвижу я ненастье!
Для меня ль союзъ сердецъ?

Что же? роковая пуля
Не прервала дней моихъ?
Что жъ? для новаго изгнанья
Не подводятъ мнѣ коня?
Въ тихой тьмѣ воспоминанья
Ты бъ не разлюбилъ меня...

Обидчивость Кюхельбекера порой, въ самомъ дѣлѣ, была невыносима; въ обществѣ его прозвали: «Le monsieur qui prend la mouche». Такъ напримѣръ, разсердился онъ на мою мать за то, что она на танцовальномъ вечерѣ у Трубецкихъ выбрала въ котильонѣ не его, а Дельвига; въ другой же разъ на пріятельской пирушкѣ у П. А. Катенина Кюхельбекеръ тоже вломился въ амбицію противъ хозяина, когда Катенинъ, безъ всякой задней мысли, налилъ ему бокалъ не первому, а четвертому или пятому изъ гостей.

Относясь всегда, какъ нельзя болѣе, дружески къ Кюхельбекеру, Александръ Сергѣевичъ розошелся съ другимъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, барономъ, впослѣдствіи графомъ, Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ. Между ними пробѣжала черная кошка изъ-за бездѣлицы. О столкновеніи дяди моего съ

Корфомъ Ольга Сергѣевна, оправдывая отнюдь не своего брата а Модеста Андреевича, разсказала мнѣ слѣдующее:

Поводомъ къ взаимному охлажденію лицейскихъ однокашниковъ послужило обстоятельство вздорное:

Корфъ и Пушкинъ жили въ одномъ и томъ же домѣ; камердинеръ Пушкина, подъ вліяніемъ Бахуса, ворвался въ переднюю Корфа, съ цѣлью завести ссору съ камердинеромъ послѣдняго; вѣроятно, у этихъ субъектовъ были свои счеты. На произведенный камердинеромъ Пушкина шумъ въ передней, Модестъ Андреевичъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло, и, будучи вспыльчивъ, прописалъ виновнику безпокойства argumentum baculinum. Побитый камердинеръ Пушкина пожаловался своему барину. Александръ Сергѣевичъ вспылилъ въ свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвалъ Корфа на дуэль. На письменный вызовъ Модестъ Андреевичъ отвѣчалъ тоже письменно: «Je n'accepte pas Votre défi pour une bagatelle semblable, non par ce que Vous êtes Pouchkine, mais parceque je ne suis pas Küchelbecker». (Не принимаю вашего вызова изъ-за такой бездѣлицы, не потому, что вы Пушкинъ, а потому, что я не Кюхельбекеръ).

Корфъ, не жалуя Кюхельбекера за бретерство, укололъ этимъ же качествомъ и моего дядю.

Буря въ стаканѣ воды повела, однако, къ тому, что Александръ Сергѣевичъ началъ коситься на Корфа, который тоже сталъ его избѣгать. Сошлись ли они впослѣдствіи на прежнюю товарищескую ногу,—не знаю.

Между тѣмъ Пушкинъ всю силу своей дружбы обратилъ на третьяго своего товарища, поэта-барона Антона Антоновича Дельвига; теплыя чувства ихъ одного къ другому не омрачились никакими недоразумѣніями.

Дядя, послѣ внезапной смерти Дельвига, послѣдовавшей 31 января 1831 года, о которой получилъ извѣстіе, будучи въ Москвѣ, заболѣлъ отъ горя: кончина друга была для него неожиданнымъ, страшнымъ ударомъ. Изливая скорбь о невознаградимой утратѣ передъ матерью моей, тоже искренно любившей безвременно-угасшаго поэта, Александръ Сергѣевичъ,

среди истерическихъ рыданій, сказалъ ей:—«Сестра! въ гробу мой Дельвигъ милый! Немного насъ осталось здѣсь: Горчаковъ, Комовскій, Корфъ и только; о Кюхлѣ (Кюхельбекерѣ) не говорю; онъ для насъ померъ *); далеко, далеко онъ отъ насъ... не увидимъ болѣе друга Вильгельма»...

Слова моего дяди, вылившіяся изъ глубины его любящаго сердца, мать моя вспоминала не разъ и вспоминала не безъ слезъ, высказывая предположеніе, что будь живъ Дельвигъ, онъ бы не допустилъ ея брата до расправы съ «мальчишкой» (ея выраженіе) Дантесомъ и заставилъ бы Александра Сергѣевича пренебречь всѣми анонимными пасквилями, которыми доѣдали и доѣли его люди, нестоящіе подошвы разорванныхъ сапоговъ его же пьяныхъ лакеевъ (подлинныя слова моей матери. Выражалась она энергически).

И дѣйствительно, Дельвигъ былъ ангеломъ-хранителемъ Пушкина, добрымъ его геніемъ, въ противоположность Чаадаеву, котораго, кстати скажу, Ольга Сергѣевна терпѣть не могла. По ея словамъ стихотвореніе моего дяди «Демонъ», посвященное имъ другу своему, Ал. Ник. Раевскому, относится именно къ Чаадаеву. Оно написано въ 1823 году и начинается такъ:

„Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
„Всѣ впечатлѣнья бытія“...

И далѣе:

„Тогда какой-то злобный геній
„Сталъ тайно навѣщать меня“...

Перенося безропотно, до самаго своего замужества, домашнія огорченія и непріятности, Ольга Сергѣевна находила бестолковой суетой погоню за общественными увеселеніями и удивлялась своимъ сверстницамъ, бальницамъ и модницамъ, говоря имъ: «Je m'étonne, comment Vous ne pouvez pas suffire à Vous même? (Удивляюсь, какъ вы не можете довольствоваться самими собою?). Любимымъ провожденіемъ времени и утѣшеніемъ ея были книги, веденіе своего днев-

*) Кюхельбекеръ былъ сосланъ въ числѣ декабристовъ 1826 году.

ника, втайнѣ, конечно, отъ родителей, — дневника, въ которомъ она изливала свои страданія, наконецъ, бесѣды съ людьми серьезными о предметахъ отвлеченныхъ.

Какъ я уже упомянулъ въ своемъ мѣстѣ, Ольгу Сергѣевну занимали, главнымъ образомъ, неразрѣшаемые смертными вопросы высшіе—о цѣли бытія земнаго, назначеніи человѣка и наконецъ, вопросъ роковой, страшный — о смерти и жизни загробной. Подъ вліяніемъ кончины горько оплаканныхъ ею Маріи Алексѣевны и Анны Львовны, мать моя увидѣла ключъ къ разрѣшенію волновавшихъ ее вопросовъ единственно въ религіи, покончивъ безповоротно съ несостоятельными системами философовъ-энциклопедистовъ.

Убѣжденная въ истинѣ безсмертія души, Ольга Сергѣевна пришла къ выводу, что отошедшія души нашихъ родственниковъ и друзей могутъ порою навѣщать оставшихся, а разъ допустивъ это, она допустила бытіе и другихъ неразгаданныхъ существъ иного міра, духовнаго. Мистическому настроенію матери содѣйствовали, кромѣ чтенія мистиковъ въ библіотекѣ Сергѣя Львовича, принадлежавшаго въ молодости, подобно своему брату Василію, къ масонской ложѣ, и безчисленныя семейныя легенды.

Нѣкоторыми изъ этихъ легендъ я и заканчиваю описаніе молодости матери до ея замужества, разсказывая каждое таинственное приключеніе порознь, и черта въ черту такъ, какъ передавала мнѣ ихъ Ольга Сергѣевна.

1.

Бѣлая женщина.

Бабка моя, Надежда Осиповна, годъ спустя послѣ появленія на свѣтъ Александра Сергѣевича, — слѣдовательно въ 1800 году, — прогуливаясь съ мужемъ днемъ по Тверскому бульвару въ Москвѣ, увидѣла шедшую возлѣ нея женщину, одѣтую въ бѣлый балахонъ; на головѣ у женщины былъ бѣлый платокъ, завязанный сзади узломъ, отъ котораго висѣли два огромные конца, ниспадавшіе до плечъ. Женщина эта,

какъ показалось моей бабкѣ, не шла, а скользила, какъ бы на конькахъ. — «Видишь эту странную попутчицу, Сергѣй Львовичъ?» Отвѣтъ моего дѣда послѣдовалъ отрицательный, а странная попутчица, заглянувъ Надеждѣ Осиповнѣ въ лицо, исчезла.

Прошло лѣтъ пять; видѣніе бабка забыла. Пушкины переѣхали на лѣто въ деревню; въ самый день пріѣзда, вечеромъ, Надежда Осиповна, удалясь въ свою комнату отдохнуть, сѣла на диванъ. Вдругъ видитъ она передъ собою ту же самую фигуру. Страхъ лишаетъ бабку возможности вскрикнуть, и она падаетъ на диванъ лицомъ къ стѣнѣ. Странное же существо приближается къ ней, наклоняется къ дивану, смотритъ бабкѣ моей въ лицо и затѣмъ, скользя по полу, опять, какъ будто бы на конькахъ, исчезаетъ. Тутъ Надежда Осиповна закричала благимъ матомъ. Сбѣжалась прислуга, но всѣ попытки отыскать непрошенную гостью остались напрасными.

Прошло еще лѣтъ пять или шесть и Пушкины переселились изъ Москвы въ Петербургъ, такъ какъ дядю моего Александра готовили въ лицей. Къ матери же въ гувернантки опредѣлили англичанку миссъ Белли, упомянутую мною уже выше, на которую Надежда Осиповна возложила, сверхъ того, порученіе читать ей по вечерамъ англійскіе романы. Однажды Надежда Осиповна, въ ожиданіи прибытія гувернантки, укладывавшей Ольгу Сергѣевну спать, вязала въ своей комнатѣ чулокъ. Комната освѣщалась тусклымъ свѣтомъ висячей лампы; свѣчи же на столикѣ бабка изъ экономіи не сочла нужнымъ зажигать до прихода миссъ Белли. Внезапно отворяется дверь и Надежда Осиповна, не спуская глазъ съ работы, говоритъ взошедшей: «А! это наконецъ вы, миссъ Белли! давно васъ жду, садитесь, читайте». Вошедшая приближается къ столу, и глазамъ бабки представляется та же таинственная гостья Тверскаго бульвара и сельца Михайловскаго, — гостья, одѣтая точно такъ же, какъ и въ оба предшествовавшіе раза. Загадочное существо вперило въ Надежду Осиповну безжизненный взглядъ, обошло или, лучше сказать,

проскользнуло три раза вокругъ комнаты и исчезло, какъ бабкѣ показалось, въ стѣнѣ.

Спустя годъ или два послѣ этого послѣдняго явленія, Надежда Осиповна видитъ во снѣ похороны; чудится ей, будто бы ей говоритъ кто-то: — «Смотрите! хоронятъ «Бѣлую женщину» вашего семейства! больше ея не увидите». Такъ и вышло: галлюцинаціи Надежды Осиповны прекратились.

2.

Двойникъ.

Въ 1810 году къ Пушкинымъ собрались, по случаю ли именинъ Сергѣя Львовича, или жены его (мать позабыла), гости. Страдая зубною болью, Сергѣй Львовичъ высылаетъ камердинера съ извиненіемъ, что явиться къ чаю не можетъ. Общество занимаетъ Надежда Осиповна разными забавными анекдотами, причемъ изощряетъ все свое остроуміе на счетъ родственницъ мужа — Чичериныхъ, изъ которыхъ одну она прозвала горбушкой, другую — крикушкой, третью — дурнушкой. Тогда сидящая за самоваромъ, рядомъ съ Надеждой Осиповной, мать ея, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, подаетъ ей знаки прекратить ядовитыя шутки, но дочь, не унимаясь, хохочетъ надъ своими же остротами до-упаду. Марья Алексѣевна повторяетъ свою мимику и, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, говоритъ:—«Какъ не стыдно тебѣ, Надя, смѣяться надъ его родными», причемъ показываетъ дочери на порожній стулъ. Дочь не понимаетъ, смотритъ на мать и говоритъ ей, продолжая острить: — «Ну что жъ такое? разумѣется, всѣ три смѣшны: горбушка, крикушка, дурнушка!»...

Между тѣмъ, вотъ что̀ было причиною и жестовъ, и увѣщанія Марьи Алексѣевны: ей показалось, будто бы Сергѣй Львовичъ явился въ гостиную въ халатѣ съ подвязанной щекою и сѣлъ на стулъ у дивана. Прабабку мою поразило, какимъ образомъ чопорный Сергѣй Львовичъ могъ выйти въ такомъ безцеремонномъ облаченіи, онъ, который принималъ постороннихъ у себя не иначе, какъ во̀ фракѣ, согласно господ-

ствовавшему въ то время этикету модныхъ салоновъ? Удивленіе Марьи Алексѣевны возрасло, когда на ея вопросъ дочери, почему та не наливаетъ чашку чаю Сергѣю Львовичу (говоря это, Марья Алексѣевна вторично указала на порожній стулъ), Надежда Осиповна отвѣчала: — «Развѣ не знаете, мама, что Сергѣй изъ кабинета не выйдетъ? у него зубы болятъ, и чай ему я уже послала».

Двойникъ моего дѣда никѣмъ, впрочемъ, невидимый, кромѣ Марьи Алексѣевны, просидѣлъ въ глазахъ ея на стулѣ до самаго ужина, а когда гости перешли въ столовую ужинать, послѣдовалъ за ними, но прошелъ, минуя столовую, въ кабинетъ, гдѣ находился не фиктивный, а настоящій Сергѣй Львовичъ.

Удостовѣрясь на слѣдующій день, что Сергѣй Львовичъ вовсе и не думалъ показываться гостямъ въ неглиже, Марья Алексѣевна перепугалась не мало, но никому о явленіи въ теченіе цѣлаго года и не заикнулась, полагая, что если дастъ волю языку ранѣе, то случится съ Сергѣемъ Львовичемъ Богъ вѣсть что̀. Но 1810 годъ прошелъ благополучно, и только на новый—1811 г., она сообщила о второмъ экземплярѣ моего дѣда.

3.

Одновременная галлюцинація Василія и Сергѣя Львовичей.

Оба, они, будучи дѣтьми, увидали вечеромъ въ одной и той же комнатѣ и въ одинъ и тотъ же часъ бабку ихъ Чичерину на девятый день по ея кончинѣ. Она взошла къ нимъ въ дѣтскую, благословила ихъ и исчезла. Оба мальчика не сказали одинъ другому объ этомъ ни полслова. Лѣтъ пятнадцать спустя, они пировали въ кружкѣ товарищей - офицеровъ Егерскаго полка; предметомъ бесѣды послужили, между прочимъ, сверхъестественные анекдоты, разсказываемые по-очереди каждымъ изъ присутствовавшихъ. Очередь дошла до Сергѣя Львовича, и онъ упомянулъ о своемъ видѣніи; тогда Василій Львовичъ, вскочивъ съ мѣста, закричалъ: — «Какъ это, Сержъ? значитъ, мы въ одну и ту же минуту видѣли то же самое?»

4.

Галлюцинація Льва Сергѣевича.

Когда мой дядя Левъ рѣшился поступить въ военную службу, не извѣщая о своемъ намѣреніи родителей, уѣхавшихъ изъ Петербурга въ Михайловское, — это было въ 1826 году,—то, оставаясь въ ихъ пустой квартирѣ (если не ошибаюсь, по набережной Фонтанки у Семеновскаго моста), онъ приступилъ къ разбору бумагъ среди свѣтлой майской ночи. Разобравъ ихъ, Левъ Сергѣевичъ хотѣлъ пройти въ кабинетъ уложить свои вещи и тутъ задался вопросомъ, хорошо ли дѣлаетъ, уѣзжая на службу безъ родительскаго благословенія? Путь въ кабинетъ лежалъ чрезъ огромную гостиную, и вотъ Левъ Сергѣевичъ видитъ въ гостиной скончавшуюся, какъ сказано выше, въ 1819 году, свою покойную бабку, Марью Алексѣевну. Дядѣ кажется, будто бы она встаетъ при его приближеніи со стула, останавливается въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ него, благословляетъ его крестнымъ знаменіемъ и исчезаетъ мгновенно.

Впослѣдствіи, въ Варшавѣ, разсказывая моей матери свою галлюцинацію, дядя Левъ, который далеко не былъ суевѣренъ, а совершенно напротивъ того, прибавилъ: «благословеніе тѣни добрѣйшей бабки нашей послужило, знать, мнѣ въ пользу. Во всѣхъ отчаянныхъ сраженіяхъ съ персіянами и поляками я, среди адскаго огня, не получилъ даже контузіи; пули какъ-то отлетали отъ меня, какъ отъ заколдованнаго».

5.

Кончина Алексѣя Михайловича Пушкина.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, племянникъ Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, тоже, какъ извѣстно, рожденной Пушкиной, (см. родословную А. С. Пушкина, составленную отцомъ моимъ Н. И. Павлищевымъ со словъ Ольги Сергѣевны и напечатанную въ изданіи П. В. Анненкова 1855 года), былъ

свитскимъ офицеромъ и профессоромъ математики въ Москвѣ. Религіозный родственникъ его, Василій Львовичъ посѣщалъ его часто, желая обратить его на путь христіанскаго ученія; однако, встрѣчалъ всякій разъ со стороны хозяина не только сильную оппозицію, но и постоянное кощунство надъ предметами всеобщаго чествованія,—кощунство, доходившее въ вольтеріанцѣ-хозяинѣ до какого-то изступленія. Мало того: Алексѣй Михайловичъ обучалъ кощунству и своего лакея, такъ что, когда Василій Львовичъ выгонялъ изъ комнаты этого доморощеннаго философа, старавшагося при бесѣдахъ между своимъ бариномъ и гостемъ, перещеголять въ выходкахъ перваго изъ нихъ, лишь бы получить лишній пятакъ на очищенную,—этотъ негодяй, по наущенію Алексѣя Михайловича, возвращался въ ту же комнату черезъ другую дверь и продолжалъ твердить заданное бариномъ и выученное къ немалой досадѣ Василія Львовича.

Вдругъ недуманно-нежданно Алексѣй Михайловичъ заболѣваетъ, запирается въ кабинетѣ, и многочисленная дворня его, въ томъ числѣ и философъ, слышитъ явственно въ комнатѣ барина два спорящихъ голоса и слышитъ ихъ нѣсколько ночей сряду. Челядь перетрусила; но философъ, по своему скептицизму, посмотрѣлъ на этотъ фактъ съ философской же точки зрѣнія и, не спрашивая, ворвался въ кабинетъ; тутъ увидѣлъ онъ своего патрона и учителя среди комнаты, размахивавшаго руками, испуганнаго и поистинѣ страшнаго въ испугѣ. Алексѣй Михайловичъ, устремивъ глаза на какой-то невидимый лакею предметъ и ругаясь съ какимъ-то таинственнымъ гостемъ, замѣчаетъ приходъ незванаго камердинера и кричитъ, что есть мочи:

— «Пошелъ, пошелъ прочь! Не мѣшай намъ; мы тебя не спрашиваемъ, убирайся покуда цѣлъ, пошелъ!»

Камердинеръ навострилъ лыжи и не посмѣлъ уже возобновлять опыта. Но затѣмъ всякую ночь слышна была загадочная перебранка, какъ разсказывали люди, продолжаясь въ теченіе еще недѣль двухъ, до самой кончины Алексѣя Михайловича, о которой Василій Львовичъ, продолжавшій въ силу

христіанскаго благочестія и родственныхъ чувствъ посѣщать больнаго правда по днямъ, а не по ночамъ, передавалъ своему брату и Ольгѣ Сергѣевнѣ множество другихъ странныхъ подробностей, распространяться о которыхъ считаю уже излишнимъ.

Я привелъ нѣкоторыя легенды лишь въ виду значенія, которое приписывала имъ покойная Ольга Сергѣевна и все семейство Пушкиныхъ.

VI.

Въ 1828 году Ольга Сергѣевна вышла замужъ за отца моего, Николая Ивановича Павлищева.

Родитель его, бѣдный столбовой дворянинъ Екатеринославской губерніи, но рыцарь въ полномъ смыслѣ слова, Иванъ Васильевичъ Павлищевъ участвовалъ, командуя эскадрономъ отважныхъ Маріупольскихъ гусаръ, въ кампаніяхъ противъ Наполеона въ 1805, 1807, 1812, 1813 и 1814 годахъ.

За отличіе въ кровавыхъ битвахъ подъ Аустерлицемъ, Прейсишъ-Эйлау, Фридландѣ, Тарутинѣ, Лейпцигѣ (гдѣ, въ самомъ разгарѣ боя, встрѣтилъ въ послѣдній разъ своего старшаго сына, Павла, служившаго юнкеромъ въ другомъ полку), Баръ-Сюръ-Обѣ, Фершампенуазѣ, и наконецъ въ приступахъ Бельвиля и Монмартра, дѣдъ мой,—любимецъ героя этихъ временъ князя Петра Христіановича Витгенштейна—получилъ за отличную храбрость ордена: св. Владиміра 4-й степени, Анны 2-й степени съ алмазами, а за Фершампенуазъ—высшее за военную доблесть возмездіе—орденъ св. Георгія 4-й степени. Скончался въ 1816 году въ чинѣ полковника отъ полученныхъ въ сраженіяхъ ранъ и чахотки по возвращеніи въ Екатеринославъ.

Покровитель дѣтей его, незабвенный князь П. Х. Витгенштейнъ, доказалъ на дѣлѣ, а не на однихъ словахъ, расположеніе къ Ивану Васильевичу: выхлопоталъ вдовѣ его значительную пенсію, замолвилъ въ пользу старшаго сына доброе слово, въ силу котораго дядя Павелъ Ивановичъ быстро пошелъ по службѣ, а младшаго, отца моего, опредѣлилъ на

казенный счетъ въ благородный пансіонъ Царскосельскаго лицея. Николай Ивановичъ, крестникъ Витгенштейна, былъ, что называется, его garçon gâté, баловнемъ.

Мать отца, Луиза Матвѣевна, рожденная фонъ-Зейдфельдъ, скончалась тоже въ Екатеринославѣ въ 1846 году, тридцать лѣтъ спустя по смерти мужа. За два года передъ кончиной думала она посѣтить Николая Ивановича въ Варшавѣ, но болѣзнь помѣшала. Я ея не видалъ.

Итакъ, отецъ мой поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ пансіона лицейскаго. Оба заведенія—лицей и пансіонъ, раздѣленныя между собою паркомъ, составляли въ то время почти одно, управляясь общимъ директоромъ—сперва Малиновскимъ, а потомъ Е. А. Энгельгардтомъ. Курсъ наукъ и профессора были одни и тѣ же, права по службѣ тоже: лучшіе воспитанники выпускались въ старую гвардію офицерами, а въ гражданскую службу — десятымъ классомъ. Пансіонъ былъ открытъ 27-го января 1814 года, упраздненъ же пятнадцать лѣтъ спустя по причинамъ, изложеннымъ въ весьма интересной монографіи питомца этого заведенія, генералъ-лейтенанта князя Николая Сергѣевича Голицына, изданной въ 1869 году подъ заглавіемъ: «Благородный пансіонъ Императорскаго Царскосельскаго лицея 1814—1829 гг.».

Отецъ мой, обучаясь въ пансіонѣ, готовился къ службѣ военной, слушая лекціи артиллеріи, фортификаціи, тактики и инженернаго искусства, у извѣстнаго въ то время мастерскимъ преподаваніемъ инженеръ-полковника Эльснера, вмѣстѣ съ своими друзьями Безакомъ и барономъ Бухгольцемъ. Но на старшемъ курсѣ отцу моему пришлось горько разочароваться. Не знаю почему, искренно любившій его за успѣхи въ наукахъ директоръ Энгельгардтъ вообразилъ, что Павлищевъ слабогрудъ и одаренъ всѣми признаками наслѣдственной чахотки, въ силу чего и распорядился: отцу моему оставить «Марса» въ покоѣ, а служить «Θемидѣ».

Передъ самымъ выпускомъ надъ отцомъ моимъ стряслась бѣда:

Воспитатель Гауеншильдъ, всѣми ненавидимый—и начальствомъ и воспитанниками за фискальство, улучилъ удобную

минуту, когда Энгельгардтъ былъ не въ духѣ, донести, что воспитанникъ выпускнаго класса Павлищевъ куритъ трубку-носогрѣйку. Наслажденіе табакомъ преслѣдовалось Энгельгардтомъ елико возможно. Результатомъ доноса Гауеншильда было то, что отецъ мой едва не подвергся исключенію, и только отличные успѣхи въ наукахъ выручили его изъ бѣды. Однако, вслѣдствіе доноса Гауеншильда, отецъ выпущенъ въ 1819 году не первымъ, а вторымъ, получивъ не золотую медаль, предоставленную другому воспитаннику Ольховскому, а первую серебряную.

На слѣдующій мѣсяцъ послѣ выпуска отецъ мой, семнадцати лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе ходатайства князя Витгенштейна, поступилъ прямо на должность помощника столоначальника въ департаментъ народнаго просвѣщенія по приказанію тогдашняго министра князя А. Н. Голицына; въ должности этой пробылъ годъ, по истеченіи котораго Петръ Христіановичъ пристроилъ отца моего, въ 1820 году, къ себѣ, по званію главнокомандующаго 2-й арміею, и повезъ съ собою въ Тульчинъ.

Служба отца у Витгенштейна была далеко не обременительна; Петръ Христіановичъ познакомилъ крестника, между прочимъ, и съ семействомъ начальника своего штаба, Киселева, который, обласкавъ какъ нельзя болѣе отца моего, посовѣтывалъ ему воспользоваться свободными отъ службы досугами: заняться серьезно тѣмъ, къ чему онъ обнаруживалъ особенную склонность.

Слова Киселева не упали на почву безплодную. Отецъ послѣ бесѣды съ Киселевымъ передѣлалъ изъ Дестютъ-де-Траси замѣчанія на Монтескье, перевелъ изъ Филанджерьи трактатъ «О дѣяніяхъ, неподлежащихъ наказанію», и нѣкоторыя главы изъ «Философскаго словаря» Вольтера, касающіяся политико-экономическихъ вопросовъ. Будучи нрава веселаго, отецъ, желая посмѣяться надъ Бурцовымъ, Филипповичемъ и другими почитателями ихъ сослуживца, сосланнаго впослѣдствіи декабриста князя Барятинскаго, хлопотавшими между прочимъ о замѣнѣ въ артиллеріи и фортифи-

каціи техническихъ иностранныхъ словъ русскими, написалъ «Юмористическое письмо изъ Кремлевщины 1823 года». Результатъ выходки—дуэль отца съ Барятинскимъ на пистолетахъ, причемъ отецъ повредилъ противнику колѣно.

Исторію потушили. Барятинскій подалъ рапортъ о какой-то другой, будто бы, постигшей его внезапной болѣзни, а съ отцомъ моимъ, немедленно послѣ поединка, помирился.

Въ 1822 году П. Д. Киселевъ командировалъ отца, съ разрѣшенія Витгенштейна, въ Петербургъ съ порученіемъ извлечь въ государственномъ архивѣ и военно-топографическомъ депо матеріалы для исторіи русско-турецкихъ войнъ, начиная со временъ Петра Великаго до временъ послѣднихъ, причемъ Павелъ Дмитріевичъ, вручивъ ему инструкцію, снабдилъ рекомендательными письмами, давшими отцу поводъ войти въ прямыя сношенія съ Нессельроде, Дибичемъ, Довре и особенно съ Закревскимъ.

Отецъ выполнилъ весьма добросовѣстно возложенное на него порученіе: съ помощью прикомандированныхъ къ нему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и инспекторскаго департамента писцовъ онъ трудился болѣе двухъ лѣтъ надъ составленіемъ выписокъ, которыя и пересылалъ къ своему начальнику съ срочнымъ фельдъегеремъ. За то два раза въ теченіе года (1824) получилъ онъ денежные подарки въ размѣрѣ годоваго жалованья.

Возвратиться въ Тульчинъ отцу не довелось: послѣдовалъ извѣстный поединокъ П. Д. Киселева съ М—мъ. Покровитель Николая Ивановича выѣхалъ послѣ дуэли за границу, а отецъ подалъ тогда же, въ 1825 году, въ отставку; онъ думалъ отправиться туда же и жить концертами, полагая, что русскія пѣсни заинтересуютъ иностранцевъ; игралъ отецъ мастерски на семиструнной гитарѣ, введенной въ моду Сихрою и Аксеновымъ, музыкальные вечера которыхъ онъ постоянно посѣщалъ; тамъ очень полюбилъ отца и знаменитый авторъ народнаго гимна, А. Ф. Львовъ, и познакомилъ съ главными понятіями, какъ выразился Львовъ, объ «его превосходительствѣ генералъ-басѣ», вслѣдствіе чего отецъ и рѣ-

шился написать для незабвеннаго композитора варіаціи на русскую пѣсню: «Ахъ, что же ты, голубчикъ», съ аккомпаниментомъ квартета, а затѣмъ, передѣлалъ для гитары и напечаталъ отрывки изъ «Фрейшюца» Вебера.

Между тѣмъ, оставаясь въ Петербургѣ, отецъ примкнулъ къ кружку литераторовъ и сблизился съ будущимъ своимъ шуриномъ Пушкинымъ, барономъ Дельвигомъ, Баратынскимъ, Илличевскимъ, Плетневымъ; знакомство съ ними побудило его тоже заняться литературою.

Для подготовки себя къ этой дѣятельности отецъ сталъ изучать не только отечественныхъ, но и французскихъ, нѣмецкихъ, въ особенности же англійскихъ и итальянскихъ писателей дѣлалъ выписки изъ Ласъ-Казаса о Наполеонѣ, перевелъ на французскій языкъ комедію Гольдони: «Il fastoso» («Le fastieux») и взялся за составленіе итальяно-русскаго словаря, котораго у насъ тогда еще не доставало. Но не получивъ, по независящимъ причинамъ, обѣщаннаго значительнаго вознагражденія, отецъ держалъ словарь свой подъ спудомъ, а впослѣдствіи и затерялъ его.

Всѣ пріятели отца писали, переводили, главное—зарабатывали деньги. Особенно благопріятно было то время для переводчиковъ романовъ: Дешаплетъ, напримѣръ, если не нажилъ себѣ состоянія, то получилъ, по крайней мѣрѣ, возможность избавиться отъ нужды.

Сообразивъ это, отецъ предложилъ услуги барону Дельвигу и, сдѣлавшись его сотрудникомъ по издаваемой Антономъ Антоновичемъ «Литературной Газетѣ», посвятилъ себя переводамъ; изъ ихъ числа отецъ напечаталъ: «Патриціи» и «Богемскую дѣвичью войну»—два сочиненія Фанъ-Деръ-Фельдта, произведенія котораго соперничали тогда съ романами Вальтеръ-Скотта. Трудъ не пропалъ даромъ: вырученныя деньги отецъ послалъ нуждавшейся своей матери, чтò оказалось для нея значительной поддержкой.

Въ 1826 году свиданіе отца моего со старшимъ его братомъ, Павломъ, который жилъ въ Новгородѣ, командуя эскадрономъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, рѣшило его дальнѣйшую

участь. Братъ склонилъ его опять поступить на службу, безъ которой, отецъ и самъ увидѣлъ, что не можетъ обойтись. Павелъ Ивановичъ, обласканный великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, взялся ходатайствовать въ пользу брата передъ его высочествомъ. Желая побывать въ чужихъ краяхъ, отецъ сталъ проситься въ канцелярію Нессельроде, и Нейдгартъ, по волѣ великаго князя, лично рекомендовалъ отца министру; однако дѣло кончилось тѣмъ, что его опредѣлили въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (27-го іюня 1827 года) въ экспедицію переводовъ для французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго и польскаго языковъ, съ обѣщаніемъ послать при первомъ удобномъ случаѣ за границу.

Кромѣ занятій по переводамъ отецъ пополнялъ, по волѣ вице-канцлера, Государственный Архивъ бумагами, хранившимися въ военно-топографическомъ депо. Эту работу онъ, можно сказать, полюбилъ; рыться въ архивной пыли составляло для него даже родъ наслажденія, особенно когда попадались подъ руку любопытныя дѣла архива; но приходилось уже работать изъ видовъ на вознагражденіе. Въ слѣдующемъ году (1828) онъ, какъ знатокъ языковъ, откомандированъ былъ иностранной коллегіей на три мѣсяца въ Сенатъ, гдѣ и работалъ въ слѣдственной коммиссіи надъ польскими мятежниками, переводя, подъ руководствомъ оберъ-прокурора Кайсарова, французскія и польскія бумаги.

Годъ этотъ составляетъ переломъ въ жизни отца: онъ женился.

Разсказываю подробности свадьбы моихъ родителей, само собою разумѣется, съ ихъ же словъ.

Отецъ, несмотря на то, что жилъ лишь трудами, посѣщалъ избранное общество, опираясь на французскую поговорку: «Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es». (Скажи мнѣ съ кѣмъ ты, скажу кто ты). Одѣтый всегда безукоризненно, скромный, во всѣхъ отношеніяхъ приличный, былъ онъ, въ особенности, хорошо принятъ въ семействѣ Лихардовыхъ, гдѣ и встрѣтился съ Ольгой Сергѣевной Пушкиной и ея родителями.

Ольга Сергѣевна очень ему понравилась, а потому, не

откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отецъ рѣшился сдѣлать предложеніе; но раскусивъ чванство Сергѣя Львовича и въ особенности Надежды Осиповны, которые оба, по своему эгоизму, держали дочь на привязи, и — само собою разумѣется — не могли допустить мысли выдать ее за человѣка бѣднаго, бывшаго къ тому же пятью годами моложе ея, отецъ мой счелъ необходимымъ расположить предварительно ихъ въ свою пользу. Насчетъ поддержки Александра Сергѣевича и Василія Львовича, съ которыми былъ уже давно знакомъ, онъ былъ покоенъ.

Прежде всего, онъ повелъ атаку на родителей: очаровалъ Сергѣя Львовича французскими каламбурами и бесѣдами о дворѣ Тюльерійскомъ, сочинителяхъ, сочинительницахъ французскихъ; затѣмъ сдѣлался постояннымъ партнеромъ Надежды Осиповны въ бостонѣ, нарочно проигрывая ей бо̀льшею частію партіи. Играли же не по маленькой.

Въ результатѣ онъ получилъ доступъ въ домъ Пушкиныхъ: они сами пригласили его.

Объяснясь съ Ольгой Сергѣевной безъ церемоній, напрямикъ, онъ получилъ ея согласіе, но въ согласіи родителей Ольга Сергѣевна усомнилась сильно.

Такъ и вышло на повѣрку:

Формальное предложеніе отца встрѣтило съ ихъ стороны рѣшительный отказъ, несмотря на все краснорѣчіе Александра Сергѣевича, Василья Львовича и Жуковскаго; Сергѣй Львовичъ замахалъ руками, затопалъ ногами и—Богъ вѣсть почему—даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась весьма рѣшительно: она приказала не пускать отца моего на порогъ, и дѣло съ концомъ.

Этого мало: когда, двѣ недѣли спустя, Надежда Осиповна увидѣла на балѣ,—кажется у Лихардовыхъ или Вяземскихъ, не могу сказать навѣрное, — отца, то запретила дочери съ нимъ танцовать. Во время одной изъ фигуръ котильона, отецъ, подойдя къ ней, сдѣлалъ съ нею тура два. Нашлись пріятели, которые поспѣшили доложить о такомъ великомъ событіи забавлявшейся картами въ сосѣдней комнатѣ Надеждѣ Оси-

повнѣ. Та въ негодованіи выбѣжала и въ присутствіи общества, далеко немалочисленнаго, не задумалась толкнуть свою тридцатилѣтнюю дочь. Мать моя упала въ обморокъ.

Чаша переполнилась; Ольга Сергѣевна не стерпѣла такой глубоко оскорбительной выходки и написала на другой же день моему отцу (приславшему тайкомъ освѣдомиться о ея здоровьѣ послѣ скандала) записку, что она согласна вѣнчаться, никого не спрашивая. Это случилось во вторникъ, 24 января 1828 года, а на слѣдующій день, 25 числа, въ среду, въ часъ пополуночи, Ольга Сергѣевна тихонько вышла изъ дома; у воротъ ее ждалъ мой отецъ; они сѣли въ сани, помчались въ церковь св. Троицы Измайловскаго полка и обвѣнчались въ присутствіи четырехъ свидѣтелей — друзей жениха, именно двухъ офицеровъ того же полка и двухъ конно-егерскаго.

Послѣ вѣнца отецъ отвезъ супругу къ родителямъ, а самъ отправился на свою холостую квартиру. Рано утромъ Ольга Сергѣевна послала за братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, жившимъ особо, въ Демутовой гостиницѣ. Онъ тотчасъ пріѣхалъ, и, послѣ трехчасовыхъ переговоровъ съ Надеждой Осиповной и Сергѣемъ Львовичемъ, послалъ за моимъ отцомъ.

Новобрачные упали къ ногамъ родителей и получили прощеніе. Однако, прощеніе Надежды Осиповны было неполное: она до самой кончины своей относилась недружелюбно къ зятю.

Не такъ поступилъ образумившійся Сергѣй Львовичъ: онъ полюбилъ зятя какъ роднаго сына, а братъ его, Василій Львовичъ, поздравилъ молодыхъ хранящимся у меня въ подлинникѣ письмомъ:

«Любезные друзья, Николай Ивановичъ и Ольга Сергѣевна! «Молю Бога, чтобъ Онъ благословилъ васъ и чтобъ вы были «счастливы совершенно! я васъ поздравляю отъ искренняго «сердца и увѣренъ, что во всякое время вы будете стараться «быть утѣшеніемъ вашихъ родителей.

«Поручая себя въ вашу любовь, остаюсь преданный вамъ и любящій васъ дядя Василій Пушкинъ. 2 февраля 1828 г. Москва».

Когда объ этой свадьбѣ было доложено государю импера-

тору с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Горголи, то его величество спросилъ, нѣтъ ли жалобы съ чьей-либо стороны, и на отрицательный отвѣтъ изволилъ сказать: «Такъ оставить безъ послѣдствій»,—чему очень обрадовался отецъ мой и въ особенности его свидѣтели.

По этому же случаю Александръ Сергѣевичъ сказалъ сестрѣ: «Ты мнѣ испортила моего Онѣгина; онъ долженъ былъ увезти «Татьяну, а теперь... этого не сдѣлаетъ».

Въ описанномъ событіи мать моя проявила такое мужество, которому удивлялась сама. Впрочемъ, въ цѣльномъ, такъ-сказать, характерѣ ея проглядывала даже не женская отвага, и прежде нежели продолжать постепенное хронологическое изложеніе моихъ о ней и отцѣ воспоминаній, считаю не лишнимъ привести теперь же, кстати, слѣдующіе примѣры ея присутствія духа:

Будучи дѣвицей, она однимъ грознымъ взглядомъ и энергическимъ словомъ принудила ретироваться вооруженнаго топоромъ злодѣя, проникнувшаго черезъ окошко въ ея комнату съ намѣреніемъ грабежа, и своею распорядительностью заставила людей вô-время схватить разбойника и передать его въ руки правосудія. Такую же неустрашимость и распорядительность показала она и впослѣдствіи, въ Варшавѣ, когда въ декабрѣ 1849 года вспыхнулъ ночью пожаръ въ намѣстниковскомъ дворцѣ, гдѣ жили мои родители. Проснувшаяся мать первая, увидя объятый пламенемъ потолокъ въ комнатѣ передъ спальнею, черезъ которую и былъ только выходъ въ другіе покои, перешла черезъ нее, задыхаясь клубами дыма, вынесла въ дальнюю комнату лежавшую въ горячкѣ малолѣтнюю сестру мою, подняла на ноги людей, дала знать пожарной командѣ, уложила вещи и уже потомъ разбудила отца, кабинетъ и спальня котораго находились на другой половинѣ огромной казенной квартиры. Прискакалъ оберъ-полицеймейстеръ генералъ Абрамовичъ съ командой, и пожаръ потушили. Излишнимъ затѣмъ считаю перечислять всѣ примѣры мужества матери и самоотверженія въ критическія минуты, которыхъ я бывалъ свидѣтелемъ. Безстрашіе не поки-

дало ея ни въ послѣдней тяжкой ея болѣзни, ни на одрѣ смертномъ. Перенесла она геройски и нервный ударъ, и поразившій ее ужасный недугъ—слѣпоту, и всѣ страшныя физическія мученія; дѣлавшій ей въ декабрѣ 1863 года глазную операцію профессоръ Юнге сказалъ, что отвага ея—отвага храбраго мущины.

VII.

Первые годы послѣ свадьбы родители мои провели въ Петербургѣ, и моя мать умомъ и любезностью привлекала въ домъ свой множество замѣчательныхъ литераторовъ и художниковъ. Къ числу первыхъ принадлежалъ и поэтъ Мицкевичъ. Являлся онъ обыкновенно по вечерамъ, доставляя иногда хозяевамъ и гостямъ художественное наслажденіе импровизаціями, которыя, однако, много теряли отъ того, что Мицкевичъ передавалъ ихъ на французскомъ языкѣ, не будучи въ немъ особенно силенъ; любимымъ же его занятіемъ была игра въ шахматы съ моимъ отцомъ. Иногда же Мицкевичъ, играя въ молчанку, былъ невыносимъ. Затѣмъ изъ артистовъ, посѣщавшихъ нашу гостиную, стоялъ на первомъ планѣ другъ отца, Михаилъ Ивановичъ Глинка, издавшій въ сотрудничествѣ съ нимъ въ 1829 году «Лирическій альбомъ». Въ альбомѣ, кромѣ сочиненій издателей, помѣщены пьесы и романсы Норова, Вьельгорскаго, Штерича и другихъ, а также замѣчательная пѣсня «Вилія» изъ поэмы Мицкевича «Валленродъ», въ переводѣ на русскій языкъ двоюроднаго брата моей матери Шеміота, положенная на музыку госпожею М. Шимановской, замѣчательною піанисткою, которая давала въ то время съ большимъ успѣхомъ концерты въ Петербургѣ. На дочери г-жи Шимановской и женился потомъ Мицкевичъ.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, являясь очень часто, разъигрывалъ съ отцомъ дуэты: онъ на фортепіано, отецъ на гитарѣ, а подъ веселую руку оба они, не отличаясь впрочемъ голосами, задавали, послѣ чая съ ромомъ, вокальные концерты, въ особенности когда Михаилъ Ивановичъ приводилъ съ собою

молодаго пѣвца Иванова, впослѣдствіи сдѣлавшагося первоклассным европейским тенором.

Родителей моих посѣщал очень часто и друг Александра Сергѣевича, барон Антон Антонович Дельвиг с женой Софьей Михайловной, рожденной Салтыковой; отец мой, как я сказал выше, был его сотрудником; они сошлись характерами как нельзя болѣе и Антон Антонович сохранил до самой своей кончины неизмѣнную, вполнѣ сердечную привязанность к нему, и, само собою разумѣется, к сестрѣ задушевнаго друга своего Пушкина

Александр же Сергѣевич бывал у сестры рѣдко, будучи очень занят, а если заходил, то весьма не надолго, не так как друзья его—П. А. Плетнев, В. А. Жуковскій, С. А. Соболевскій и Е. А. Баратынскій. О супругѣ послѣдняго Настасьѣ Львовнѣ скажу ниже.

Среди названных мною людей, достойных всякаго уваженія, моя мать и провела четыре года до отъѣзда своего в Варшаву, принимая друзей в скромной квартиркѣ, которую отец нанял тотчас же послѣ свадьбы—в Казачьем переулкѣ, близь Введенской церкви Семеновскаго полка.

Ограничиваясь тѣсным кружком знакомых, моя мать не находила никакого удовольствія посѣщать большой свѣт, до котораго был так, если можно выразиться, падок брат ея Александр Сергѣевич. Она как бы предчувствовала, что он сдѣлается жертвой интриг и злословія этого свѣта.

Однажды, наканунѣ бала у графини Б., куда пригласили дядю вскорѣ послѣ его свадьбы, она сказала ему *):

— Охота тебѣ, Саша, смотрѣть на бездушных пустомелей, да переливать из пустаго в порожнее? Охота тебѣ принуждать к этому и Наташу? Чего не видали? Вспомни мое слово: к добру не поведет. Не по твоему карману, не по твоему уму. Враги там у тебя кругом да около; рано или поздно тебѣ же напакостят. «Отыди от зла и сотвори благо!»

---

*) Это случилось в концѣ 1832 года перед отъѣздом моей матери в Варшаву.

Сколько было родственной, скажу, чуткости, сколько неподдѣльнаго женскаго инстинкта и пророческой правды въ этихъ дружескихъ предостереженіяхъ? Но не вникъ въ слова сестры Александръ Сергѣевичъ и... разсердился; отвѣчалъ ей рѣзко по-французски:

— La dessus je te dirai, chère soeur, que moi et ma femme nous sommes celèbres — moi par mon talent, ma femme — par sa beauté. Or donc, je veux, que tout le monde nous apprecie à notre juste valeur. D'ailleurs il est dit: on n'allume point une lampe pour la mettre sous le boisseau».

(На это скажу тебѣ, милая сестра, что я и моя жена знамениты—я моимъ талантомъ, жена—красотою, а потому хочу, чтобы всѣ цѣнили насъ по достоинству. Къ тому же сказано: «Зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ»).

— Faites comme Vous l'entendez. — отвѣчала моя мать брату,—mais croyez moi, Alexandre, que si je Vous ai dit quelque chose, qui a pu Vous déplaire—je l'ai fait, en Vous souhaitant du bien.

(Дѣлайте, какъ знаете, но вѣрьте мнѣ, Александръ, что если сказала что-нибудь вамъ непріятное, то сдѣлала, желая вамъ добра).

Братъ горячо обнялъ сестру и убѣдительно сталъ просить ее ѣхать на балъ съ нимъ и женою вмѣстѣ. Не желая огорчать его, мать моя согласилась, говоря Александру Сергѣевичу: «такъ и быть, но на балъ, какъ хочешь, сатиру напишу».

Дѣйствительно, видѣнное ею на балѣ общество послужило матери поводомъ къ слѣдующей эпиграммѣ:

„Петербургскую смѣсь
„Собираютъ здѣсь
„Въ это зданіе.

„Вотъ Ю . . . . князь
„Вперилъ глазъ, подбодрясь
„На собраніе.

„Вотъ вельможный панъ
„А . . . . . Степанъ
„Величается.

„Съ нимъ Б . . . ъ тутъ,
„Волокита-шутъ
„Оправляется.

„Н . . . . ъ въ звѣздѣ
„Попадетъ вездѣ
„Съ бѣдной Лизою.

„Въ числѣ чудаковъ
„Тутъ верзила М . . въ
Съ рожей сизою.

„А . . . нъ мадамъ
„Здѣсь равна госпожамъ
„Между бабами.

„По стѣнамъ вокругъ
„Грозный рядъ старухъ
„Сидитъ жабами".

У родителей своихъ моя мать бывала часто, но отецъ мой навѣщалъ только изрѣдка тестя, избѣгая встрѣчи съ тещей: Надежда Осиповна не могла простить отцу его женитьбу и въ имѣющихся у меня письмахъ ея къ дочери изъ деревни въ Петербургъ, а потомъ изъ Петербурга въ Варшаву, ни разу не обмолвилась о немъ ни однимъ словомъ до самаго октября 1834 г., въ которомъ, обрадовавшись появленію моему на свѣтъ Божій, открыла съ зятемъ дипломатическія сношенія.

Продолжаю описывать бытъ моихъ родителей съ 1829 по 1832 годъ.

Къ этому времени относится случившееся съ отцомъ моимъ происшествіе, послужившее матери моей поводомъ написать эпиграмму, приводимую ниже: отецъ, отличавшійся подобно своему тестю, Сергѣю Львовичу, въ молодости весьма вспыльчивымъ нравомъ, угостилъ въ общественномъ собраніи внушительнымъ физическимъ привѣтствіемъ нѣкоего шулера З., котораго изобличилъ въ обманѣ на зеленомъ полѣ. Шулеръ скушалъ угощеніе молча, а на слова отца: «Если обидѣлись, присылайте секундантовъ», обратился въ постыдное бѣгство, и затѣмъ совершенно скрылся изъ Петербурга. Онъ былъ сынъ хотя мелкаго, но весьма денежнаго чиновника; воображая себя большимъ бариномъ, онъ, что̀ называется, финтилъ

и тарантилъ, напуская на себя какой-то сверхъестественно надменный тонъ, что не служило помѣхой подвигамъ, въ силу которыхъ и получился въ итогѣ вышеописанный анекдотъ.

Мать терпѣть не могла этого господина, не разъ злоупотреблявшаго добротой и ея мужа, и младшаго ея брата—Льва Сергѣевича Пушкина, у которыхъ онъ сумѣлъ своимъ краснорѣчіемъ брать деньги безъ отдачи; они и не подозрѣвали въ немъ плута и шулера.

Вотъ двѣ эпиграммы матери на этого субъекта послѣ пресловутаго происшествія; изъ нихъ вторая на голосъ пѣсни: «Ахъ, на что же огородъ городить».

I.

„Ты отъ подъячаго родившись,
„Отважно кверху вздернулъ носъ,
„И весь въ надменность превратившись,
„Себя ей въ жертву, знать, принесъ.
„Что трусъ ты—въ этомъ прочь сомнѣнье,
„Да плутъ и въ карточной борьбѣ;
„А я прибавлю мое мнѣнье:
„Пощечина—къ лицу тебѣ“.

II.

„Я вамъ пѣсню о Картежновѣ спою,
„Его качества всѣмъ пропою...
„Ай, люли и проч.
„Въ головѣ сидитъ надменность у него,
„Глупость, чванство, да и больше ничего...
„Ай, люли и проч.
„Плутовски онъ улыбается,
„Какъ волкъ дикій озирается...
„Ай, люли и проч.
„На словахъ удалецъ большой,
„А на дѣлѣ первый трусъ душой...
„Ай, люли и проч.
„Лишь онъ въ карты мастакъ надувать,
„Станетъ всякій отъ него за то бѣжать...
„Ай, люли и проч.
„Станетъ всякій отъ него за то бѣжать,
„Молясь Богу его больше не встрѣчать...
„Ай люли“ и проч.

Въ то же почти время, въ 1829 или 1830 году, не помню,— заклеймила мать моя эпиграммой нѣкоего семинариста И. Получивъ образованіе по лекалу схоластики, господинъ этотъ, пользовавшійся покровительствомъ извѣстнаго графа Хвостова (осмѣяннаго Александромъ Сергѣевичемъ въ эпиграммѣ «Въ твоихъ стихахъ лишь пользы три), всячески угождалъ ему словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, и въ присутствіи матери довольно рѣзко отозвался о «Кавказскомъ Плѣнникѣ» Александра Сергѣевича и «Громобоѣ» Жуковскаго. Конечно, мать дала ему хотя утонченно-учтивый, но весьма внушительный отпоръ. Самоувѣренность его и рѣзкія сужденія она приняла къ сердцу и написала слѣдующее:

„Съ бурсацкой *) логикой сроднясь,
„Ты логику свою оставилъ;
„Умомъ бурсацкимъ возгордясь,
„За правило себѣ поставилъ:
„Вести себя преосторожно,
„Дрожать предъ мощнымъ кулакомъ,
„И унижаться, если можно,
„Передъ Хвостовымъ чудакомъ".

Много сохранилось у меня мѣткихъ эпиграммъ матери, изъ которыхъ не могу не привести четверостишіе, набросанное ею на танцовальномъ вечерѣ у княгини Т. Предметомъ четверостишія послужилъ нѣкій полякъ Ф., личность гордая, напыщенная, воображавшая Богъ вѣсть что о мнимыхъ своихъ достоинствахъ. Отецъ его, прокутивъ свое значительное состояніе въ пиршествахъ съ прихлебателями панами-шляхтой, женился, ради поправленія кармана, на безграмотной дочери извѣстнаго своимъ богатствомъ трактирщика. Чванство сына не знало никакихъ границъ. Вотъ четверостишіе:

---

*) Слова „бурсакъ" мать моя не переваривала, относясь антипатично къ роману Нарѣжнаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ, и употребила слово это съ явной ироніей, намекая на самый романъ, отъ котораго предметъ эпиграммы г. И. былъ въ восторгѣ.

„Отъ пана-шляхтича родился,
„Да отъ кухмистерши простой,
„Къ вельможамъ въ общество забился,
„И думаетъ, что панъ большой“...

Вообще мать не любила «воронъ въ павлиньихъ перьяхъ» фанфароновъ, корчащихъ вельможъ и помѣшанныхъ на фальшивомъ комъ-иль-фотствѣ, преслѣдуя ихъ насмѣшками. Въ глазахъ ея такіе люди были нравственными уродами. Не жаловала она и тѣхъ, кто, будучи природнымъ русскимъ, французилъ въ гостиныхъ, подражая парижскому выговору. «Если говоришь по-французски, другъ мой, — сказала мнѣ она, — то говори безъ парижскихъ вывертовъ. Парижа ты не нюхалъ».

Говоря объ эпиграммахъ матери, долженъ замѣтить, что бо̀льшую ихъ часть набрасывала она шутя, безъ жолчнаго намѣренія, сообщая часто ихъ тѣмъ, на которыхъ были составлены. Къ числу такихъ относится экспромптъ на большую ея пріятельницу, дочь духовника ея, многоуважаемую г-жу Г. Всегда веселая и охотница посмѣяться, г-жа Г. явилась однажды на званый вечеръ, противъ своего обыкновенія, грустной и молчаливой. Желая развеселить ее, Ольга Сергѣевна тутъ же сказала ей экспромптъ:

„Скажи намъ, что съ тобой, претрида? *).
„Не узнаютъ тебя друзья...
„Грустна̀ ты, словно панихида,
„И молчалива, какъ кутья“...

Г-жа Г., будучи чрезвычайно умной и доброй, поняла шутку, и не только не обидѣлась, но, по вѣрному разсчету автора шутки, расхохоталась, и такимъ образомъ цѣль матери, уничтожить сплинъ подруги, была достигнута.

Первое мѣсто среди подругъ моей матери занимала незабвенная супруга поэта, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, На-

*) Произвела Ольга Сергѣевна это существительное отъ французскаго слова „prêtre“—священникъ,—разумѣя подъ нимъ дочь священника.

стасья Львовна, рожденная Энгельгардтъ, бывшая впослѣдствіи, можно сказать, второю для меня матерью, когда моя мать, отправивъ меня учиться въ Петербургъ, поручила ея надзору и попеченію. Настасья Львовна почти не отличала меня отъ своихъ дѣтей и сохранила къ моей матери сердечную привязанность до кончины своей — за границею въ 1860 году. Настасья Львовна была, въ полномъ смыслѣ слова, существомъ поэтическимъ, неземнымъ; мечты о мірѣ духовномъ, жизни загробной, довели ее до мистицизма и были главнымъ предметомъ ея задушевныхъ бесѣдъ. На этой-то почвѣ она и сошлась съ моей матерью.

Мать моя была тоже въ искренно родственныхъ отношеніяхъ и съ женой брата Александра Сергѣевича, Натальей Николаевной; сохранила она отношенія эти и послѣ вторичнаго брака тетки съ П. П. Ланскимъ.

Да и мудрено было не любить и не уважать Наталью Николаевну, которая, будучи примѣрной супругой и матерью, посвятила себя домашнему очагу и перенесла такъ много горя отъ подлаго злословія людей низкихъ, погубившихъ Александра Сергѣевича.

Хотя покойная тетка была тоже религіозной, но, не увлекаясь отвлеченными вопросами, смотрѣла на вещи съ точки зрѣнія болѣе практической. Приходившіе къ Александру Сергѣевичу стихотворцы иногда ей черезчуръ надоѣдали своей музой, и однажды, на вопросъ Баратынскаго, не помѣшаетъ ли онъ ей, если прочтетъ въ ея присутствіи Александру Сергѣевичу новыя стихотворенія, отвѣчала, (какъ разсказывала мнѣ моя мать):

— Lisez, je Vous en prie; je n'écoute pas.

(Читайте, прошу васъ; я не слушаю).

У брата своего, какъ сказано выше, моя мать встрѣтила и Николая Васильевича Гоголя. Творецъ «Мертвыхъ Душъ» произвелъ на нее впечатлѣніе оригинала. Играя бо̀льшею частію въ молчанку, à la Мицкевичъ, Гоголь рѣдко читалъ свои произведенія, но когда читалъ ихъ, то неподражаемо; въ особенности мастерски передразнивалъ хохловъ каковымъ,

впрочемъ, былъ самъ, и жидовъ. Александръ Сергѣевичъ, какъ извѣстно, очень благоволилъ къ нему.

Хотя моя мать и говорила, что «отъ Гоголевской Каллiопы *) припахиваетъ дегтемъ, и чувствуется «малороссiйское сало», но отдавала полную справедливость его таланту, восхищаясь въ особенности «Вечерами на Хуторѣ», которые и любила читать вслухъ, съ свойственнымъ ей искусствомъ. Помню живо, какъ впослѣдствiи въ Варшавѣ,—мнѣ было 10 лѣтъ, — мать, желая развеселить меня, — а былъ я нездоровъ,—прочла мнѣ въ журналѣ «Новоселье» повѣсть «о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Тутъ расхохотался я до спазмовъ, и смѣхъ едва ли не содѣйствовалъ быстрому возстановленiю моего здоровья.

Отдавая справедливость Н. В. Гоголю, мать была большой почитательницей Василiя Андреевича Жуковскаго. Лира его, по ея мнѣнiю, образецъ изящнаго; въ особенности высоко стояли въ ея глазахъ его «Аббадона» и «Ундина». Познакомила меня она, когда мнѣ и девяти лѣтъ не было, съ «Громобоемъ», «Варвикомъ», «Смальгольмскимъ барономъ», Краснымъ - карбункуломъ,» «Похищенной нечистымъ колдуньей-старушкой», и тому подобными ужасными балладами Василiя Андреевича. Въ особенности любила она разсказывать ихъ во время прогулокъ, что̀ и отразилось на моихъ нервахъ: засыпалъ я среди «страховъ ночныхъ», пряча голову подъ одѣяло; но при этомъ полюбилъ я фантазiи: не разъ, во время бури и грома, убѣгалъ я въ рощу, прилегающую къ купленной моими родителями дачѣ въ колонiи Пельцовизна, расположенной въ гористой живописной мѣстности въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы, и убѣгалъ, лишь бы помечтать объ описанныхъ Жуковскихъ привидѣнiяхъ, и, — какъ ни покажется страннымъ, — наслаждаться мучительнымъ чувствомъ собственнаго дѣтскаго страха предъ сверхъестественнымъ мi-

*) Муза краснорѣчiя.

ромъ. Знаменитый пѣвецъ ужасовъ, добрѣйшій и веселый Василій Андреевичъ, проѣздомъ за границу чрезъ Варшаву въ 1842 году, заѣхалъ къ намъ на эту же дачу на пару дней, и тутъ же встрѣтился съ пріѣхавшимъ погостить къ дочери изъ Петербурга Сергѣемъ Львовичемъ. Дѣтей Жуковскій очень любилъ, и неудивительно, что приласкалъ и меня и мою сестру. Не могу, кстати, не прибавить, что на другой же день по пріѣздѣ Жуковскаго появился у насъ на дачѣ и пѣвецъ «Сенсацій госпожи Курдюковой», Мятлевъ — балагуръ и камергеръ (какъ прозвалъ его Александръ Сергѣевичъ), тоже отправлявшійся тогда за границу. Онъ былъ давнишнимъ знакомымъ моихъ родителей и Александра Сергѣевича. Всегда веселый, любезный, Мятлевъ оказался попрежнему душою общества, а дѣтей забавлялъ фокусами, угощая конфектами и бѣгая съ ними взапуски.

Но распространяясь о Гоголѣ, Жуковскомъ, Мятлевѣ, опять зашелъ я слишкомъ впередъ. Возвращаюсь къ семейной хроникѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

VIII.

Однообразныя занятія отца моего по иностранной коллегіи казались ему переходнымъ пунктомъ къ чему-нибудь иному, лучшему; онъ все смотрѣлъ вдаль, даже въ Америку, мечтая уже не о миссіи дипломатической, а о консульствѣ. Начальникъ азіатскаго департамента, К. К. Родофиникинъ, посуливъ ему мѣсто консула въ Молдавіи, хотѣлъ сдѣлать изъ него, что̀ называется, рабочую лошадь. Отецъ нуженъ былъ Родофиникину для замѣны другаго дѣльца, назначеннаго начальникомъ отдѣленія, а потому Родофиникинъ, увернувшись обычнымъ «буду имѣть въ виду», перевелъ отца къ себѣ въ департаментъ, столоначальникомъ по турецкимъ дѣламъ.

Оканчивалась турецкая война, учреждалась миссія въ Греціи. Желая туда пристроиться, отецъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, сталъ учиться по-новогречески у какого-то монаха Александро-невскаго монастыря; желая облегчить себѣ служебное

поприще на востокѣ, онъ принялся также изучать, подъ руководствомъ товарища своего, графа Толстаго, изъѣздившаго вдоль и поперегъ Турцію и Персію, языки турецкій и персидскій.

Но увы! надежды на Грецію скоро улетучились. Въ Аѳины назначили сперва нѣкоего Поп-уло, а потомъ нѣкоего Х-уло; было ясно, что грекъ Родофиникинъ покровительствовалъ своимъ единоплеменникамъ. Взбѣшенный отецъ мой, при объясненіи съ Родофиникинымъ, сказалъ ему слѣдующую рѣзкую фразу:

— Для пользы службы не переименоваться ли мнѣ изъ Павлищева въ Павлопуло?

Родофиникинъ притворился, что не понялъ ядовитости этихъ словъ, но вслѣдъ затѣмъ не преминулъ отомстить отцу, обративъ его изъ столоначальника въ начальника библіотеки. Такимъ образомъ, всякія надежды на миссію исчезли.

Вспыхнулъ польскій мятежъ; отецъ рѣшился распроститься и съ Родофиникинымъ, и съ Петербургомъ.

По ходатайству тестя своего, Сергѣя Львовича, онъ поступилъ, въ февралѣ 1831 года, въ составъ временнаго правленія царства Польскаго подъ начальство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника С. Энгеля.

Надлежало тотчасъ ѣхать. Не легко было отцу разстаться съ весьма серьезно заболѣвшей, вслѣдствіе простуды, женою; мать моя до конца 1832 года осталась въ Петербургѣ и пріѣхала въ Варшаву лишь тогда, когда отецъ совершенно устроился.

Выѣхавъ изъ Петербурга, отецъ черезъ нѣсколько дней былъ въ Вильнѣ, гдѣ явился къ Энгелю. Послѣдній тотчасъ же откомандировалъ его къ генералъ-интенданту арміи, съ порученіемъ слѣдить за операціей заготовленія въ Пруссіи продовольственныхъ припасовъ для нашихъ войскъ. Отецъ находился при главной квартирѣ почти въ теченіе всей кампаніи и, получивъ знакъ военнаго достоинства (Virtuti militari), вступилъ, вмѣстѣ съ нашими побѣдоносными войсками, въ Варшаву.

Въ Варшавѣ онъ прожилъ послѣ этого безвыѣздно цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, занимая послѣдовательно мѣста: управляющаго канцеляріей генералъ-интенданта дѣйствующей арміи (1832—1834 гг.), помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта царства Польскаго (1834—1842 гг.), помощника оберъ-прокурора общаго собранія варшавскихъ департаментовъ сената (1842 — 1851 гг.), оберъ-прокурора того же собранія (1851—1859) гг.) и члена X-го департамента сената. Затѣмъ, послѣ кратковременной отставки (съ 1860 по 1861 годъ), отецъ поступилъ вновь на службу, но уже по военному вѣдомству; состоя при главнокомандующихъ войсками, завѣдывалъ, по высочайшему повелѣнію, періодической печатью и дирекціею оффиціальныхъ двухъ газетъ, а именно—основаннаго имъ русскаго и польскаго «Варшавскихъ Дневниковъ» до 1871 года; въ 1871 году отецъ возвратился въ Петербургъ съ назначеніемъ состоять по военному министерству послѣ слишкомъ пятидесятилѣтней безупречной службы. Сверхъ того, будучи при занимаемыхъ имъ до 1860 года должностяхъ, онъ состоялъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ и членомъ экзаминаціоннаго кимитета, преподавая съ 1838 по 1851 годъ русскую исторію и статистику по-русски же въ бывшихъ юридическихъ и педагогическихъ курсахъ.

Считаю долгомъ, впрочемъ, замѣтить, что описаніе дѣятельности отца моего на поприщѣ административномъ, педагогическомъ и литературномъ составляетъ особый отдѣлъ моихъ воспоминаній, который я надѣюсь предложить со временемъ, если позволятъ обстоятельства, вниманію читателей. Здѣсь же упоминаю объ его дѣятельности лишь въ главныхъ ея чертахъ.

Въ 1832 году, какъ сказано выше, мать моя переселилась въ Варшаву.

Русское общество только-что начинало тамъ группироваться около своего центра, свѣтлѣйшаго князя Ивана Ѳеодоровича Варшавскаго, съ супругой котораго, Елизаветой Алексѣевной, рожденной Грибоѣдовой, мать знакома была давно, находясь въ родствѣ. Фельдмаршалъ былъ всегда очень внимателенъ

къ моей матери, а также и къ ея братьямъ и оцѣнилъ, какъ я уже сказалъ въ своемъ мѣстѣ, боевыя заслуги младшаго, Льва Сергѣевича. Послѣдній, по окончаніи польской кампаніи, подавъ въ отставку, проживалъ въ Варшавѣ и поселился въ домѣ моихъ родителей. Случилось при этомъ такъ, что поданное имъ своему начальнику, командиру финляндскаго драгунскаго полка, прошеніе объ отставкѣ затерялось въ ордонансгаузѣ, или поступило не въ свое время, вслѣдствіе чего дядю исключили изъ службы. Паскевичъ ничего объ этомъ не зналъ и, танцуя на балѣ у себя полонезъ съ моею матерью, спросилъ ее: «А что дѣлаетъ вашъ братъ Левъ?»—Онъ здѣсь, въ Варшавѣ, — отвѣчала она, причемъ разсказала, что случилось. Фельдмаршалъ попросилъ ее прислать «завтра же» записку, и недѣли чрезъ двѣ въ «Инвалидѣ» было напечатано, что Пушкинъ увольняется отъ службы съ чиномъ и мундиромъ. Паскевичъ предлагалъ дядѣ поступить вновь на службу къ нему адъютантомъ, но Левъ Сергѣевичъ, покутивъ въ Варшавѣ порядкомъ, предпочелъ драться съ горцами, и въ началѣ 1834 года уѣхалъ на Кавказъ.

Въ томъ же, 1834 году, появился на свѣтъ и азъ многогрѣшный. Говорю объ этомъ вовсе не съ цѣлію распространяться о моей особѣ, а потому, что появленіе мое прекратило вражду Надежды Осиповны къ моему отцу, котораго она до этого времени «игнорировала». По полученіи извѣстія о моемъ рожденіи, она написала ему слѣдующее письмо:

«Comment Vous exprimer la joie, que j'ai éprouvée, en recevant votre lettre, mon cher Николай Ивановичъ? Il faut être grand' mère pour pouvoir se faire une idée de ce que j'ai senti en la lisant; que le ciel bénisse notre petit Léon, que j'aime déjà de tout mon coeur; qu'il fasse Votre bonheur, et que j'aie la douce satisfaction de recevoir ses caresses; c'est le voeu sincère, que je ne cesserai de former».

(Какъ выразить вамъ радость, которую я испытала, получивъ письмо ваше, мой дорогой Николай Ивановичъ? Надо быть бабушкой, чтобы представить себѣ, что я почувствовала, его читая; да благословитъ небо нашего маленькаго Леона,

котораго люблю уже отъ всего сердца; да составитъ онъ ваше счастіе, и желаю имѣть пріятное утѣшеніе принимать его ласки; вотъ искреннее мое желаніе, которому никогда не измѣню).

Желаніе это осуществилось черезъ полтора года, когда мать въ 1836 году, по случаю смертельной болѣзни моей бабки, поѣхала въ Петербургъ и взяла меня съ собою, такъ какъ Надежда Осиповна непремѣнно хотѣла видѣть и благословить внука. Увидѣвъ меня, она, правда, весьма не надолго оживилась, приказала, чтобы я находился въ ея комнатѣ безотлучно, и чтобы меня, кромѣ ея и матери, никто не смѣлъ ласкать, даже Сергѣй Львовичъ, которому она говорила. «Не цѣлуй ребенка, онъ тебя испугается». Такимъ образомъ какъ разсказывала мнѣ моя мать я дневалъ-ночевалъ въ комнатѣ бабки и былъ безсознательнымъ свидѣтелемъ ея кончины.

Надеждѣ Осиповнѣ не было суждено увидѣть зятя: мучимая угрызеніями совѣсти, она рыдала, вспоминая о немъ и жаждала свиданія съ нимъ, вслѣдствіе чего мать моя написала мужу, чтобы онъ пріѣхалъ. Случилось такъ, что въ это же время князь Паскевичъ ѣхалъ въ Петербургъ и бралъ съ собою отца. Узнавъ въ чемъ дѣло, свѣтлѣйшій отправилъ его впередъ; однако, не смотря на скорость курьерской ѣзды, отецъ опоздалъ и нашелъ тещу уже на столѣ. Умирая, Надежда Осиповна безпрестанно спрашивала: «Да что, въ самомъ дѣлѣ, не является Павлищевъ, когда пріѣдетъ, наконецъ, вѣдь онъ мнѣ родной... какая, Боже, тоска... нѣтъ его, нѣтъ его...» Скончалась она во время Великой заутрени перваго дня Пасхи.

Тѣло бабки было предано землѣ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ сельца Михайловскаго; въ этомъ же монастырѣ похоронены на слѣдующій годъ — Александръ Сергѣевичъ, а въ 1848 году — Сергѣй Львовичъ.

Не нарушая хода событій, нахожу современнымъ упомянуть, что Александръ Сергѣевичъ, узнавъ отъ отца моего о скоромъ пріѣздѣ въ столицу Паскевича, прежде нѣмъ явиться къ фельдмаршалу, попросилъ зятя вручить свѣтлѣйшему только-

что вышедшій нумеръ «Современника», гдѣ былъ напечатанъ журналъ дяди «Путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 года». Паскевичъ принялъ книжку благосклонно, но послѣ сказалъ отцу, что въ статьѣ интереснаго ничего нѣтъ. Фельдмаршалъ ожидалъ найти въ ней что-нибудь посерьезнѣе о своихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

IX.

Послѣ кончины бабки возникла длиннѣйшая и скучнѣйшая процедура по раздѣлу ея наслѣдства, о чемъ я сказалъ уже въ началѣ моихъ воспоминаній. Дядя Александръ Сергѣевичъ, ужаснувшись, до какой степени были запущены Сергѣемъ Львовичемъ дѣла по Михайловскому имѣнію, упросилъ отца моего побывать тамъ, прежде возвращенія своего въ Варшаву, и принять, если возможно, самыя крутыя мѣры противъ дальнѣйшаго хищенія.

Отецъ согласился и, попросивъ отсрочку отпуска, провелъ въ Михайловскомъ съ моей матерью все лѣто, смѣнилъ мошенника управляющаго и, заведя свои порядки, привелъ имѣніе не въ примѣръ въ болѣе благообразный видъ.

Все это видно изъ прилагаемой ниже переписки между дядей и отцомъ—переписки, которая началась между ними еще въ 1834 году, значитъ за два года до смерти бабки. Подлинныя письма дяди у меня, а отъ писемъ отца сохранились черновыя; отецъ никогда прямо набѣло ничего не писалъ.

Свиданіе между матерью и дядей въ 1836 году оказалось послѣднимъ.

Разставанье ея съ нимъ было до крайности грустное. Оба они томились предчувствіемъ вѣчной разлуки, и братъ, провожая сестру, залился горькими слезами, сказавъ ей:

«Едва ли увидимся когда-нибудь на этомъ свѣтѣ, а впрочемъ, «жизнь мнѣ надоѣла; не повѣришь, какъ надоѣла! Тоска, тоска! все «одно и тоже, писать не хочется больше, рукъ не приложишь ни «къ чему, но... чувствую:—не долго мнѣ на землѣ шататься».

(Подлинныя его слова, переданныя мнѣ матерью).

И дѣйствительно, болѣе они не встрѣтились: не прошло и года, какъ Александръ Сергѣевичъ, раненый смертельно Дантесомъ-Гекереномъ, отошелъ въ вѣчность.

Распространяться объ этомъ событіи, о которомъ столько писали, то справедливо, то вкривь и вкось, считаю излишнимъ, ограничиваясь слѣдующимъ:

По полученіи роковаго извѣстія въ Варшавѣ, въ дипломатической канцеляріи намѣстника, чиновникъ этой канцеляріи г. Софьяносъ явился къ моимъ родителямъ ночью на квартиру. Съ таинственнымъ видомъ прошелъ онъ въ кабинетъ отца, и на вопросъ: «зачѣмъ пожаловали не къ чаю, а такъ поздно?» отвѣчалъ: «извѣстіе страшное: Александръ Сергѣевичъ убитъ!» Тутъ Софьяносъ, сообщивъ отцу нѣкоторыя свѣдѣнія о злополучномъ дѣлѣ, поспѣшилъ откланяться. Между тѣмъ мать моя, услышавъ голоса разговаривавшихъ, позвала отца по уходѣ печальнаго вѣстника и спросила, кто былъ у него такъ поздно и зачѣмъ?

— Александръ Сергѣевичъ... началъ отецъ.

— Что боленъ? умеръ?

— Убитъ на дуэли Дантесомъ.

Это извѣстіе было для моей матери такимъ страшнымъ ударомъ, что она занемогла очень серьезно; кровавая тѣнь погибшаго брата являлась къ ней по ночамъ; она вынесла жестокую нервную горячку, во время которой неоднократно вспоминала, какъ, разсматривая руку брата, предсказала ему насильственную смерть.

Всѣ знакомые моихъ родителей, начиная съ фельдмаршала, и русскіе и поляки, поспѣшили изъявить самое теплое сочувствіе матери. Медовая улица, гдѣ жили мои родители, три дня сряду была запружена экипажами.

Не скоро мать поправилась. Лѣчили ее три доктора, насколько помнится, изъ разсказовъ Ольги Сергѣевнѣ Шеферъ, докторъ фельдмаршала, Добродѣевъ и Бонцевичъ. Въ концѣ концовъ натура взяла свое.

Послѣ кончины брата мать долго не выѣзжала въ свѣтъ,

посвятивъ себя исключительно семьѣ; но мало-по-малу стала посѣщать кружокъ избраннаго русскаго общества, который въ это время расширился. Общество это собиралось у намѣстника Паскевича, Горчаковыхъ, Окуневыхъ, Шиповыхъ, Симоничей. Скажу нѣсколько словъ о представителяхъ этихъ семействъ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, впослѣдствіи, какъ извѣстно, ставшій во главѣ русскихъ силъ на Дунаѣ и подъ Севастополемъ, былъ въ то время начальникомъ штаба у Паскевича; Николай Александровичъ Окуневъ, внучатный братъ моей матери, свиты Его Величества генералъ-майоръ, былъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа; генералъ-адъютантъ Шиповъ — главнымъ директоромъ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а бывшій командиръ грузинскаго гренадерскаго полка, отличившійся въ елисаветпольскомъ сраженіи и впослѣдствіи посланникъ при персидскомъ дворѣ, генералъ-лейтенантъ, графъ Симоничъ—комендантомъ города Варшавы.

Въ этихъ семействахъ мать моя въ особенности любила бывать и принимала ихъ у себя; къ нимъ нерѣдко присоединялись и пастыри нашей православной церкви архіепископы варшавскіе и новогеоргіевскіе, впослѣдствіи митрополиты петербургскіе—Антоній и Никаноръ. Первый изъ нихъ, какъ извѣстно, присоединилъ значительную часть уніатовъ къ православной церкви; будучи вмѣстѣ съ тѣмъ священно-архимандритомъ Почаевской лавры, управлялъ онъ съ 1837 по 1843 годъ, кромѣ епархіи варшавской, и епархіей волынскою. Преемникъ его, краснорѣчивый Никаноръ, замѣчателенъ проповѣдями; пробылъ онъ въ Варшавѣ съ 1843 по 1848 годъ. Оба они, и Антоній и Никаноръ, оставили самыя лучшія по себѣ воспоминанія среди русскаго варшавскаго общества.

Отецъ мой, заваленный работами и по законодательной части въ государственномъ совѣтѣ, и по народному просвѣщенію, показывался гостямъ рѣдко. Составлялъ онъ тогда «Историческій Атласъ Россіи», «Польскую исторію», русскіе учебники географіи и статистики, да писалъ корреспонденціи въ журналъ М. П. Погодина «Москвитянинъ»; писалъ онъ

также статьи и въ «Сѣверную Пчелу». Вообще, отецъ предпочиталъ салоннымъ разговорамъ ученыя бесѣды съ удалявшимися въ кабинетъ его двумя обычными посѣтителями-сотрудниками по ученой части, которыхъ онъ особенно уважалъ, а именно: воиномъ кампаніи Отечественной, полковникомъ К. М. Франковскимъ *), который былъ тогда директоромъ реальной гимназіи, и добрѣйшимъ Петромъ Павловичемъ Дубровскимъ**), фамилію котораго дядя Александръ Сергѣевичъ далъ герою своей повѣсти подъ тѣмъ же названіемъ. Пушкинъ относился всегда съ радушіемъ къ Дубровскому, какъ къ другу Михаила Ивановича Глинки. Уроженецъ Москвы, Дубровскій былъ ярымъ славянофиломъ и, задавшись цѣлію «научить поляковъ уму да разуму русскому», появился, не знаю какими судьбами, въ Варшавѣ, гдѣ добился должности сперва учителя русскаго языка въ гимназіи, потомъ цензора и основалъ наконецъ литературно-славянскій журналъ «Денницу». Разумѣется, отецъ мой занялъ между его сотрудниками первое мѣсто. Привелъ Петръ Павловичъ къ отцу и другаго пріятеля Глинки, земляка и товарища послѣдняго по университетскому пансіону, А. А. Римскаго-Корсакова, поэта и проказника. Нашаливъ въ Петербургѣ и прогнѣвивъ батюшку своего, Корсаковъ въ одно прекрасное утро, едва ли не вмѣстѣ съ Дубровскимъ, очутился въ Варшавѣ преподавателемъ русской азбуки въ уѣздномъ (повѣтовомъ—какъ называли) училищѣ. Здѣсь школьники, въ силу физическаго его недостатка или, точнѣе сказать, физическаго избытка, непомѣрной тучности, такъ ему насолили насмѣшками, что Корсаковъ бросилъ учительство и опредѣлился канцелярскимъ чиновникомъ въ бывшую правительственную коммиссію внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства Польскаго. Стихи и афоризмы свои Корсаковъ печаталъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ», издававшихся, при дѣятельномъ участіи Пушкина, барономъ Дельвигомъ. Дельвигъ невзначай порядкомъ разсердилъ Корсакова, сказавъ ему, ради краснаго словца,

*) Скончался въ ноябрѣ 1846 г.

**) Скончался въ 1884 г. членомъ Императорской Академіи Наукъ.

что «стихи его, какъ полъ лощеный гладки, о мысли не споткнешься въ нихъ». Послѣ такого словца Корсаковъ пересталъ не только сотрудничать у Дельвига, но и кланяться съ нимъ.

Часто бывалъ у моихъ родителей еще одинъ поэтъ, П. Г. Сіяновъ, издавшій въ Варшавѣ собраніе стиховъ «Досуги кавалериста». Онъ былъ товарищемъ Льва Сергѣевича по оружію во время польской кампаніи, но любилъ особенно вспоминать Отечественную войну, когда служилъ въ сформированномъ графомъ Мамоновымъ полку «безсмертныхъ гусаръ».

Гораздо позднѣе, въ 1849 году, появился въ домѣ моихъ родителей творецъ оперъ «Жизнь за царя» и «Русланъ и Людмила», находившійся тогда уже на вершинѣ музыкальной славы. Прожилъ Михаилъ Ивановичъ Глинка въ Варшавѣ года два; при немъ состоялъ въ качествѣ эконома испанецъ или португалецъ, Донъ Педро, обжора и Геркулесъ по части бутылочной. Откуда выкопалъ такого субъекта Михаилъ Ивановичъ, неизвѣстно; знаю только, что въ названномъ господинѣ онъ души не чаялъ и привезъ въ Варшаву. Разскажу кстати о прогулкѣ ихъ, въ самый день пріѣзда, по главной улицѣ города «Новый Свѣтъ»:

На встрѣчу пріѣзжимъ попадается Паскевичъ въ коляскѣ, сопровождаемый конвоемъ линейныхъ козаковъ. Было установлено правило снимать, подъ страхомъ гауптвахты, передъ фельдмаршаломъ шапки, чего Глинка и Донъ Педро не могли еще знать. Намѣстникъ крикнулъ кучеру зычнымъ голосомъ «стой», подозвалъ гуляющихъ и накинулся на злополучнаго Педро:

— Знаешь кто я? Шапку долой!

Педро вытаращилъ глаза, ничего не понимая, а Глинка, спѣша выручить пріятеля, докладываетъ о фамиліи спутника.

— А вы сами-то кто?

— Я—Глинка!

— Ахъ, Боже мой, такъ это вы, Михаилъ Ивановичъ? Вообразите, не узналъ. Садитесь съ этимъ шутомъ ко мнѣ въ коляску и отобѣдайте у меня; покорно прошу.

Паскевичъ уважалъ талантъ покойнаго композитора и любилъ музыку (извѣстно, что въ предсмертныхъ страданіяхъ, происходившихъ отъ рака въ желудкѣ, заставлялъ онъ играть у себя въ комнатѣ военный оркестръ, чтобы заглушить мученія). Глинка послѣ обѣда, за которымъ Педро по обычаю объѣлся, предложилъ фельдмаршалу устроить музыкальные вечера; Паскевичъ принялъ предложеніе съ радостью, и вскорѣ произведенія Глинки исполнялись, подъ магической палочкой самого Михаила Ивановича, въ Королевскомъ замкѣ и Бельведерѣ военнымъ оркестромъ и хоромъ превосходныхъ пѣвчихъ главной квартиры арміи. Между тѣмъ Глинка, не жалуя большаго свѣта, посѣщалъ только насъ, когда не исправлялъ у фельдмаршала музыкальной обязанности, а еще болѣе любилъ сиживать дома въ халатѣ, предаваясь лѣни и бесѣдуя съ друзьями, упомянутыми мною выше, Корсаковымъ и Дубровскимъ. Само собою разумѣется, Педро вертѣлся тутъ же, воздавая честь музѣ Терпсихорѣ вообще, а Вакху въ особенности.

Почти въ одно время съ Глинкою завернулъ въ Варшаву, на обратномъ пути изъ-за границы, другъ Александра и Льва Сергѣевичей, С. А. Соболевскій и, застрявъ въ этомъ городѣ болѣе года, никуда не показывался, а ѣздилъ такъ же, какъ и Глинка, единственно къ моимъ родителямъ.

Скажу о Соболевскомъ нѣсколько словъ:

Замѣчательный библіофилъ и сотрудникъ во многихъ журналахъ, Сергѣй Александровичъ, колкими эпиграммами и безцеремоннымъ черезчуръ обращеніемъ въ обществѣ высшаго круга, въ которомъ и стяжалъ прозвище «Mylord qu'importe» (русскаго болѣе соотвѣтственнаго перевода, кромѣ «бояринъ — чортъ всѣхъ побери», пожалуй, и не пріищешь), нажилъ себѣ не мало враговъ; въ сонмѣ ихъ, на первомъ мѣстѣ, находился извѣстный Ф. Ф. Вигель, вслѣдствіе эпиграммы, законченной такимъ образомъ:

«... Счастливъ домъ тотъ и тотъ флигель,
«Гдѣ, разврата не любя,
«Другъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
«Въ шею выгнали тебя.»

Славился Соболевскій амфигуріями и искусствомъ рифмоплетства до такой степени, что подсказывалъ дядѣ, Александру Сергѣевичу, рифмы, когда отдыхалъ у него на диванѣ, послѣ обѣда, наслаждаясь ароматомъ гаванской сигары.

— Нутка, Сергѣй, Бога ради, рифму на «Ольга»,—пристаетъ Пушкинъ.

— «Фольга!»—разрѣшаетъ задачу, зѣвая, Соболевскій.

Дядя продолжаетъ писать и опять спрашиваетъ·

— Сергѣй, какъ мнѣ подогнать рифму на слово «Мефистофель»? Думаю—«профиль».

— Неправильно, возражаетъ Соболевскій, гораздо проще—картофель; но, будетъ съ тебя, Александръ; спать хочу.

Привожу слѣдующій образецъ рифмоплетства «Mylord qu'importe», за который намылила ему дружески голову добрѣйшая Анна Петровна Кернъ, подруга матери, воспѣтая дядей въ стихахъ: «Я помню чудное мгновенье», а Глинкой—въ романсѣ на тѣ же слова:

Анна Петровна, женщина умная, не обидѣлась на довольно пошлую выходку Соболевскаго, а только, сдѣлавъ ему дружескій выговоръ, посовѣтывала не терять досуги на пустяки, а обратить талантъ рифмоплетства къ чему-нибудь болѣе путному.

Вотъ выходка Соболевскаго, сообщенная мнѣ матерью:

«Ну, скажи, каковъ я?
«Счастливъ безпримѣрно;
Баронесса Софья
«Любитъ меня вѣрно,
«Слѣпѣе крота...
«Я же легче серны,
«Влюбленнѣе кота,
«У ногъ милой Керны...
«Эхъ!! какъ онѣ скверны!»

Въ заключеніе не могу не вспомнить шутку Соболевскаго по адресу извѣстной поэтессы Р.

«Ахъ! зачѣмъ вы не бульдогъ,
«Только пола нѣжнаго!

«Полюбить бы я васъ могъ,
«Очень больше прежняго!

«Ахъ! зачѣмъ вы не бульдогъ
«Съ поступью, знать, гордою,
«Съ четвернею бѣлыхъ ногъ,
«Съ розовою мордою!

«Какъ не цѣловать мнѣ лапъ,
«Бѣлыхъ, какъ у кролика,
«Коль лобзанье ногъ у папъ
«Счастье для католика?...»

«Быть графиней, что за стать?
«И съ какою ручкою
«Вы осмѣлитесь сравнять
«Хвостикъ съ закорючкою?..»

Дѣдъ, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, пріѣзжалъ два раза къ дочери въ Варшаву на все лѣто: первый разъ въ 1842 году, второй—въ 1846 году; при немъ тогда выдержалъ я экзаменъ въ третій классъ гимназіи, по окончаніи котораго дѣдъ самъ надѣлъ на меня мундирчикъ и благословилъ иконой. Тогда видѣлъ я дѣда въ послѣдній разъ: въ 1848 году онъ скончался семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

X.

После кончины Сергѣя Львовича моя мать ѣздила въ Петербургъ опредѣлить меня въ закрытое заведеніе, а также и для раздѣла наслѣдства. Тамъ встрѣтила она въ послѣдній разъ Льва Сергѣевича, тоже пріѣхавшаго въ столицу изъ Одессы, гдѣ, послѣ перехода въ гражданскую службу, онъ состоялъ членомъ таможни; умеръ дядя Левъ въ Одессѣ же, ровно четыре года спустя.

Осенью 1851 года моя мать переселилась въ Петербургъ, чтобы наблюдать за окончательнымъ образованіемъ дѣтей. Отецъ же, связанный службою, остался въ Варшавѣ.

Проживъ въ Польшѣ девятнадцать лѣтъ сряду, мать никакъ не могла научиться по-польски, увѣряя, что ей слышатся звуки

псковскаго нарѣчія, съ «дзяканьемъ» и «дзюканьемъ»,—нарѣчія, изученіе котораго показалось ей совершенно ненужнымъ. Прислугу она пріучала объясняться по-русски, причемъ вражду національную считала непонятной мелочью, не постигая польскаго фанатизма и ненависти поляковъ къ русскимъ. «Господъ поляковъ»,—говорила она мнѣ,—«никакъ не убѣдишь въ томъ, что русскій, полякъ, китаецъ, англичанинъ, «эѳіопъ да нѣмецъ—всѣ одинаково раждаются очень много «страдаютъ, очень мало радуются, и, наконецъ, возвращаются «къ общему Небесному Отцу. Господь Іисусъ Христосъ искупилъ всѣхъ. Апостолъ же Павелъ самъ сказалъ: Нѣсть «Эллинъ и Іудей, варваръ и Скиѳъ, рабъ и свободъ, «но всяческая и во всѣхъ Христосъ».

Принципъ этотъ не мѣшалъ ей, однако, быть патріоткой, но патріоткой въ самомъ благородномъ смыслѣ слова, безъ непостижимой ея философскому, христіанскому взгляду ненависти къ какой бы ни было народности. Любила она искренно всѣхъ и, будучи врагомъ такъ называемыхъ «бабьихъ сплетенъ», ни о комъ не отзывалась дурно, развѣ уже объ отъявленныхъ негодяяхъ, о чемъ я говорилъ выше.

Покинувъ Варшаву, она оставила по себѣ самую лучшую память и среди русскихъ, и среди поляковъ. Всѣ оцѣнили умъ ея, доброту, благочестіе, отсутствіе предразсудковъ и благотворительность, примѣровъ которой могу привести множество.

Въ Петербургѣ мать встрѣтила свою невѣстку, вдову поэта, Наталью Николаевну, вышедшую замужъ за генералъ-адъютанта П. П. Ланскаго, и давнишнихъ друзей, изъ которыхъ стали ее часто посѣщать съ супругами: Петръ Александровичъ Плетневъ, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ѳ. Одоевскій литераторъ, царскосельскій товарищъ Александра Сергѣевича С. Д. Комовскій, шуринъ послѣдняго и родственникъ матери графъ Е. Е. Камаровскій, Я. И. Сабуровъ, А. Н. Зубовъ, Алексѣй Николаевичъ Вульфъ съ сестрами Анною и баронессою Евпраксіею Вревскою, Анна Петровна Кернъ, а также извѣстная прежней литературной дѣятельностью,

впрочемъ, осмѣянная въ эпиграммѣ Александра Сергѣевича, Е. Н. Пучкова, наконецъ, задушевный другъ матери, Настасья Львовна Баратынская. Посѣщалъ часто ее и товарищъ ея дѣтства, графъ Константинъ Николаевичъ Толстой, женатый на кузинѣ ея, княжнѣ Оболенской, а въ 1855 году показался и престарѣлый Филиппъ Филипповичъ Вигель, сдѣлавшійся обычнымъ посѣтителемъ нашимъ по субботамъ, когда мать принимала своихъ старыхъ подругъ, сестра моя—молодыхъ, а я—товарищей, университетскихъ буршей. Вигель занималъ общество чтеніемъ интересныхъ воспоминаній (напечатаны впослѣдствіи въ «Русскомъ Вѣстникѣ»). Нервный, своенравный, онъ терпѣть не могъ, когда прерывали чѣмъ-нибудь чтеніе, сморканьемъ ли, чиханьемъ ли, или куреніемъ табаку, а къ зелію такому, по его выраженію, «вельми богопротивному», онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Если что-либо прерывало чтеніе, Вигель уходилъ домой, ни съ кѣмъ не прощаясь, что̀, впрочемъ, не мѣшало ему приходить въ слѣдующую субботу снова и опять читать. Не могу забыть, какъ разсердился Вигель за то, что въ одну отъ суббóтъ заснули подъ его чтеніе князь П. А. Вяземскій и Я. И. Сабуровъ, вторя его краснорѣчію старческимъ храпомъ. Вигель, замѣтивъ это, всталъ, раскланялся и исчезъ, не говоря ни слова. Не сносилъ Филиппъ Филипповичъ ни противорѣчія, ни похвалы своимъ антагонистамъ; такъ, онъ едва не ушелъ, когда моя мать, вовсе не думая его обидѣть, похвалила за что-то врага его, Соболевскаго.

— Madame!—вскричалъ онъ, вскочивъ со стула, несмотря на то, что, вслѣдствіе болѣзни, перемѣнялъ мѣсто съ трудомъ, — ne me parlez pas de cette obscénité de la tête aux pieds! (Сударыня не говорите мнѣ объ этой неприличности съ головы до ногъ!).

Не мало стоило трудовъ успокоить раздраженнаго старика.

Надо замѣтить, что Филиппъ Филипповичъ, будучи чопоренъ до крайности, появлялся, даже среди своихъ самыхъ короткихъ знакомыхъ, не иначе какъ во фракѣ.

Мать моя, находя удовольствіе въ обществѣ своихъ совре-

менниковъ и современницъ, бесѣдуя съ ними о братѣ, ужасную кончину котораго не могла забыть, сосредоточила всѣ заботы свои на дѣтяхъ, «для Лели и Нади только живу»,— говорила она и, отказывая себѣ во всемъ, имѣла одну цѣль сбереженное оставить намъ; мысль, что дѣти будутъ нуждаться, давила ее подобно кошмару. Чтобы показать силу ея материнской любви, считаю священнымъ для себя долгомъ привести слѣдующія слова, сказанныя ею мнѣ въ 1857 году:

«Желаю отъ души видѣть тебя счастливымъ, сынъ мой; «молю Бога, чтобы тяжесть всѣхъ неудачъ и горькихъ разо«чарованій, которыя испытываешь, когда тебѣ не минуло еще «и двадцати-трехъ лѣтъ, легла не на тебѣ, а на мнѣ, лишь «бы въ упорной борьбѣ, какую выдерживаешь, купить тебѣ «спокойствіе. Я всегда съ тобою, сынъ мой; будь твердъ и «вѣрь: всякая побѣда обусловливается твердостію духа и вѣ«рою, а уныніе и безвѣріе влекутъ за собою жестокія пора«женія».

Любимымъ предметомъ бесѣдъ матери съ друзьями былъ міръ духовный. Какъ я уже сказалъ выше, она занималась одно время столоверченіемъ, полагая, что бесѣдуетъ съ тѣнью брата Александра, который будто бы приказалъ сестрѣ сжечь ея «Семейную Хронику». Находясь подъ вліяніемъ галлюцинаціи, мать увидала, яко бы тѣнь брата ночью, умолявшаго ее это исполнить, и на другой же день отъ ея интересныхъ записокъ не осталось и слѣдовъ. Случилось это при началѣ Восточной войны, когда многіе были заражены идеями новаго крестоваго похода противъ невѣрныхъ, страхомъ о кончинѣ міра и ужасами разнаго рода, предаваясь сомнамбулизму, столоверченіямъ, гаданіямъ въ зеркалахъ. Въ это же самое время, осенью 1853 года, вскорѣ, какъ помнится, послѣ битвы при Синопѣ, собрались въ Москвѣ у господъ Нащокиныхъ любители столокруженія, чающіе проникнуть въ тайны духовнаго міра, друзья покойнаго Александра Сергѣевича. Господа эти вызвали тѣнь его, и тѣнь, будто бы управляя рукой молоденькой дѣвочки, не имѣвшей никакого понятія о стихахъ,

написала посредствомъ миніатюрнаго столика *), одну изъ ножекъ котораго замѣнялъ карандашъ на бумагѣ, слѣдующую штуку, на вопросъ любопытныхъ: «Скажи, Пушкинъ, гдѣ ты теперь?»:

«Входя въ небесныя селенья,
«Печалилась душа моя,
«Что средь земнаго треволненья
«Васъ оставлялъ надолго я...
«Попрежнему вы сердцу милы;
«Но не земное я люблю
«И у престола высшей силы
«За васъ, друзья мои, молю...»

Впрочемъ, мать моя бросила столоверченіе послѣ того, какъ одна изъ короткихъ ея знакомыхъ, занимавшаяся тѣмъ же, занемогла отъ разстройства нервовъ и едва не сошла съ ума. Возвратилась эта знакомая къ состоянію нормальному, благодаря неумолимой логикѣ доктора Здекауера.

Мало-по-малу мать разочаровалась и въ Сведенборгѣ, и въ ученіи спиритовъ. (См. ниже: предсмертное стихотвореніе ея «Спиритизмъ»).

Мать, послѣ постигшаго ее въ 1846 году воспаленія легкихъ, стала страдать слабостью и періодическимъ потемнѣніемъ глазъ, а въ слѣдующемъ 1847 году ѣздила лѣчиться въ Фрейвальдау, въ Силезію, у знаменитаго Шрота. Лѣченіе принесло пользу, но глазная болѣзнь возобновилась въ Петербургѣ: яркаго освѣщенія мать не могла выносить, а вслѣдствіе глазной болѣзни естественнымъ образомъ подверглась и разстройству нервовъ.

Недуги съ лѣтами увеличились и 2-го декабря 1862 года разразились страшнымъ нервнымъ ударомъ, которому предшествовали лѣтомъ того же года головокруженія.

---

*) Столики эти продавались тогда въ любыхъ магазинахъ канцелярскихъ принадлежностей за четвертакъ. Я самъ, по приказанію матери, купилъ таковой на Невскомъ проспектѣ.

Нервный ударъ, лишивъ мать употребленія ногъ, способствовалъ въ свою очередь развитію глазной неизлѣчимой болѣзни «глаукома». Между тѣмъ къ операціи глазъ приступить было нельзя безъ опасности для жизни, такъ какъ послѣ удара у матери проявлялись безпрестанные обмороки. Такъ рѣшилъ на консиліумѣ съ окулистомъ Блесигомъ пользовавшій мать докторъ и другъ нашего дома Н. И. Варенуха. Онъ не отходилъ отъ матери, занимая квартиру въ одномъ и томъ же домѣ, и сумѣлъ продлить ей жизнь еще почти на шесть лѣтъ.

Глазную операцію мать выдержала уже въ концѣ 1863 года у профессора Юнге, когда организмъ ея нѣсколько окрѣпъ; спасти же отъ окончательной слѣпоты возможно было только правый глазъ; лѣвый былъ мертвъ; но и послѣ операціи мать видѣла предметы правымъ глазомъ какъ бы сквозь густой черный флеръ, а ноги послѣ удара остались парализованными, такъ что безъ помощи палки она не могла ступить.

Въ періодъ послѣдней, тяжелой эпохи жизненнаго пути, мать, несмотря на слѣпоту, написала собственноручно хранящіяся у меня стихотворенія. Привожу нѣкоторыя по годамъ.

1864.

Смерть! не страшилищемъ вижу тебя!
Вижу тебя я съ улыбкой привѣтливой:
Очи исполнены нѣжной любви,
Вижу тебя я въ одеждѣ сіяющей
Цвѣтомъ весеннихъ небесъ голубыхъ,
Крылья распущены благоуханныя,
Вѣя прохладою, бѣлы какъ снѣгъ;
Вижу вокругъ тебя радугу ясную,
Вѣтвь примиренья во длани твоей!
Что же такъ медлишь полетъ твой, прекрасная?
Скорѣе жъ лети ты, скорѣе ко мнѣ,
И нѣжно возьми ты въ объятья меня!

20 марта.

Утѣшительница.

(Быль).

(Написано послѣ бесѣды матери съ одною изъ ея знакомыхъ, Т. С. В., рожденной княжной Х. — существомъ, впрочемъ, добрѣйшимъ, которая, думая утѣшить ее, приводила многочисленные примѣры слѣпоты. «Знаю, Темира», отвѣчала ей мать,—«что есть люди несчастнѣе меня, да отъ этого-то мнѣ нисколько не легче»).

Старушка больная, слѣпая, безногая,
На лавкѣ сидитъ у окна одинокая,
Глаза неподвижные, тусклые, впалые,
Слезы роняли давно небывалыя.
Къ ней въ горницу входитъ сосѣдка дородная,
На ней душегрѣйка алая, модная.
Хоть стара, да румяна, бѣла, черноброва,
Сурмится, румянится всякій день снова.
«Здравствуй, Онуфревна! съ праздникомъ, кумушка!
«Что ты, мой другъ? здорова-ль, голубушка?
«Тебѣ принесла я на праздникъ подарочекъ,
«Медку сотòваго, красненькихъ ѝчекъ.
«Да какой же прекрасный у насъ и денекъ!
«Солнышко грѣетъ, какъ зимой огонекъ;
«И тепло, и свѣтло, и луга зеленѣютъ,
«Скоро на нихъ и цвѣтки зажелтѣютъ».
Цѣлуетъ слѣпую, ей въ руки кладетъ
По два яичка, предъ ней ставитъ медъ.
«Спасибо тебѣ»,—ей сказала слѣпая.
Дрожащей рукою глаза утирая,—
«Спасибо, кума, не на радость себѣ
«Добрые люди приходятъ ко мнѣ».
— «И полно тужить, ты напрасно грустишь,
«Еще въ такой праздникъ! ну, право грѣшишь!
«Вотъ недалеко слѣпую я знаю,
«А горя побольше у ней еще, чаю:
«Она безъ пріюта, подаяньемъ живетъ,
«А всегда весела, часто пѣсни поетъ».
Старушка молчала, внимала словамъ
И слезы катились у ней по щекамъ.

15 іюня.

1865.

Что такое спиритизмъ?

Насъ спиритисты утѣшаютъ,
Что послѣ смерти въ другой міръ
Мы перейдемъ, и увѣряютъ,
Что всѣ планеты, какъ трактиръ--
Для временнаго пребыванья
Одушевленнаго созданья;
И что не только человѣкъ,
Собака, мышь, и слонъ, и кошка,
Но даже таракань и мошка
Переселяться будутъ вѣкъ
Изъ міра въ міръ для улучшенья,
Души и тѣла украшенья.
А что земля грязна, скверна,
И для того лишь создана,
Чтобъ поселить сперва чертей,
Птицъ хищныхъ, лютыхъ тожъ звѣрей,
Мошенниковъ, воровъ, злодѣевъ,
Клоповъ и блохъ, и жабъ и змѣевъ,
Чѣмъ начинается нашъ родъ,
То есть всѣ люди и весь скотъ.
А потому давно пора
При смерти намъ кричать «ура».

25 февраля.

La pensée.

Nous faudra t'il toujours enchaîner la pensée?
Et la soumettre au joug pour la voir abaissée?
N'est-elle point semblable à l'aigle dans les airs,
Qui plâne sur l'abyme et traverse les mers?
Qui plus prompt que le trait, parcourant les déserts,
S'arrête sur les monts aux dessus des nuages?..
Ah! laissons lui son vol et reservons les cages
A ces gentils oiseaux, parés de leur plumage,
Qui chantent dans les bois, pour qu'ils soient entendus,
Et s'abattent joyeux sur les filets tendus!
Quand la pensée est grande, elle doit être libre:
Il faut briser ses fers, il faut qu'on la délivre;
Alors son vol sera rapide, audacieux!

Il lui découvrira les arcanes des cieux,
Ces mondes si brillants, mais cachés à nos yeux,
Qui, l'attirant toujours, la repoussent encore;
Leur source étanchera la soif qui la dévore!...
Plus belle, rajeunie, et pleine de vigueur,
Allumant ses flambeaux pour dissiper l'erreur—
Où pourraient la plonger les merveilleux mirages,
Elle atteindra le but de ses lointains voyages...
. . . .
Et je rêvais pour elle ainsi la liberté;
Mais revenue bientôt à la réalité,
Par une voix secrète et cependant sonore,
Qu'on craint presque toujours, que la passion abhorre,
Cette voix me disait: «Homme stupide et vain!
«Toi même dans les fers, esclave du destin,
«Création imparfaite, et du ciel repoussée!...
«Est-ce à toi d'élever jusqu'à lui la pensée?!!
«Si l'aigle sans frayeur traverse les déserts,
«C'est qu'il peut de son oeil en mesurer l'espace,
«Appercevoir son but, les monts couverts de glace;
«Mais ta pensée à toi, volant dans l'univers—
«Cet espace sans fin,—égarée, epuisée,
«Où peut elle ployer son oeil fatigué?
«Ces mondes si brillants, qn'elle interrogerait,
«Seront muets pour elle, et partout le silence;
«Ne voyant que la mort auprès de l'existence,
«Sans espoir vers la terre elle rotournerait»...

1 Juillet. 1865.

(Мысль).

(Неужели намъ надо будетъ всегда сковывать мысль, и покорять ее игу, чтобы видѣть ее униженною? Не подобна ли она орлу въ воздухѣ, который паритъ надъ пропастью и пролетаетъ моря,—орлу который быстрѣе стрѣлы пробѣгая степи, останавливается на горахъ, выше облаковъ? Оставимъ ему полетъ и отдадимъ клѣтки тѣмъ красивымъ птичкамъ, разряженнымъ въ перья, поющимъ въ рощахъ для того, чтобы ихъ слышали; онѣ радостно попадаютъ въ разставленныя имъ сѣти. Когда же мысль велика, то должна быть свободна! Надо сломать ея оковы, надо дать ей волю, тогда полетъ ея будетъ быстръ и смѣлъ. Онъ откроетъ ей тайны небесъ, міровъ блестящихъ, но сокрытыхъ отъ нашихъ взоровъ,—міровъ, которые, привлекая ее, отталкиваютъ вновь! Источникъ этихъ міровъ утолитъ жажду, ее пожирающую. Тогда прекраснѣе, съ обновленною молодостью, исполненная

силы, зажигая свои факелы, разсѣевающіе заблужденія, въ какія могли ее погрузить чудесные призраки, мысль достигнетъ цѣли своихъ далекихъ странствованій.—И я такую воображала себѣ для мысли свободу. Но скоро возвратилась къ дѣйствительности, услышавъ голосъ тайный, но однако звучный, голосъ, котораго почти всегда боятся и котораго страсть человѣческая ужасается. Голосъ этотъ мнѣ сказалъ: «Человѣкъ безумный и тще-«славный! Самъ ты въ цѣпяхъ, рабъ судьбы, несовершенное творенье, отвер-«женное небесами!... Тебѣ ли къ нимъ возносить мысль? Если орелъ про-«летаетъ безстрашно пустыни, то потому, что можетъ глазомъ измѣрить «разстояніе, замѣчать свою цѣль—горы, покрытыя льдомъ. Но мысль твоя, «летая по вселенной, въ этомъ пространствѣ безъ конца—мысль, заблуж-«денная, истощенная, гдѣ можетъ опустить свое усталое крыло? Эти блис-«тающіе міры, которые она бы вопрошала, будутъ нѣмы для нея, и вездѣ «встрѣтитъ она безмолвіе. Тогда, не видя смерти рядомъ съ жизнею, она «безъ надежды возвратилась бы на землю»...)

1866.

Ангелу хранителю.

Не улетай, прекрасный Ангелъ мой,
Не улетай, небесный утѣшитель,
Души моей, томимой злой тоской,
Кто, какъ не ты путеводитель!

Не улетай, о сжалься надо мной,
Подъ бременемъ моимъ ужъ я изнемогаю,
Веди меня средь жизни роковой,
Дай руку мнѣ, тебя я умоляю!

Опора мнѣ нужна: опорою мнѣ будь!
Лучами свѣтлыми и теплыми надежды
Разсѣй ужасный мракъ и озари мой путь,
И пусть я при тебѣ мои закрою вѣжды.

4 сентября.

Зачѣмъ не бьетъ мой часъ желанный,
Зачѣмъ дышу, страдаю я?
Зачѣмъ у гроба клиръ печальный
Не молитъ Бога за меня?

Не потому ль, что искупаю
Страданьемъ счастіе дѣтей?

Да будетъ такъ! Благославляю
Тяжелый крестъ судьбы моей.

И донесу его радушно
Я до могилы; тамъ усну...
Тамъ будетъ мнѣ легко, не душно,
И я отъ жизни отдохну...

20 ноября.

1867.

Буря.

Солнце исчезло, тучи бѣгутъ
Одна за другой все мрачнѣе...
Бѣлыя волны по морю плывутъ
Къ высокимъ скаламъ все сильнѣе.

Лѣсъ содрогнулся, въ немъ вѣтеръ шумитъ,
Качаетъ деревья, ихъ съ корнемъ срываетъ,
Съ природы гигантомъ сразиться летитъ,
И дубъ вѣковой на землѣ издыхаетъ.

Но къ лѣсу на помощь вотъ туча спѣшитъ,
Молніей, громомъ его осѣняетъ,
Дождь водопадомъ шумящимъ кипитъ,
Вѣтеръ въ испугѣ предъ нимъ умолкаетъ.

И синее море недвижно опять.
Любуясь собою, въ немъ шаръ золотистый,
И блестки игривыя стали сіять,
И въ рощѣ запѣлъ соловей голосистый...

Все тихо, но живо, и зелень луговъ,
И зелень деревьевъ; и какъ благовонны
Въ воздухѣ чистомъ дыханья цвѣтовъ,
Какъ ярки цвѣты, какъ жизнію полны!

. . . .

Такъ въ юношѣ буря души исчезаетъ.
Надежда съ улыбкой приходитъ къ нему!
Счастьемъ грядущимъ его утѣшаетъ,
Онъ жадно ей внемлетъ, онъ вѣритъ тому...

Рукою своею она подымаетъ
Съ очей его черный тяжелый покровъ,
Долину прекрасну предъ нимъ открываетъ,
Въ долинѣ той радость и дружба, любовь...

. . . .

Но вѣтеръ въ пустынѣ когда забушуетъ,
Онъ страшенъ, ужасенъ, удушливъ и жгучъ,
Не съ дивной природой земли онъ воюетъ:
Онъ борется съ небомъ, съ миріадами тучъ!..

И вотъ онъ усталъ; но побѣдой гордится
Надъ моремъ, дождемъ, надъ свирѣпой грозой!
На желтую, рыхлую почву ложится,
Чтобъ съ новою силой стремиться на бой!

10-го мая.

Моя эпитафія.

***

Отдыхъ отъ жизни тяжелой
Могила одна лишь даетъ;
Пусть же съ улыбкой веселой
Страдалица къ смерти идетъ...

9-го іюля.

Съ января 1868 года силы физическія окончательно стали покидать мою мать; она таяла какъ свѣча, пожелтѣла какъ пергаментъ, но сохранила свѣжесть умственныхъ силъ. Въ послѣднія минуты бытія земнаго написала она три слѣдующія стихотворенія.

I.

Фатализмъ.

***

Фатализмъ мой законъ: онъ меня утѣшаетъ,
Съ небомъ, землею меня онъ миритъ;
Ропотъ въ страданьяхъ моихъ заглушаетъ,
Совѣсть тревожную даже щадитъ...

Голосъ его какъ мнѣ звученъ, пріятенъ!
Для сердца бальзамъ, для ума свѣтлый лучъ!
Почто же не всѣмъ, какъ мнѣ, онъ понятенъ?
И ясенъ, какъ майское небо безъ тучъ?

Не гордость ли разумъ людей помрачаетъ?
Боясь унижаться, повѣривъ судьбѣ,
Скорѣй въ неудачахъ себя обвиняютъ,
Въ успѣхахъ «спасибо» гласятъ лишь себѣ...

II.

***

Я смерти жду, какъ узникъ ждетъ свободы,
Но дни текутъ, и мѣсяцы, и годы;
Она нейдетъ, глуха къ моимъ мольбамъ,
Безжалостна къ томленью и слезамъ!
Она нейдетъ, и долгой жизни бремя
Такъ стало тяжело! и почему же время
Для всѣхъ другихъ быстрѣе рѣкъ бѣжитъ,
Лишь для меня недвижимо стоитъ?
Но жалоба моя быть можетъ и напрасна:
Кто знаетъ? не она ль судьбѣ, какъ мы, подвластна,
Которая ведетъ ее своей рукой,
Косить, не вѣдая, что видитъ предъ собой?

III.

***

Ужъ холодъ струится по жиламъ моимъ...
Не вѣстникъ ли смерти моей онъ желанной?..
Спѣши же ко мнѣ, оставь жизнь молодымъ,
Жизнь ихъ лелѣетъ надеждой отрадной;
Надежда жъ моя—вся въ тебѣ лишь одной.
Ты прекращаешь страдальцевъ стенанья,
Ниспосылая имъ вѣчный покой,
Сномъ безпробуднымъ, забвеньемъ страданья...

19-го марта 1868 г.

Въ четвергъ, 2-го мая 1868 года, въ четыре часа по полудни, мать моя скончалась на моихъ рукахъ, пріобщившись Святыхъ Тайнъ. По настоянію Е. Л. Симанской ее соборовали за двѣ недѣли до кончины.

6-го мая, въ понедѣльникъ, послѣдовалъ выносъ тѣла въ Новодѣвичій монастырь, на кладбищѣ котораго мать изъявляла неоднократно желаніе быть погребенной. Литургію, отпѣваніе и погребеніе въ сослуженіи съ мѣстнымъ духовенствомъ совершалъ маститый протоіерей Преображенскаго собора М. Спасскій, давнишній знакомый матери и Александра Сергѣевича.

Миръ праху ея...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Переписка между Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ и Николаемъ Ивановичемъ Павлищевымъ.

I.

4-го мая 1834 года, С.-Петербургъ.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! благодарю васъ за ваше письмо. Оно дѣльное и дѣловое, слѣдовательно отвѣчать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управленіе батюшкинаго имѣнія, я потребовалъ яснаго разсчета долгамъ казеннымъ и частнымъ, и доходамъ. Батюшка отвѣчалъ мнѣ, что долгу на всемъ имѣніи тысячъ сто, что процентовъ въ годъ должно уплачивать тысячъ семь, что недоимки тысячи три, а что доходовъ тысячъ двадцать двѣ. Я просилъ все это опредѣлить съ бóльшею точностью, и батюшка не успѣлъ того сдѣлать самъ; я обратился въ ломбардъ и узналъ навѣрное, что долгу казеннаго 190,750, что процентовъ ежегодно 11,826, что недоимокъ 11,045. (Частныхъ долговъ полагаю около 10,000). Сколько доходу—навѣрное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22,000, выйдетъ, что за уплатою казнѣ процентовъ, остается до 10,000. Изъ оныхъ, если батюшка положитъ по 1,500 Ольгѣ Сергѣевнѣ, да по стольку же Льву Сергѣевичу, то останется для него 7,000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенныя, долги частные, долги Льва Сергѣевича, а часть доходовъ сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамѣстъ не приведу въ порядокъ и въ извѣстность сіи запутанныя дѣла, ничего не могу обѣщать Ольгѣ Сергѣевнѣ и не обѣщаю; состояніе мое позволяетъ мнѣ не брать ничего изъ доходовъ батюшкинаго имѣнія, но своихъ денегъ я не могу и не въ состояніи приплачивать. Надѣюсь получить (мѣсто въ письмѣ вырвано). Изъ нихъ пришлю вамъ долгъ Льва Сергѣевича.

Съ истиннымъ пóчтеніемъ и преданностью остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

P. S. Я еще не получилъ отъ батюшки довѣренности. За одинъ мѣсяцъ изъ моихъ денегъ уплатилъ уже въ одинъ мѣсяцъ 866 за батюшку, а за Льва Сергѣевича 1,330, болѣе не могу.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву. Помощнику статсъ-секретаря государственнаго совѣта. (Штемпель почтамта С.-Петербургъ, 1835, мая 5-го).

II.

3-го іюня 1835 года.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! вы желаете знать, что такое состояніе батюшки; посылаю вамъ о томъ вѣдомость:

Въ селѣ Болдинѣ душъ по 7-й ревизіи 564.

Въ сельцѣ Кистеневѣ (Тимашевѣ тожъ) 476.

Покойный Василій Львовичъ владѣлъ другой половиною Болдина, въ коей было также около 600 душъ. Эта часть продана спустя 3 года послѣ отреченія отъ наслѣдства самого наслѣдника. Я не могъ взять на себя долга покойника, потому что ужъ и безъ того былъ стѣсненъ, а братъ Левъ Сергѣевичъ, кажется, не могъ бы о томъ и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мѣрѣ 60,000. Жаль, что вы въ то время не снеслись со мною; кабы я могъ думать, что вы примете на себя управленіе этимъ имѣніемъ, я бы могъ отъ него не отступиться.

Вы хотите имѣть довѣренность на управленіе части Кистенева, коего доходы уступаю сестрѣ—съ охотою; напишите мнѣ только: переслать ли вамъ оную, или сами вы за нею пріѣдете. Переговорить обо всемъ не худо было бъ.

Весь вашъ А. Пушкинъ.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву, г. помощнику статсъ-секретаря. (Штемпель почтамта С.-Петербургъ, 5-го іюня 1835).

III.

2-го августа 1835 года.

Милостивый государь Николай Ивановичъ! я вамъ долго не отвѣчалъ, потому что ничего утвердительнаго не могъ написать. Отвѣчаю сегодня на оба ваши письма: вы правы почти во всемъ, а въ чемъ не правы, о томъ нечего толковать. Поговоримъ о дѣлѣ. Вы требуете сестрину законную часть; вы знаете наши семейственныя обстоятельства; вы знаете, какъ трудно у насъ приступать къ чему-нибудь дѣльному или дѣловому: отложимъ это до другаго времени. Вотъ распоряженія, которыя на дняхъ предложилъ я батюшкѣ и на которыя онъ, слава Богу, согласенъ. Онъ Льву Сергѣевичу отдаетъ половину Кистенева, свою половину уступаю сестрѣ (т. е. доходы) съ тѣмъ, чтобъ она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ. Я писалъ о томъ уже управителю. Батюшкѣ остается Болдино. Съ моей стороны это конечно не пожертвованіе, не одолженіе, а разсчетъ для будущаго. У меня, у самого, семейство, и дѣла мои не въ хорошемъ состояніи. Думаю оставить Петербургъ и ѣхать въ деревню, если только этимъ не навлеку на себя неудовольствія.

За фермуаръ и за булавку даютъ 850 рублей. Какъ прикажете?... не худо было бы вамъ пріѣхать въ Петербургъ, но объ этомъ успѣемъ списаться.

Я до сихъ поръ еще управляю имѣніемъ, но думаю къ іюлю сдать его. Матушкѣ *) легче, но ей совсѣмъ не такъ хорошо, какъ она думаетъ; лѣкаря не надѣются на совершенное выздоровленіе.

Сердечно кланяюсь вамъ и сестрѣ. А. Пушкинъ.

IV.

13-го іюля 1836 года.

Я очень зналъ, что приказчикъ плутъ, хотя, признаюсь, не подозрѣвалъ въ немъ такой наглости. Вы прекрасно сдѣлали, что его прогнали и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо, по письму вашему вижу, что, вопреки моему приказанію, приказчикъ успѣлъ уже все распродать. Чѣмъ же будете вы жить покамѣстъ? Ей Богу не вѣдаю. Вашъ Пановскій ко мнѣ не является. Но такъ какъ я еще не имѣю довѣренности отъ Льва Сергѣевича, то я его и не отыскивалъ. Однако, гдѣ мнѣ найти его, когда будетъ до него нужда? Батюшка уѣхалъ изъ Петербурга 1-го іюля, и я не получилъ объ немъ извѣстія. Письмо сестры перешлю къ нему, коль скоро узнаю, куда къ нему писать; что ея здоровье? Отъ всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной Прасковьѣ Александровнѣ **), которая совсѣмъ меня забыла.—Здѣсь у меня голова кругомъ идетъ, думаю пріѣхать въ Михайловское, коль скоро немножко устрою свои дѣла.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ городъ Островъ, оттуда во Вревъ.

V.

1836 (число не выставлено).

Пришлите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, объявленіе о продажѣ Михайловскаго, составя его на мѣстѣ; я такъ его и напечатаю. Но постарайтесь на мѣстѣ же переговорить съ лучшими покупщиками. Здѣсь за Михайловское одинъ изъ нашихъ сосѣдей, знающій и край и землю нашу, предлагаетъ мнѣ 20,000 рублей. Признаюсь, врядъ ли кто дастъ вдвое, а о 60,000 я не смѣю и думать. На сдѣлку, вами предлагаемую, не могу согласиться, и вотъ почему: батюшка никогда не согласится выдѣлить Ольгу, а полагаться на Болдино мнѣ невозможно. Батюшка уже половину имѣнія прожилъ и проглядѣлъ, а остальное хотѣлъ уже продать. Вы пишете, что

*) Надеждѣ Осиповнѣ.

**) Осиповой.

Михайловское будетъ мнѣ игрушка, такъ—для меня, но дѣти мои ничуть не богаче вашего Лёли *), и я ихъ будущностью и собственностію шутить не могу. Если, взявъ Михайловское, понадобится вамъ его продать, то оно мнѣ и игрушкою не будетъ. Оцѣнка ваша въ 64,000 выгодна, но надобно знать, дадутъ ли столько; я бы и далъ, да денегъ не хватаетъ, да кабы и были, то я капиталъ свой могъ бы употребить выгоднѣе. Кланяюсь Ольгѣ, дай Богъ ей здоровья—а намъ хорошихъ покупщиковъ. Нынче осенью буду въ Михайловскомъ—вѣроятно въ послѣдній. Желалъ бы васъ еще застать.

А. Пушкинъ.

На оборотѣ: его высокоблагородію милостивому государю Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Островъ, въ село Вревъ.

Письма моего отца, Николая Ивановича Павлищева, къ дядѣ моему, Александру Сергѣевичу Пушкину (въ выдержкахъ).

I.

Михайловское, 27-го іюня 1836 года.

Я ѣхалъ сюда предубѣжденный въ пользу управителя. Съ этимъ предубѣжденіемъ я принялся на досугѣ разсматривать его приходо-расходныя книги, и вотъ что оказалось. Имѣйте однакожъ терпѣніе прочитать все со вниманіемъ: я трудился больше для васъ, нежели для себя. Рѣчь идетъ здѣсь только о послѣднихъ 18 мѣсяцахъ, которые управитель провелъ здѣсь одинъ, безъ господъ. (Слѣдуетъ подробное описаніе кражъ управителя по всѣмъ продуктамъ и прочимъ статьямъ дохода).

Если разбирать каждую статью, то не было бы письму моему конца. Довольно прибавить, что въ холстѣ, пряжѣ, шерсти, да въ поборѣ съ крестьянъ, какъ то: гусей, куръ, свиней, яицъ и проч. я не досчитался больше половины. Обо всемъ у меня составлены подробныя вѣдомости, изъ которыхъ явствуетъ, что управитель въ прошломъ году батюшкѣ далъ 630 руб., въ расходъ вывелъ 720, а 3,500 укралъ. Воровство страшное, а отъ чего? отъ того, вопервыхъ, что управитель воръ, а вовторыхъ, потому что онъ, получая 300 руб. жалованья и рублей 260 разныхъ припасовъ, по положенію батюшки, не можетъ прокормить этимъ себя, жену, пятеро дѣтей и двухъ бабъ, которыя у него въ услуженіи изъ деревни, да и что онъ за дуракъ тратить на это свое жалованье? По самому простому положенію

---

*) Дядя жестоко ошибся. Л. П.

деревенскому, ему нужно безъ малаго 1,000 рублей. Денегъ этихъ въ расходѣ онъ показать не смѣлъ, а утаилъ ихъ въ приходѣ. Прибавьте къ этому нерадѣніе о лѣсахъ, особенно на Земиной горѣ, отъ неимѣнія караула болѣе года, жалкое состояніе строеній, нищенскую одежду дворни (напримѣръ 5 фунтовъ льна на душу), своевольный нарядъ на барщину (дѣлать напримѣръ для управляющаго дрожки), и получите полное понятіе о нерадивомъ и плутовскомъ управленіи Г. Р.

Я не могъ скрыть мое негодованіе: я призвалъ управителя и высчиталъ ему по книгамъ—такъ называю его безтолковыя записки—всѣ его злоупотребленія. Онъ вымолвилъ: «батюшка, не погубите!» (т. е. не разглашайте). На вопросъ, что̀ заставило его идти въ управители на 560 руб., отвѣчалъ онъ: «крайность». Я ему отказалъ, въ полной увѣренности, что вы еще меня поблагодарите за избавленіе васъ отъ разсчета съ подобнымъ плутомъ.

Послѣ этого я хлѣбъ въ амбарѣ перемѣрилъ и поручилъ старостѣ садъ, пчельникъ Архипу, птицъ птичницѣ, скотъ скотницѣ. Все это было третьяго дня. Вчера же успѣлъ я землю, которая ходила въ 75 руб., отдать за 95; другую, ходившую въ 175, берутъ у меня уже за 245. Сообщу о послѣдующемъ мои соображенія.

Теперь же у меня голова ходитъ кругомъ, но не отъ хозяйства, а отъ положенія Ольги. *) Она очень больна: кашель ужасный и грудь болитъ. Не знаю, что дѣлать: доктора она не хочетъ и не позволяетъ послать за нимъ. Желаю здоровья вамъ съ дѣтками. Натальѣ Николаевнѣ и сестрицамъ ея мое усерднѣйшее почтеніе.

Н. Павлищевъ.

II.

Михайловское, 11-го іюля 1836 года.

Изъ письма моего отъ 27-го іюня вы знаете, Александръ Сергѣевичъ, что я прогналъ управителя. Съ этого времени хозяйство идетъ своимъ порядкомъ, безъ хлопотъ; косятъ сѣно, да ставятъ въ скирды, а тамъ примутся за жатву. Теперь я на досугѣ познакомился коротко съ имѣніемъ.

Оцѣнка ваша—по 500 руб. за душу—едва ли основательна. Душа душѣ рознь, продается она въ Псковской губерніи по разнымъ цѣнамъ.

Въ Михайловскомъ земли не 700 десятинъ, а 1,965, какъ видно изъ межевыхъ книгъ и спеціальныхъ плановъ. Ошибка ваша произошла отъ того, что вы вмѣсто двухъ описей межевыхъ книгъ, взяли отсюда только одну, и то не Михайловскаго, а Морозова—съ прочими деревнями. По книгѣ и планамъ видно, что въ Зуевѣ, что нынѣ Михайловское, съ прочими деревнями, по межеванію 1786 года, имѣется земли 1,965 десятинъ 1738 саженей; въ томъ числѣ показано неудобной только 8 десятинъ. На этомъ

*) Супруги Николая Ивановича матери—моей.

пространствѣ въ 1786 году было 190 душъ; изъ нихъ 100 слишкомъ выселены были для г-жи Толстой подъ Псковъ, и осталось по послѣдней ревизіи 80.

Итакъ, въ отношеніи земли Михайловское есть одно изъ лучшихъ имѣній въ Псковской губерніи. Пашенная земля, несмотря на запущенную обработку, родитъ изрядно: пастбищныхъ луговъ и отхожихъ сѣнныхъ покосовъ вдоволь, лѣсу порядочно, а рыбы безъ числа.

Средній доходъ съ имѣнія опредѣляется десятилѣтнею сложностью, но приходо-расходныя книги не могли бы служить повѣркою, бывъ составляемы плутами и грабителями, подобно Р. Къ счастію, что хоть за 1835 годъ книги я успѣлъ захватить у управителя. Дѣлать нечего; положился на Р. Не будемъ считать, что онъ укралъ сѣна, разнаго хлѣба, масла, льна и тому подобныхъ припасовъ, что на однѣхъ оброчныхъ земляхъ я тотчасъ сдѣлалъ до 200 руб. прибыли. На худой конецъ Михайловское, при прошлогоднемъ дурномъ урожаѣ, дало до 5000 чистаго дохода; не будемъ считать всего этого, а положимъ, что Р. не укралъ ни гроша: все-таки по его книгамъ, за отчисленіемъ расхода на посѣвъ дворовымъ, на лошадей, скотъ и птицъ, чистаго дохода выведено 3600 рублей. Это самый низшій доходъ; для полученія его нуженъ капиталъ 80,000 рублей; слѣдовательно Михайловское равно капиталу 80,000, а душа 1,000 рублямъ. Положимъ, имѣніе будетъ всегда опустошаемо наемными приказчиками, будутъ неурожаи и доходъ еще уменьшится; въ такомъ случаѣ, понижая доходъ въ 10-тилѣтней сложности на 3000 рублей, получится капиталъ 75000; сбавьте еще на грабежъ и неурожай 5000,—и тутъ имѣніе сохранитъ цѣну 70000.

Итакъ, самая низкая цѣна Михайловскому 70,000. Хлопочу о законной оцѣнкѣ; потому что дѣйствую не за себя, а за жену съ сыномъ и за Льва Сергѣевича. Чѣмъ справедливѣе оцѣнка, тѣмъ законнѣе будетъ выдѣляемая $^{1}/_{14}$ часть. Если имѣніе купите вы, то я готовъ спустить еще 6000 и отдать его вамъ за 64000, т. е. по 800 руб. душу. Такимъ образомъ, заплатите Ольгѣ вмѣсто 8500 руб. 13700,—капиталъ, составляющій все достояніе нашего сына, залогъ его существованія въ случаѣ моей смерти. Разумѣется, что и Левъ Сергѣевичъ поблагодаритъ, получа вмѣсто 15,700—25,000.

Вотъ основаніе, на которомъ должно дѣлиться. Раздѣлъ можетъ быть произведенъ или продажею имѣнія, или дѣлежомъ въ натурѣ. Послѣдній способъ невыгоденъ, ибо пришлось бы для уравненія дѣлить имѣніе по клочкамъ; раздробленіемъ имѣніе потеряло бы цѣну, и каждый остался бы въ убыткѣ. Остается способъ продажи. Ольга купить его не можетъ, потому что не можетъ заплатить вамъ и Льву 50,000; Левъ также, потому что нуждается въ деньгахъ; остаетесь вы. Если же и вы не хотите, то приходится продать имѣніе въ чужія руки; покупщики найдутся; для нихъ можно даже возвысить цѣну до 70,000. Объявленіе объ этомъ должно подать въ газетахъ. Не забудьте только сдѣлать въ газетахъ вызовъ кредиторамъ и

должникамъ покойной матушки. Я ожидаю васъ и очистилъ флигель для васъ, если вамъ не вздумается стать въ домѣ. Вамъ надо поспѣшить сюда.

Не знаю, въ какомъ положеніи вы найдете Ольгу. Здоровье ея день ото дня хуже; кашель не перестаетъ, а къ нему присоединились еще лихорадочные припадки. Противъ воли ея я посылалъ въ Новоржевъ за докторомъ, который и пріѣзжалъ. Но она не принимаетъ его лѣкарства. Я въ мучительномъ положеніи; попытаюсь еще разъ призвать доктора, а тамъ одна надежда на Бога.

Мое почтенье Натальѣ Николаевнѣ.

Н. Павлищевъ.

III.

1-го августа 1836 года.

Вы требуете окончательной оцѣнки. Я уже сдѣлалъ ее, по дѣйствительному доходу 1834 года, въ 64,000.

Предлагаю вамъ еще сдѣлку, если, разумѣется, Сергѣй Львовичъ согласится выдѣлить Ольгу. Ей причтется съ Нижегородскаго имѣнія 80 душъ, что̀ дастъ 48 тысячъ. По моей оцѣнкѣ приходится вамъ и Льву Сергѣевичу получить за Михайловское каждому по 25,143 рубля, обоимъ 50,287. Если вы согласны на эту мѣну, то я, принявъ Михайловское, заложу его въ 12 тысячъ, изъ коихъ тотчасъ 5,143 рубля посылаю Льву Сергѣевичу, а остальные употреблю на расплату съ семейными долгами и на поправку имѣнія. Такимъ образомъ, останусь я должнымъ вамъ 25 тысячъ, а Льву 20 тысячъ, которые и заплачу Нижегородскимъ имѣніемъ. Получа Михайловское, которымъ я могу управлять и изъ Варшавы, я, посредствомъ заклада, могу тотчасъ имѣть деньги, нужныя мнѣ до-зарѣза. Оно въ моихъ рукахъ будетъ кусокъ хлѣба, а въ вашихъ, простите откровенность, дача, игрушка, которой вы, впрочемъ, всегда можете пользоваться.

Изъ лучшихъ покупщиковъ Л—въ на водахъ, а Р. въ Москвѣ; другихъ я еще не пріискалъ, потому что, по болѣзни Ольги, я нигдѣ не былъ и никого не видѣлъ. Согласитесь лучше, Александръ Сергѣевичъ, на предлагаемую мною сдѣлку, и дѣло съ концомъ. Примите и проч.

Н. Павлищевъ.

Предложивъ вамъ мѣнять Михайловское на часть Нижегородскаго имѣнія, я ожидалъ скораго отвѣта. Отвѣта нѣтъ, а между тѣмъ меня зовутъ въ Варшаву. Срокъ моего отпуска минулъ третьяго дня. Еслибы отвѣтъ вашъ пришелъ во̀-время, то я успѣлъ бы еще съ довѣренностями вашею, Льва и Ольги съѣздить въ Островъ и пріискать денегъ; въ случаѣ же неудачи—еще списаться съ вами. Но теперь мнѣ не съ чѣмъ выѣхать и пріѣхать, чтобы расплатиться съ кредиторами. Эта крайность заставляетъ меня отказаться и отъ мѣновой сдѣлки, и отъ продажи имѣнія въ чужія руки, требующей много времени. Возьмите Михайловское, только выручите насъ

изъ бѣды. Если не можете заплатить доли Ольгиной сполна, то дайте на первый разъ 2,500 руб., остальныя 5,000 руб. будутъ за вами.

Зову васъ сюда дня хоть на два или на три для того, чтобы сдать вамъ на руки документы и бумаги по имѣнію и хозяйству. Въ нѣсколько часовъ познакомитесь съ здѣшнимъ хозяйствомъ, а, познакомившись съ нимъ, не дадите себя обманывать подобно батюшкѣ ни здѣсь, ни въ будущемъ вашемъ Нижегородскомъ имѣніи. (Если разумѣется, батюшка его не замотаетъ или не проплачетъ).

Все хозяйство раздѣлилъ я на 2 части: одною завѣдуетъ староста, а другою Архипъ. Тотъ и другой имѣютъ книги, по которымъ должны вести отчетность. Каждый по своей части. Отъ меня узнаете, сколько чего и что отъ нихъ вы должны требовать. Я съ охотой занимался сельскимъ дѣломъ, и не даромъ хочу быть порядочнымъ, если не помѣщикомъ, то хоть арендаторомъ или управителемъ. Je crois que j'ai manqué ma vocation.

Не забудьте также, что рекрутскій наборъ на носу. Не худо забрить лобъ кому-нибудь изъ наслѣдниковъ Михайлы, но это вы сами знаете. Передъ выѣздомъ отсюда пишу Сергѣю Львовичу, что сдѣлка наша не состоялась по причинамъ, требовавшимъ немедленно моего выѣзда въ Варшаву. Посмотримъ, что скажетъ Сергѣй Львовичъ. Авось образумится. Вѣдь самъ же онъ говорилъ въ письмѣ къ Прасковьѣ Александровнѣ *) «Ma présence à Нижній n'est bonne à rien: j'ai perdu toutes les facultés intellectuelles,— je suis presque aliéné».

Здоровье Ольги поправляется. На дняхъ соберемся, можетъ быть, погостить у Прасковьи Александровны, у Вревскихъ и у Веніамина Петровича Ганнибала. П. А. сидитъ дома, нездорова. Вревскіе были у насъ два раза, Веніаминъ Петровичъ насъ изрѣдка навѣщаетъ; сосѣдство его, какъ хорошаго хозяина, можетъ быть очень полезно.

Н. Павлищевъ.

IV.

4-го ноября 1836 года.

Отъѣзжая изъ Михайловскаго, я приказалъ старостѣ до пріѣзда вашего доносить обо всемъ мнѣ, чтобы не оставить имѣнія на произволъ судьбы. Теперь полагаю, что вы уже тамъ были, все видѣли и приняли въ свое распоряженіе. Спѣшу кончить разсчетъ нашъ по наслѣдству, которое осталось за вами въ 40,000 руб.

При дѣлежѣ должно различать имѣніе движимое отъ недвижимаго. Изъ движимаго причитается Ольгѣ 10,104 руб. 88 к., въ то число получено 3,526 руб. 8 к. Остается получить 6,578 руб. 80 коп.

Во владѣніе введутъ васъ не прежде какъ въ апрѣлѣ, слѣдственно до

*) Осиповой.

апрѣля намъ и денегъ требовать нельзя. Но я въ такомъ положеніи, что не знаю, какъ проживу до будущаго мѣсяца. Я пріѣхалъ сюда съ 1,000 рублями, и тѣ пошли тотчасъ на квартиру и поправку хозяйства. Вы богаты если не деньгами, то кредитомъ. Помогите. Высылайте намъ теперь 1,578 руб.; 5,000 отдадите къ январю 1838, если нельзя дать прежде. Процентовъ не нужно; словомъ, мы будемъ вамъ весьма благодарны, если вы на первый разъ вышлите 1,578 р.

Послушайтесь меня, Александръ Сергѣевичъ. Не выпускайте изъ рукъ плута Михайлу съ семьею. Я самъ не меньше вашего забочусь о благѣ крѣпостныхъ. Въ Михайловскомъ я одѣлъ ихъ и накормилъ. Благо ихъ не въ вольности, а въ хорошемъ хлѣбѣ. Михайло и послѣдняго не заслуживаетъ. Возьмите съ него выкупъ; онъ дастъ вамъ за семью 10 тысячъ руб. Не то берите хоть оброкъ съ Ваньки и Гаврюшки, по 10 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго, а съ Васьки, получающаго чуть ли не полковничье жалованье,— по 20 руб. въ мѣсяцъ, обязавъ, въ случѣ неисправности, платить самого Михайлу. Вотъ вамъ и капиталъ 10,000. Петрушка будетъ если не солдатъ, то лихой ротный писарь, или цирульникъ.

Батюшка подарилъ карету съ завѣтной четверней Ольгѣ. Карета вамъ вѣрно не нужна; я продаю ее, а лошадей, которыя нужны въ хозяйствѣ для работы, не хотите ли оставить за собою?

Изъ Михайловскихъ дворовыхъ у меня Петрушка и Пронька. Послѣдняго просимъ мы оставить у насъ, а съ Петрушкой я не знаю, что̀ и дѣлать. Онъ спился съ кругу; я хотѣлъ было отправить его по пересылкѣ въ деревню для отдачи въ рекруты, вмѣсто порядочнаго мужика, но раздумалъ; ожидаю вашихъ приказаній, а между тѣмъ далъ ему паспортъ для проживанія здѣсь въ Варшавѣ.

Надо было мнѣ немедленно ѣхать въ Варшаву *). Слава Богу, что фельдмаршалъ **) принялъ меня, не только безъ грозы, но даже безъ упрековъ. Примите и проч.

Н. Павлищевъ.

---

*) За просрочку отецъ мой могъ бы получить непріятности. Л. П.

**) Паскевичъ. Въ то время мой отецъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря бывшаго совѣта управленія въ царствѣ Польскомъ. Л. П.

О. С. Пушкиной.

«Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
«Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой!
«Поэта другъ, сестра и геній милый
«По сердцу ты и мнѣ давно родня.

«Такъ въ памяти сердечной безъ заката
«Мечта о немъ горитъ теперь живѣй;
«Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
«Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

«Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно льстивой,
«Но часто намъ сіяющей изъ тучъ;
«И отъ нея ударитъ яркій лучъ
«На жребій твой, въ безпечности счастливый.

«Но для него ты благотворнѣй будь:
«Свѣти ему звѣздою безмятежной,
«И въ бурной мглѣ отрадой, дружной нѣжной
«Ты услаждай тоскующую грудь!» *).

Князь Вяземскій.

Отрывки изъ моихъ воспоминаній возбудили, сверхъ моего ожиданія, довольно значительный интересъ; нѣкоторыя періодическія изданія отозвались о нихъ весьма лестнымъ для меня образомъ и привели у себя обширныя выдержки.

Кромѣ того, многіе изъ знакомыхъ, пользовавшихся радушнымъ гостепріимствомъ моей матери, стали убѣждать меня напечатать и другія части «Семейной хроники», касающіяся покойныхъ Ольги Сергѣевны, брата ея Александра Сергѣевича, ихъ родителей и моего отца.

---

*) Объ этихъ стихахъ князя Вяземскаго, написанныхъ 12-го августа 1825 года къ матери моей, во время лѣтняго ея пребыванія въ Ревелѣ, и напечатанныхъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» въ 1826 году, дядя мой Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, писалъ автору 24-го мая того же года: «Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ. Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія».

Въ изданной въ 1880 году сыномъ автора, кн. П. П. Вяземскимъ, бро-

Не обладая ни литературнымъ талантомъ, ни даже сноснымъ литературнымъ слогомъ, я писалъ «Хронику» собственно для себя, а если рѣшился напечатать отрывки изъ нея, то потому, вопервыхъ, что, какъ я уже предварялъ читателей, мнѣ казалось «просто грѣшно» утаивать нѣкоторыя черты, извѣстныя лишь мнѣ одному изъ жизни поэта, принадлежащаго не только своимъ кровнымъ роднымъ, но и всей Россіи, а вовторыхъ, потому что, исполняя сыновній долгъ, я хотѣлъ напомнить, что единственная сестра достославной памяти Пушкина—родная мать моя Ольга Сергѣевна Павлищева,—забытая, Богъ вѣсть почему, пушкинскими біографами и коментаторами, была, дѣйствительно,—какъ ее воспѣлъ кн. Вяземскій—«поэта другъ и геній милый». Появившіяся же въ печати, въ разное время, три или четыре записочки къ ней дяди Александра, да напечатанные стихи его: «Ты хочешь, другъ безцѣнный, чтобъ я, поэтъ младой» говорятъ публикѣ объ отношеніяхъ его къ Ольгѣ Сергѣевнѣ весьма немного.

Предлагаемые отрывки основаны преимущественно на хранящейся у меня перепискѣ моего дѣда и бабки съ Ольгой

шюрѣ «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 1816—1825 гг. по документамъ Остафьевскаго архива» на страницѣ 70 напечатано между прочимъ: «Двѣ послѣднія строфы въ первоначальной редакціи представляютъ нѣсколько варіантовъ отъ текста, напечатаннаго въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»:

«Его удѣлъ: блескъ славы горделивой,
«Сіяющей изъ лона бурныхъ тучъ,
«И отъ нея падетъ блестящій лучъ
«На жребій твой, смиренный, но счастливый.
«Но ты ему спасительнѣе будь (еще полезнѣй).

«Свѣти ему звѣздою безмятежной!
«И въ бурной мглѣ участьемъ дружбы нѣжной
«Вливай покой въ растерзанную грудь» (тоскующую, томящуюся).

Издатель «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», баронъ А. А. Дельвигъ, другъ Пушкина, подарилъ экземпляръ этого альманаха моей матери съ собственноручной надписью. Хранится у меня. Л. П.

Сергѣевной отъ 1829 по 1835 годъ включительно, на переписке между моими родителями за 1831, 1832, 1834, 1835, 1836, 1841 и 1854 годы, когда они нѣкоторое время жили въ разныхъ городахъ, и, наконецъ, на письмахъ отца моего къ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ Павлищевой, за 1828, 1829, 1835 и 1836 годы.

Вслѣдствіе этого печатаемые мною теперь отрывки будутъ обнимать лишь событія упомянутыхъ годовъ.

Къ большому моему сожалѣнію, только письма моего отца къ своей матери писаны по-русски; переписка же Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны, подобно перепискѣ моихъ родителей между собою, происходила по-французски, слѣдовательно, въ переводѣ на русскій языкъ письма эти неизбѣжно утратятъ многое въ своей внѣшней сторонѣ.

Дальнѣйшимъ подспорьемъ при составленіи предлагаемыхъ отрывковъ послужили разсказы моихъ родителей, знакомыхъ Александра Сергѣевича, подругъ Ольги Сергѣевны, а также происшествія, которыхъ я былъ уже самъ очевидцемъ.

Всѣ эти разсказы я аккуратно вносилъ въ мой дневникъ, который веду въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ сряду, день въ день.

Итакъ приступаю, къ изложенію событій, начиная съ 1828 года.

XI.

После свадьбы моего отца дядя Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ бывалъ первое время почти ежедневно у моихъ родителей, поселившихся въ уютной квартиркѣ, въ домѣ Дмитріева, въ Казачьемъ переулкѣ, и всячески старался устроить примиреніе между Николаемъ Ивановичемъ и его тещей, Надеждой Осиповной; но бабка и слушать не хотѣла сына, говоря, что виною свадьбы, состоявшейся безъ ея позволенія, не дочь, а зять, причемъ однажды попотчивала Александра

Сергѣевича шумной сценой, въ заключеніе которой объявила ему категорически, «чтобы онъ не смѣлъ ей больше и толковать о Николаѣ Ивановичѣ».

Съ горестью сообщалъ Александръ Сергѣевичъ моему отцу о результатахъ своихъ попытокъ и разъ пророчески сказалъ ему: «Вспомните мое слово: рано или поздно матушка сама раскается».

Посѣщая дочь, Надежда Осиповна всегда выбирала время, когда моего отца не было дома, и только въ праздникъ Пасхи Николай Ивановичъ былъ у Пушкиныхъ по настоянію Александра Сергѣевича. Кончились праздники—и все пошло по старому.

Сергѣй Львовичъ взглянулъ на дѣло иначе: правда онъ побаивался жениныхъ сценъ и посѣщалъ Николая Ивановича тайкомъ, но все же показывалъ ему свое расположеніе, хотя и выражавшееся сначала сантиментальными фразами, а не дѣломъ. На дѣлѣ же Сергѣй Львовичъ проявилъ это расположеніе попозже, въ 1831 году, пристроивъ зятя, какъ мною уже было разсказано раньше, подъ начальство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Энгеля, предсѣдателя временнаго правленія въ царствѣ Польскомъ.

О своей тогдашней домашней обстановкѣ отецъ мой пишетъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ, отъ 1-го іюня 1828 года слѣдующее:

«Попрежнему служу я въ иностранной коллегіи переводчикомъ съ разныхъ языковъ и получаю 1,000 рублей жалованья. Вице-канцлеръ распорядился произвести меня въ коллежскіе ассессоры, а теперь откомандировалъ въ сенатъ переводить бумаги съ польскаго, а въ польскомъ я понаторѣлъ еще въ Тульчинѣ, подъ командой добрѣйшаго Витгенштейна: переводить бумаги надобно въ слѣдственной коммиссіи надъ поляками. Работу эту чиню подъ наблюденіемъ оберъ-прокурора Кайсарова. Онъ малый славный. А вотъ что теперь скажу вамъ, любезнѣйшая матушка: теща, Надежда Осиповна Пушкина, не любитъ меня, и я даже съ ней не вижусь. Шуринъ, Але-

ксандръ Сергѣевичъ, правда, потащилъ меня къ ней на Пасху, думалъ мировую устроить, но дѣло вышло дрянь. Похристосовались и шабашъ, а объ иномъ прочемъ ни гу-гу.

«Александру Сергѣевичу это непонутру: оный со мной въ отношеніяхъ вполнѣ хорошихъ, но ничего съ упрямой тещей не подѣлалъ. Тесть добрый малый, но у жены подъ пантуфлей. Ничего въ нашу пользу не сдѣлалъ, разумѣю на счетъ денегъ. Тесть скупъ до крайности, вдобавокъ, по хозяйству не свѣдущъ.

«У него въ Нижегородской губерніи 1,000 душъ, а крѣпостный его управляющій набиваетъ себѣ карманъ и оставляетъ барина безъ гроша. Отъ беззаботливости отца и плутовства управителя очевидно и мы терпимъ.

«Жена прохворала почти съ самой свадьбы; сильно огорчаетъ ее теща своей враждебностью ко мнѣ; а какъ на грѣхъ простудила ее зимой комедія визитовъ, которые мы сдѣлали десятка съ три въ 20 градусовъ морозу. Старики уѣхали теперь въ деревню, а шуринъ, Александръ, еще здѣсь. Заглядываетъ къ намъ, но или сидитъ букою, или на жизнь жалуется; Петербургъ проклинаетъ, хочетъ то за границу, то къ брату на Кавказъ. Больше почти никого и не видимъ.

«Съ перемѣной жизни не знаю, останусь ли здѣсь. Все зависитъ отъ родителей жены, смотря по средствамъ, которыя доставятъ они для нашего существованія. Вся надежда теперь на шурина Александра Сергѣевича: авось ихъ уломаетъ, что̀ и обѣщался сдѣлать; надняхъ ѣдетъ къ нимъ на недѣлю. Если же ничего не успѣетъ сдѣлать, то Богъ поможетъ. Увѣренъ я, что съ моей женою буду вездѣ и всегда счастливъ».

Отецъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ, въ первый годъ своей женитьбы и отъ матеріальныхъ, и отъ нравственныхъ заботъ, сдѣлался едва ли недостойнымъ мученическаго вѣнца, а Ольга Сергѣевна, преданная ему всей душой, страдала отъ отношеній къ нему своей матери не менѣе, если не болѣе, и впослѣдствіи часто мнѣ говаривала: «Ma lune de miel était ma lune de fiel, et mon année de miel—mon année de fiel» («Мой медовый мѣсяцъ былъ желчнымъ мѣсяцемъ, а мой ме-

довый годъ — желчнымъ годомъ»). Единственнымъ ея утѣшеніемъ были минуты свиданій съ Александромъ Сергѣевичемъ. Пушкинъ тогда дѣйствительно хотѣлъ бросить Петербургъ и высказывалъ сестрѣ свои мрачныя мысли, вылившіяся и въ написанной имъ тогда же у моихъ родителей элегіи «Предчувствіе», изъ которой привожу двѣ первыя строфы:

«Снова тучи надо мною
«Собралися въ тишинѣ!
«Рокъ завистливой бѣдою
«Угрожаетъ снова мнѣ...

«Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
«Понесу ль навстрѣчу ей
«Непреклонность и терпѣнье
«Гордой юности моей»?

Въ день же своего рожденья, 26-го мая того же 1828 года, онъ, въ написанномъ по этому случаю стихотвореніи: «Даръ напрасный», прямо скорбитъ, что живетъ на землѣ.

Прочитавъ моей матери эти послѣдніе стихи, дядя Александръ сказалъ: «Хуже горькой полыни напрокутило мнѣ житье на землѣ; нечего сказать, знаменитъ день рожденья, который вчера отпразднованъ. Родился въ маѣ и вѣкъ буду маяться».

При этомъ Пушкинъ зарыдалъ.

Ольга Сергѣевна тоже не могла удержаться отъ слезъ и впослѣдствіи при всякой постигавшей ее невзгодѣ вспоминала стихи брата, но на этотъ разъ возразила ему такъ, думая его утѣшить:

«Не будь бабой, Александръ, перестань, полно плакать, а спрашивается изъ-за чего? Изъ какихъ-нибудь пошлостей журнальной ракальи? Плюнь! Охота тебѣ te forger des idées noires! Эти идеи—больше ничего, какъ расплясавшіеся нервы. Что же послѣ этого я о себѣ должна сказать? Тебѣ, слава Богу, ничего недостаетъ, а взгляни-ка на меня и на моего Николая Ивановича!... Если же міръ земной гадокъ, то плачь

не плачь все равно; людей не передѣлаешь. А на твои стихи *) скажу тебѣ и всѣмъ извѣстные другіе:

«Ничто не ново подъ луною,
«Что было, есть, то будетъ вѣкъ:
«И прежде кровь лилась рѣкою,
«И прежде плакалъ человѣкъ!»

«Твои стихи—очаровательная музыка»,—продолжала утѣшать Ольга Сергѣевна брата, — «но вѣрь ничто съ нами не случается безъ Божія Промысла, стало быть и ты появился на свѣтъ не съ бухты-барахту».

(Эту бесѣду съ братомъ передавала мнѣ мать моя).

Ольга Сергѣевна въ то время (1828 г.), кромѣ посѣщеній своего старшаго брата Александра, находила утѣшеніе и въ письмахъ младшаго. Этотъ младшій братъ, «**Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ**» **), былъ Веніаминомъ, любимцемъ Сергѣя

---

*) Считаю не лишнимъ напомнить читателямъ эту прелестную элегію дяди:

«Даръ напрасный, даръ случайный,
«Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
«Иль зачѣмъ судьбою тайной
«Ты на казнь осуждена?

«Кто меня волшебной властью
«Изъ ничтожества воззвалъ,
«Душу мнѣ наполнилъ страстью,
«Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

«Цѣли нѣтъ передъ мною:
«Сердце пусто, празденъ умъ,
«И томитъ меня тоскою
«Однозвучный жизни шумъ».

26-го мая 1828 г.

Эти стихи вызвали, какъ извѣстно, отповѣдь въ стихахъ же митрополита московскаго Филарета..

**) Дядя Александръ написалъ на брата слѣдующіе шуточные стихи:

«Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
«Не лишенъ разсудка;

Львовича и Надежды Осиповны, но не выдержавъ такъ же, какъ сестра его и братъ, ихъ деспотическихъ нѣжностей, записался тайкомъ отъ родителей въ нижегородскіе драгуны и ускакалъ на Кавказъ, гдѣ, какъ сказано мною въ предшествующемъ отрывкѣ, покрылъ себя боевою славою.

Ольга Сергѣевна души въ немъ не чаяла; отвѣчая ей тѣмъ же и уважая ее, онъ, однако, побаивался ея справедливыхъ дружескихъ головомоекъ, за которыя, впрочемъ, былъ ей всегда признателенъ. Одну изъ подобныхъ головомоекъ считаю не лишнимъ привести, хотя и отступаю отъ хронологическаго порядка.

Утромъ достопамятнаго 14-го декабря 1825 года дядя Левъ исчезаетъ изъ родительскаго дома, что называется по-французски: «sans tambour ni trompête»— недуманно, нежданно. Можно себѣ представить, какого страха натерпѣлся мнительный Сергѣй Львовичъ, когда вѣсть о вооруженномъ мятежѣ облетѣла городъ, а Льва Сергѣевича—нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ является къ дѣду въ кабинетъ его камердинеръ, знаменитый Никита Тимоѳеевичъ, и является съ растрепанными чувствами, докладывая, что на Сенатской площади солдаты, молъ, передрались, убитыхъ и изувѣченныхъ видимо, дескать, невидимо, а губернаторъ Милорадовичъ уже на томъ свѣтѣ. Сергѣй Львовичъ остолбенѣлъ, а Никита, видя, что произвелъ эффектъ, напустилъ на себя пущую важность и занялся слѣдующимъ причитываніемъ: «Красное солнышко, нашъ ты батюшка Сергѣй Львовичъ! Душенька моя вся переворачивается, что барчука моего ненагляднаго Левона Сергѣевича нѣтъ. Гдѣто онъ пропадаетъ, родименькій? Ужъ не попуталъ ли его сердечнаго тоже нечистикъ?» (его выраженіе).

Сергѣй Львовичъ отъ такого причитанья испугался еще

«Но съ шампанскимъ жирный пловъ
«И съ груздями утка,
«Намъ докажутъ лучше словъ,
«Что онъ болѣе здоровъ
«Силою желудка...»

больше и разсудилъ тутъ же поподчивать, вопервыхъ, причитальщика здоровеннѣйшей тукманкой, вовторыхъ, побѣжать къ женѣ и закричать: «Леонъ убитъ!» и, наконецъ, втретьихъ, очутиться безъ верхней одежды и шляпы на улицѣ. Ольга Сергѣевна бросилась за нимъ слѣдомъ и насилу убѣдила его воротиться домой, а сама распорядилась заложить сани и поѣхала на поиски. Надежда Осиповна при всемъ своемъ хладнокровіи смутилась, а дворня собралась въ лакейскую внимать дальнѣйшимъ причитываньямъ оскорбленнаго Тимоѳеевича. Сумбуръ вышелъ полнѣйшій; всѣ, исключая моей матери, потеряли голову, а Сергѣя Львовича трясла лихорадка отъ страха и простуды.

Въ девять часовъ вечера является Левъ Сергѣевичъ здравый, невредимый и веселый.

— Гдѣ пропадалъ? что? какъ?—накинулась на него Ольга Сергѣевна.—Разсказывай, что съ тобой было!

Оказалось, что Левъ Сергѣевичъ, любопытства ради, простоялъ на углу Адмиралтейской площади и Вознесенскаго проспекта, наблюдая за ходомъ дѣла, и, дождавшись конца, завернулъ къ одному изъ своихъ пріятелей подѣлиться свѣжими впечатлѣніями.

— Вѣдь ты еле-еле не убилъ отца, мать до́-смерти перепугалъ, не говорю уже обо мнѣ,—продолжала Ольга Сергѣевна, — знаю, съ сорванцами не якшаешься, а все же могъ невзначай попасть и въ толпу, и въ бѣду изъ-за пустаго любопытства; и тебя бы за мятежника сочли: въ толпѣ не разберешь!

Тутъ Ольга Сергѣевна принялась читать ему по-французски нравоученія болѣе получаса. Взяла съ Льва Сергѣевича обѣщаніе никому болѣе не заикаться, что онъ былъ недалеко отъ происходившаго, и прибавила по-русски въ заключеніе: «Слава Тебѣ Господи, что братъ Сашка въ деревнѣ: чего добраго, не ограничился бы разѣваніемъ рта, какъ ты, а напроказилъ бы по своему».

Въ своемъ мѣстѣ я разскажу, какимъ образомъ судьба дѣйствительно вывезла дядю Александра, не допустивъ его сдѣ-

латься свидѣтелемъ, а—легко могло статься—и однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ четырнадцатаго декабря, вмѣстѣ съ его друзьями Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, которые, какъ извѣстно, оба попались.

Но возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію воспоминаній.

Весь 1828 годъ родители мои провели, не выѣзжая и на лѣто, въ Петербургѣ. Уединившись отъ шумнаго свѣта, они посвятили себя домашнему очагу и кое-какъ сводили концы съ концами, не имѣя никакой поддержки отъ дѣда и бабки.—«En verité,—говаривалъ имъ Александръ Сергѣевичъ,—papa et maman vous forcent, mes chers amis, de tirer le diable par la queue, mais hélas! je n'y puis rien faire»... (Поистинѣ папаша и мамаша принуждаютъ васъ, милые друзья, тянуть чорта за хвостъ, но, я, увы! ничего противъ этого сдѣлать не могу...).

Между тѣмъ Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна поѣхали на лѣто въ Михайловское.

«Тесть и теща ускакали въ отчину»,—пишетъ отецъ своей матери,—«и не знаю, возвратятся ли на зиму сюда, или ускачутъ подальше; послѣднее было бы для меня, милая маменька пріятнѣе, и въ тысячу разъ пріятнѣе; теща нрава тяжелаго, да несноснаго; не разъ представляетъ меня женѣ не тѣмъ, что я есмь, а тѣмъ, что я никогда не есмь; поссорить, впрочемъ, съ Олей меня ей не доведется, а все же ея разговоры обо мнѣ съ дочерью моей особѣ непонутру».

Наступилъ 1829 годъ, а съ нимъ наступили для моей матери новыя испытанія физическія и нравственныя. Къ первымъ изъ нихъ относится тяжкая ея болѣзнь, ко вторымъ—разлука съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ.

Передъ этими испытаніями, однако, были и пріятныя для нея минуты.

Не посѣщая свѣта, родители довольствовались тѣснымъ семейнымъ кружкомъ, котораго я уже отчасти и коснулся въ напечатанныхъ раньше отрывкахъ изъ моей «Хроники». Баронъ Дельвигъ, съ нимъ отецъ особенно сошелся, и поэтъ

Мицкевичъ (когда измѣнялъ своему правилу: знать больше, а говорить меньше,), были весьма пріятными собесѣдниками, а Михаилъ Ивановичъ Глинка тоже, подобно Дельвигу, сотрудникъ отца, но не по литературной, а уже по музыкальной части, устраивалъ у моихъ родителей артистическіе вечера. Дядя Александръ, навѣщая свою сестру бо̀льшею частію днемъ, появлялся по вечерамъ рѣдко: всего въ теченіе зимы 1829 года былъ разъ пять — не болѣе. Однажды пришелъ онъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, когда обычные посѣтители были уже въ сборѣ; гости—одни въ ожиданіи музыкальнаго сеанса, другіе виста — расхаживали по комнатѣ и тутъ-то произошелъ извѣстный обмѣнъ добродушныхъ фразъ между русскимъ и польскимъ поэтами — фразъ, о которыхъ такъ много трубили.

Пушкинъ и Мицкевичъ вошли вмѣстѣ.

— Дорогу, господа, тузъ идетъ, — возвѣстилъ Мицкевичъ, указывая на Александра Сергѣевича.

— Нѣтъ, вы проходите прежде! козырная двойка туза бьетъ,—сострилъ Пушкинъ.

Ольга Сергѣевна, говоря какъ-то о Мицкевичѣ брату, стала подтрунивать надъ весьма плохимъ французскимъ произношеніемъ послѣдняго.

— C'est un excellent homme votre *) Мицкевичъ, je n'en doute pas, et un homme de génie, par dessus le marché, j'en conviens aussi; mais comme il écorche cette pauvre et malheureuse langue française!, au nom du ciel! (Прекрасный человѣкъ твой Мицкевичъ—не сомнѣваюсь въ этомъ, да и геніальный человѣкъ въ придачу, и это сознаю; но какъ онъ коверкаетъ этотъ бѣдный и несчастный французскій языкъ!.. Боже мой!)

— L'un n'empêche pas l'autre, — возразилъ дядя, — il n'a qu'à parler français à la manière des hottentots, mais nous nous comprenons parfaitement. Cela ne m'empêche, nullement

---

*) Говоря по-французски, братъ съ сестрой были на вы, по-русски же—всегда на ты.

d'être amoureux fou de sa petite bluette «Boudryss». Savez vous, Olga, que c'est tout ce qu'il y a de plus gentil? Il me l'a traduite en français d'un bout à l'autre; et j'en veux faire aussi quelque chose». (Одно другому не мѣшаетъ; пусть говоритъ себѣ по-французски на манеръ готентотовъ, но мы отлично понимаемъ другъ друга; это не мѣшаетъ мнѣ быть влюбленнымъ до безумія въ его искорку «Будрысъ» *). Знаешь, Ольга, что это стихотвореніе какъ нельзя болѣе мило? Онъ мнѣ его перевелъ на французскій языкъ съ начала до конца, и я хочу тоже изъ «Будрыса» сдѣлать кое-что)».

(Разговоръ этотъ сообщенъ мнѣ матерью).

Надо замѣтить, что Ольга Сергѣевна не выносила плохаго французскаго произношенія, а тѣмъ болѣе ошибокъ въ разговорѣ, причемъ всегда поправляла собесѣдниковъ, говоря, что ошибки во французскомъ языкѣ ей рѣжутъ ухо. Слабость къ подобнымъ поправкамъ одолѣвала ее до такой степени, что не покидала и въ самыя горькія минуты жизни. Привожу тому примѣръ:

Извѣстіе о неожиданной смерти Дельвига (въ январѣ 1831 г.) поразило Ольгу Сергѣевну какъ громомъ. Печальнымъ вѣстникомъ оказался мой отецъ и, передавая ей роковое для нея и ея брата извѣстіе, сказалъ, между прочимъ: «Vous m'avez comprise, qu'après tout ce qu'on m'a raconté, cette mort était inevitable — «Vous m'avez compris», — поправила его Ольга Сергѣевна, среди истерическихъ рыданій.

(Сообщено мнѣ отцомъ).

Возвращаюсь къ разсказу.

Ольга Сергѣевна стала замѣчать зимой 1829 года не только грустное, но и желчное настроеніе брата.

— Напрасно, Александръ,—увѣщевала его она,—портишь свою кровь эпиграммами на всякую ракалью. Ставь себя, ради Бога, выше ея! Злишься по пустому, и ничего со злости не

---

*) Заимствованная Пушкинымъ у Мицкевича одна изъ пѣсенъ западныхъ славянъ, «Будрысъ и его сыновья», появилась въ печати гораздо позже этого разговора съ моей матерью, а именно въ 1832 году.

ѣшь, а какому-нибудь Каченовскому или Кочерговскому—какъ ты его прозываешь,—твои эпиграммы какъ съ гуся вода. Уписываетъ онъ, думаю, свой обѣдъ за обѣ щеки, и уписываетъ такъ, что за ушами пищитъ, и горя мало. А плюнь ему въ глаза—скажетъ, небось, «Божія роса!»

Дядя разсмѣялся.

— Лаянье противъ тебя этихъ Кочерговскихъ,—продолжала мать,—все равно, что тявканье собаченки на луну: лаетъ собаченка, а луна свое дѣло дѣлаетъ.

— Хорошо, Ольга, все это тебѣ говорить, но шайка Кочерговскихъ и полнолуніе выведетъ изъ терпѣнія не то что меня, — возразилъ Александръ Сергѣевичъ,—а господа журналисты и любопытные *)—отъ нихъ мнѣ нѣтъ ни отдыха,

---

*) Враговъ своихъ, между прочимъ, Александръ Сергѣевичъ заклеймилъ эпиграммой «Пріятелямъ», а любопытныхъ—эпиграммой подъ тѣмъ же названіемъ. Считаю кстати не лишнимъ привести ихъ:

1) Пріятелямъ.

«Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
«И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
«Но изъ вида не выпускаю васъ,
«И выберу когда-нибудь любого:
«Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
«Какъ налечу нежданный, безпощадный!
«Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
«И сторожитъ индѣекъ и гусей».

2) Любопытный.

— Что жь новаго? «Ей Богу ничего».
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь...
Иль ты сердитъ?—Помилуй, братъ, за что?
— Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужь не ново».

ни срока,—напрашиваются уже не на эпиграммы, а поистинѣ на мою палку. *)

Дѣйствительно, озлобленный врагами, Пушкинъ былъ не прочь задавать тогда потасовки и въ буквальномъ значеніи слова.

Разскажу, въ подтвержденіе этого, слѣдующій случай, послѣ котораго дядя явился къ Ольгѣ Сергѣевнѣ на другой день и сообщилъ о немъ сестрѣ, заливаясь звонкимъ своимъ смѣхомъ.

Дѣло происходило такъ:

Сидитъ Александръ Сергѣевичъ въ театрѣ: драму или комедію представляли—мать забыла. Актриса, стяжавшая громкіе знаки одобренія, пришлась дядѣ не по вкусу, и онъ сталъ шикать. Тогда возсѣдавшій передъ нимъ въ креслѣ какой-то поклонникъ лицедѣйки проворчалъ, не адресуясь, впрочемъ, непосредственно къ Пушкину: «Экое невѣжество!».

Александръ Сергѣевичъ не унимается.

— Перестаньте шикать, или извольте выходить вонъ!— относится поклонникъ уже прямо къ Пушкину, оборачиваясь въ его сторону.

Александръ Сергѣевичъ на это ничего не отвѣчаетъ, дожидается антракта и затѣмъ даетъ заступнику пощечину.

Обиженный господинъ, придерживая ладонью потерпѣвшую часть, бѣжитъ стремглавъ изъ театра жаловаться людямъ, власть имущимъ.

— Вы ударили вчера въ театрѣ вотъ этого господина?— спрашиваетъ на другой день дядю петербургскій оберъ-полиціймейстеръ Горголи, указывая на жалобщика.

— Ударилъ.

— А почему, позвольте васъ спросить, г. Пушкинъ, вы

---

*) Дядя въ этомъ разговорѣ намекаетъ, кажется, на одну изъ его эпиграммъ по адресу Каченовскаго:

«Клеветникъ безъ дарованья,
«Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
«А дневнаго пропитанья
«Ежемѣсячнымъ враньемъ».

нанесли ему ударъ не сейчасъ послѣ того, какъ онъ съ вами заговорилъ, а дождались, когда занавѣсъ опустятъ?

— Не хотѣлъ, чтобы мою плюху приняли за аплодисментъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Пушкинъ.

Выговоромъ ли, денежнымъ ли взысканіемъ въ пользу обиженнаго закончилось дѣло—мать мнѣ не сказывала.

Къ тому же времени относится и забавная продѣлка извѣстнаго Петербургу Элькана, получившаго отъ дяди Александра за нее строгій выговоръ на улицѣ. Записалъ я и этотъ анекдотъ со словъ матери.

Элькан—по происхожденію іерусалимскій гражданинъ, но выдававшій себя потомкомъ татарскаго или арабскаго владыки—навѣрное не знаю—Эль-хана, во время обычной своей прогулки по Невскому проспекту, остановленъ былъ пріѣхавшей изъ провинціи какой-то любительницей отечественной литературы—такъ называемымъ **синимъ чулкомъ**.

Принимая Элькана по нѣкоторому сходству за Александра Сергѣевича, синій чулокъ бросился къ нему съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

— «Боже мой! какъ я рада наконецъ встрѣтить васъ, мусье Пушкинъ! Какъ давно стремлюсь познакомиться съ вами, прочесть вамъ стихи мои, но никто не можетъ меня вамъ представить, и вотъ сама представляюсь».

— Вы не ошиблись,—отвѣчаетъ Эльканъ,—точно такъ, я Пушкинъ; завтра утромъ буду васъ ждать у себя.

При этомъ Эльканъ сообщаетъ синему чулку адресъ Пушкина, указывая и на часъ пріема—онъ и объ этомъ по своему всевѣдѣнію тоже зналъ, хотя съ Пушкинымъ встрѣчался только въ клубѣ.

Дама, разсыпаясь въ выраженіяхъ благодарности, проситъ, въ припадкѣ овладѣвшаго ею литературнаго восторга, позволенія тутъ же, на улицѣ, облобызать руку творца «Евгенія Онѣгина», на что мнимый Пушкинъ изъявляетъ свое разрѣшеніе.

Можно судить, до какой степени была поражена дама, когда пожаловала на другой день къ настоящему Пушкину въ гости!

Картина.

— «Знаю, чьи эти штуки,—догадался Александръ Сергѣевичъ,—«сильно Эльканомъ пахнетъ, но это ему даромъ не пройдетъ».

Чѣмъ кончилась дальнѣйшая бесѣда моего дяди съ злополучной дамой, я не знаю, но Ольга Сергѣевна говорила, что братъ ея, встрѣтивъ Элькана на Невскомъ же проспектѣ, отпустилъ ему комплиментъ такого рода:

— Ecoutez, Ell-Khhan,—сказалъ онъ полушутя, напирая на якобы мусульманское произношенія фамиліи шутника,—si vous vous avisez dorénavant à jouer mon rôle, ce bâton là (дядя указалъ на свою палку) jouera le sien sur vos épaules, en tout bien tout honneur.

(Послушайте, Элль-Хханъ, если еще осмѣлитесь разыграть мою роль, то вотъ эта самая палка, по чести, разыграетъ на вашихъ плечахъ свою собственную.)

Эльканъ, сознаваясь въ содѣянномъ грѣхѣ, обозвалъ приставшую къ нему даму шутихой, съ которой иначе де и поступить было нельзя, и при этомъ кстати разсказалъ Александру Сергѣевичу о трогательномъ обрядѣ цѣлованья руки на улицѣ.

Александръ Сергѣевичъ, захлебываясь отъ смѣха, разумѣется, преложилъ гнѣвъ на милость.

О забавной жалобѣ Ѳаддея Булгарина моей матери на Александра Сергѣевича разскажу въ своемъ мѣстѣ.

XII.

До замужества моя мать пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ. Но нравственная передряга, которую она перенесла отъ Сергѣя Львовича, въ особенности же отъ Надежды Осиповны при этомъ событіи, потрясла всю ея нервную систему, а весной 1829 года и мать моя подверглась сильнѣйшимъ страданіямъ печени, которыя осложнились частыми головокруженіями. Малѣйшій шорохъ казался ей шумомъ, а неожиданное паденіе

на полъ ножницъ, ложекъ и тому подобныхъ предметовъ, вызывало въ ней истерическія рыданія и хохотъ.

И тутъ Надежда Осиповна ухитрилась отмѣтить своего зятя козлищемъ отпущенія въ глазахъ всѣхъ знакомыхъ.

Николай Ивановичъ дѣйствительно сдѣлалъ ошибку: не посовѣтовавшись предварительно съ Александромъ Сергѣевичемъ,—а кому же какъ не Александру Сергѣевичу скорѣе всего можно было знать натуру сестры,—отецъ мой привелъ къ ней весьма неопытнаго молодаго доктора, нѣкоего Иванова, который сталъ пользовать Ольгу Сергѣевну самыми энергическими средствами, отчего ей и сдѣлалось гораздо хуже.

Зайдя къ сестрѣ, дядя попросилъ Ольгу Сергѣевну показать рецепты и ужаснулся.

— Да какъ же можно было довѣриться такому коновалу?—замѣтилъ онъ.—Отъ его лѣкарствъ и ломовая лошадь (un gros cheval de carosse—выразился Александръ Сергѣевичъ) съ ногъ свалится. Сію же секунду лечу за Спасскимъ и Шерингомъ!

Сказано-сдѣлано: встревоженный Александръ Сергѣевичъ, выскочивъ на улицу, сѣлъ на перваго попавшагося ваньку и не заставъ Спасскаго, возвратился къ сестрѣ съ домашнимъ докторомъ Надежды Осиповны Шерингомъ.

Шерингъ подтвердилъ, что лѣкарства Иванова никуда не годятся, что онъ, хотя и постарается, но ручаться за выздоровленіе не можетъ, и, намекнувъ о необходимости созвать консиліумъ, прочиталъ въ концѣ концовъ, въ присутствіи больной, цѣлый ученый трактатъ о постигшей ее болѣзни, безпрестанно повторяя, что излагаетъ всю сущую правду.

Александру Сергѣевичу надоѣло слушать эту правду. Онъ отозвалъ Шеринга въ другую комнату и сказалъ ему:

— Къ чорту вашу сущую правду; какъ же можно запугивать больную вашей сущей правдой? Не сущая правда, а сущая ложь для нея благодѣяніе и спасеніе. На тотъ свѣтъ и безъ лѣкарствъ вы ее отправите вашей сущей правдой. Можете угощать ею меня или Николая Ивановича, а не ее.

Затѣмъ дядя накинулся и на вошедшаго въ комнату отца.

— Вы-то чего глядѣли? не нашли никого лучше Иванова?

Можете сказать ему, что Пушкинъ посылаетъ ему дурака. А вы, обратился Александръ Сергѣевичъ къ Шерингу, если на себя не полагаетесь, то привезу вамъ въ подмогу Спасскаго, а еще лучше Молчанова. Только не уходите и ждите меня.

И не давъ Шерингу секунды на возраженіе, дядя схватилъ шляпу и былъ таковъ.

Объ этой сценѣ съ малѣйшими подробностями я слышалъ отъ отца.

Не прошло и часа, какъ Александръ Сергѣевичъ возвратился съ молодымъ докторомъ Молчановымъ. Шерингъ еще не уходилъ.

— Вотъ вамъ, Шерингъ, прекрасный помощникъ, а вы, добрѣйшій Николай Ивановичъ, простите меня, что укорилъ васъ за Иванова. Ну, что же дѣлать? Всякій можетъ ошибаться; только смотрите, чтобы у васъ Ивановымъ въ квартирѣ и не пахло, а когда придетъ сегодня вечеромъ, какъ обѣщалъ, вытолкайте его въ зашей...

Молчановъ, при видѣ больной, которую зналъ такъ недавно въ цвѣтущемъ состояніи здоровья, не могъ удержаться, какъ говорила мнѣ моя мать, отъ слезъ, обзывая получившаго отставку доктора Иванова и палачемъ, и мясникомъ; онъ далъ Ольгѣ Сергѣевнѣ слово, что болѣзнь, захваченная во-время, уступитъ раціональному лѣченію, и, сознаваясь въ своемъ нервномъ характерѣ, выразилъ радость, что будетъ пользовать паціентку не одинъ, а вмѣстѣ съ невозмутимымъ нѣмцемъ Шерингомъ.

О ходѣ болѣзни сестры своей Александръ Сергѣевичъ извѣщалъ дѣда и бабку ежедневно, а Надежда Осиповна не замедлила усмотрѣть въ сдѣланномъ Николаемъ Ивановичемъ промахѣ его равнодушіе къ женѣ.

— «Если бы мой зять»,—причитывала она встрѣчному-поперечному,—«любилъ Ольгу, то не отдалъ бы ея въ жертву коновалу».

Александръ Сергѣевичъ, заступаясь за Николая Ивановича, замѣтилъ ей неосновательность такихъ подозрѣній и сказалъ,

что зять, самъ будучи въ отчаяніи отъ своей ошибки, заболѣлъ съ горя, но не смотря на свою болѣзнь и безсонныя ночи, не отходитъ отъ больной и любитъ ее больше, чѣмъ она, то есть Надежда Осиповна.

Тутъ-то бабка вышла изъ себя окончательно и, сдѣлавъ дядѣ одну изъ такихъ сценъ, на которыя была нечего сказать мастерица, запретила ему заикаться объ отцѣ моемъ, приказала заложить заповѣдную коляску и отправилась объѣзжать всѣхъ знакомыхъ съ изліяніями расходившейся желчи.

Кстати о заповѣдной коляскѣ: экипажъ этотъ, къ нему бабка чувствовала особенное расположеніе, помнилъ эпоху нашествія на Россію полчищъ Бонапарта и стяжалъ себѣ, по оригинальному своему виду, общее вниманіе уличныхъ зѣвакъ. Предводился экипажъ этотъ четырьмя клячами, тоже свидѣтельницами событій, болѣе или менѣе отдаленныхъ. На одной изъ клячъ возсѣдалъ, въ качествѣ форейтора, двѣнадцатилѣтній поваренокъ Прошка, одѣтый въ какой-то невѣроятный костюмъ. И колесница, и пегасы, съ ободраннымъ Беллерофономъ in spe, славились во всемъ околоткѣ. «А вотъ и рыдванъ самой, значитъ, барыни Пушкиной ползетъ»,—замѣчали другъ другу, смѣясь, лавочники и дворники Пантелеймонской улицы.

Настроеніе духа моего отца—онъ лишился въ то время любимой своей старшей сестры—видно, какъ нельзя лучше, изъ его писемъ къ бабкѣ моей. Привожу одно изъ нихъ:

«Безцѣнная маменька»,—пишетъ онъ,—«безпрерывная болѣзнь жены приводитъ меня въ отчаянье. Донынѣ три доктора, не смотря на увѣренія брата Оли, Александра Сергѣевича, не могли ей сдѣлать ощутительной пользы, особенно нестерпимымъ ея головокруженіямъ. Дошло дѣло до того, что Ольга воображаетъ быть близкой къ сумасшествію; въ припадкѣ мученій, она хотѣла выпрыгнуть изъ окошка и занесла было уже ногу, но къ счастію я подоспѣлъ. Боже, Боже, чѣмъ прогнѣвилъ я Тебя? Одинъ ея братъ Александръ Сергѣевичъ ее можетъ успокоивать, а когда его нѣтъ—бѣда сущая. Въ довершеніе бѣды, шуринъ говорилъ мнѣ, что хочетъ весной

ѣхать на Кавказъ лѣчиться, а тамъ пробраться туда, гдѣ турецкія пули свищутъ—въ Анатолію къ Паскевичу. На кой чортъ? Сестрѣ объ этомъ онъ ни гугу, да съ меня взялъ слово ей не говорить до поры до времени: это ее убьетъ. Я же, любя жену до безумія, страдаю душой; одно только ея выздоровленіе можетъ мнѣ дать отраду и совершенное счастіе. Должно же, наконецъ, Провидѣніе сжалиться. Такъ, милая матушка! Хожу какъ шальной, оставилъ знакомыхъ, друзей, и вы можете только моей горести приписать, что я забылъ все на свѣтѣ. Голова моя теперь такъ пуста, что ничего и обдумать не могу по вашему дѣлу. Никого, какъ я уже сказалъ, никого, исключая шурина Александра Сергѣевича, не вижу; правда, заходитъ въ недѣлю раза два Михаилъ Глинка, да и то не надолго: поговоритъ о «Лирическомъ альбомѣ», который издаемъ вмѣстѣ съ нимъ, а тамъ за шапку. Но до музыки ли мнѣ теперь? Глинка на меня сердится, что не могу съ нимъ усердно работать. Да онъ долженъ же понять, наконецъ, что у меня отъ домашнихъ печалей и безъ музыки въ ушахъ звенитъ».

«Оплачемъ, милая маменька, невозвратимую смерть милой моей сестры Александры, но да будетъ воля Божія! страданія ея кончились и чистая душа ея да насладится вѣчнымъ блаженствомъ. Умоляю, милая матушка, храните здоровье ваше для оставшихся въ живыхъ дѣтей вашихъ, которыя только и думаютъ о томъ, чтобы доставлять вамъ отраду. Олинька раздѣляетъ горе наше всей душой».

Письма этого отецъ мой не показалъ женѣ, но просилъ ее приписать свекрови нѣсколько словъ отъ себя. Привожу и выдержку изъ приписки матери или, лучше сказать, перевожу ее съ французскаго:

«Бѣдный мой Николай»,—пишетъ она,—«видя меня больную и не отходя отъ меня ни днемъ, ни ночью, страдаетъ не меньше, если не больше, чѣмъ я, такъ что не онъ меня, а я его должна утѣшать. Расхворался и онъ отъ безсонныхъ ночей; болѣе мѣсяца глазъ почти не смыкаетъ, ухаживая за мной, но говоритъ, что все вынесетъ, лишь бы я поправилась. Счи-

таю излишнимъ увѣрить васъ, что я отъ искренняго сердца желаю вамъ всего лучшаго, а главное, цвѣтущаго здоровья. Съ тѣхъ поръ какъ я его лишилась, знаю всю его цѣну; вотъ уже скоро годъ страдаю безпрерывно печенью и головокруженіями. Доктора толкуютъ, что печенью страдаю давно. Это неправда, а головокруженія, говорятъ они, будто бы запущенный ревматизмъ, который поймала, когда простудилась еще въ томъ году. Но мало ли что доктора говорятъ? они же слѣпые, дѣйствующіе ощупью, (marchant à tâtons). Болѣзнь моя ужасна для меня тѣмъ болѣе, что, будучи всегда здоровой, не имѣла и понятія о головокруженіяхъ. Все это приводитъ меня въ отчаяніе; хотѣла я съѣздить къ вамъ съ Николаемъ на все лѣто въ Новомосковскъ, а теперь не смѣю надѣяться на скорое свиданіе съ вами; къ тому же братъ мой Александръ, не спросясь меня, сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ: онъ съѣздилъ въ Ораніенбаумъ надняхъ и заранѣе нанялъ тамъ для насъ дачу на лѣто; подноситъ онъ ее мнѣ въ подарокъ и слышать не хочетъ, чтобы мы ему возвратили отданныя хозяину деньги. Дача, говоритъ, прехорошенькая, на самомъ берегу моря. Братъ увѣренъ, что морской воздухъ и морскія купанья будутъ мнѣ гораздо полезнѣе докторскихъ визитовъ. Ѣхать же въ Ревель или въ Гапсаль, знаю по опыту, обойдется слишкомъ дорого».

Не суждено однако было Ольгѣ Сергѣевнѣ принимать брата у себя на ораніенбаумской дачѣ,—онъ уѣхалъ на Кавказъ, куда стремился уже давно.—Не могу просто и сказать тебѣ, Оля,—говорилъ онъ, подготовляя сестру исподволь къ разлукѣ съ нимъ, — какъ Петербургъ мнѣ надоѣлъ своими сплетнями и гнилой весной! Воздуха, воздуха желаю! Весну ненавижу, особенно гнилую. Весной я и золъ, и боленъ. Авось на югѣ какъ-нибудь съ ней раздѣлаюсь.

Передавая мнѣ слова дяди, мать говорила, что въ высказанной ей братомъ ненависти къ веснѣ никакой аффектаціи не было. Подобно Надеждѣ Осиповнѣ, которая предсказывала себѣ кончину непремѣнно въ мартѣ, что̀ и случилось, Александръ Сергѣевичъ ненавидѣлъ весну, а начиналъ чувствовать себя

въ собственной тарелкѣ лишь съ наступленіемъ октября, о чемъ и высказывается такъ:

«Теперь моя пора, *) но не люблю весны,
«Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь, весной я боленъ,
«Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены»...

Далѣе Пушкинъ относится къ осени такъ:

«Дни поздней осени бранятъ обыкновенно,
«Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
«Красою тихою, блистающей смиренно,
«Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
«Къ себѣ меня влечетъ; сказать вамъ откровенно,
«Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
«Въ ней много добраго...
. . . .
«И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
«Здоровью моему полезенъ русскій холодъ,
«Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь;
«Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
«Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
«Желанія кипятъ, я снова счастливъ, молодъ,
«Я снова жизни полнъ...
. . . .
«И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
«Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
«И пробуждается поэзія во мнѣ!
«Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
«Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
«Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ,
«И тутъ идетъ ко мнѣ незримый рой гостей—
«Знакомцы давніе, плоды мечты моей»...
. . . .

Въ февралѣ того же 1829 года, чувствуя какую-то безотчетную грусть, Пушкинъ сказалъ сестрѣ:

— Боже мой! Какъ мнѣ не хорошо! Какая тоска! Кажется, совсѣмъ здоровъ, а нигдѣ не нахожу себѣ мѣста; кидаюсь и

*) Пушкинъ родился въ маѣ.

мечусь во всѣ стороны, какъ угорѣлая кошка. Чувствую,— идетъ весна проклятая...

— Стало быть, Александръ, — возразила, улыбаясь Ольга Сергѣевна,—ты кошка Василія Андреевича? *)

«Мечется кошка, невесело ей;
«Чуетъ она приближенье мышей».

— А хоть бы и такъ, — разсердился дядя, — тутъ ровно нѣтъ ничегосмѣшнаго, Ольга. Ужъ эта мнѣ весна, весна...

— Такъ ступай въ гости къ бѣлымъ медвѣдямъ,—разсмѣялась Ольга Сергѣевна.

— Къ медвѣдямъ! не къ медвѣдямъ, а петербургская весна, просто, чортъ знаетъ, что такое!...

(Разговоръ этотъ сообщенъ мнѣ моей матерью).

Кромѣ безотчетной тоски Алексанръ Сергѣевичъ подвергался въ то же самое время и желчному настроенію духа. Не скупился онъ тогда ни на ѣдкія эмиграммы, а порой и на довольно дерзкія выходки. Привожу одну изъ нихъ:

Приходитъ онъ къ больной сестрѣ какъ-то вечеромъ и застаетъ у нея одну изъ ея знакомыхъ, нѣкую госпожу К.— родомъ француженку.

Надо замѣтить, что госпожа эта была очень недалекаго ума, почему и подводилась Александромъ Сергѣевичемъ подъ категорію дуръ пѣтыхъ до тошноты (bête à donner des nausées).

Александръ Сергѣевичъ пришелъ къ моей матери недовольный и сердитый, а гостья, какъ будто нарочно, стала забрасывать его самыми праздными вопросами.

— A propos, monsieur Pouchkine, vous et votre soeur vous avez donc du sang nègre dans vos veines? (Кстати, г. Пушкинъ, у васъ и у вашей сестры течетъ въ жилахъ негритянская кровь?)

— Certainement (разумѣется),—отвѣчаетъ дядя.

— Est-ce votre aïeul qui était nègre? (Вашъ дѣдъ былъ ѣгромъ?)

*) Баллада Жуковскаго «Судъ Божій надъ Епископомъ».

— Non, il ne l'était plus. (Нѣтъ, онъ имъ уже не былъ).

— Alors, c'était votre bisaïeul? (Значитъ негромъ былъ вашъ прадѣдъ?),—не унимается допрощица.

— Oui, c'était mon bisaïeul? (Да, мой прадѣдъ).

— Ainsi il était nègre?! Oui, c'est cela... — соображаетъ гостья,—mais, alors, qui était donc son père à lui? (Ахъ, такъ это онъ былъ негромъ... точно такъ... но въ такомъ случаѣ кто же былъ его отецъ?)

— Un singe, madame, (обезьяна, сударыня),—отрѣзываетъ ей Александръ Сергѣевичъ.

— Богъ, Ты мой Богъ, какая пѣтая дура!—обратился дядя къ Ольгѣ Сергѣевнѣ уже по-русски (благо любопытная по-русски не понимала),—съ ней и ты и я совершенно поглупѣемъ, а потому прощай, до свиданья.

Пушкинъ раскланялся и вышелъ.

Ольга Сергѣевна всякій разъ, какъ вспоминала объ этомъ разговорѣ, не могла удерживаться отъ смѣха, причемъ очень забавно передразнивала обоихъ собесѣдниковъ.

Намѣреніе Александра Сергѣевича уѣхать не могло долго остаться для моей матери тайной. Разлученная съ младшимъ братомъ Львомъ еще съ 1826 года, огорчаемая отношеніями къ мужу Надежды Осиповны, страдая и физически, Ольга Сергѣевна находила единственную отраду въ свиданіяхъ съ дядей Александромъ. Каково же было ей лишиться и этой отрады, и къ тому же, какъ она полагала, на довольно долгое время?

— Вотъ чего мнѣ еще недоставало,—говорила она брату,—этотъ годъ (1829) и безъ того для меня клиномъ сталъ, а тутъ еще и ты уѣзжаешь!

Братъ сталъ ее утѣшать и, между прочимъ, сказалъ ей:

— Мнѣ совѣтовали ѣхать въ будущій понедѣльникъ; но я раздумалъ, и ѣду завтра; понедѣльникъ день несчастный, и ожидаю отъ понедѣльника всего дурнаго, точно такъ же какъ и отъ встрѣчи съ попами и зайцами; говорю по опыту.

— Дни всѣ равны,—возразила Ольга Сергѣевна,—а твои встрѣчи съ попами и зайцами пустое суевѣріе.

— Нѣтъ, непустое суевѣріе, и далеко непустое, какъ себѣ тамъ хочешь. Никто, мнѣ этого, какъ ты называешь, пустаго суевѣрія изъ головы не выбьетъ; держусь латинскаго афоризма: post hoc, ergo propter hoc *), хотя этотъ афоризмъ расходится повидимому съ здравымъ смысломъ. По опыту, по горькому опыту говорю тебѣ и теперь жалѣю, что продиктовалъ тебѣ замѣтку о несчастныхъ дняхъ.

Продиктованная Александромъ Сергѣевичемъ матери моей, гораздо прежде этого разговора, замѣтка переписана была ею въ альбомъ, который хранится у меня. У кого и какимъ образомъ дядя списалъ ее, этого я не спрашивалъ. Считаю не лишнимъ, тѣмъ не менѣе, привести ее дословно:

«Дней въ году тридесятъ пять, опричь еще понедѣльни-«ковъ и пятницъ, а также дней, въ которыхъ приходится въ «какомъ-либо году 25-е марта. Въ оные дни не токмо не дов-«лѣетъ пути держать, но ничего важнаго задумывать, пред-«принимать, совершать. Человѣкъ, родившійся въ одинъ изъ «таковыхъ дней не богатъ и не долголѣтенъ. А кто въ одинъ «изъ этихъ дней занеможетъ, или переѣдетъ изъ двора во «дворъ, или въ службу вступитъ, ни въ чемъ ономъ не най-«детъ себѣ счастія. Оныхъ дней въ іануаріи семь: 1, 2, 4, «6, 11, 12, 20; въ февруаріи три: 11, 17, 18, въ березозолѣ «четыре: 1, 14, 24, 25; въ травенѣ три: 1, 17, 18; въ маѣ «три: 1, 6, 26; въ іунiѣ одинъ: 17; въ іулiѣ два: 17, 21; въ «серпенѣ два: 20, 21; въ септемврiѣ два: 10, 18; въ октоб-«ріи три: 2, 6, 8; въ ноемвріи два: 6, 8; въ декемвріи три: «6, 11, 18».

Основываясь на этой таблицѣ, Пушкинъ въ числѣ несчастныхъ дней—jours néfastes **)—считалъ и день своего рожденія 26-го мая, и при всякой постигавшей его невзгодѣ говорилъ:

*) Послѣ того, слѣдовательно по причинѣ того.

**) Отъ латинскаго «Non fas»—не дѣлай.

— Что же дѣлать? такъ уже мнѣ на роду написано: въ несчастный день родился!

По возвращеніи же своемъ въ 1831 году въ Петербургъ изъ Москвы, вскорѣ послѣ свадьбы, вмѣстѣ съ молодой женой, онъ сказалъ моей матери:

— Боюсь, Ольга, за себя, а на мою Наташу не могу иногда смотрѣть безъ слезъ; едва ли будемъ счастливы, и свадьба наша, чувствую, къ добру не поведетъ! Самъ виноватъ кругомъ и около: изъ головы мнѣ вышло вонъ не вѣнчаться 18-го февраля, а вспомнилъ объ этомъ поздно—въ ту самую минуту, когда насъ водили уже вокругъ аналоя.

Кстати: мать мнѣ разсказывала, что Александръ Сергѣевичъ, въ началѣ декабря 1825 года, попробовалъ было выѣхать изъ деревни тайкомъ въ Петербургъ; въѣздъ въ столицу, какъ извѣстно, былъ тогда ему еще запрещенъ, но дядя очень желалъ видѣться съ своими друзьями: Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, о которыхъ онъ соскучился въ деревнѣ. Ничего не зная о замыслахъ декабристовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ роковое для нихъ 14-е число, Пушкинъ пустился въ путь, но не успѣлъ отъѣхать и двухъ верстъ, какъ ему перебѣжалъ дорогу заяцъ, вслѣдствіе чего Александръ Сергѣевичъ велѣлъ ямщику повернуть оглобли, и воротился домой.

Сообщая объ этомъ случаѣ сестрѣ, онъ сказалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ:

— Благо мнѣ, что обратилъ вниманіе на зайца. Иначе не на зайца бы наскочилъ самъ, а на четырнадцатое декабря, а оно, кстати, какъ разъ пришлось въ понедѣльникъ— jour néfaste; вѣрь, Ольга, непремѣнно бы попался въ исторію, вмѣстѣ съ Пущинымъ и Кюхельбекеромъ, а къ нимъ-то я, не зная ничего, и ѣхалъ. Смѣйся послѣ этого надъ тѣмъ, что̀ называешь суевѣріемъ!..

Многимъ покажется очень страннымъ, что Пушкинъ, при своемъ умственномъ развитіи—Пушкинъ, который сомнѣвался, особенно въ описываемую эпоху его жизни, во многомъ такомъ, въ чемъ и сомнѣваться бы не слѣдовало, — придавалъ подобное значеніе и феральнымъ днямъ, и встрѣчѣ съ попами

и зайцами. Онъ также терпѣть не могъ подавать и принимать отъ знакомыхъ руку, въ особенности лѣвую, черезъ порогъ, не выносилъ ни числа тринадцати человѣкъ за столомъ, ни просыпанной невзначай на столъ соли, ни подачи ему за столомъ ножа. Почешется у него правый глазъ—ожидаетъ онъ въ теченіе сутокъ непріятностей. Встрѣтитъ ли, выйдя изъ дома, похороны — говоритъ: «слава Богу! будетъ удача». Если же, находясь въ пути, увидитъ мѣсяцъ отъ себя не съ правой, а съ лѣвой стороны, — призадумается, и непремѣнно прочтетъ про себя «Отче нашъ», да три раза истово перекрестится.

Ольга Сергѣевна тоже была суевѣрна, но не въ такой степени; онъ же тщательно относился ко всякимъ примѣтамъ, о которыхъ упоминаетъ, между прочимъ, и въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ, подъ тѣмъ же названіемъ:

1.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣта,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ,
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу,
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

2.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты,
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души...

Эти послѣднія стансы дядя посвятилъ Аннѣ Алексѣевнѣ Олениной—родственницѣ Анны Петровны Кернъ. Къ Аннѣ Алексѣевнѣ Пушкинъ былъ далеко неравнодушенъ:

. . . .
«Рисуй Олениной черты
«Въ жару сердечныхъ вдохновеній!
«Лишь юности и красоты
«Поклонникомъ быть долженъ геній».
. . . .
. . . .

Анна Алексѣевна, такъ же какъ и ея родственница — Анна Петровна, была подругой Ольги Сергѣевны, несмотря на разницу въ лѣтахъ. Кромѣ весьма пріятной наружности, дѣвица Оленина отличалась блестящимъ свѣтскимъ умомъ, и подобно своей кузинѣ Кернъ — золотымъ, что̀ называется, сердцемъ. Она встрѣтилась съ моей матерью въ Варшавѣ, въ сороковыхъ годахъ, когда мужъ ея Андро (имя и отчества его не помню) получилъ тамъ мѣсто президента города, иначе сказать, городскаго головы. Говоря Ольгѣ Сергѣевнѣ о покойномъ поэтѣ, госпожа Андро заявила ей однажды полушутя, полусерьезно:

— Очень жаль, что покойный твой братъ не на мнѣ женился! сама бы за него или подставила грудь подъ пистолетъ Дантеса проклятаго, или укокошила бы его какъ собаку.

Но опять я увлекся воспоминаніями, слѣдуя ходу мыслей, въ чемъ и прошу извиненія.

Итакъ, въ концѣ марта 1829 года состоялась разлука матери моей съ братомъ-поэтомъ — разлука, хотя и кратковременная, но очень для Ольги Сергѣевны тяжелая.

Намѣтивъ первоначальною цѣлію путешествія край, воспѣтый его послѣдователемъ Лермонтовымъ, Пушкинъ останавливался въ Москвѣ и пробылъ тамъ довольно долго у своего пріятеля Павла Воиновича Нащокина — товарища по воспитанію отца моего. Затѣмъ, не заставъ въ Тифлисѣ брата Льва Сергѣевича, дядя Александръ выхлопоталъ разрѣшеніе мѣстныхъ властей участвовать добровольцемъ въ походѣ противъ турокъ; въ іюнѣ онъ очутился у покрытаго снѣгомъ хребта Саганъ-Лу, древняго Тавра, а потомъ былъ, какъ всѣмъ извѣстно, свидѣтелемъ пораженія Эрзерумскаго сераскира и взятія самаго Эрзерума.

Паскевичъ, женатый на дальней его родственницѣ Е. А. Грибоѣдовой, зналъ Александра Сергѣевича и сестру его съ малолѣтства, а во время кампаній оцѣнилъ по заслугамъ и боевые подвиги дяди Льва.

Паскевичъ принялъ Александра Сергѣевича очень радушно, но впослѣдствіи былъ на него въ большой претензіи за то, что Пушкинъ, описывая свое путешествіе въ Эрзерумъ, не распространился во всей подробности о дѣйствіяхъ Ивана Ѳедоровича противъ непріятеля, умолчавъ о многомъ по этому предмету. Паскевичъ высказалъ по этому случаю свою претензію Ольгѣ Сергѣевнѣ въ Варшавѣ.

Родителямъ своимъ, уѣхавшимъ на лѣто въ Михайловское и Тригорское, Александръ Сергѣевичъ почти не писалъ. Безпокойство ихъ какъ о немъ, такъ и о Львѣ Сергѣевичѣ, можно видѣть изъ писемъ къ моей матери въ Ораніенбаумъ.

«Сознаюсь, Олинька»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ (по-французски),—«письма Александра и Льва мнѣ необходимы. Отсутствіе обоихъ для насъ—штука прескверная. Къ тебѣ въ Ораніенбаумъ могу пріѣхать, и письма твои меня успокаиваютъ, но Сашка и Лелька («Sachka et Lolka» въ подлинникѣ) изъ рукъ вонъ. Быть можетъ Лелька здоровъ—дай Боже, но воображаю его убитымъ, а еще хуже того искалѣченнымъ. По слухамъ, армія стоитъ недалеко отъ Эрзерума, значитъ и онъ тамъ. Не думаю, чтобы Александръ заѣхалъ такъ далеко; братъ Василій пишетъ мнѣ изъ Москвы, что оба они

будто бы гостили на Кавказѣ у Раевскаго. О нашихъ же побѣдахъ вамъ лучше должно быть извѣстно, чѣмъ у насъ въ захолустьѣ; пока нѣтъ моихъ двухъ оригиналовъ, считаю себя обитателемъ миѳической шестой части свѣта. Дошедшіе слухи о взятіи Силистріи меня нѣсколько пріободрили: значитъ и миръ не такъ далекъ, какъ мы опасались, но все-таки я успокоился не надолго; пока да что, много воды утечетъ, а о томъ, что на Кавказѣ дѣлается, ровно ничего не знаю. Правда, поговариваютъ, будто бы весьма недавно Нижегородскіе драгуны увѣнчались новыми лаврами; да согласись, милая Олинька, отцу и матери отъ этого отнюдь не легче.

«Короче, я въ безпрерывномъ безпокойствѣ: не доѣдаю, не досыпаю; Надя меня хладнокровнѣе, но и она стала тревожиться; а тутъ, представь себѣ, кромѣ нѣмецкой газеты, получаемой черезъ Опочку, другихъ нѣтъ. Впрочемъ, все равно: еслибы получалась даже газета жидовская, и ту научился бы разбирать, лишь бы узнать, гдѣ Нижегородскіе драгуны.

«А каковъ Сашка? Дельвигъ показывалъ мнѣ его письмо изъ Тифлиса, но уже давно; Дельвигу пишетъ, а намъ нѣтъ; ревную къ нему Сашку, а онъ въ письмѣ къ Дельвигу ни мѣсяца, ни числа, не проставилъ. Христосъ его знаетъ, о чемъ онъ думалъ; вотъ теперь прошло больше мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ Дельвигъ письмо получилъ. Но да будетъ воля Неба» (que la volonté du Ciel soit faite).

«Извѣстіе о паденіи Эрзерума»,—пишетъ въ августѣ того же года Надежда Осиповна,—«меня сначала, какъ патріотку, очень обрадовало, но не надолго; сраженіе подъ Эрзерумомъ уже не представляется мнѣ въ розовомъ, а въ красномъ, кровавомъ цвѣтѣ. Что мой Левъ? Живъ ли, здоровъ ли? Нѣтъ, нѣтъ писемъ, милая Оля, отъ твоихъ братьевъ; одна лишь надежда на милость Божію. Неужели сыновья не пріѣдутъ, не осушатъ моихъ слезъ?

«Подобно пловцу по бурному морю, я между страхомъ ужаснымъ и слабою «надеждой», имя которой ношу».

XIII.

Минувшихъ дней очарованье,
Ужель опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Жуковскій.

Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна успокоились, наконецъ, получивъ письмо отъ Александра Сергѣевича изъ Тифлиса, куда онъ заѣзжалъ на обратномъ пути въ Петербургъ.

«Слава Богу»,—пишетъ бабка изъ Тригорскаго,—«томленія мои объ Александрѣ, милая моя и добрая Ольга, кончились; посылаю тебѣ копію письма, которое онъ переслалъ мнѣ черезъ Дадіана. Дадіанъ пріѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ и отправилъ письмо твоего брата сюда. Въ Зуево *) Дадіанъ не завернулъ, а завернуть ему ничего не стоило, такъ какъ онъ не скоро поѣдетъ назадъ; разстояніе отъ Петербурга къ намъ небольшое. Помнишь его матушку, нашу кузину, какъ она тебя маленькую любила, а когда вышла замужъ и уѣхала въ Грузію, съ тѣхъ поръ не писала. Богъ съ ней (Que le bon Dieu la conserve en sa Sainte garde)!

«Пишетъ мнѣ Розенъ о Леонѣ; Лелька живъ и здоровъ (Lolka est sain et sauf et se porte comme le pont neuf), представленъ въ капитаны за храбрость, чему Сашка—говоритъ Розенъ—обрадовался не меньше Леона. Вѣдь Александръ Лелькой очарованъ (Alexandre est entiché de Lolka).

«Розенъ, сообщая о моемъ младшемъ (mon cadet), не говоритъ ни слова о «Тифлисской газетѣ», напечатавшей что-то

---

*) Михайловское тожъ.

объ Александрѣ *). А изъ письма Сашки увидишь, что взятіемъ Эрзерума кампанія далеко не оканчивается. Сердце сжимается, какъ подумаю о Лелькѣ: разсказываютъ, будто бы его полкъ опять былъ въ дѣлѣ. Жду не дождусь моихъ бѣдныхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ Александра увижу раньше».

«Прибавляю къ письму мама»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ,—«что Леонъ не только будетъ на дняхъ капитаномъ, но, несмотря на теперешній свой маленькій чинъ, получилъ уже два мѣсяца тому назадъ,—чтобы ты думала—Анну на шею за храбрость. Вотъ ужъ правду говорятъ русскіе: малъ золотникъ да дорогъ, а меня, родного отца, не нашелъ нужнымъ порадовать. Экій шутъ! (En voilà un bouffon)! Но и Александръ отличается: тоже видѣлъ, какъ Эрзерумъ брали; вѣроятно вдохновился и музой въ придачу (de pair et compagnie). Воображаю его верхомъ при саблѣ, во фракѣ и боливарѣ на головѣ. Тоже оригиналъ порядочный (un franc original). О Сашѣ я сильно безпокоился до полученія письма, да и теперь безпокоюсь, потому что видѣлъ сегодня во снѣ, будто бы онъ женится; разсказалъ я мой сонъ Никитѣ, (камердинеру, автору баллады о «Соловьѣ разбойникѣ», о которомъ уже упомянуто мною) — а этотъ старый хрѣнъ (ce vieux raifort): «Батюшка, ясное солнышко ты Сергѣй Львовичъ! Сонъ вѣдь твой не къ ладу»! Знаешь манеру нашего Никитки утѣшать!

---

*) Тифлисская газета отъ 28 іюня 1829 г. въ № 29 напечатала: «Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ недолго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ позволенія находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ, и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ «Кавказскаго плѣнника», въ Крыму «Бахчисарайскій фонтанъ», въ Бессарабіи «Цыганъ», во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины «Онѣгина». Теперь публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацію, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани».

«Не можешь ли растолковать этотъ сонъ? Вѣдь ты у меня настоящая Сивилла! Сердце все изныло въ разлукѣ съ Александромъ, Леономъ и тобою, мой ангелъ! Мы не греки и не римляне, какъ пишетъ гдѣ-то Карамзинъ—кажется въ «Ильѣ Муромцѣ»—и мнѣ очень желательно быть увѣреннымъ въ томъ, что мои дѣти дѣйствительно здоровы.

«Впрочемъ, скоро увижу моего старшаго, такъ какъ по газетамъ «Александръ Пушкинъ проѣхалъ въ Астрахань черезъ Кавказъ». А тамъ, надѣюсь, и мой младшій (mon cadet) пріѣдетъ въ отпускъ.

«Кстати: вообрази, Ольга, стѣны гостепріимнаго Тригорскаго огласились пѣсней Земфиры изъ «Цыганъ» Сашки: «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня»!! Пѣсню поютъ и у Осиповой, и у Крениціныхъ, а музыку сочинилъ самъ Веніаминъ Петровичъ *). Выходитъ очень хорошо. А еще скажу, что всѣ очарованы всякими стихами Александра; всѣ учатъ ихъ наизусть, даже восьмилѣтній Темировъ. Еще того лучше: рыжій цирульникъ, горькій пьяница Прохоръ — его ты видѣла, — его же беретъ всегда на охоту Веніаминъ Петровичъ подымать подстрѣленную дичь,—вообрази себѣ, и тотъ, вынимая изъ ягдташа и показывая охотникамъ тетеревей, рябчиковъ, дикихъ утокъ, куропатокъ и дроздовъ—запѣлъ публикѣ изъ «Братьевъ-разбойниковъ»:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
«Племенъ, нарѣчій, состояній»...
. . . .

О той же популярности Александра Сергѣевича Сергѣй Львовичъ, въ другомъ письмѣ къ моей матери, разсказываетъ:

«...Ганнибалы пріютили къ себѣ въ качествѣ судомойки 14-ти или 15-тилѣтнюю Глашку, дочь,—извини за выраженіе (passe moi l'expression) — свинопаса Гаврюшки изъ Опочки. Кругла она какъ шарикъ, носитъ толстую красную рожу съ плоскимъ носомъ и калмыцкими глазами (elle porte une grosse

*) Ганнибалъ, сынъ Петра Ибрагимовича.

trogne rouge avec un nez épaté, et des yeux calmouks), и не совсѣмъ чистоплотна. Представь себѣ, Ольга: это сверхъестественное созданіе (cette créature surnaturelle) выучила наизусть съ начала до конца «Бахчисарайскій фонтанъ», а вчера мы всѣ хохотали до упаду: Веніаминъ Петровичъ вызвалъ ее изъ кухни насъ потѣшать декламаціей изъ «Евгенія Онѣгина». Глашка встала въ третью позицію и закричала во все горло (à gorge déployée):

«Толпою нимфъ окружена
«Стоитъ Истомина; она
«Одной ногой касаясь пола (Глашка встаетъ на цыпочки),
«Другою медленно кружитъ (Глашка поворачивается).
«И вдругъ прыжокъ и вдругъ летитъ,
«Летитъ какъ пухъ изъ устъ Эола»...

«(Глашка тутъ прыгаетъ, кружится, дѣлаетъ на воздухѣ какое-то антраша и падаетъ невзначай на полъ. Расквасивъ себѣ носъ, громко реветъ и опрометью въ кухню. Ей стыдно, всѣ хохочутъ).

«Вотъ тебѣ Ольга и нацарапалъ я картину, въ разсчетѣ, что ты, если не посмѣешься, то на худой конецъ улыбнешься»...

. . . .

Дѣдъ мой и бабка любили дѣтей, но любили ихъ по «своему», эгоистически, лишь бы дѣти находились недалеко отъ нихъ. Александръ Сергѣевичъ, никогда не принимая ихъ нѣжныя письма за чистую монету, отвѣчалъ на посланія родителей очень рѣдко и отнюдь съ ними не откровенничалъ; отлучки же его, о которыхъ предупреждать родителей не видѣлъ надобности, были всегда для Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны сюрпризами, какъ напримѣръ и внезапная его поѣздка въ 1833 году въ Оренбургскій край, съ цѣлію собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.

Ольга Сергѣевна относилась не такъ философски, какъ ея братъ, къ письменнымъ изліяніямъ дѣда и бабки; эти изліянія, исполненныя повидимому самыхъ восторженныхъ чувствъ родительской любви и къ тому же построенныя по всѣмъ

правиламъ французской стилистики, трогали мать мою до слезъ.

Но на повѣрку, еслибы чувства Надежды Осиповны дѣйствительно согласовались съ ея изящнымъ мелкимъ французскимъ почеркомъ, то почему эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная креолка, распинаясь въ звонкихъ фразахъ, ни разу, вплоть до 1834 года, не упоминаетъ ни въ одной строчкѣ объ отцѣ моемъ, совершенно не заботясь обрадовать больную дочь, требовавшую утѣшенія? А радость могла вылѣчить Ольгу Сергѣевну гораздо вѣрнѣе латинской кухни докторовъ. Кромѣ того, является по малой мѣрѣ страннымъ и малодушіе въ этомъ отношеніи моего дѣда; отецъ мой сказалъ довольно мѣтко въ письмѣ къ Луизѣ Матвѣевнѣ, что Сергѣй Львовичъ обрѣтается у своей жены «подъ пантуфлей»; и въ самомъ дѣлѣ: Сергѣй Львовичъ въ своихъ письмахъ къ дочери упоминаетъ о зятѣ два или три раза, да и то вскользь. Вѣроятно Надежда Осиповна наложила на своего супруга интердиктъ. Посланія стариковъ къ моей матери писались на листахъ весьма почтеннаго размѣра, и на этихъ листахъ послѣ строкъ бабки начинаются непосредственно строки дѣда, и наоборотъ; по всему видно, что жена запрещала мужу, точно такъ же какъ и Александру Сергѣевичу, заикаться о зятѣ.

Привожу еще слѣдующія выдержки изъ ея писемъ къ моей матери:

«Вотъ мы и въ Тригорскомъ»,—пишетъ бабка отъ 10-го іюля того же 1829 года,—«и слава Богу: пробудемъ въ деревнѣ до сентября, пока ты, мой ангелъ Ольга, въ Ораніенбаумѣ.

«Поѣздка наша не обошлась безъ непріятностей: папа (такъ бабка всегда называла своего мужа) разстался на вѣки, недалеко отъ Новоржева, съ своей лорнеткой, безъ которой зги не видитъ, а гдѣ такую здѣсь купишь? Кромѣ того, папа, не знаю какимъ образомъ, растерялъ три ночныхъ колпака, а въ придачу (par dessus le marché) и свою подорожную, которую, клянется всѣми большими своими богами (en jurant tous ses grands dieux), засунулъ будто бы въ боковой карманъ. Да,

впрочемъ, и я не лучше его: совершенно забыла напомнить Мариторнѣ *) Грушкѣ положить въ чемоданъ башмаки, которые подарилъ мнѣ, уѣзжая на Кавказъ, Александръ, а Грушка, разиня (cette bégueule de Грушка) тому и рада, лишь бы намъ насолить. Я ее бранить, а она знать не знаю,—были у васъ башмаки, сударыня, или не были. Какова! что съ нея послѣ этого возьмешь? Все-таки я очень рада подышать чистымъ воздухомъ и любоваться очаровательными видами Тригорскаго, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, всякая скамеечка, всякая бесѣдочка, всякій кусточекъ! А давно, давно ли, Боже мой, мы были вмѣстѣ? О тебѣ, Леонѣ и Александрѣ не могу вспоминать безъ слезъ. Гдѣ-то они, мои милыя дѣти? Сашку видѣлъ Дадіанъ въ Тифлисѣ и говоритъ, что онъ очень худъ и желтъ; не боленъ ли? а что съ Лелькой — про то, Боже сохрани,—не сегодня-завтра узнаютъ пули турецкія. Боже, Боже мой! но никто какъ Богъ! По крайней мѣрѣ меня утѣшаетъ мысль, что ты не дышешь вреднымъ петербургскимъ зловоннымъ воздухомъ и надѣешься купаться въ морѣ, хотя это море и не море, и не мать, а лужа **) (quoique cette mer n'est ni mer ni mère mais une mâre).

«Береги себя, особенно во время купанья. Очень рада, что Шерингъ къ тебѣ въ Ораніенбаумъ пріѣжаетъ слѣдить за лѣченьемъ. Видно Александръ нагналъ на него страха. Да благословитъ тебя Богъ, и не сомнѣвайся въ моемъ материнскомъ, любящемъ тебя сердцѣ. Твое здоровье — мое здоровье, твое счастье—мое счастье.

«Завтра день твоихъ именинъ. Какъ мнѣ горько, что не могу въ этотъ день прижать тебя къ моему сердцу!»

«Новость, что Адріанополь занятъ Дибичемъ»,—пишетъ Надежда Осиповна въ сентябрѣ того же года,—«возвела бы меня, какъ истую русскую патріотку, на седьмое небо (m'aurait tran-

---

*) Мариторна, воспѣтая Сервантесомъ въ Донъ-Кихотѣ, далеко некрасивая служанка гостиницы, куда заѣхалъ странствующій рыцарь «печальнаго образа» Л. П.

**) Тутъ игра словъ, утрачивающая значеніе въ русскомъ переводѣ. Л. П.

sportée au septième ciel), если бы получила другую ещеболѣе радостную новость о твоемъ выздоровленіи. Мысль, что страждешь, не даетъ мнѣ покоя, отравляетъ мнѣ жизнь, а твои послѣднія письма, ангелъ Ольга, огорчили меня какъ нельзя болѣе. Сердце мое отъ нихъ раздирается (j'en ai le coeur navré). Но зачѣмъ предаешься мрачнымъ предчувствіямъ? Не прибавится отъ нихъ здоровье, а убавится. Не отчаявайся, ради Бога, вооружись терпѣніемъ и слушай Шеринга.

«Александръ, наконецъ, удостоилъ насъ письмомъ; обнадеживаетъ насъ своимъ пріѣздомъ; о тебѣ же говоритъ, что твоя болѣзнь, о которой онъ разсказывалъ какому-то армянину-доктору, совсѣмъ не происходитъ отъ разстройства печени, а отъ нервовъ; отъ нихъ и головокруженія. Сашка пишетъ, что если застанетъ тебя не поправившейся, то приведетъ еще одного доктора, его знакомаго, который только нервами занимается; фамиліи его не называетъ. А пока Александръ совѣтуетъ тебѣ спокойствіе; это самое главное».

Дѣйствительно, Ольга Сергѣевна не чувствовала до октября улучшенія; она воображала себѣ, что ея болѣзни и конца не будетъ, не видя никакого благополучнаго исхода ужасныхъ головокруженій.

— Хорошо моей матери,— сказала она Николаю Ивановичу, по полученіи приведеннаго мной письма,—совѣтывать мнѣ бросить черныя мысли! «Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу», гласитъ пословица; спокойствіе не продается, не покупается. Гораздо лучше вмѣсто совѣтовъ послать тебѣ хоть поклонъ. Я бы обрадовалась, и мнѣ сдѣлалось бы отъ этого не въ примѣръ легче...

Старики Пушкины пробыли въ деревнѣ до глубокой осени, вовсе не заботясь о благоустройствѣ имѣнія: дѣдъ занялся усердно чтеніемъ, едва ли не въ сотый разъ, Мольера и Вольтера, и сочиненіемъ эпитафіи въ честь кончившей тогда жизненный путь древней своей собаки Руслана, о чемъ скажу ниже; а бабка—свиданіями съ сосѣдями, сообщеніемъ и собираніемъ всевозможныхъ новостей, бостономъ, писаніемъ вышеприведенныхъ, яко бы искреннихъ посланій,—вотъ и все.

Правда, Сергѣй Львовичъ упоминаетъ въ этомъ году о хозяйствѣ, но упоминаетъ всего лишь одинъ разъ въ письмѣ къ дочери, ограничиваясь разсказомъ, какъ управляющій тогда имѣніемъ, нѣмецъ Дрейеръ, исправилъ къ пріѣзду владѣльцевъ наружный видъ господскаго дома, украсилъ садъ, выстроилъ новый амбаръ да хлѣвъ, расчистилъ въ саду дорожки, посадилъ цвѣты, привелъ въ порядокъ оранжерею, да остригъ деревья à l'anglaise. Отъ всѣхъ этихъ распоряженій старикъ Пушкинъ былъ въ восторгѣ; но Дрейеръ, заботившійся, повидимому, о внѣшнемъ благообразіи Ганнибаловской вотчины, вскорѣ умеръ; мѣсто его занялъ, въ качествѣ управляющаго, нѣкто Р. (фамилія его въ перепискѣ моего отца съ дядей цѣликомъ не обозначена), а его помощникомъ сдѣлался крѣпостной человѣкъ Михайло (фамиліи тоже отецъ не выставилъ), плутъ далеко не малой руки. Этотъ Михайло немедленно приступилъ къ систематическому обманыванью и обиранью Сергѣя Львовича и прохозяйничалъ, такимъ образомъ, до лѣта 1836 года, когда отецъ мой, разоблачивъ его дѣйствія передъ Александромъ Сергѣевичемъ, смѣнилъ его *); но Михайло успѣлъ уже составить себѣ довольно кругленькій капиталецъ. Одинъ изъ сыновей Михайлы Гаврила, прозванный Сергѣемъ Львовичемъ le beau Gabriel, пошелъ по стопамъ своего достойнаго родителя: будучи безотлучнымъ камердинеромъ Сергѣя Львовича, очаровательный Габріель, въ свою очередь, набилъ себѣ мошну и по кончинѣ моего дѣда устроился какъ нельзя лучше: снялъ башмачный магазинъ.

Старики Пушкины, какъ сказалъ я выше, пріѣхавъ на лѣто и осень 1829 года въ Тригорское и Михайловское, занялись не благоустройствомъ отчины, а тѣмъ, что имъ приходилось болѣе на руку. Они смотрѣли на жизнь, по нѣмецкому выраженію ins Blaue hinein, не обращая никакого вниманія на практическую ея сторону; челядь задалась цѣлью обирать, обсчитывать, надувать господъ, а господа, съ своей стороны,

*) См. приложеніе.

порѣшили отлучаться по цѣлымъ недѣлямъ искать развлеченій въ обществѣ гостепріимныхъ сосѣдей. Съ образомъ этой послѣдней дѣятельности Пушкиныхъ всего лучше можно познакомиться при чтеніи слѣдующихъ писемъ Сергѣя Львовича и жены его къ моей матери:

«Вотъ уже недѣля, какъ ты не получала отъ насъ извѣстій»,—пишетъ Надежда Осиповна,—«и не удивляйся. Насъ въ Тригорскомъ не было; не было и въ Михайловскомъ. Да что̀ въ Михайловскомъ намъ было дѣлать? Скука невыносимая (on s'y ennuit à périr). Итакъ мы рѣшились объѣздить всѣхъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Начали съ Рокотовыхъ. Можешь себѣ представить, какъ этотъ добрый забавникъ Иванъ Матвѣевичъ (ce bon plaisant Jean fils de Matthieu) намъ обрадовался! Не зналъ отъ радости, куда насъ посадить, чѣмъ угостить, и что дѣлать съ своей особой, повторяя безпрестанно вѣчную свою поговорку: «Pardonnez ma franchise» (простите мою откровенность). Въ этомъ восторгѣ продержали мы его четыре дня, а лучше сказать, онъ насъ продержалъ. Нагрянули къ Рокотовымъ и Шушерины, и Креницыны, и кузены мои Павелъ и Семенъ Исаковичи (Ганнибалы). Добродушный Jean fils de Matthieu устроилъ танцы, катанья на лодкѣ, угощалъ насъ до невозможнаго (il nous a hébergé jusqu'à l'impossible) и, наконецъ, самъ навязался переслать тебѣ письмо, которое выхватилъ у меня изъ рукъ, а потому боюсь, что до тебя не дойдетъ. Знаешь его разсѣянность: положитъ письмо въ разорванный карманъ сюртука и обронетъ; онъ на это вѣдь мастеръ; не даромъ Александръ до сихъ поръ называетъ его le jeune écervelé, а какой же онъ младенецъ *)?

---

*) Объ Иванѣ Матвѣевичѣ Рокотовѣ А. С. Пушкинъ пишетъ, между прочимъ, своему брату слѣдующее:

«Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку (Noel). Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons». (См. т. VIII, стр. 124, соч. Пушкина, изд. Суворина 1887 г.).

Саша не можетъ простить многіе случаи разсѣянности этого вертопраха (de ce volage) и его болтливости. *)

«Какъ бы ни было, съ Рокотовымъ не соскучишься, а чтобы Jean fils de Matthieu совершенно осчастливить, я его посадила съ собой въ коляску, когда мы вмѣстѣ съ нимъ и со всей компаніей отправились къ Шушеринымъ, опять на четыре дня по ихъ приглашенію. Рокотовъ постоянно твердилъ свое «excusez ma franchise», расточая всевозможныя похвалы Уваровой и Зыбиной, и такъ занялъ меня болтовней, что я и не почувствовала, какъ мы мчались во всю прыть (ventre à terre) по дорогѣ очень плохой, рискуя очутиться во рву, къ большому ужасу папа; онъ слѣдовалъ за нами въ коляскѣ, а въ прочихъ экипажахъ ѣхали остальные mesdames и messieurs.

«У Шушериныхъ пробыли,—какъ я и думала,—четыре дня въ весьма любезномъ обществѣ. Пріѣхали и Е—на съ дочерью и И—ская съ замужней сестрой, а ихъ дражайшія половины (leurs chères moitiés) появились послѣ нихъ уже на другой день, вернувшись съ охоты; въ ожиданіи этихъ господъ, мы все утро и весь день проиграли въ вистъ. Знаешь, люблю карты, но все же не такъ, чтобы сидѣть за ними днемъ и играть, не вставая, восемь часовъ сряду. На этотъ разъ вистъ мнѣ совсѣмъ опротивѣлъ.

«Г-жа Е—на крикушка, въ родѣ кузины папаши Чичериной, захотѣла польстить моему материнскому самолюбію и продекламировала мнѣ во все горло стихи Сашки: «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ», **) да его испанскую «Ночной зефиръ струитъ эѳиръ», которую наизусть знаю; мочи нѣтъ какъ надоѣла ***), по мѣткому выраженію Александра.

---

*) Вѣроятно бабка намекаетъ о сообщеніи Осиповой Рокотовымъ писемъ Льва Сергѣевича, о чемъ говоритъ и дядя Александръ. (Тамъ же, стр. 123).

**) Подражаніе А. Шенье (съ эпиграфомъ: «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire»). См. т. III, стр. 126, соч. Пушкина, изд. Суворина, 1887 г.

***) Эту подчеркнутую фразу бабка написала по-русски.

«Вся эта компанія съ утра до вечера кричитъ, шумитъ, пляшетъ и закусываетъ. Тутъ же вертится черномазый и чернобородый юный эскулапъ, т.-е. докторъ Б—дъ; хотя и жидъ, но очень любезенъ и веселъ, а потому видѣть и имѣть его (le voir et l'avoir) въ провинціи чрезвычайно пріятно; израильское произношеніе очень къ нему идетъ, а его жена, бѣлокурая полька, тоже вздумала произносить намъ нараспѣвъ стихи Мицкевича, несмотря на то, что изъ насъ по-польски никто ни бельмеса (pas un brin). Впрочемъ, она меня и Александромъ, т.-е. отрывкомъ изъ его «Братьевъ разбойниковъ» поподчивала и—тоже надоѣла».

Сергѣй Львовичъ, описывая въ слѣдующемъ своемъ длинномъ посланіи дальнѣйшія странствованія по сосѣдямъ, между прочимъ, разсказываетъ:

«Отъ Шушериныхъ мы съ Рокотовымъ и съ тою же компаніею двинулись (nous nous sommes embarqués) къ Креницынымъ на три дня, а потомъ съѣздили къ Темировымъ. Рокотовъ сдѣлался задумчивъ, и о чудо! всего только пятнадцать разъ въ теченіе сутокъ проговорилъ: «Excusez ma franchise»! Недоумѣваю, что бы это предвѣщало: не свѣта ли преставленіе? Впрочемъ, «мама» *) другаго мнѣнія, думая, что Jean fils de Matthieu разрѣшаетъ свою трудную задачу (est en train de résoudre son problème dificile), какъ подчинить излюбленному его гомеопатическому лѣченію борзыхъ и шавокъ (ses levriers et ses roquets).

«Вообрази, вся наша компанія назвалась къ намъ на завтра, въ воскресенье, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ. Вотъ безъ ошибки нашествіе двунадесяти языкъ **), но право не знаю, какъ расквартировать эту, хотя и не Наполеонскую, но все же «великую» армію. Нечего дѣлать: переберемся на ночлегъ въ полуразвалившуюся баню, а домъ отдадимъ въ распоряженіе милыхъ нашихъ друзей. Самъ же я предупреждалъ этихъ messieurs и mesdames или mesdames и messieurs, все равно,

*) Надежда Осиповна.

**) Подчеркнутыя слова писаны по-русски. Л. П.

что они очутятся въ положеніи сельдей въ боченкѣ; слушать не хотятъ. Впрочемъ, да будетъ воля неба! (Au reste que la volonté du ciel soit faite)».

«Погода у насъ перемѣнилась»,—пишетъ на другой день бабка,—«дождь льетъ, какъ изъ ведра, и право не знаю, пріѣдутъ ли наши, а все для нихъ приготовлено. Пишу второпяхъ и скажу, что вчера страшно перепугалась: около дома появилось десять штукъ волковъ; они напали на Прохора и Андрюшку; къ счастію Прохоръ—у него было ружье—отправилъ на тотъ свѣтъ двухъ изъ этихъ господъ (deux de ces messieurs); остальные бросились къ убитымъ, чѣмъ воспользовались наши удальцы и дали тягу. Вчера же взбѣсилась и собака' но и ту Ѳедькѣ удалось застрѣлить».

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ и о четвероногомъ дѣдушкинѣ любимцѣ Русланѣ. Эту собаку подарилъ когда-то Сергѣю Львовичу Александръ Сергѣевичъ, давшій псу первоначальную кличку не «Русланъ», а «Руслё», въ честь, какъ онъ выразился, «окаянной памяти» своего тирана, француза-гувернера (см. первую часть этой хроники). Сергѣй же Львовичъ и Надежда Осиповна, продолжая питать почему-то совершенно непонятную нѣжность къ давно уже исчезнувшему съ пушкинскаго горизонта самодуру, разсудили превратить собаку «Руслё» въ одного изъ героевъ поэмъ дяди. Когда Русланъ околѣлъ отъ дряхлости и непомѣрно изобильнаго корма, Сергѣй Львовичъ слѣдующимъ оригинальнымъ письмомъ сообщилъ моей матери объ этомъ событіи:

«Какъ изобразить тебѣ, моя безцѣнная Ольга, постигшее меня горе? Лишился я друга, и друга такого, какого едва ли найду! Бѣдный, бѣдный мой Русланъ! Не ходитъ болѣе по землѣ, которая, какъ говорится полатыни, да будетъ надъ нимъ легка! Да, незамѣнимый мой Русланъ! Хотя и былъ онъ лишь безотвѣтнымъ четвероногимъ, но въ моихъ глазахъ стоялъ гораздо выше многихъ и многихъ двуногихъ. (Quoi qu'il n'était rien de plus qu'un quadrupède, mais à mes yeux il était bien au dessus de beaucoup de bipèdes): мой Русланъ не воровалъ, не разбойничалъ, не сплетничалъ, взятокъ не бралъ,

интригъ по службѣ не устраивалъ, сплетенъ и ссоръ не заводилъ. Умеръ отъ долговременной болѣзни, а послѣднее время все спалъ. Я его похоронилъ въ саду, подъ большой березой; тамъ пусть лежитъ себѣ спокойно. Хочу этому вѣрному другу воздвигнуть мавзолей, но боюсь: сейчасъ мои безсмысленные мужланы—вотъ кто настоящія животныя—запишутъ меня въ язычники (Tout de suite mes imbéciles de manants—voilà les vrais animaux—m'inscriront sur la liste des païens). Чтобы меня утѣшить, Веніаминъ Петровичъ, правда, подарилъ мнѣ другую собачку, совершенный портретъ Руслана: ходитъ на заднихъ лапахъ, поноску носитъ, посягаетъ на цѣлость моихъ панталонъ, особенно же носовыхъ платковъ, но все же не Русланъ, тысячу разъ не Русланъ. Съ горя сочинилъ я эпитафію по-французски и по-русски. Вотъ французская:

«Ci-gît Rouslan, mon campagnon fidèle,
«Des vrais amis il fut le vrai modèle,
«Il m'aima pour moi seul, jamais n'exigea rien,
«Passe sans t'étonner: Rouslan n'était qu'un chien!

А вотъ и русская:

«Лежитъ здѣсь мой Русланъ, мой другъ, мой вѣрный песъ!
«Былъ честности для всѣхъ разительнымъ примѣромъ,
«Жилъ только для меня, со смертью же унесъ
«Всѣ чувства добрыя: онъ не былъ лицемѣромъ,
«Ни воромъ, пьяницей, развратнымъ тожъ гулякой;
«И чтожъ мудренаго? былъ только онъ собакой»!

Тоска дѣда по Русланѣ доходила въ самомъ дѣлѣ до смѣшнаго. Надежда Осиповна жалуется вслѣдъ затѣмъ дочери, что Сергѣй Львовичъ проплакалъ о смерти Руслана двѣ недѣли, не стѣснялся плакать и при гостяхъ, лишился сна, аппетита. «Такъ только, Богъ меня прости и сохрани васъ Онъ на многая лѣта, дѣтей оплакиваютъ»,—писала бабка.

Привожу послѣднія письма стариковъ за 1829 годъ объ отсутствующихъ сыновьяхъ:

«Слава Богу»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ въ началѣ октября (числа не выставлено),—«могу тебѣ сказать, что оба

твои брата здоровы. Хотя до меня дошли свѣдѣнія и запоздалыя, но все же я покойнѣе. Отъ Леона получилъ разомъ два письма.

«Послѣ взятія Эрзерума Лелька опять былъ въ весьма горячемъ дѣлѣ (Lolka s'est trouvé de nouveau dans une affaire bien chaude) и, представь себѣ, когда писалъ мнѣ первое письмо?! Ни болѣе ни менѣе, какъ наканунѣ боя, на барабанѣ, въ ту минуту, когда забывать о письмахъ отнюдь не предосудительно! За то для нашего успокоенія отправилъ намъ второе письмо сейчасъ же послѣ сраженія. Описываетъ весь ходъ боя и проситъ вынуть часть за его бабку Марью Алексѣевну; тебѣ вѣроятно Леонъ сказывалъ, что передъ опредѣленіемъ на службу онъ видѣлъ тѣнь grand'maman. Тѣнь его благословила, а потому и думаетъ, что всякое сраженіе обходится для него благополучно. Говоритъ, что былъ въ жестокомъ огнѣ, и потеря въ людяхъ очень и очень значительна; разумѣется турки кончили тѣмъ, что возложили упованіе на свои ноги (ils ont filé la venelle).

«Похвалить долженъ и Александра: онъ также намъ пишетъ; пересылаю его письмо въ копіи, тоже очень запоздалое. Въ перепискѣ онъ и съ Плетневымъ, которому говоритъ, что очарованъ путешествіемъ, разсказывая своему другу всѣ прелести лагернаго быта. Письмо Сашки Плетневъ тоже намъ переслалъ; я хотѣлъ присоединить его къ тебѣ, то-есть копію, но не знаю, куда засунулъ подлинникъ, который долженъ возвратить Петру Александровичу. Сашка разъѣзжалъ въ мусульманскомъ краѣ на казацкой лошади съ нагайкой въ рукѣ, а, что еще того лучше, обѣщается Плетневу и намъ очень скоро быть въ сѣверной столицѣ. Que la volonté du ciel soit faite»!

Надежда Осиповна, съ своей стороны, на томъ же листѣ прибавляетъ:

«Я въ восторгѣ отъ пріѣзда Александра. Порасскажетъ и обо Львѣ, а кто знаетъ, не пріѣдутъ ли вмѣстѣ? Очень бы, однако, хотѣла еще разъ ему написать. Но куда? «That ist the question»! Александръ, какъ говоритъ Прасковья Але-

ксандровна Осипова, исчезаетъ именно тогда, когда всего меньше ожидаешь. Надѣюсь на этотъ разъ исчезъ, чтобы съ нами соединиться.

«Свиданіе съ вами, дорогія мои дѣти, исцѣлило бы всѣ наши скорби. Война разлучила насъ съ твоими братьями, а твоя болѣзнь— съ тобой, мой ангелъ! Да соединитъ же насъ прочный миръ, и не менѣе прочное твое здоровье.

«Баронъ Дельвигъ—можешь за меня его обнять—пишетъ твоему папа, что посѣтилъ тебя въ Ораніенбаумѣ; собирается въ Москву нарочно встрѣтить Леона и Александра; желаю и я туда же вмѣстѣ съ нимъ отправиться, чѣмъ выигралось бы время (cela serait autant de temps de gagné). Надо ловить въ нашей гадкой жизни столь рѣдкія, отрадныя мгновенья. Прижать къ сердцу Сашку и Лельку составляетъ теперь всю мою мечту. О тебѣ уже и не говорю: ты мой первенецъ (tu es ma première née). Боже! какъ мучительна разлука съ вами!»

Впрочемъ, выраженное Надеждой Осиповной желаніе встрѣтить сыновей въ Москвѣ такъ и осталось фразой, пущенной ради придачи письму риторическаго оборота. Изъ писемъ, хранящихся у меня, не видно, пріѣхалъ ли въ концѣ 1829 года Левъ Сергѣевичъ. Братъ же его Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ Петербургъ въ первой половинѣ ноября, не заѣзжая въ Михайловское.

XIV.

Только незадолго передъ возвращеніемъ Александра Сергѣевича въ Петербургъ, мои родители возвратились изъ Ораніенбаума въ городъ, на прежнюю квартиру, такъ какъ осень 1829 года выдалась теплая и сухая, а свѣжій воздухъ оказался для моей матери гораздо полезнѣе всякихъ микстуръ и докторскихъ посѣщеній: головокруженія случались рѣже — это было главное; съ ихъ уменьшеніемъ появился и сонъ, укрѣпившій нервную систему больной. Въ городѣ она могла уже посѣщать своихъ родителей и знакомыхъ.

Отецъ былъ очень ободренъ такимъ ходомъ исцѣленія, а

потому и могъ уже посвящать себя всецѣло служебной дѣятельности и литературнымъ занятіямъ, которыя становились для него сущею потребностью. Продолжая службу въ бывшей иностранной коллегіи по экспедиціи переводовъ и будучи откомандированъ вице-канцлеромъ Нессельроде въ учрежденную при сенатѣ слѣдственную коммиссію надъ поляками, скомпрометтированными въ 1825 году, отецъ весьма удачно выполнилъ возложенное на него порученіе, за что̀ и былъ награжденъ окладомъ годоваго жалованья. Похвальные же отзывы тогдашнихъ повременныхъ изданій, въ особенности же отзывы «Сѣверной Пчелы» о его прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ романовъ Фонъ-деръ-Фельда (біографическій очеркъ котораго онъ помѣстилъ затѣмъ въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига), поощрили его къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ.

При свиданіи моей матери съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, она нашла, что онъ очень осунулся, пожелтѣлъ и постарѣлъ такъ, что на видъ ему казалось не 30 лѣтъ, а гораздо больше.

— Александръ!—удивилась она,—что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ. Видно климатъ Кавказа и Турціи для тебя хуже всякаго Петербурга; напрасно ѣздилъ поправляться. А я надѣялась, что пополнѣешь, помолодѣешь. А можетъ быть военные походы тебѣ повредили? Здоровъ ли ты, скажи мнѣ!..

— Напрасно тревожишься,—отвѣчалъ дядя,—военные походы мнѣ полезны; чувствую себя какъ нельзя лучше; многое видѣлъ, многое испыталъ, и описаніе принесу тебѣ завтра. Сколько я почерпнулъ истинной поэзіи, сколько испыталъ разныхъ впечатлѣній! Очаровательный край! А на мою худобу и кажущуюся старость не гляди: просто похудѣлъ отъ усталости. Выѣзжая изъ Тифлиса, я съ грустью говорилъ: «прощай волшебный край», а какъ очутился опять въ вашемъ или нашемъ чухонскомъ болотѣ, выругался разумѣется: «петербургской грязи и вони мое нижайшее, чортъ возьми, почтенье»!

Дядя нашелъ сестру очень поправившейся и приписалъ это

улучшеніе своей мысли нанять для нея дачу въ Ораніенбаумѣ.

На другой день послѣ первой встрѣчи, Александръ Сергѣевичъ сдержалъ данное сестрѣ слово. Онъ зашелъ къ ней и принесъ толстую рукопись.

— Вотъ мои путевыя впечатлѣнія и разсказы обо всемъ, что со мной было; прочти ихъ. Зайду за ними послѣ, а теперь читать ихъ и разсиживаться некогда. Прощай!

Оставленная Пушкинымъ у сестры рукопись была ни что иное, какъ тотъ «Дневникъ», начатый въ Георгіевскѣ, который дядя впослѣдствіи привелъ въ порядокъ и напечаталъ уже гораздо позднѣе въ «Современникѣ», именно въ 1836 году, давъ ему заглавіе: «Путешествіе въ Арзерумъ во время похода 1829 года».

Ольга Сергѣевна, пораженная изнуреннымъ видомъ брата, вызвала его при слѣдующемъ затѣмъ свиданіи на откровенность.

Привожу ихъ довольно интересную бесѣду, о которой слышалъ отъ нея неоднократно. Мать очень любила повторять ее, и я уже давно записалъ эту бесѣду съ малѣйшими подробностями.

Дядя сознался, что будучи здоровъ физически, страдаетъ морально; по его словамъ, тоска стала одолѣвать его съ той минуты, какъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ обратный путь.

— Пріѣхавъ въ Петербургъ,—говорилъ онъ,—я очутился, какъ будто въ карцерѣ, съ которымъ нѣсколько разъ былъ знакомъ въ лицеѣ. Меня что-то давитъ, душитъ, когда засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ. Ѣздить хочу, мѣнять мѣста пребыванія хочу. Не даромъ на дняхъ я сочинилъ:

«Не въ наслѣдственной берлогѣ,
«Не средь отческихъ долинъ,
«На большой мнѣ, знать, дорогѣ
«Умереть Господь судилъ».

— А знаешь что, Ольга,—прибавилъ дядя,—чѣмъ чортъ не шутитъ? Скажу тебѣ по секрету, видишь что: изъѣздилъ

я Бессарабію, и Крымъ, и Кавказъ, былъ и въ Турціи. Съѣздить за границу въ Европу всегда успѣю, а теперь хочу — только не пугайся — провѣдать тотъ странный край, гдѣ не только душистый померанецъ, но и чай душистый зрѣетъ. Kennst du das Land? какъ воспѣваетъ, кажется, Гёте. Такой, Ольга, край, что просто мое почтенье; страна чудесъ! Узнаю совершенно иной міръ, посмотрю на совсѣмъ другихъ людей; не увижу тамъ ни Красовскихъ, ни Хвостовыхъ, ни какъ его... Каченовскаго, заключилъ Пушкинъ шутя, то-то погуляю!

— Ужъ не къ богдыхану ли въ гости? — всплеснула руками Ольга Сергѣевна.

— Bien touché — разсмѣялся дядя.

— Да ты не бредишь ли?

— Ничуть. Чего въ Европѣ не видалъ, а въ чухонскомъ болотѣ мнѣ киснуть нечего. Только смотри, не проболтайся папашѣ; расплачется, не утерпитъ, чтобы не пересказать матери, а та протрезвонитъ всякимъ Архаровымъ, Карамзинымъ, да Ноденамъ, и пошла гулять новость по всѣмъ околоткамъ; тогда и моя idée lumineuse (великолѣпная мысль) фью!

Дядя присвиснулъ.

— Да говори же, Александръ, толкомъ. Шутишь или говоришь серьезно?

— Разумѣется очень серьезно, и дѣло просто: въ Пекинѣ учреждается русская миссія. Тамъ и отецъ Іакинфъ Бичуринъ *). Я его встрѣчалъ здѣсь передъ отъѣздомъ туда; стало быть буду имѣть и знакомаго. Пристроиться же мнѣ къ миссіи легко: попрошусь у кого слѣдуетъ и дѣло въ шляпѣ.

— Полно дурачиться, Александръ; пустыя бредни и больше ничего!

— Сама увидишь, что не пустыя бредни.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе не лишеннаго интереса разговора между матерью и дядей, упомяну, что Пушкинъ

---

*) Извѣстный ученый и русскій миссіонеръ въ Китаѣ.

дѣйствительно въ началѣ 1830 года обратился къ Нессельроде съ ходатайствомъ записать его въ число чиновниковъ отправлявшихся въ Китай, но просьба его запоздала: желающихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ дядя предполагалъ, а потому его мечта увидѣть жителей Срединной имперіи такъ и осталась мечтою. Просьбу возвратили назадъ, положивъ резолюцію: «Съ удовольствіемъ опредѣлилъ бы, но комплектъ лицъ, уже назначенныхъ, полный».

Возвращаюсь къ прерванному разговору.

— Какъ себѣ хочешь, Ольга, — продолжалъ Пушкинъ, — здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ не житье, а прозябаніе (ici je n'existe pas, mais je végète). Тоска, понимаешь, тоска меня ѣстъ.

— Слушай Александръ! Сознаться въ причинѣ тоски ты самъ не желаешь, а причину-то я вижу насквозь.

— Но...

— Безъ всякихъ «но». Просто-напросто, тебѣ тридцать лѣтъ стукнуло. Человѣкъ для одиночества не созданъ. «Il n'est pas bon que l'homme reste seul» — это и въ Писаніи сказано: не довлѣетъ человѣку единому быти. Скажу безъ обиняковъ: жениться пора, вотъ что!

— Жениться? Боже сохрани и избави! Могу ли я, въ состояніи ли я осчастливить женщину? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ—ни матеріально, ни нравственно. Если за меня бы и вышли, то, спрашивается, по какимъ причинамъ? По разсчету? На это скажу, что карманъ мой очень не великъ. Изъ-за моей литературной извѣстности, ну, положимъ даже, литературной славы? И на это опять-таки скажу, что русскія барышни и вдовушки ставятъ не только стихи, но и прозу ни въ грошъ, а требуютъ состоянія, или, по крайней мѣрѣ, такой служебной карьеры, которая приносила бы прочныя, вещественныя выгоды, а не супъ изъ незабудокъ. Наконецъ, статься можетъ, изъ-за моей наружности? (Тутъ дядя, какъ говорила мнѣ мать, засмѣялся непріятнымъ, принужденнымъ смѣхомъ — il s'est mis à rire, mais d'un rire désagréable et forcé), но стóитъ мнѣ подойти къ зеркалу,—прибавилъ онъ по-русски,—самъ увижу,

чего стою, — извини за глупую остроту, да прочитай мое посланіе въ честь Александры Алексѣевны *). Не Богъ знаетъ сколько верстъ отъ орангутанга уѣхалъ. Наконецъ, положимъ, найдется несчастная и выйдетъ за меня. (Enfin mettons: il se trouvera une malheureuse, qui m'épousera). Но что же я, я-то ей принесу? А вотъ что: сердце состарѣвшееся не по лѣтамъ, сердце какъ нельзя болѣе увядшее (un coeur surranné, un coeur on ne peut plus fâné), испытавшее много, слишкомъ много... Чувствую, Ольга, я перевалилъ въ полномъ смыслѣ за полдень жизни, а кстати, помнишь мои стихи «Телѣга жизни»?

Тутъ Александръ Сергѣевичъ прочелъ наизусть слѣдующую выдержку:

«Съ утра садимся мы въ телѣгу;
«Мы рады голову сломать,
«И, презирая лѣнь и нѣгу,
«Кричимъ: «пошелъ, не разсуждать!»
«Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
«Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
«И косогоры, и овраги,
«Кричимъ: «полегче, дуралей...»

— И какъ же рѣшиться на подобный шагъ, или лучше на подобный скачекъ? Тутъ уже не ямщику, а самъ себѣ закричу «полегче, дуралей», если не захочу разбить себѣ голову, или, какъ говорятъ татары: се-кимъ или ке-симъ башка, поговорку, которую я недавно слышалъ.

— Ты все преувеличиваешь, Александръ, и хандришь, а увидишь, женишься раньше, нежели думаешь **), и какъ еще

*) To Dawe esq-r, посвященное А. А. Олениной, начинается такъ:

«Зачѣмъ твой дивный карандашъ
«Рисуетъ мой арабскій профиль?
«Хоть ты вѣкамъ его предашь,
«Его освищетъ Мефистофель».

**) Разговоръ этотъ происходилъ въ декабрѣ 1829 года, слѣдовательно за годъ и два мѣсяца до женитьбы дяди—18 февраля 1831 года.

можешь быть счастливъ!! Вспомни этотъ разговоръ и запиши мое предсказаніе; ты знаешь, что папа не даромъ прозвалъ меня Сивиллой. А хочешь, скажу тебѣ еще: не можешь до сихъ поръ, несмотря на то, что восхищаешься многими, — а всѣ эти восхищенія, не истинная любовь, а именно восхищенія, капризы (des caprices),—не можешь, говорю, забыть твою бѣдную Ризничъ, и будешь по ней, слова нѣтъ, тосковать, пока опять не влюбишься такъ же, какъ и въ нее. Вотъ и все.

Ольга Сергѣевна, какъ говорятъ французы, a touché le vrai point. Дядя опѣшилъ.

— Твоя правда,—подтвердилъ онъ послѣ краткаго молчанія. — Никогда, мнѣ кажется, я не въ состояніи забыть мою поэтическую любовь къ этой прелестной одесской итальянкѣ... Бѣдная Ризничъ! Никого такъ я не ревновалъ какъ ее, когда въ моемъ присутствіи, что̀ мнѣ было хуже ножа, она кокетничала съ другимъ *), а разъ, если никого такъ сильно не ревновалъ, то и никого такъ сильно не любилъ. Любовь, по моему, измѣряется ревностью. А ревновалъ я ее, быть можетъ, и неосновательно. Никого, никого такъ искренно до сихъ поръ не любилъ...

— Все это, Александръ, прекрасно и хорошо (tout cela est bel et bon). Но твоя Ризничъ уѣхала въ чужіе края, а потомъ умерла. Слѣдовательно, любовь твоя—любовь къ привидѣнію, любовь къ мечтѣ, и утратила свой «raison d'être, это вопервыхъ; а вовторыхъ, самъ же ты сію секунду открылъ мнѣ слабую сторону твоего аргумента: говоришь «до сихъ поръ никого такъ не любилъ», значитъ, можно вывести изъ такихъ словъ (on peut tirer conséquence de ces paroles), что не отчаяваешься найти другую, которую полюбишь столько же, если не больше. Вотъ, милый другъ мой, до чего ты, наконецъ, договорился!..

Александръ Сергѣевичъ, чувствуя, что и тутъ потерялъ подъ собою почву, опять опѣшилъ и, какъ всѣ люди нерв-

---

*) Кто былъ этотъ другой — дядя не называлъ. Имени и фамиліи его соперника не знаю.

ные, у которыхъ зачастую не хватаетъ пороху на немедленное возраженіе, особенно когда ихъ задѣваютъ, что̀ называется, за живое, въ первую минуту растерялся и сказалъ, опять помолчавъ немного:

— Что тамъ ни говори, сестра, безъ глубокой печали не могу вспоминать о бѣдной Ризничъ... *)

— Слушай, Александръ. Прежде нежели дѣлать визитъ китайскому богдыхану или индѣйскому набабу,—все равно,—положи-ка горесть и печаль въ карманъ (mets les dans la poche). Что прошло, то пропало! Будь господиномъ твоихъ порывовъ (sois maître de tes élans), не придавайся ни печали ни гнѣву. Если будешь поддаваться скорби и гнѣву, познакомишься и со спутницей этихъ страстей—нуждой. La colère enfante la misère (скорбь раждаетъ нужду). Вспомни молитву, которую слышимъ въ церкви: «О избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды». Вѣрь, никто изъ твоихъ хваленыхъ друзей, въ сущности, бо̀льшею частію твоихъ бывшихъ партнеровъ на зеленомъ полѣ и бывшихъ собутыльниковъ (tes ci-devant compagnons de jeu et de bouteille) не любятъ тебя такъ, какъ я, а потому не сердись и вѣрь моимъ добрымъ совѣтамъ (ne te fâche pas, et fie-toi aux bons conseils, que je te donne).

— Ты, Ольга, мѣтишь въ проповѣдницы или, на худой конецъ (au pis aller), въ послѣдовательницы покойной Madame Campan **) (госпожи Кампанъ). Моей тоской никому зла не дѣлаю, а господиномъ моего гнѣва,—радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ,—быть больше не могу. Меня окончательно

---

*) Пушкинъ посвятилъ памяти г-жи Ризничъ два прекрасныя стихотворенія. Одно изъ нихъ начинается такъ:

«Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
«Она томилась, увядала». . . .

А другое:

«Для береговъ отчизны дальной
«Ты покидала край чужой...»

**) Извѣстная французская писательница; скончалась въ 1829 г.

выводятъ изъ терпѣнья добрые люди, которые именно въ настоящемъ христіанскомъ правилѣ «любить ближняго какъ самого себя» не смыслятъ ни бельмеса (pas un brin). Не даютъ эти, такъ называемые «добрые люди», а по моему, шайка зоиловъ и завистниковъ, прохода твоему брату, котораго ты увѣщеваешь. Но я самъ спуску не дамъ, и опять повторяю: или попотчую ихъ подъ горячій часъ плюхами, или посчитаю имъ ребра моей палкой!

Дядя при этомъ возвысилъ голосъ.

— Посмотри-ка лучше, что я вчера написалъ на этихъ животныхъ (à l'adresse de ces animaux),—прибавилъ дядя и, вынувъ изъ кармана листъ бумаги, прочелъ *):

«О муза пламенной сатиры!
«Приди на мой призывный кличъ!
«Не нужно мнѣ гремящей лиры,
«Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
«Не подражателямъ холоднымъ,
«Не переводчикамъ голоднымъ,
«И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
«Готовлю язву эпиграммъ.
«Миръ вамъ, смиренные поэты,
«Миръ вамъ, несчастные глупцы!
«А вы, ребята-подлецы,
«Впередъ! всю вашу сволочь буду
«Я мучить казнію стыда!
«А если же кого забуду—
«Прошу напомнить, господа!
«О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
«О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
«Готовы отъ меня принять
«Неизгладимую печать!»
. . . .

Выслушавъ эту жёлчную выходку, Ольга Сергѣевна сказала:

---

*) Нижеприводимые стихи появились въ свѣтъ черезъ полгода послѣ этого разговора, именно въ 1830 году. (См. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, изданныхъ подъ редакціей Г. Н. Геннади въ 1870 г., т. I, стр. 436).

— Не сердись, если замѣчу тебѣ, что эти воинственные стихи пахнутъ именно солдатомъ за версту (cela sent son soldat d'une lieu). Что за выраженія: «ребята-подлецы впередъ!» Умилосердись! Ни дать, ни взять, когда на гарнизонномъ ученьѣ фельдфебель съ нафабренными усами, причесанный «виски впередъ», кричитъ во все горло: «спасибо ребята-молодцы!» и тутъ же: «Правая, лѣвая, лѣвая, правая, подлецы!» Наконецъ, твое выраженіе сволочь! Mais quelle est, au nom du ciel, cette expression? Въ разговорѣ «ребята-подлецы», «сволочь», «дрянь», еще проѣдутъ, но въ печати ругательства не позволительны. Просто по-англійски выходитъ «шокингъ». И подобныя выраженія употребляетъ авторъ «Кавказскаго плѣнника»! Ну, посуди самъ, какъ же это можно?

— Ты неисправима, Ольга: проповѣдница à la madame Campan, но стихи, воля твоя, напечатаю.

— Печатай, батюшка! «не мой конь, не мой возъ»,—разсердилась въ свою очередь и сказала по-русски Ольга Сергѣевна,—но этимъ самъ себя скомпрометтируешь и докажешь, что придаешь, какъ самъ ты же говоришь, «сволочи» значеніе, котораго «сволочь» или «ребята-подлецы» совсѣмъ не заслуживаютъ. Исправишь ли ихъ? — Нисколько. Сволочь сволочью и останется. Приведу тебѣ и поговорку:

«Хоть ты ведро воды на эѳіопа лей,
«Не станетъ онъ бѣлѣй»

а можетъ выйти и еще хуже. Такъ тебѣ насолятъ, что жизни радъ не будешь...

— Опять-таки, madame Campan, чистая madame Campan! Mais je ne suis pas bûche de bois, et je saurai décharger ma colère par écrit et par voie de fait sur cette légion de la plus lâche canaille de l'univers, puissent tous les diables l'emporter! Et je le repète: je claquemurerai la bouche à ces insolents! (Но я не бревно, и съумѣю выместить мой гнѣвъ и письменно, и дѣйствіемъ, на этомъ легіонѣ подлѣйшей канальи вселенной, чтобы ее всѣ черти взяли! Повторяю: замажу глотку нахаламъ!)

При такомъ нервномъ возбужденіи брата, Ольга Сергѣевна сочла нужнымъ уступить.

— Ну, полно, — сказала она ему своимъ симпатичнымъ, звучнымъ голосомъ,—умѣрь твои африканскія страсти (modére tes passions africaines). Не забудь: тебѣ не девятнадцать, а цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Успокойся, мой бѣдный Александръ!

Она подошла къ нему, поцѣловала крѣпко въ лобъ и погладила его курчавую голову — обычная ласка моей покойной, незабвенной матери.

Дядя, въ припадкѣ волновавшихъ его самыхъ разнообразныхъ душевныхъ волненій, былъ какъ нельзя болѣе тронутъ и этими немногими словами, и этой безыскусственной, такъ много сказавшей озлобленной душѣ его, лаской, и... заплакалъ, осыпая руку сестры нѣжными поцѣлуями. Потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Eh bien, n'en parlons plus. Que le diable emporte toute cette racaille! (Довольно, не будемъ говорить больше. Чортъ побери всю эту ракалью!) Поговоримъ лучше о твоемъ здоровьѣ.

Перемѣнивъ разговоръ, дядя, между прочимъ, сказалъ моей матери:

— Хотѣлъ привести тебѣ еще одного доктора-спеціалиста по нервамъ, но слишкомъ много поваровъ кушанье портятъ (trop de cuisiniers gâtent la cuisine). Держись Молчанова; уважаю его за то, что лѣкарствами не пичкаетъ!..

Разсказавъ затѣмъ кое-что о домашнихъ обстоятельствахъ и о продажѣ своихъ сочиненій, дядя, нѣсколько успокоенный, простился, говоря, что очень былъ радъ отвести у сестры душу и излить передъ ней все, что накипѣло въ этой злополучной душѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ описанной мною замѣчательной бесѣды, дядя встрѣтилъ Ольгу Сергѣевну у своихъ родителей (отца моего тамъ, на прежнемъ основаніи, не было), и говорилъ ей:

— Ты нашла, милая моя Ольга, неудобными мои выраженія «ребята-подлецы» да «сволочь». Но эти выраженія

просѣются сквозь цензурное рѣшето, не сомнѣваюсь; въ нихъ, по моему, ничего нѣтъ неприличнаго. Между тѣмъ подлость моихъ зоиловъ-завистниковъ дошла уже до того, что они стали приписывать моей дѣвственной музѣ, — какъ я узналъ отъ Дельвига на дняхъ, — именно всякія неприличія; нашлись между «подлецами-ребятами» — извини, это выраженіе тебѣ не нравится, а мнѣ нравится—такіе, которые себѣ позволили злоупотреблять моимъ именемъ и навязывать мнѣ, что̀ мнѣ и въ голову не приходило. Мнимыя мои сочиненьица (mes élucubrations postiches) ходятъ въ рукописяхъ по городу, а что̀ всего хуже съ моей подписью. Мерзавцы! (Les coquins!) Хотятъ меня уронить передъ людьми достойными всякаго почтенья (estimables sous tous les rapports), да и разсовываютъ, гдѣ только могутъ, сочиненныя не мною, а ими же пошлости. Конечно, ни Дельвигъ, ни Плетневъ гнуснымъ клеветамъ на мою музу не повѣрятъ; они очень хорошо знаютъ, что я ея не оскверню стихами, которые и канальѣ Баркову не по плечу. Я же не Барковъ, а подавно не маркизъ де Садъ *). Ils savent parfaitement bien, que je ne salirai pas cette muse par des vers, qui ne sont pas même de la taille de cette canaille de Барковъ. Quand à moi, je ne suis pas un Барковъ, et à plus forte raison un marquis de Sade.) Ну какъ же послѣ этого не приколотить «ребятъ-подлецовъ» палкой, ну какъ же не надавать имъ плюхъ?

Кстати замѣчу, что Пушкинъ считалъ не только произведенія Баркова, но даже и фамилію сего скальда явленіемъ совершенно неприличнымъ, что̀ и выразилъ въ эпиграммѣ, которую написалъ по случаю просьбы однофамильца знаменитаго порнографа. Этотъ однофамилецъ писалъ водевильныя

*) Извѣстный безбожникъ и циникъ временъ французской революціи. Консулъ Бонапарте—впослѣдствіи императоръ Наполеонъ,—распорядился сжечь публично, на площади, рукою палача, ужасные романы Сада: «Dorothée ou les dangers de la Vertu» и «Juliette ou la prospérité du vice.» Покойный Ф. Ф. Вигель показывалъ мнѣ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ. Откуда онъ его досталъ—этого мнѣ не сказывалъ.

пьесы и просилъ Анну Петровну Кернъ ходатайствовать у Пушкина перевести его стихи по-русски.

Вотъ эпиграмма:

«Не смѣю вамъ стихи Баркова
«Благопристойно перевесть,
«И даже имени такова
«Не смѣю громко произнесть».

Сообщеніе моего дяди было сущей правдой: въ Петербургѣ, во время его отлучки, стали ходить ни на чемъ не основанные слухи, будто бы онъ авторъ появившихся тогда многихъ совсѣмъ неудобныхъ поэмъ, называемыхъ теперь порнографическими. Въ описываемое мною время, именно въ 1829 году, лира Баркова и его послѣдователей пользовалась весьма радушнымъ гостепріимствомъ среди недорослей, прожигавшихъ жизнь, и среди дряхлыхъ шалуновъ. Стихи Баркова распѣвались преимущественно подъ пьяную руку на холостыхъ вечеринкахъ, причемъ любители воображали, что это произведенія Пушкина, и восхваляли ихъ.

Александру Сергѣевичу, знавшему объ этихъ вакханаліяхъ, было до крайности непріятно.

— Mon nom est profané par toute cette drogue (мое имя оскверняется всей этой дрянью), — говаривалъ онъ и сестрѣ и моему отцу, — вотъ до чего дошли козни моихъ пріятелей!

Считаю долгомъ повторить: всѣ занесенные въ мою «Семейную хронику» факты и разговоры основаны на разсказахъ и письмахъ моего отца и матери,—Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны Павлищевыхъ, — на разсказахъ лицъ, стоявшихъ очень близко къ моимъ обоимъ дядямъ,—Александру и Льву Пушкинымъ и наконецъ, на имѣющихся у меня письмахъ дѣда и бабки—Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны. Отъ себя я здѣсь ничего не прибавляю; долголѣтнія же мои воспоминанія, которыя я вовсе не думалъ до настоящаго времени предавать гласности, даже и въ извлеченіяхъ, я велъ для себя же, слѣдовательно относился къ фактамъ вполнѣ безпристрастно, а не pro domo sua.

Сдѣлавъ эту оговорку, замѣчу, что Пушкинъ—опять-таки говорю со словъ моихъ родителей—написалъ только двѣ поэмы и всего не болѣе десятка мелкихъ стихотвореній легкаго содержанія — капли въ морѣ его безчисленныхъ произведеній. Долгъ безпристрастнаго хроникера налагаетъ на меня обязанность, упомянувъ и о нихъ, вывести многихъ изъ заблужденія.

Первую поэму, лишенную, по словамъ его же, Александра Сергѣевича, здраваго смысла—«Гавриліаду», онъ сочинилъ будучи еще очень молодымъ. Вспоминая объ этой, какъ онъ выражался, «непростительной глупости», Пушкинъ всегда раскаивался, что не уничтожилъ ея, а далъ переписать одному изъ своихъ товарищей, кому именно, не помню; этотъ же товарищъ и пустилъ ее гулять по бѣлому свѣту.

Вторую поэму, «Царь Никита», дядя считалъ тоже величайшей глупостью.

Наконецъ, къ числу собственно его немногихъ мелкихъ стихотвореній въ легкомъ родѣ относится пародія на пѣсню Беранже: «T'en souviens tu, disait un capitaine au vétéran, qui mendiait son pain». (Ты помнишь ли, ахъ ваше благородье! Мусью французъ (такой-то) капитанъ?). Эту шутку, написанную, впрочемъ, не столько въ «порнографическомъ», сколько въ «ругательномъ» вкусѣ, дядя набросалъ 19 октября 1828 года на лицейскомъ праздникѣ и остался очень ею доволенъ: часто произносилъ ее въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ *). Вотъ и вся его «порнографія», отъ которой Пушкинъ и не отказывался.

Всѣ же прочія подобныя стихотворенія, приписываемыя, къ сожалѣнію, весьма многими Пушкину,—стихотворенія, нашедшія себѣ мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ якобы его сочиненій, состряпаны другими, между прочимъ, и извѣстная «Первая ночь». Напраслина по этому поводу, взведенная на дядю, нашла себѣ такую вѣру въ тогдашнемъ, а также и въ позднѣйшемъ обществѣ, что даже и нѣкоторые литераторы,

*) Эта шутка, впрочемъ, напечатана съ пропусками и въ Геннадіевскомъ и въ Суворинскомъ изданіяхъ сочиненій покойнаго дяди.

усматривая въ распространенной рукописи пушкинскій слогъ, излюбленный размѣръ, игривую манеру, никакъ не уступали моимъ возраженіямъ, что Александръ Сергѣевичъ тутъ не при чемъ; между тѣмъ мои возраженія основаны на разговорѣ Пушкина съ моимъ отцомъ, во время ихъ послѣдней встрѣчи весною 1836 года, въ Петербургѣ, куда этотъ послѣдній пріѣзжалъ, вытребованный изъ Варшавы умиравшей его тещей, Надеждой Осиповной.

Привожу этотъ разговоръ, сообщенный мнѣ отцомъ.

— Моя фамилія, — заявилъ дядя, — кажется и у васъ, въ Варшавѣ, сдѣлалась притчей во языцѣхъ. «Monsieur Pouchkine у васъ par ci, monsieur Pouchkine par là.»

— Не только въ Варшавѣ, но кажется и во всей Европѣ, Пушкинъ par ci, Пушкинъ par là,—возразилъ отецъ.

— Не въ томъ собственно дѣло, — отвѣчалъ дядя, — а въ томъ, что до меня дошли слухи, будто бы въ варшавскомъ обществѣ военныхъ и гражданскихъ русскихъ чиновниковъ ходитъ по рукамъ рукопись моего мнимаго сочиненія «Первая ночь». Когда вернетесь въ Варшаву, попросите моего милѣйшаго «кунака», Давида Осиповича (такъ называлъ дядя князя Бебутова, съ которымъ сошелся на Кавказѣ),—а у него вѣдь всякій день собирается посмѣяться за обѣдомъ офицерство — оповѣстить всѣмъ и каждому, что воспѣвать «Первую ночь» никогда я и не думалъ; чистосердечіе мое знаете, и вѣрьте, что, еслибы я эти стихи написалъ, то и не утаивалъ бы.

Я не стану увѣрять, что Пушкинъ былъ святымъ человѣкомъ, но что онъ не былъ особеннымъ поклонникомъ Киприды и Бахуса, въ этомъ я совершенно вѣрю моей матери, передъ которой Александръ Сергѣевичъ нисколько не скрывалъ своихъ шалостей. Кто же лучше ея могъ знать Александра Сергѣевича? По ея словамъ, дядя, будучи и холостымъ, проводилъ свое время почти всегда слѣдующимъ образомъ въ Петербургѣ.

Вставалъ во всякое время года — лѣтомъ и зимой безразлично—очень рано, часовъ въ шесть, самое бо́льшее въ семь

часовъ утра; послѣ утренней прогулки и утренняго чая работалъ безъ остановки до часу. Затѣмъ слѣдовалъ легкій завтракъ съ небольшой рюмкой хереса или мадеры, вторичная прогулка, ради моціона, и по возвращеніи — поправки написаннаго утромъ. Послѣ этой второй, по его словамъ особенно трудной работы, слѣдовалъ въ 5 или 6 часовъ обѣдъ у знакомыхъ, или въ клубѣ съ полубутылкой бордо, рѣдко съ бокаломъ шампанскаго «Аи». Вечеромъ, не особенно часто, театръ, и преимущественно дружескія бесѣды съ Ольгою Сергѣевной или съ П. А. Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, порою же съ В. А. Жуковскимъ и Е. А. Баратынскимъ. Связующимъ звеномъ между Пушкинымъ и этими друзьями, расположеніе которыхъ поэтъ цѣнилъ, была не карточная игра съ солнечнаго заката до утреннихъ пѣтуховъ, не кутежи и вакханаліи, а любовь ко всему изящному, ко всему прекрасному, поэтическія вдохновенія, выражавшіяся въ истинномъ, а не въ ложномъ служеніи живому русскому слову, и, наконецъ, тѣ чувства добрыя, которыя Пушкинъ пробуждалъ своей лирой *).

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, инсинуаціи противъ Пушкина, какъ частнаго человѣка, должны бы, мнѣ кажется, навсегда умолкнуть. Прискорбно, что инсинуаціи эти были пущены въ обращеніе даже такими почтенными и заслуженными людьми, какъ графъ М. А. Корфъ, который, руководясь исключительно чувствомъ личной непріязни къ Пушкину, своему бывшему лицейскому товарищу, постарался изобразить его самыми черными красками въ запискѣ, напечатанной въ брошюрѣ князя П. А. Вяземскаго «А. С. Пушкинъ въ 1816—1825 годахъ, по документамъ Остафьевскаго архива». Пристрастное, несправедливое отношеніе Корфа къ моему дядѣ достаточно разоблачено княземъ П. А. Вяземскимъ и Я. К. Гротомъ, а потому считаю излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ.

---

*) Стихотвореніе дяди: «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный». О происхожденіи этихъ стиховъ и разговорѣ Пушкина о нихъ съ его сестрою скажу въ своемъ мѣстѣ.

Высказанная дядей Ольгѣ Сергѣевнѣ досада, что на него взваливаютъ произведенія, достойныя Баркова, перепугала мать не на шутку. Не имѣя о Барковѣ и его музѣ ни малѣйшаго, само собою разумѣется, понятія, Ольга Сергѣевна вообразила, что Барковъ какой-то политическій вольнодумецъ, котораго упекли за стихи туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, и что, если стихи въ революціонномъ духѣ Баркова приписали Александру Сергѣевичу, то и дядѣ готовится подобная же участь. Успокаивая, по своему обыкновенію, дядю, Ольга Сергѣевна не спросила у него, что̀ такое собственно Барковъ, а сообщила о своемъ безпокойствѣ пріѣхавшему къ ней другу брата, Сергѣю Александровичу Соболевскому. Привожу и эту бесѣду со словъ матери.

— На Александра опять сплетни и поклёпы, — встрѣтила она Соболевскаго.—Гнусные поклёпы. Можетъ кончиться ссылкой!

Гость въ свою очередь перепугался.

— Что случилось?

— Развѣ вамъ онъ не говорилъ.

— Ровно ничего не говорилъ,

— Такъ я вамъ скажу; вѣроятно отъ васъ скрываетъ. Нашлись подлецы, которые распустили сплетню, будто Александръ Сергѣевичъ сочинилъ стихи во вкусѣ Баркова... Баркова... Вы знаете этого господина? Никогда о немъ не слыхала, въ глаза не видала... не декабристъ ли?

Соболевскій фыркнулъ со смѣху.

— Что̀ вы о Барковѣ не слыхали — это понятно, потому что фамиліи его въ порядочномъ обществѣ не произносятъ; что въ глаза его не видали—тоже простая штука: онъ умеръ, когда васъ еще и на свѣтѣ не было, а если и были, то не могли его и помнить; наконецъ, въ третьихъ... декабристъ... ой, не могу...

Сергѣй Александровичъ еще сильнѣе расхохотался.

Смѣхъ, какъ извѣстно, заразителенъ. Мать тоже разсмѣялась.

— Да что же онъ такое писалъ? Почему, какъ говорите,

даже и въ обществѣ его не вспоминаютъ, да и говорить о немъ запретили?

— Все будете знать, скоро состарѣетесь, а теперь успокойтесь. Барковъ никогда не думалъ ни о какихъ революціяхъ, а сочинялъ стихи, оскорбляющіе приличіе, понимаете, писалъ скабрёзности и писалъ такъ усердно, что самая фамилія его сдѣлалась неприличной.

— Только-то? ну и слава Богу! — успокоилась собесѣдница, сознавая, впрочемъ, что тревога и гнѣвъ Александра Сергѣевича совершенно основательны.

— Разумѣется основательны — подтвердилъ Соболевскій, если на автора «Евгенія Онѣгина» возводятъ такія клеветы. Знаю, что Александру приписали и мои стихи на Вигеля:

«Въ Петербургѣ ль, въ Пензѣ ль, въ Ригѣ ль,
«Всѣ твердятъ твои друзья:
«Другъ Филиппъ Филиппычъ Вигель,
«Жалкая судьба твоя»...

— Но и то вашему брату какъ нельзя болѣе было не по сердцу, хотя въ моей сатирѣ нѣтъ ничего неприличнаго. Онъ опасался, что стихи дойдутъ до Вигеля, который къ нему отъ души расположенъ; Александръ тоже очень любитъ Вигеля.

Затѣмъ Соболевскій сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, какъ, узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и считая неблагороднымъ прятаться за ширмы, онъ, Соболевскій, первый сталъ говорить всѣмъ и каждому, что не Пушкинъ, а онъ воспѣлъ жёлчнаго Филиппа Филипповича.

Сказавъ это, неподражаемый комикъ поцѣловалъ, ради смѣха, свою собственную руку съ обѣихъ сторонъ и заключилъ бесѣду слѣдующей тирадой:

— «Это я, милѣйшій я, безцѣнный я, виноватъ, а нисколько не Александръ, и неудивительно, что Александръ разсердился за сатиру на Вигеля. Шалить вашему брату риѳмами, какъ шалитъ милѣйшій я, не приходится. Онъ Пушкинъ, онъ долженъ высоко держать свое знамя, а я, какъ меня обозвали mylord qu'importe, пишу, что̀ въ голову взбре-

деть. Если станутъ вашему брату приписывать стихи въ родѣ стиховъ Баркова, онъ сочтетъ это для себя стыдомъ и срамомъ, а припишутъ мнѣ — съ гуся вода. О чемъ тутъ мнѣ плакать? что же мнѣ отъ этого въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу ровно ничего. Барковъ такъ Барковъ, Соболевскій такъ Соболевскій!.. Экая важность»!

Закончивъ это поученіе, Сергѣй Александровичъ всталъ, возгласилъ, обращаясь самъ къ себѣ, «а теперь ступай-ка домой, милѣйшій я», вторично поцѣловалъ себѣ руку съ обѣихъ сторонъ, отвѣсилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ низкій поклонъ и вышелъ.

О Сергѣѣ Александровичѣ Соболевскомъ, искреннемъ другѣ обоихъ моихъ дядей и Ольги Сергѣевны, а затѣмъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ конца 1829 года и начала 1830 буду говорить въ слѣдующихъ главахъ воспоминаній. Теперь же ограничусь тѣмъ, что Сергѣй Александровичъ, послѣ приведенной бесѣды, тотчасъ поѣхалъ въ Пушкину, чтобы разсказать ему, какъ Ольга Сергѣевна причислила къ декабристамъ русскаго Рабле.

Александръ Сергѣевичъ, котораго Соболевскій всегда умѣлъ своимъ неподдѣльнымъ юморомъ выводить изъ меланхоліи, привѣтствовалъ, какъ на то Сергѣй Александровичъ и разсчитывалъ, искреннимъ смѣхомъ забавный разсказъ своего друга.

XV.

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены...

Жуковскій.

Переходы отъ порывовъ благодѣтельнаго веселья къ припадкамъ подавляющей грусти происходили у моего дяди-поэта внезапно, какъ бы безъ промежутка, что̀ обусловливалось —

по словамъ его сестры—нервною раздражительностью въ высшей степени,—раздражительностью, которая не была чужда и моей матери.

Привожу слѣдующій ея разсказъ о покойномъ братѣ:

«Александръ могъ разражаться и гомерическимъ смѣхомъ, и горькими слезами, когда ему вздумается, по ходу своего воображенія, (Alexandre pouvait éclater d'un rire homérique, ou bien fondre en larmes, selon la tournure de son imagination). Стоило только ему углубиться въ посѣщавшія его мысли. Не разъ онъ то смѣялся, то плакалъ, когда олицетворялъ ихъ въ стихахъ. Малѣйшія забавныя выходки Соболевскаго, брата его Льва, или Алексѣя Вульфа—а эти господа, конечно, не рождали меланхолію, (ces messieurs là assurément n'engendraient pas la mélancolie)—заставляли его иногда хохотать доупаду, и наоборотъ: трогательный какой-либо разсказъ Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига, Плетнева, воспоминаніе горестныхъ для Пушкина утратъ, страданія ему близкихъ, видъ обиженныхъ природой людей, наконецъ, причиняемые безжалостными лакеями побои домашнимъ животнымъ (за что̀ Александръ Сергѣевичъ знакомилъ не разъ мучителей съ силою своей руки)—вызывали въ братѣ если не рыданія, то обильныя слезы. Самъ онъ тогда былъ «весь страданіе» (alors mon frère était la souffrance même).

«Воспріимчивость нервовъ Александра»,—продолжала Ольга Сергѣевна,—«проявлялась у него на каждомъ шагу, а когда его волновала жёлчь—въ особенности весною (surtout le printemps, quand sa bile était en mouvement),—братъ мой, не будучи, впрочемъ, такъ безразсудно вспыльчивъ, какъ Сергѣй Львовичъ, и отнюдь не такъ злопамятенъ, какъ Надежда Осиповна, поддавался легко порывамъ гнѣва.

«Въ эти-то мрачныя минуты и являлся къ нему Соболевскій на выручку—прогонять тоску и гнѣвъ. Но Соболевскій не всегда же былъ при немъ, а Левъ Сергѣевичъ и Вульфъ подавно; я же, (говорила мать) будучи лишена, вслѣдствіе горькихъ испытаній, прежняго моего веселаго нрава, утѣшала Александра какъ-нибудь, но не могла удачно избавлять его

отъ печальнаго или жёлчнаго настроенія, и тѣмъ болѣе не могла, что мало чѣмъ сама уступала брату въ нервной воспріимчивости.

«Скажу болѣе»,—прибавила моя мать,—нервы Александра ходили всегда, какъ на какихъ-то шарнирахъ, и еслибы пуля Дантеса не прервала нити его бѣдной, страдальческой жизни, то онъ немногимъ бы пережилъ сорокалѣтній возрастъ. Нервный ударъ—и конецъ».

Веселая бесѣда Соболевскаго съ Пушкинымъ, о которой я вспомнилъ въ концѣ предшествующей главы хроники по поводу недоразумѣнія о Барковѣ, и которая,—забылъ сказать,—имѣла мѣсто на рождественскихъ праздникахъ 1829 года, разсѣяла лишь на нѣсколько минутъ Александра Сергѣевича. Ушелъ Соболевскій—веселости у дяди слѣдъ простылъ, и, какъ всегда бывало въ скорбныя минуты, поэтъ явился къ сестрѣ отвести душу; пришелъ онъ съ рукописью подъ мышкой. Рукопись состояла изъ отдѣланныхъ имъ недавно строфъ «Евгенія Онѣгина», вошедшихъ впослѣдствіи въ 8-ю главу этого романа. Первую изъ строфъ «Въ тѣ дни когда въ садахъ лицея» дядя помѣтилъ 24 декабря 1829 г., слѣдовательно незадолго до разговора съ Соболевскимъ.

— Слушай, сестра,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—что̀ тебѣ прочту, и сама увидишь, могу ли я быть счастливъ, какъ ты меня на дняхъ старалась увѣрить... Слушай же и не перебивай. Вотъ кто, по моему, счастливъ:

«Блаженъ кто смолоду былъ молодъ,
«Блаженъ, кто во̀-время созрѣлъ,
«Кто постепенно жизни холодъ
«Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
«Кто страннымъ снамъ не предавался
«Кто черни свѣтской не чуждался;
«Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
«А въ тридцать выгодно женатъ;
«Кто въ пятьдесятъ освободился
«Отъ частныхъ и другихъ долговъ;

«Кто славы, денегъ и чиновъ
«Спокойно въ очередь добился,
«О комъ твердили цѣлый вѣкъ;
«N. N. прекрасный человѣкъ!»

Моя мать,—надо замѣтить,—считала совершенно ненужнымъ напускать на себя поэтическіе восторги при чтеніи братомъ его стиховъ и льстить ему одобрительными восклицаніями или хлопаньемъ въ ладоши, какъ дѣлалъ Левъ Сергѣевичъ, хотя она гораздо глубже дяди Льва понимала и цѣнила талантъ брата.

Выслушавъ Александра Сергѣевича хладнокровно, она замѣтила.

— Разсказалъ ты прекрасно, но передаешь истину не новую, а развиваешь короткую и почти всегда вѣрную поговорку.

«Кто въ двадцать не уменъ,
«Кто въ тридцать не женатъ,
«Кто въ сорокъ не богатъ—
«Тому и быть такъ».

Но тутъ умъ ты замѣнилъ въ франтовство, женитьбу, правда, оставилъ на мѣстѣ, а къ сорока прибавилъ—кромѣ десятка,—славу и чины; тотъ же, который освободился, какъ ты говоришь, отъ частныхъ и другихъ долговъ, самъ по себѣ уже богатъ.

Дядя нахмурился, проговорилъ обычное: «Какъ есть мадамъ Кампанъ», и повторилъ:

— Слушай же не перебивай. Прочелъ тебѣ о счастливчикахъ, а вотъ прочитаю о себѣ:

«Но грустно думать, что напрасно
«Была намъ молодость дана,
«Что измѣняли ей всечасно,
«Что обманула насъ она;
«Что наши лучшія желанья,
«Что наши свѣжія мечтанья
«Истлѣли быстрою чредой,
«Какъ листья осенью гнилой.
«Несносно видѣть предъ собою

«Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
«Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
«И вслѣдъ за чинною толпою
«Идти, не раздѣляя съ ней
«Ни общихъ мнѣній, ни страстей!»

— Ну что на это скажешь, мадамъ Кампанъ? Мѣтко, такъ ли? Да говори же!

— Да что тебѣ на это скажу, Александръ? Если себя подводишь подъ этихъ господъ...

— Именно подвожу,—перебилъ Пушкинъ,—и тысячу разъ подвожу; оплакиваю, что не того я отъ моей молодости ждалъ, и что все выходитъ у меня наоборотъ. Положимъ,—объяснялъ дядя,—въ двадцать лѣтъ я былъ уменъ, но Боже мой! натворилъ столько глупостей, что и Фонвизинскому Митрофанушкѣ въ пору. Теперь мнѣ тридцать; по пословицѣ долженъ быть женатъ, но скажи мнѣ, ради Христа, похожъ ли я на жениха, особенно если вспомнишь, что тебѣ говорилъ? неужели не видишь, что смотрю въ бобыли?

— А хочешь пари: если вотъ этотъ наступающій годъ проведешь холостымъ, то ужъ никакъ не слѣдующій, и—скажу тебѣ напрямикъ: твоими послѣдними словами, точно такъ же какъ и намедни въ разговорѣ о Ризничъ, хочешь просто меня обманывать. Ты уже задумалъ и задумалъ давно кое-что, а можетъ быть даже есть и на примѣтѣ кое-кто!

Предчувствіе и тутъ не обмануло мать: не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ разговора, какъ дядя Александръ, въ мартѣ 1830 года, уѣхалъ въ Москву, въ апрѣлѣ сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ которой, впрочемъ, познакомился еще въ 1828 г. — безъ особенно серьезныхъ, однако намѣреній *), — а 18-го февраля 1831 года вѣнчался.

Подробности объ этомъ событіи изложу послѣ.

Александръ Сергѣевичъ не возражалъ своей сестрѣ, но сталъ жаловаться на безцѣльно проведенную жизнь, и сказалъ:

---

*) Въ 1829 г. онъ сдѣлалъ первое предложеніе, но скрылъ это отъ Ольги Сергѣевны, о чемъ разскажу въ слѣдующей части хроники.

— Я не жилецъ на этомъ свѣтѣ, а какъ бы мнѣ хотѣлось еще пожить и быть полезнымъ, если не отцу и матери, то, по крайней мѣрѣ, кому-либо другому, ну, хоть Россіи, напримѣръ *), но скверныя, скверныя предчувствія меня давятъ, да—признаться—все мнѣ, не то, что опротивѣло, а очень надоѣло. Говори мнѣ, что угодно, не разувѣришь. Лучше прочти вслухъ, что̀ тебѣ покажу. Написалъ на дняхъ **).

И Ольга Сергѣевна прочла:

«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
«Вхожу ль во многолюдный храмъ,
«Сижу ль межъ юношей безумныхъ,—
«Я предаюсь моимъ мечтамъ.

«Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
«Вкушаю ль сладостный покой,
«Но мысль о смерти неизбѣжной
«Вездѣ близка, всегда со мной ***).

«Я говорю: промчатся годы,
«И сколько здѣсь ни видно насъ,
«Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,—
«И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

«Гляжу ль на дубъ уединенный,
«Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
«Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
«Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

«Младенца ль милаго ласкаю,
«Уже я думаю: прости!
«Тебѣ я мѣсто уступаю—
«Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

«День каждый, каждую годину
«Привыкъ я думой провождать,

*) Подлинныя слова его.

**) Прочтенное О. С—ной стихотвореніе брата помѣчено у него 26-мъ декабря 1829 года.

***) Эта строфа не напечатана ни въ Геннадіевскомъ, ни въ Суворинскомъ изданіи.

«Грядущей смерти годовщину
«Межъ нихъ стараясь угадать.

«И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
«Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
«Или сосѣдняя долина
«Мой приметъ охладѣлый прахъ?

«И хоть безчувственному тѣлу
«Равно повсюду истлѣвать,
«Но ближе къ милому предѣлу
«Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

«И пусть у гробоваго входа
«Младая будетъ жизнь играть,
«И равнодушная природа
«Красою вѣчною сіять».

Опять-таки за старое Александръ, — сказала мать, тоже, однако, разстроганная при чтеніи этихъ стиховъ.—Ну полно въ тридцать-то лѣтъ предаваться хандрѣ! Дурь, братъ, на себя напускаешь! Ты не кончаешь, а начинаешь жить; повѣрь, брось твою байроновщину, перемелется, мука будетъ. Вѣдь знаю, не пишешь стихи такъ хладнокровно, какъ Николай Ивановичъ отчетъ для Доврэ или итальянскій словарь *).

— Твой Николай Ивановичъ,—перебилъ Пушкинъ,—дальше пыли архивной ничего не видитъ, и я завидую его философіи, но не желалъ бы все-таки быть на его мѣстѣ. Быть можетъ, онъ гораздо меня счастливѣе; смотритъ на жизнь болѣе хладнокровно, потому что копается въ мелочахъ. Какъ перестанетъ заниматься мелочами, да взглянетъ на жизнь пошире, то и философію свою иначе построитъ: захандритъ, какъ я.

— А пока и благо ему, — возразила Ольга Сергѣевна. — Пишетъ себѣ безъ волненій, а у тебя что ни стихъ, то кро-

*) Отецъ въ томъ же 1829 году поднесъ генералу Доврэ отчетъ о матеріалахъ, собранныхъ имъ для исторіи турецкихъ войнъ; въ то же время онъ составлялъ италіано-русскій словарь, рукопись котораго затеряна впослѣдствіи.

вавыми слезами выплаканъ; эдакъ себя уходишь; да ты боленъ, любезный другъ! (Mais tu es malade, cher ami) тебя лѣчить надо.

— Кавказъ лѣтомъ не вылѣчилъ, никто не вылѣчитъ,—заходилъ по комнатѣ взволнованный Александръ Сергѣевичъ.— Ужъ не прикажешь ли за коноваломъ Ивановымъ послать? Что же? Пошлю за нимъ; еще скорѣе на тотъ свѣтъ отправитъ. Хорошо что я тебя-то избавилъ отъ его когтей (A la bonne heure! Je t'ai débarassé de ses griffes). Съ радостью, впрочемъ, умру. Боже, какая тоска!

— Перестань говорить глупости, Александръ! (Trêve de bêtises, Alexandre!)

— А тутъ еще,—продолжалъ дядя свое, какъ бы не обращая вниманіе на восклицаніе Ольги Сергѣевны,—меня злятъ поминутно. Именно, мнѣ ни отдыху, ни сроку (Oui, je n'ai ni répit, ni repos). Не говорю уже—извини за выраженіе,—о подлецѣ-канальѣ-критикѣ моей «Полтавы» (Je ne parle plus, veuillez me passer l'expression, de cette lâche canaille de cet éplucheur de mots, qui a ravalé ma Poltava),—критикѣ, который приплелъ сюда же такого дурака, какъ и самъ онъ— Пахома Силыча Правдина *). Пошлый, пошлый дуракъ, вмѣстѣ со своимъ Пахомомъ! (de pair et compagnie avec son Packhom!) Не понимаю также, что за плюху закатилъ тому же зоилу мой Графъ Нулинъ? **) Вѣрно «Графъ Нулинъ», получивъ пощечину отъ Натальи Павловны ***), разсердился, да съ досады и залѣпилъ этому господину, въ свою очередь, плюху во все ухо! Les lâches, les coquins!..

— Да полно тебѣ горячиться! посмотрись въ зеркало, ты на себя не похожъ.

— Не говорю больше объ этихъ бездѣльникахъ (je ne parle plus de ces fâquins), чортъ съ ними, — горячился все болѣе дядя,—но не повѣришь, какъ у меня рука чешется на газет-

*) Разборъ «Полтавы» въ №№ 8 и 9 «Вѣстника Европы» за 1829 годъ.

**) Разборъ «Графа Нулина». Въ томъ же журналѣ (№ 3) за тотъ же годъ.

***) См. самую повѣсть.

ныхъ шпіоновъ! Вообрази, эти господа, точно беззубыя старыя сплетницы, трескающія (qui baffrent) съ утра до вечера съ сосѣдками вонючій кофей — мнѣ и на Кавказѣ не давали прохода, а слѣдили за мной по пятамъ. Добро бы сплетничали на меня наемники (les mercenaires) петербургскихъ или московскихъ газетъ изъ-за лишняго гривенника, а тутъ и Тифлисская газета подсылала мнѣ своихъ алгвазиловъ съ разспросами: когда я, и сколько разъ намѣренъ чихнуть въ Тифлисѣ, въ Кизляръ ли, въ Астрахань ли уѣду, скоро ли потомъ проберусь смотрѣть Кузнецкій что ли мостъ, набережную ли нашей Фонтанки, а потомъ и затрезвонили въ газетѣ: «Пушкинъ сегодня здѣсь, завтра тамъ». Важное нечего сказать дѣло, гдѣ чихаю и сморкаюсь!

— Позволь тебѣ на это сказать, что и ты страненъ, Александръ. Мнѣ, кажется, напротивъ, тебя должно бы радовать, что тобой всѣ интересуются, а не злить. Полно кривить душой батюшка (Ольга Сергѣевна иногда называла брата въ шутку mon petit papa), самъ, небось, очень радъ, по лицу теперь вижу, признайся-ка...

Александръ Сергѣевичъ не признался; напротивъ, еще больше расходился и продолжалъ:

— Эти господа не только стали печатать, куда выѣду и что буду дѣлать тамъ-то и тамъ-то, но протрубили, что я, какъ слышно, (отъ кого слышно?), очень много написалъ, а когда сюда возвращусь, сейчасъ же выпущу имъ стихи на потѣху. Какъ бы не такъ! Конечно, много писалъ, но никому не говорилъ, что писалъ. Пусть себѣ стучатъ языками и щелкаютъ перьями, а я—вотъ имъ и носъ — ничего до поры до времени печатать не буду.

И дѣйствительно, все, что сочинилъ Пушкинъ во время пребыванія на Кавказѣ и въ Азіатской Турціи, появилось въ печати гораздо позднѣе его возвращенія въ Петербургъ, и, если только не ошибаюсь, въ концѣ 1830 или даже въ началѣ 1831 года.

Не привожу въ моей хроникѣ списка произведеніямъ моего дяди за 1829 годъ. Всякому, кто знакомъ съ жизнеописа-

ніями Пушкина и интересуется безсмертнымъ поэтомъ, должно быть извѣстно, что̀ именно онъ писалъ въ эту эпоху и въ Петербургѣ, и на Кавказѣ. Скажу только, что всѣ произведенія за 1829 годъ дядя прочелъ сестрѣ, спрашивая ея мнѣнія о каждомъ изъ нихъ. Мать, одобряя всѣ безусловно, отдавала однако предпочтеніе «Кавказу» («Кавказъ подо мною одинъ въ вышинѣ, стою надъ снѣгами у края стремнины...), «Воспоминаніямъ въ Царскомъ Селѣ» (Воспоминаньями смущенный, исполненъ сладкою тоской...) и «Олегову щиту».

Объ этомъ послѣднемъ произведеніи дядя говорилъ моей матери:

— Знаешь, Ольга, что въ «Олеговомъ щитѣ» я въ самомъ дѣлѣ, по твоему выраженію, «покривилъ душой», и не повѣришь какъ мнѣ, русскому человѣку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала чрезъ Балканы, забастовала въ Адріанополѣ, откуда въ Константинополь рукой подать. Были бы наши въ Константинополѣ—пѣсня вышла бы у меня совсѣмъ другая. А тутъ я состроилъ по неволѣ bonne mine à mauvais jeu, да закрылся щитомъ Олега, pour acquit de ma conscience patriotique (ради очистки моей патріотической совѣсти), а бѣдному Олегову щиту—котораго мейнгерръ Дибичъ и во снѣ не нюхалъ—думаю и въ голову не приходило останавливать нашу рать передъ Стамбуломъ; остановилъ ее не щитъ, а остановили господа дипломаты.

Не могу затѣмъ не записать въ эту хронику строфу, раскритикованную такимъ образомъ самимъ же авторомъ:

«Настали дни вражды кровавой;
«Твой *) путь мы снова обрѣли;
«Но днесь, когда мы вновь со славой,
«Къ Стамбулу грозно притекли,
«Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
«Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
«И нашу рать передъ Стамбуломъ
«Твой старый щитъ остановилъ».

---

*) Олега.

XVI.

Въ декабрѣ 1829 г., а также и въ первые зимніе мѣсяцы слѣдующаго 1830 г., дядя Александръ сталъ заходить по вечерамъ къ моимъ родителямъ чаще, не ограничиваясь уже утренними бесѣдами. Мать встрѣчалась съ нимъ и въ домѣ родителей, которыхъ она посѣщала, скрѣпя сердце, такъ какъ Надежда Осиповна ненавидѣла зятя.

Отношенія между моимъ отцомъ и дядей Александромъ Сергѣевичемъ съ внѣшней стороны казались весьма хорошими, но до родственной, теплой искренности и до мѣстоименія ты, которое такъ щедро любилъ раздавать Пушкинъ, дѣло никогда у нихъ не доходило; причина отсутствія такой сердечности кроется въ совершенной противуположности личныхъ характеровъ, а литературная дѣятельность шурина и зятя не послужила между ними общимъ знаменателемъ. Отецъ, любившій музыку и понимавшій толкъ въ живописи, никогда не писалъ стиховъ, развѣ шуточные, подъ веселую руку, предпочитая именно—какъ дядя выразился—копаться въ историческихъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ, рыться въ архивной пыли, да писать журнальныя статьи; слѣдовательно не могъ замѣнить Александру Сергѣевичу ни Дельвига, ни Жуковскаго ни Плетнева, ни даже Соболевскаго. Кромѣ того, взгляды на жизнь Николая Ивановича и Александра Сергѣевича были тоже діаметрально противуположны. Александръ Сергѣевичъ считалъ моего отца мелочнымъ педантомъ (un pédant vétillieux), съ нѣмецкой закваской, унаслѣдованной отъ его матери нѣмки, а отецъ, съ своей стороны, не могъ сочувствовать африканскимъ порывамъ шурина, говоря, что заниматься своими нервами—безполезная трата времени; хотя отецъ и былъ вспыльчивъ, вслѣдствіе чего тоже имѣлъ три дуэли, но послѣ поединковъ отъ души мирился съ противниками, даже дружился съ ними; никогда не злобствовалъ, былъ всегда обходителенъ, вѣжливъ со всѣми, а позволять себѣ во время спорныхъ бесѣдъ насмѣшки надъ оппонентами, пускаясь въ личности—въ осо-

бенности въ присутствіи дамъ,— онъ считалъ дѣломъ просто неподходящимъ, и смолоду держался правила щадить самолюбіе другихъ; такъ однажды онъ сказалъ мнѣ, не помню по какому случаю: «Si tu te piques d'être gentilhomme et chrétien, mon bon ami, n'attaque jamais l'amour-propre d'autrui».

Правда, отецъ вынужденъ былъ наказать одного негодяя, о чемъ уже мною разсказано въ одной изъ предыдущихъ главъ хроники, но это случилось только разъ. Учтивъ онъ былъ и деликатенъ даже во время холостыхъ пріятельскихъ пирушекъ. Дядя Левъ Сергѣевичъ, лицейскіе его товарищи Безакъ и баронъ Бухольцъ очень отца любили, а Дельвигъ, Илличевскій, Глинка и Соболевскій считались впослѣдствіи его задушевными друзьями.

Такимъ образомъ, при различіи характеровъ, взглядовъ и литературныхъ цѣлей общаго между Пушкинымъ и моимъ отцомъ было очень мало. Тѣмъ не менѣе они питали другъ къ другу полное уваженіе, и взаимныя ихъ отношенія никогда не омрачались не только непріятными разговорами, но и простыми недомолвками; на вопросъ же, чувствовали ли они одинъ къ другому симпатію, прямо отвѣчу «нѣтъ». Родственныхъ изліяній у нихъ въ письмахъ совершенно не существовало; не существовало также ни живаго обмѣна мыслями, ни сердечныхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ.

Какъ бы ни было, но дядя, какъ я сказалъ выше, участилъ въ описываемое мною время вечернія посѣщенія моихъ родителей, куда попрежнему являлись постоянно Соболевскій, композиторъ Глинка и баронъ Дельвигъ съ женой.

Глинка тогда окончилъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ изданіе «Лирическаго альбома» (отпечатаннаго въ литографіи Беггрова), а Дельвигъ подготовлялъ матеріалы для задуманной имъ «Литературной газеты», которая и стала выходить съ 1830 года.

Въ «Лирическомъ Альбомѣ» Глинки и Павлищева помѣщены, между прочимъ, двѣ пѣсни дяди Александра—«Воронъ къ ворону летитъ», и «Черная шаль». Къ сожалѣнію,

музыка на эти пѣсни, написанная графомъ Ю. Віельгорскимъ, далеко не соотвѣтствовала по достоинству тексту. Изъ музыкальныхъ же произведеній самого главнаго издателя—Глинки—помѣщены романсы: «Mioben ricordati», «Память сердца», на слова Батюшкова, «Скажи зачѣмъ», на слова князя С. Голицына, и оригинальные «Nouvelles contredanses». О пѣсни Шимановской, — тещи Мицкевича — «Вилія» изъ его поэмы «Валленродъ» въ русскомъ переводѣ Шеміота упомянуто было мною раньше.

Появившійся въ печати гораздо, если не ошибаюсь, позже романсъ Глинки на слова Пушкина, посвященныя Аннѣ Петровнѣ Кернъ «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты»*) былъ исполненъ, въ началѣ 1830 года, въ домѣ моихъ родителей, при особенно удачныхъ — какъ передавалъ мнѣ отецъ—условіяхъ. Глинка сѣлъ за весьма плохія взятыя отцомъ на прокатъ, клавикорды, и пропѣлъ свой романсъ въ присутствіи Александра Сергѣевича—автора элегіи, и самаго предмета его вдохновенія—Анны Петровны Кернъ, гостившей тогда въ Петербургѣ. Отецъ аккомпанировалъ пѣвцу на семиструнной гитарѣ. Дядя, выслушавъ романсъ, бросился обнимать обоихъ исполнителей, а добрѣйшая Анна Петровна, виновница поэтическихъ овацій, несмотря на ея, что̀ называютъ французы, свѣтскій présence d'esprit, сконфузилась, прослезилась отъ радости, и только послѣ довольно длинной паузы проговорила, что никогда ей и не снилось счастіе вдохновлять своей ничтожной особой первокласснаго въ Россіи

*) Появился этотъ романсъ Глинки въ печати дѣйствительно въ 1839 году, значитъ 9 лѣтъ спустя, и появился уже въ другомъ видѣ. А что всего замѣчательнѣе, Глинка тогда его написалъ не для Анны Петровны, а для дочери ея,—Екатерины Ермолаевны Кернъ,—на которой онъ хотѣлъ жениться. Впослѣдствіи—именно въ концѣ 40 годовъ—и дѣдъ мой Сергѣй Львовичъ оказался къ Е. Е. неравнодушнымъ, незадолго до своей смерти. Екатерина Ермолаевна вышла потомъ замужъ за г. Шокальскаго. И ее и его я видѣлъ въ 1856 г. у Анны Петровны. Л. П.

поэта и первокласснаго въ Россіи композитора. При этой оваціи присутствовали баронъ Дельвигъ и Соболевскій, а Александръ Сергѣевичъ обратился къ Аннѣ Петровнѣ съ вопросомъ:

— Ne serez vous pas jalouse de votre cousine Оленинъ, si je réciterai mes derniers vers pour elle à notre ami Глинка, auquel je les recommande particuliérement? (Не приревнуете ли вы меня къ вашей кузинѣ Олениной, если прочитаю послѣдніе мои къ ней стихи нашему другу Глинкѣ, которому ихъ особенно рекомендую?)

— Oui, j'en serai très jalouse. (Да, я очень приревную),— отвѣчала шутя Анна Петровна.

— Eh bien, tant mieux (ну, тѣмъ лучше),—подхватилъ въ шуточномъ же тонѣ дядя Александръ, и, сказавъ Глинкѣ: «послушайте и положите на музыку», прочелъ наизусть:

«Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
«Въ моей душѣ погасла не совсѣмъ;
«Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
«Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
«Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
«То робостью, то ревностью томимъ;
«Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
«Какъ дай вамъ Богъ любимымъ быть другимъ».

— Toujours le même, toujours volage (всегда тотъ же, всегда непостоянный)! —погрозила Пушкину пальцемъ Анна Петровна.

. . . .

Вспомнивъ этотъ эпизодъ, не могу не посвятить памяти Анны Петровны Кернъ, по второму браку Марковой-Виноградской нѣсколько строкъ:

Эта идеально добрая и очень умная женщина своею красотою и умомъ очаровала дядю, воспѣвшаго въ романсѣ «Я помню чудное мгновенье» первую съ ней встрѣчу въ Петербургѣ у ея тетки Олениной, рожденной Полторацкой, въ 1819 году, когда Пушкину не было еще и двадцати лѣтъ. Встрѣча произвела на Александра Сергѣевича весьма большое впеча-

тлѣніе, въ полномъ смыслѣ поэтическое. Онъ не могъ забыть этой минуты, и сосланному въ слѣдующемъ году Пушкину дѣйствительно «звучалъ долго голосъ нѣжный и снились милыя черты».

Послѣднія двѣ строфы романса—это, позволю себѣ сказать, оттискъ радостнаго волненія восторженной души при вторичной, внезапной встрѣчѣ поэта съ предметомъ вдохновенія въ Тригорскомъ, лѣтомъ 1825 года, слѣдующія:

«Душѣ настало пробужденье:
«И вотъ опять явился ты,
«Какъ мимолетное видѣнье,
«Какъ геній чистой красоты.

—

«И сердце бьется въ упоеньѣ,
«И для него воскресли вновь
«И божество, и вдохновенье,
«И жизнь, и слезы, и любовь»...

Разсказывая моей матери о нечаянномъ своемъ свиданіи съ Анной Петровной въ Тригорскомъ, дядя Александръ говорилъ сестрѣ, какъ Ольга Сергѣевна мнѣ передала, слѣдующее:

— Смѣйся, не смѣйся, моимъ предчуствіямъ и примѣтамъ, мнѣ все равно, но разскажу тебѣ довольно странное обстоятельство: Анну Петровну я увидѣть не думалъ, но вообрази, что въ день вовсе неожиданнаго свиданія, у меня утромъ сталъ сильно чесаться лѣвый глазъ—знакъ, что очень обрадуюсь чему-то; послѣ этого у меня сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Я предчувствовалъ радостно, что черезъ нѣсколько часовъ увижу кого-то, а кого именно—въ этомъ отчета дать себѣ не могъ. Такъ и вышло.

Отношенія свои къ Пушкину покойная Анна Петровна изложила, какъ нельзя лучше въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ «въ Библіотекѣ для Чтенія» за 1859 годъ; переписка же Александра Сергѣевича съ г-жею Кернъ вошла въ составъ и Суворинскаго изданія сочиненій дяди. Повторять всѣмъ извѣстное не нахожу надобности, но удостовѣрю только, что Александръ Сергѣевичъ отъ души ее любилъ. Отличаясь

прелестной наружностью, непритворною веселостью, игривымъ умомъ, остроуміемъ безъ ядовитыхъ выходокъ (злословіе для Анны Петровны было terra incognita), эта прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ женщина несла безропотно свою горькую долю: быть нянькой одержимаго подагрой стараго, несноснаго мужа Ермолая Өедоровича Керна (онъ былъ комендантомъ города Риги), за котораго ее выдали поневолѣ, когда она была почти дѣвочкой. Къ сожалѣнію, присущая ей веселость и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать, милое кокетство подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные, самые неправдоподобные слухи.

Распускаемыя сплетни вызвали Александра Сергѣевича, который, впрочемъ, сильно ревновалъ ее и къ ея кузену Алексѣю Николаевичу Вульфу, и къ своему брату Льву Сергѣевичу, не говоря уже о подагрикѣ-мужѣ, написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

«Когда твои младыя лѣта
«Позоритъ шумная молва,
«И ты по приговору свѣта
«На честь утратила права,
«Одинъ, среди толпы холодной,
«Твои страданья я дѣлю,
«И за тебя мольбой безплодной
«Кумиръ безчувственный молю» и т. д.

Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ сплетнямъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова:—«Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть въ мораль басни: «Собаки полаютъ, собаки отстанутъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю и желать тоже не стану, а кто не въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю, да низко кланяюсь: большому дураку — большое почтенье!»

О многоуважаемой Аннѣ Петровнѣ Кернъ, которую я зналъ старушкой лѣтъ весьма преклонныхъ, и уже какъ не Кернъ, а какъ Виноградскую, я сохранилъ самое пріятное воспоминаніе, равно какъ и о ея второмъ мужѣ, Александрѣ Васильевичѣ. Она переѣхала въ 1855 году съ нимъ въ Петербургъ, насколько помнится, изъ села Сосницъ, Черниговской губерніи. Живя по сосѣдству съ Ольгой Сергѣевной, Анна Петровна посѣщала мою мать до самой кончины послѣдней, бывая у ней еженедѣльно, а иногда и чаще. Старушки незамѣтно проводили время въ бесѣдахъ о минувшемъ, находя какую-то отраду въ грустныхъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ и Львѣ Сергѣевичахъ, и вообще о тѣхъ, о которыхъ сказалъ Жуковскій: «Не говори съ тоской ихъ нѣтъ, а съ благодарностію были...»

Анна Петровна кончила свое долговременное жизненное поприще очень печально, подобно своему мужу. Бѣдность, и можно даже сказать, нищета не давала обоимъ покоя до гробовой доски.

XVII.

Въ описываемое мною время, въ концѣ 1829 года, происходили у моего отца и вечернія совѣщанія относительно изданія проектированной барономъ А. А. Дельвигомъ «Литературной газеты» на 1830 годъ. О сотрудничествѣ моего отца я уже упоминалъ, но главнымъ сотрудникомъ газеты, конечно, былъ Александръ Сергѣевичъ, который заблаговременно подготовлялъ статьи, какія именно—не знаю, упоминаю только, что органъ барона Дельвига украсился въ 1830-мъ же году обширнымъ пушкинскимъ разборомъ «Исторіи русскаго народа» Полевого, «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича, замѣтками «о запискахъ Видока и Самсона» и другими статьями, извѣстными знатокамъ Пушкинскихъ трудовъ.

Дельвигъ, послѣ своего возвращенія въ Петербургъ изъ командировки, какъ онъ выражался въ «Хохландію», куда его посылали предаваться, по его словамъ, «никакъ не поэтическимъ, а совершенно чиновничьимъ восторгамъ»,

то-есть разбирать какое-то запутанное интендантское дѣло— не былъ уже обремененъ службой, такъ какъ получилъ очень покойное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, почему Антонъ Антоновичъ могъ всецѣло посвятить себя поэзіи и продолженію изданія своихъ «Сѣверныхъ цвѣтовъ».

Обычной спутницей посѣщеній Дельвига оказалась, кромѣ музы Калліопы и муза Эвтерпа: романсы его «Только узналъ я тебя» и «Не говори любовь пройдетъ, забыть о томъ твой другъ желаетъ», — возведенные именно въ перлъ созданія тѣмъ же незабвеннымъ нашимъ композиторомъ Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой, — распѣвались очень усердно присутствовавшими гостями Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны, подъ аккомпаниментъ или самого композитора, или же радушнаго хозяина, къ немалому удовольствію барона, а баронъ, съ своей стороны, знакомилъ посѣтителей и съ прочими своими стихотвореніями; изъ нихъ Ольгѣ Сергѣевнѣ нравились особенно, по краткости и силѣ, афоризмы поэта: «Грусть», «Слезы любви» и «Смерть». Первые два произведенія Дельвигъ написалъ тогда же, въ концѣ 1829 года. Стихи же Антона Антоновича «Пѣла, пѣла пташечка и затихла», написанные раньше и положенные на прелестную музыку соревнователемъ и другомъ Глинки Николаемъ Алексѣевичемъ Титовымъ—моя мать не могла слушать безъ того, чтобы не проливать слезы.

Упомянувъ о покойномъ Титовѣ, романсы котораго стяжали тоже общую извѣстность, не могу не замѣтить, что этотъ композиторъ, родители котораго были очень дружны съ дѣдомъ и бабкой, былъ тоже однимъ изъ частыхъ посѣтителей описываемыхъ мною вечеровъ.

Заканчивая изложеніе событій за 1829 годъ, перехожу къ воспоминаніямъ за слѣдующій 1830-й, къ первымъ числамъ января котораго относится случившееся на одномъ изъ вышепомянутыхъ вечеровъ таинственное происшествіе съ супругой Дельвига, Софьей Михайловной, рожденной Салтыковой,

происшествіе, о которомъ разсказала мнѣ мать съ малѣйшими подробностями. Я записалъ его въ мой «Дневникъ», не придавая, впрочемъ, этому случаю особеннаго значенія, какъ плоду разстройства нервовъ жены друга моего дяди, а если рѣшаюсь привести его здѣсь, то потому, что описываемый случай имѣлъ мѣсто въ присутствіи дяди Александра, которымъ всѣ интересуются; кромѣ того, моя мать, порою тоже суевѣрная, считала сверхъестественное явленіе, постигшее баронессу Дельвигъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что Софья Михайловна ему подверглась ровно за годъ до преждевременной кончины своего супруга.

Уютная квартирка моихъ родителей состояла изъ небольшой прихожей, гостиной, кабинета отца, комнаты моей матери и столовой. Правая дверь изъ прихожей вела въ гостиную, а лѣвая въ узенькій корридоръ, въ концѣ котораго отворялась дверь въ столовую. Корридоръ, куда поставили старое соломенное кресло, почти негодное къ употребленію, освѣщался прибитой къ стѣнѣ маленькой лампой.

Собрались вечеромъ гости: дядя Александръ, пріѣхавшій въ отпускъ, дядя Левъ, баронъ Дельвигъ съ женой, Татьяна Семеновна Вейдемейеръ и еще нѣсколько дамъ и мущинъ — не помню кто. Передъ самымъ ужиномъ баронесса Софья Михайловна захотѣла выпить стаканъ воды; но не желая пройти въ столовую чрезъ кабинетъ, чтобы не обезпокоить курившихъ и игравшихъ въ карты мущинъ, вышла изъ гостиной въ прихожую, откуда и вступила въ означенный узенькій корридоръ.

Не проходитъ и десяти секундъ, какъ всѣ слышатъ дикіе, отчаянные вопли. Дядя Александръ и отецъ, выскочивъ изъ кабинета, первые бѣгутъ черезъ комнату матери и столовую въ корридоръ, откуда раздавались крики; Левъ Сергѣевичъ и баронъ Антонъ Антоновичъ — туда же, съ другой стороны, черезъ гостиную и прихожую; дамы за ними слѣдомъ. Въ корридорѣ находятъ обезумѣвшую отъ страха Софью Михайловну; ее уводятъ въ гостиную.

Всѣ суетятся, кто съ водой, кто съ уксусомъ, кто съ одеколономъ, что̀ попадется подъ руку.

Придя въ себя, Софья Михайловна разсказала слѣдующее: Не успѣла она очутиться въ корридорѣ, какъ увидѣла сидѣвшаго въ креслахъ старика съ ниспадавшими до плечъ волосами, лицомъ желтымъ, какъ у любаго покойника, оскаленными зубами и глазами на выкатѣ, изъ которыхъ исходили какъ бы лучи зеленаго цвѣта. Старикъ былъ одѣтъ, — насколько баронесса замѣтила—въ сѣрый ободранный армякъ. Старикъ, при ея приближеніи, встаетъ съ креселъ, подходитъ къ ней, загораживаетъ дорогу въ столовую и хохочетъ.

Слушатели разсказа баронессы расхохотались въ свою очередь, и Александръ Сергѣевичъ — первый.

— Съ вами просто сдѣлалось дурно отъ духоты въ этой гостиной; въ корридорѣ закружилась голова и показалось Богъ знаетъ что, — успокоивалъ дядя.

— Да что тутъ долго разсуждать, — перебилъ дядю Дельвигъ. — Я тебѣ, Соня, хочешь докажу, что твое привидѣніе вздоръ. Пойдемъ-ка всей компаніей въ корридоръ. Твой старикъ самъ струситъ. Видишь, сколько въ нашемъ войскѣ паръ кулаковъ? — прибавилъ онъ смѣясь.

— Идите всѣ, а я ни за что̀, ни за что̀, баронъ (такъ она всегда называла мужа)!

— Не пойдешь, понесу, — продолжалъ смѣяться Дельвигъ, который будучи физически очень силенъ, поднялъ, съ этими словами, жену на руки какъ перышко и, закричавъ: «За мной, храбрая команда!», отправился къ страшному мѣсту.

Хозяева и гости послѣдовали за нимъ; жена крѣпко обвила его толстую шею руками, но не успѣлъ Антонъ Антоновичъ сдѣлать въ корридорѣ и пяти шаговъ, какъ Софья Михайловна опять закричала благимъ матомъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Стоитъ противъ тебя, насъ не пускаетъ! вижу, вижу его»... и... лишилась чувствъ.

Не скоро баронессу привели въ сознаніе. Литературные разговоры и карты, конечно, прекратились, и гости разъѣхались раньше обыкновеннаго; остался у насъ одинъ дядя Александръ. Онъ сказалъ сестрѣ:

— Теперь Софью Михайловну къ тебѣ на квартиру и кала-

чомъ не заманишь. Завтра къ ней зайду; скажу, что вашъ лакей хотѣлъ, ради святокъ, нарядиться шутомъ, да позабавиться.

— И безподобно,—похвалила Ольга Сергѣевна.

— А ты къ ней заѣзжай послѣ завтра и подтверди тоже самое.

На бѣду мои родители держали не одного, а двухъ камердинеровъ,—благо прислуга была тогда дешева. Насчетъ ихъ именъ Ольга Сергѣевна съ братомъ не сговорилась, такъ что на вопросъ баронессы, кто именно пошалилъ—Александръ Сергѣевичъ свалилъ вину на Ермолая, а на слѣдующій день моя мать заявила, что виновникъ всей суматохи Прокофій.

— Какъ же это? Ты говоришь Прокофій, а твой братъ, Ермолай? Послѣ этого, воля твоя,—сказала баронесса,—я къ тебѣ не приду, пока не перемѣнишь квартиры. Баронъ пусть ходитъ, а не я. Если хочешь со мной видѣться, то можешь всякій день, но у меня, а не у тебя.

Софья Михайловна сдержала слово: квартирка въ домѣ Дмитріева больше ея и не видала, не смотря на всѣ насмѣшки барона, моей матери и дяди Льва Сергѣевича.

XVIII.

Въ это самое время, именно въ началѣ 1830 года, оба дяди мои были неразлучны съ Соболевскимъ. Бабка моя, Надежда Осиповна, очень его съ начала не долюбливала, не постигая, что̀ можетъ быть общаго между ея сыномъ-поэтомъ и этой, какъ она выражалась, олицетворенной прозой-выскочкой (cette prose personnifiée de parvenu), а по своему чванству Надежда Осиповна не переваривала генеалогіи Соболевскаго.

Дѣйствительно, между характерами творца Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Полтавы и комическомъ риѳмоплетомъ лежала, повидимому, цѣлая пропасть. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ?

Подъ маской напускной веселости, выражавшейся въ сатирическомъ взглядѣ на окружающее общество и забавныхъ

выходкахъ, порою доходившихъ до извѣстнаго рода цинизма, Соболевскій носилъ въ душѣ своей чувства теплыя, возвышенныя и, какъ принято теперь называть, «гуманныя», — точнѣе скажу по-русски—«человѣческія», щеголять которыми Сергѣй Александровичъ находилъ совершенно ненужнымъ. Обожая свою несчастную мать, всегда готовый на помощь друзьямъ и дѣломъ, и добрымъ, благоразумнымъ совѣтомъ, а нуждающимся оказывая поистинѣ христіанское милосердіе, Соболевскій «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» сердце моего дяди; бичуя же безпощадной сатирой всякаго, кто имѣлъ низость ставить Сергѣю Александровичу изъ-за угла въ укоръ, что онъ «дитя любви», Соболевскій заставлялъ этихъ господъ кланяться ему, что̀ называется, ниже кармановъ.

Дядя Александръ, познакомясь съ Соболевскимъ гораздо прежде 1830 года, скрѣпившаго ихъ дружбу, и познакомясь чрезъ товарища Сергѣя Александровича по университетскому пансіону, — именно своего брата Льва Сергѣевича, — сразу постигъ характеръ и качества новаго друга, причемъ понялъ отлично, что этотъ другъ какъ нельзя болѣе душевно страдаетъ, и что эти страданія были спутникомъ всей жизни прикидывающагося беззаботнымъ неподражаемаго комика.

Свою скорбь Соболевскій выразилъ Александру Сергѣевичу въ слѣдующей стереотипной фразѣ: «Je suis un être malheureux, parce que je suis stigmatisé par le sobriquet d'un fils naturel».

(Я несчастное существо, потому что заклейменъ прозвищемъ сына любви).

Родители Соболевскаго, фамиліи которыхъ мнѣ очень хорошо извѣстны, были людьми съ состояніемъ и принадлежали къ высшему кругу. Отецъ его, г. С., будучи, подобно его матери, природнымъ руусскимъ, приписалъ сына, за весьма значительное денежное пожертвованіе, къ польскому дворянству, выхлопотавъ для сего какъ фамилію «Соболевскаго», такъ и присвоенный нѣкоторымъ представителямъ этой фамиліи гербъ «Слѣповронъ» («Slepowron»).

Говоря объ этомъ обстоятельствѣ, считаю не лишнимъ замѣ-

тить, что въ Польшѣ многія дворянскія однозвучныя фамиліи, не находящіяся между собою въ родствѣ, отличаются одна отъ другой по гербамъ, и наоборотъ; одинъ и тотъ же гербъ употреблять могутъ дворяне, носящіе совершенно разныя фамиліи; самые же гербы, въ свою очередь, имѣютъ особенныя названія, бо̀льшею частію по ихъ рисункамъ; напримѣръ, гербы Łabędź (лебедь), Pelikan (пеликанъ), Slepowron (слѣпой воронъ), Korczak (ковшъ) и проч.

Иногда, для отличія родовъ однозвучныхъ фамилій, польскіе дворяне присоединяютъ къ своему родовому имени и названіе присвоеннаго ему герба, напримѣръ: Klamra-Siennicki, положимъ, Slepowron-Sobolewski и т. д.

Какъ бы ни было Соболевскій, самъ подсмѣиваясь надъ своимъ «слѣпо068вроном» и говоря, что эта «слѣпая ворона залетѣла невзначай съ береговъ кофейной *) Вислы,— оттуда, гдѣ рожи очень кислы,—къ обитателю лазурныхъ невскихъ водъ», обнаружилъ всю тягость снѣдающаго его горя только Пушкину и сестрѣ его, Ольгѣ Сергѣевнѣ. Въ другомъ же обществѣ всякіе разговоры о «дѣтяхъ натуральныхъ» были для Сергѣя Александровича невыносимы. Если въ его присутствіи возникали подобные разговоры, Соболевскій терялся, краснѣлъ, блѣднѣлъ, уходилъ въ другую комнату, а разъ, когда этого сдѣлать было невозможно, Сергѣй Александровичъ почувствовалъ себя дурно и едва не упалъ въ обморокъ, о чемъ и разсказала мнѣ Ольга Сергѣевна, сообщивъ и нижепомѣщаемый разговоръ.

Непріятный для Соболевскаго случай произошелъ именно очень скоро послѣ приключенія съ баронессой Дельвигъ, и Сергѣй Александровичъ сообщилъ о немъ по секрету Ольгѣ Сергѣевнѣ, говоря, что онъ при публикѣ объяснилъ свой обморокъ простымъ головокруженіемъ, но такъ какъ у Соболевскаго не было секретовъ и отъ Александра Сергѣевича, то моя мать передала брату разсказъ его друга въ присутствіи сего послѣдняго.

---

*) Мутная Висла въ самомъ дѣлѣ цвѣта кофе съ молокомъ.

Пушкинъ, хотя и гордился до нѣкоторой степени своимъ происхожденіемъ, что̀ и доказалъ написаннымъ въ томъ же 1830 году стихотвореніемъ «Моя родословная», но гордился передъ тѣми, передъ кѣмъ гордиться онъ считалъ необходимымъ; но въ душѣ никогда не мирился съ предразсудками, въ силу которыхъ общество бросаетъ камень въ ничѣмъ неповинныхъ «дѣтей любви», что̀ и доказалъ въ бесѣдѣ своей съ другомъ, въ присутствіи Ольги Сергѣевны:

— Душа моя, «Калибанъ»,—такъ прозвалъ дядя Соболевскаго, по имени одного изъ героевъ шекспировскихъ трагедій,—на твоемъ мѣстѣ я въ обморокъ бы не упалъ на потѣху безтактныхъ дураковъ, qui parlent de corde dans une maison de pendu, а такъ бы ихъ моимъ языкомъ осрамилъ, что они позабыли бы у меня, гдѣ сидятъ. Да, братецъ, меня какъ нельзя болѣе возмущаетъ, что всякаго рода мошенникамъ и канальямъ сходитъ часто съ рукъ всевозможная пакость, потому что они записаны-де законными сыновьями извѣстныхъ по своему положенію въ свѣтѣ людей, между тѣмъ какъ ни въ чемъ неповинное «дитя любви», съ самаго появленія на свѣтъ Божій, несетъ незаслуженную кару за орѳографическую ошибку матери (pour la faute d'orthographe commise par sa mère), будь онъ уменъ какъ Ньютонъ, добръ ну... какъ сестра моя Ольга, и честенъ какъ Донъ-Кихотъ. Общество считаетъ ихъ паріями, отказываетъ во всемъ, сторонится отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ, а дѣлаетъ это потому, что само еще не развито, и не набралось ума, даже здраваго смысла. Не говорю уже о тѣхъ, кто осмѣливается показывать явное презрѣніе несчастнымъ дѣтямъ любви,—это сущія свиньи,—не говорю уже и о тѣхъ, кто въ ихъ присутствіи смѣется надъ случаями незаконнаго рожденія,—это неделикатные невѣжи. Но съ другой стороны не понимаю и того, какъ можно стыдиться своего происхожденія? Виноватъ ли я, напримѣръ, что родился, положимъ, въ Москвѣ, а не въ Калькуттѣ, что ростомъ не великъ, собой не казистъ? Есть чего, чортъ возьми, стыдиться!..

Дядя Александръ какъ бы подкрѣпляетъ, не могу не замѣ-

тить, высказанное Соболевскому свое profession de foi въ напечатанной имъ въ «Литературной газетѣ» статьѣ «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» (см. IX томъ соч. Пушкина, изд. Суворина 1887 г.).

Считаю необходимымъ удѣлить въ моей «Семейной хроникѣ» мѣсто Сергѣю Александровичу Соболевскому, потому что онъ былъ едва ли не самымъ близкимъ другомъ дяди Александра Сергѣевича; притомъ же объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ очень мало извѣстно въ печати.

Лишась отца еще въ очень молодыхъ годахъ, Сергѣй Александровичъ посвятилъ, можно сказать, всего себя уходу за нѣжно-любимою матерью, которой въ 1828 году и закрылъ глаза. Дядя Александръ Сергѣевичъ особенно уважалъ въ своемъ другѣ святое сыновнее чувство и говорилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ:

— Вполнѣ соболѣзную бѣдному Сергѣю. Утративъ мать, онъ совершенно одинокъ, никто не пойдетъ съ нимъ подъ вѣнецъ, вспомни мое слово.—Такъ и вышло.

Мать Соболевскаго скончалась въ Москвѣ, лѣтомъ 1828 года, и дядя Александръ, узнавъ объ этомъ, написалъ ему слѣдующее:

«Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трижды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2,500 получишь вслѣдъ. «Цыганы» мои не продаются вовсе; деньги же эти трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго. Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобой свидѣться, да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть по одеждѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что, кромѣ пословицъ, ничего путнаго тебѣ сказать не умѣю. Прощай, мой другъ».

Надѣленный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, Соболевскій намѣтилъ себѣ цѣлью развить этотъ умъ всестороннимъ образованіемъ; къ достиженію намѣченной цѣли онъ постав-

ленъ былъ въ счастливую возможность, имѣя подъ рукою подаренную ему отцомъ весьма богатую библіотеку, всевозможные аппараты, коллекціи разнаго рода древностей, а въ карманѣ—тоже кое-что. Курсъ въ бывшемъ университетскомъ пансіонѣ онъ кончилъ блистательно и вслѣдъ за тѣмъ сталъ усердно пополнять пробѣлъ полученнаго образованія, такъ сказать, неусыпнымъ изученіемъ словесностей: французской, англійской, нѣмецкой, итальянской, всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а математику, механику, технологію и архитектуру, которыя онъ считалъ предметами наиболѣе необходимыми для практическаго быта, узналъ, можно сказать, настолько, чтобы примѣнять ихъ при всякомъ представлявшемся случаѣ. Такимъ образомъ Соболевскій и выступилъ во всеоружіи на арену житейской борьбы.

Сила воли у него была желѣзная, доказательствами чего служатъ слѣдующія обстоятельства, разсказанныя мнѣ моею матерью:

По окончаніи курса наукъ у Сергѣя Александровича появились всѣ признаки начала чахотки, несмотря на большой ростъ и атлетическое сложеніе. Выслушавъ приговоръ эскулаповъ, Соболевскій, согласно ихъ совѣтамъ, сталъ питаться въ теченіе двухъ лѣтъ однимъ слегка лишь прожареннымъ бифстексомъ, да стаканомъ портера въ день, причемъ, вставая съ восходомъ солнца и ложась спать какъ нельзя раньше, отвѣсилъ, какъ онъ выражался, нижайшій поклонъ всякимъ театрамъ, вечернимъ собраніямъ, словомъ всему, нарушающему правильный образъ жизни. Въ итогѣ получилось цвѣтущее здоровье и завидная всякому физическая крѣпость.

Не менѣе сильную волю проявилъ Соболевскій и потомъ, когда, по совершенно независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ лишился части своего достоянія. Перенесъ Сергѣй Александровичъ этотъ тяжелый ударъ стоически: сказалъ только, «что съ воза упало, то пропало, а впередъ самъ не зѣвай».

Задумавъ пустить всѣ пріобрѣтенныя познанія въ ходъ, онъ предложилъ свою честную практическую дѣятельность про-

мышленной компаніи, какой именно, не помню. Труды Сергѣя Александровича послужили, какъ нельзя лучше, ему въ пользу, и скоро счастье улыбнулось: Соболевскому удалось не только возвратить утраченное, но и разбогатѣть; въ концѣ концовъ онъ сошелся съ собственникомъ бумагопрядильни (что на Выборгской сторонѣ) Мальцевымъ и, принявъ завѣдываніе его дѣлами, ѣздилъ неоднократно, по порученіямъ Мальцева, за границу — въ Парижъ, Лондонъ, Вѣну, и въ результатѣ завоевалъ такую цифру ежегоднаго дохода, которой сама Ольга Сергѣевна плохо вѣрила.

Послѣ постигшаго Сергѣя Александровича матеріальнаго убытка, о которомъ я сказалъ выше, онъ, кромѣ безповоротнаго рѣшенія добиться, во что бы ни стало, прежняго состоянія, наложилъ на себя добровольно чистую эпитимію, распростился и со всякимъ наружнымъ щегольствомъ, и съ удовольствіями, вызывающими, по его мнѣнію, «глупѣйшіе» расходы, главное же лишилъ себя любимаго своего наслажденія плотно покушать, а былъ онъ гастрономомъ записнымъ, и вычеркнулъ изъ своей программы всякую пищу, превышающую необходимую для утоленія голода.

— А я, Соболевскій, къ «тебѣ» *) собираюсь обѣдать завтра,—сказалъ ему (въ январѣ 1830 года) пріѣхавшій въ отпускъ мой дядя, Левъ Сергѣевичъ, который, какъ извѣстно, далеко не питалъ къ богу Вакху особеннаго презрѣнія.— Будешь ли дома?

— Разумѣется, дома; по моему карману не могу еще ходить въ клубъ, какъ прежде, хотя карманъ, славу Богу, сильно толстѣетъ.

На слѣдующій день Левъ Сергѣевичъ является во ожиданіи вкусить зеліе виноградное.

На столѣ красуются два прибора—миска со щами, горшокъ съ гречневой кашей, да графинъ съ квасомъ.

*) Дядя Левъ Сергѣевичъ, не допускавшій мѣстоименія ты, сдѣлалъ исключеніе изъ принятаго имъ правила въ пользу одного лишь Соболевскаго.

Дядя Левъ, славившiйся всегда очень завиднымъ аппетитомъ, мигомъ уничтожаетъ тарелку щей, раздѣлывается подобнымъ же образомъ съ кашей, а затѣмъ—послѣ быстролетной атаки на жареную говядину—спрашиваетъ:

— Соболевскiй, да что ты со мной дѣлаешь?! а вино-то гдѣ?

Тотъ наливаетъ себѣ квасъ и притворяется глухимъ.

— Да отвѣчай же, Сергѣй, гдѣ же вино?

— А-а-а-а... вино?.. разѣваетъ ротъ хозяинъ.—Вино?.. да на что тебѣ оно?!.

— Какъ на что? Извѣстно на что...

— Да мнѣ-то неизвѣстно. Надѣюсь и ты, такъ же какъ я, пересталъ заниматься пустяками. То-ли дѣло квасъ? Любое «бордо» за поясъ заткнетъ! Скажу тебѣ: блаженство, а не квасъ! Хочешь квасу?

Съ тѣхъ поръ Левъ Сергѣевичъ обѣдать къ Соболевскому ни ногой.

Этотъ анекдотъ я слышалъ отъ матери. Шутка Соболевскаго понравилась дядѣ Александру Сергѣевичу, и онъ повторилъ ее впослѣдствiи надъ братомъ, о чемъ Александръ Сергѣевичъ написалъ женѣ слѣдующее *):

«Я обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня я сыгралъ славную шутку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскiй, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Сергѣевичъ является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью, да бифстексъ. Левъ Сергѣевичъ тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Сергѣевичъ хлебаетъ двѣ тарелки, убираетъ осетрину; наконецъ, требуетъ вина, ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ нѣтъ?— «Александръ Сергѣевичъ не приказалъ на столъ подавать». И я объявляю, что я на дiэтѣ и пью воду. Надобно видѣть отчаянiе и сардоническiй смѣхъ Льва Сергѣевича, который уже вѣроятно ко мнѣ обѣдать не явится. Во все время Соболевскiй подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку,

*) См. Соч. Пушкина, т. VIII, изд. Суворина 1887 г.

то въ длинный бокалъ и подчивалъ Льва Сергѣевича, который чинился и отказывался»...

Пріѣхавъ въ отпускъ, какъ сказано выше, въ 1830 году, Левъ Сергѣевичъ проигрался гдѣ-то въ карты. Александръ же Сергѣевичъ не могъ немедленно его выручить изъ бѣды, и раздосадованный «Пушкинъ Левъ» является вечеромъ къ моей матери, надутый и сердитый; впрочемъ, является вовсе не съ цѣлью призанять у нея денегъ—зналъ, что лишнихъ тамъ ни водилось, — а размыкать свою «карманную невзгоду». Какъ набѣду, дядя застаетъ у моихъ родителей обычныхъ гостей, въ томъ числѣ и Соболевскаго. Соболевскій, встрѣтивъ Льва Сергѣевича съ добродушно-иронической улыбкой, тутъ же смекнулъ объ отсутствіи денежнаго присутствія въ карманѣ друга, сообразилъ, что можетъ горю помочь, но промучилъ дядю Льва до самаго ужина, забавляясь его постною наружностью. Разсказать о своемъ горѣ сестрѣ Льву Сергѣевичу при гостяхъ было неловко; пускаться же съ ними въ свойственные ему любезные разговоры дядя, при печальныхъ обстоятельствахъ, никакъ не могъ.

Подали ужинъ. Левъ Сергѣевичъ садится за столъ рядомъ съ Соболевскимъ, и, не нарушая молчанія, не уклоняется, однако отъ угощенія, предлагаемаго ему и другомъ-сосѣдомъ, и гостепріимнымъ хозяиномъ—моимъ отцомъ.

Послѣ ужина Соболевскій встаетъ изъ-за стола и съ комическою важностью возглашаетъ громогласно экспромптъ:

«Левъ Сергѣичъ на суарэ *)
«Былъ любезенъ, какъ тюлень:
«Выпилъ чарку Сенъ-Перэ,
«И бутылку Сенъ-Жюльенъ»,—

и, отозвавъ дядю въ сторону, спрашиваетъ по секрету:

— Пушкинъ! сколько тебѣ надо?

— Помилуй, Сергѣй, что ты?

---

*) Soirée—по-французски «вечеръ».

— Да я тебя насквозь знаю, меня не проведешь; выйдемъ вмѣстѣ, завернешь ко мнѣ, и дѣло въ шляпѣ.

Левъ Сергѣевичъ тутъ же, при публикѣ, бросился въ объятія друга, развеселился, разлюбезничался, а Соболевскій:

«Ну, еще-ка Сенъ-Перэ,
«Ну, еще-ка Сенъ-Жюльены!»

— Идетъ!—радостно подтвердилъ дядя, и тутъ же послѣдовалъ дружескому совѣту.

На другой день, долгъ Льва Сергѣевича былъ, такимъ образомъ, уплаченъ.

Много помню слышанныхъ отъ моихъ родителей подобныхъ поступковъ Соболевскаго, — поступковъ, исполненныхъ благородства и деликатной, дружеской предупредительности. Оба мои дяди, мать и отецъ, оцѣнивъ этого человѣка, какъ слѣдуетъ, полюбили его отъ души; впрочемъ, и онъ показалъ имъ, что того достоинъ, а люди, одинаковаго съ безсмертнымъ поэтомъ закала — Дельвигъ, Баратынскій, Плетневъ, Жуковскій, который вполнѣ сочувствовалъ снѣдавшей Соболевскаго скорби о происхожденіи, кн. Одоевскій, кн. Вяземскій и другіе, считали Сергѣя Александровича самымъ преданнымъ другомъ.

Но не такъ встрѣтили Соболевскаго, при вступленіи въ «свѣтъ», прочіе посѣтители салоновъ, куда Сергѣй Александровичъ, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, долженъ былъ явиться. Встрѣтили его тамъ враждебно, съ предвзятыми взглядами, двусмысленными, оскорбительными улыбками и намеками. Соболевскій далъ сначала поведеннымъ на него словеснымъ атакамъ молодецкій отпоръ, а тамъ, въ свою очередь, повелъ впередъ побѣдоносное войско и смялъ враговъ слѣдующими силами: острымъ, какъ бритва, языкомъ, самыми злыми экспромптами, да ядовитыми каламбурами, такъ что послѣ пяти-шести генеральныхъ сраженій, непріятель обратился въ бѣгство, титулъ «Mylord qu'importe» послужилъ Соболевскому вполнѣ заслуженнымъ трофеемъ, а мѣткіе экспромпты и каламбуры отправились немедленно гулять по всему

Петербургу, къ немалому удовольствію Александра Сергѣевича, искренно поздравившаго побѣдителя съ успѣхомъ.

Въ числѣ потерпѣвшихъ пораженіе оказался и главный соперникъ Сергѣя Александровича по ратоборству языкомъ—Филиппъ Филипповичъ Вигель, не выдержавшій убійственнаго огня эпиграммы, о которой я уже говорилъ во второй и четвертой части хроники. Вигель возненавидѣлъ Соболевскаго такъ, что избѣгалъ уже всякой съ нимъ встрѣчи.

Короче, Соболевскій одержалъ побѣду блистательную: его стали бояться.

— Передъ тобой трусятъ, Сергѣй, — замѣтилъ ему дядя Александръ.

— Что̀ и требовалось доказать, какъ выражаются геометры,—отвѣчалъ Пушкину Соболевскій.

Теплое расположеніе моего дяди къ Сергѣю Алексаноровичу усматривается и изъ переписки нашего поэта съ Соболевскимъ

О путешествіи моего дядя съ Соболевскимъ въ 1833 году изъ Петербурга въ Москву,—откуда Александръ Сергѣевичъ отправился уже одинъ въ Оренбургскій край за матеріалами для «Исторіи Пугачевскаго бунта»,—разскажу при изложеніи событій того періода времени. Теперь же, не отступая отъ хронологическаго порядка, обращусь къ попыткѣ Соболевскаго жениться, кажется, на княжнѣ Трубецкой. Ольга Сергѣевна называла фамилію, которую я позабылъ, а чего не помню, того не помню; привожу бесѣду Сергѣя Александровича съ моею матерью по этому поводу, происходившую вскорѣ послѣ извѣстнаго читателямъ вечера, когда онъ выручилъ дядю Льва изъ финансовыхъ затрудненій.

— Скажу вамъ по секрету, — началъ разговоръ Соболевскій,—что милѣйшій «я» выкинуть фокусъ-покусъ à la Кальостро задумалъ.

— Что такое?

— Экія вы недогадливыя! Если я говорю à la Кальостро, значитъ, разумѣю сдѣлать то, что для меня, Соболевскаго, всего труднѣе. Даю вамъ пять минутъ отгадать.

— Никакъ не могу.

— Не можете? Такъ я вамъ для облегченія задамъ сначала шараду:

Mon premier est Sot (мой первый слогъ глупъ).

Mon second est beau (мой второй слогъ красивъ).

Mon troisième est laid (мой третій слогъ дуренъ).

Ce qui fait mon entier («что» составляетъ мое цѣлое).

Ольга Сергѣевна, смѣясь, повторяетъ: Sot, beau, laid ce qui.

— Ну, теперь то же самое повторите пять разъ скороговоркой: Sot-beau-laid-ce-qui, и что выйдетъ? Нут-ка!

— Soboleski (Соболевскій) безъ буквы в,—разсмѣялась опять Ольга Сергѣевна.

— Поэтическая вольность,—расхохотался Сергѣй Александровичъ. — Значитъ можете разгадать и первую загадку. Что всего труднѣе для Sot-beau-laid-ce-qui? Карманъ теперь у него исправенъ, съ непріятелями тоже расправился, а друзьями хоть прудъ-пруди! Чего же главнаго недостаетъ послѣ этого?..

— Неужели? — сообразила Ольга Сергѣевна.

— Теперь или никогда,—сказалъ уже серьезно Сергѣй Александровичъ. — То-то подшучу надъ Александромъ; онъ мнѣ пророчитъ умереть бобылемъ (que je mourrai célibataire), а какъ выйдетъ шиворотъ-на-выворотъ, что тогда-то онъ запоетъ? Только до поры до времени держите передъ нимъ все, что вамъ ни скажу, подъ спудомъ.

— Да кто же она?

— Хотите и это знать? Извольте: la princesse Annette.

— Что вы, что вы? Она за васъ думаете пойдетъ?

— А почему бы и не такъ?

— Ни за что не пойдетъ, бьюсь объ закладъ: въ васъ она не влюблена, какъ вы въ нее, я давно замѣчаю и то и другое; ея старики люди съ предразсудками, а «мондъ», съ которымъ воюете, ихъ же науськаетъ противъ васъ.

— Ну, все это бабушка еще надвое сказала, — утѣшалъ самъ себя Соболевскій. — Главное, объяснюсь на дняхъ съ самой княжной безъ всякихъ сватовъ и свахъ, что̀ было бы хуже, а что̀ выйдетъ — на дняхъ узнаете отъ меня самого,—

заверну и скажу. Только, пожалуйста, опять-таки братцамъ вашимъ ни полслова...

Будучи всегда господиномъ своихъ чувствъ, Соболевскій прикинулся очень веселымъ, попросилъ Ольгу Сергѣевну показать ему альбомъ, взялъ перо, нацарапалъ въ немъ:

«Пишу тебѣ въ альбомъ и азъ,
«Сестра и другъ поэта *) Ольга,
«Хотя мой стихъ и не алмазъ,
«А просто мишура да фольга».—

отпустилъ еще нѣсколько остротъ, и въ заключеніе раскланялся, объявивъ: — «Vous aurez bientôt de mes nouvelles» (скоро получите обо мнѣ извѣстія).

Не проходитъ двухъ дней послѣ посѣщенія, и опять является Соболевскій къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, радостный, сіяющій, какъ безоблачное майское утро.

Ольга Сергѣевна за него тоже обрадовалась.

— Вижу, что могу васъ отъ души поздравить «Калибанъ» (она такъ же, какъ и ея братъ, иногда подчивала Соболевскаго по дружбѣ этимъ прозвищемъ).

— Какъ хотите,—отвѣчалъ Соболевскій, улыбаясь во весь ротъ.

— Ну, (любимое междометіе Ольги Сергѣевны), счастливый и радостный, свѣтлый женихъ, разсказывайте, что и какъ? Что ваша невѣста?

— Невѣста? — спрашиваетъ Соболевскій, продолжая улыбаться,—отказала, и, правда, очень учтиво, а все-таки рекомендовала мнѣ убираться къ чорту...

Можно себѣ представить удивленіе Ольги Сергѣевны: по физіономіи гостя она разсчитывала услышать совсѣмъ не то.

— А я думала... вы такой веселый...

— А то какъ же? Плакать прикажете, да заставлять прачку возиться съ моими носовыми платками? Плакать мнѣ, ей Богу,

*) Пародія на строки Вяземскаго (См. стихи его, приведенныя въ эпиграфѣ 3-й части «Хроники»).

некогда, а прачкѣ и безъ того задаю работы много... Богъ ты мой Богъ...—какъ говоритъ вашъ братецъ... — вотъ забавно! А и вы отвѣчайте-ка на вопросъ: Александру Сергѣевичу ничего не пробалтывались?

— Съ какой стати?

— То-то. Вотъ и отлично. Самъ узнаетъ; хорошо, что не побился съ нимъ объ закладъ не умереть бобылемъ. А съ моей воображаемой невѣсты я тоже взялъ слово молчать о моемъ предложеніи. Но шутки въ сторону. Какъ сказалъ, такъ и будетъ, развѣ посватаюсь на томъ свѣтѣ на какой-нибудь гуріи. А теперь,—заключилъ по своему обыкновенію Соболевскій,— ступай домой, милѣйшій «я»: тебѣ больше тутъ дѣлать нечего...

Получивъ отказъ отъ княжны, о которой выразился: «если не она, такъ никто не будетъ моей женой», Соболевскій, дѣйствительно, сдержалъ слово, данное самому себѣ: не только никогда послѣ того не сватался, но, какъ я слышалъ, не былъ знакомъ даже ни съ какими сколько-нибудь романическими приключеніями.

По убѣжденію моей матери, для Соболевскаго, какъ онъ тамъ ни притворялся, отказъ princesse Annette былъ однимъ изъ самыхъ полновѣсныхъ ударовъ судьбы, но по желѣзной силѣ своей воли онъ и этотъ ударъ вынесъ твердо. Оплакивая въ душѣ одиночество и безсемейную жизнь, Соболевскій, странный человѣкъ, выражалъ угнетавшую его скорбь юмористическими выходками. Такъ напримѣръ, купивъ и обучивъ пару огромнѣйшихъ сенъ-бернардскихъ псовъ, Сергѣй Александровичъ заставлялъ ихъ раскланиваться съ гостями, причемъ приговаривалъ: «рекомендую вамъ моихъ, съ позволенья сказать, дѣтей: вотъ мой сынъ—Антонъ Сергѣичъ, а вотъ и дочка — Авдотья Сергѣвна»; иногда же прибавлялъ полусерьезно: «другихъ дѣтей никогда и не будетъ».

Послѣ неудачнаго похода по супружеской части Соболевскій въ первые зимніе мѣсяцы 1830 года посѣщалъ великосвѣтскіе салоны по прежнему, если еще не чаще. Неблагопріятный

исходъ затѣяннаго предложенія не могъ долго оставаться для Александра Сергѣевича тайной, и Соболевскій самъ, изложивъ суть дѣла своему другу, сказалъ:

— Ты правъ, Пушкинъ: мнѣ брачныхъ свѣчъ не зажигать, остался въ дуракахъ, и, какъ узналъ намеди, въ «бомондѣ» уже затрезвонили, чешутъ языки, а чтобы загородить глотку, кому слѣдуетъ, нарочно буду ходить въ бомондъ, по правилу: «гдѣ строятъ противъ тебя, Соболевскій, скандалъ, туда-то и являйся».

Разсчетъ оказался вѣрнымъ: Сергѣй Александровичъ своими личными появленіями прекратилъ дальнѣйшіе о немъ толки. Эпиграммы Соболевскаго были тогда въ полномъ ходу, а при видѣ его сардонической улыбки и представительной фигуры, великосвѣтскіе сплетники прикусили языки.

Пушкинъ искренно сочувствовалъ разочарованію Соболевскаго, а въ разговорѣ о его неудачѣ съ моей матерью высказалъ свои взгляды въ слѣдующихъ словахъ:

— Жаль Сергѣя, и тѣмъ болѣе, что причину неудачи онъ именно приписываетъ втайнѣ своему происхожденію; но онъ слишкомъ гордъ, чтобы дѣлиться даже со мной подобными мыслями. Малѣйшій, не говорю нравственный толчокъ, но нечаянный, повидимому, двусмысленный на него взглядъ вызываетъ въ Сергѣѣ ужасныя страданія, которыя онъ такъ артистически прячетъ подъ маскою Момуса *). Слава Богу, по крайней мѣрѣ, выручило еще то, что его мать не бросила, а судьба надѣлила состояніемъ и рѣдкимъ умомъ, иначе былъ бы онъ какъ и всѣ прочіе, несчастіе которыхъ я изобразилъ въ моей пѣснѣ очень, очень давно—«Подъ вечеръ осенью ненастной».— Помнишь?

«Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
«И скажутъ: ты для насъ чужой!
«Ты спросишь: гдѣ мои родные?
«И не найдешь семьи родной!
«Несчастный! будешь грустной думой
«Томиться межъ другихъ дѣтей,

*) Богъ насмѣшекъ древнихъ грековъ, сынъ Сна и Ночи.

«И до конца съ душой угрюмой
«Взирать на ласки матерей.
«Повсюду странникъ одинокій,
«Всегда судьбу свою кляня,
«Услышишь ты упрекъ жестокій...
»Прости, прости тогда меня.
« . . . . »

— А что касается княжны, наклеившей Сергѣю носъ, то я вижу его печаль, несмотря на маску; а потому со всей осторожностью вобью ему въ голову, что не онъ первый, не онъ послѣдній, и что княжна всякому арбузъ поднесетъ, и никого не любитъ, точь-въ-точь моя «дѣва». Стихи на мою дѣву ты не можешь помнить, набросалъ у Инзова; но нарочно сегодня списалъ и несу Соболевскому какъ бы невзначай для бо̀льшаго утѣшенія; увѣренъ, что Сергѣй запоетъ, какъ нашъ старый другъ дѣтства, эмигрантъ Кашаръ, своей возлюбленный, которая тоже отъ него отвернулась:

«Vous ne daignez m'aimer?
«Eh bien! ne m'aimez pas!
«J'aurai bien du chagrin,
«Mais je n'en mourrai pas».

— Послушай же, что подношу Соболевскому,—и дядя прочелъ:

«Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
«Я зналъ: она сердца̀ влечетъ невольной силой.
«Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
«Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
«Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
«Пылаетъ близь нея задумчивая младость,
«Любимцы счастія, наперсники судьбы.
«Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы,
«Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ,
«И очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ».

Постоянные посѣтители моихъ родителей, Дельвигъ, Глинка, Плетневъ—друзья того же Соболевскаго,—узнавъ о случившемся «пассажѣ», не дали ему и почувствовать, что все

и имъ извѣстно; не говорю уже о моемъ отцѣ, который, вовсе не интересуясь поэтическими приключеніями, избиралъ тогда предметомъ разговоровъ съ Соболевскимъ свой конекъ: историческія изслѣдованія и филологическія пренія, а вести бесѣды и на эту тему Соболевскій былъ мастеръ: онъ первый посовѣтывалъ отцу постараться во что бы ни стало получить мѣсто консула въ Греціи, чѣмъ отецъ мой и воспользовался, какъ я уже говорилъ во второй части «хроники».

XIX.

Вскорѣ мать моя была очень обрадована пріѣздомъ изъ Москвы своей давнишней подруги, жены поэта Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Настасьи Львовны, рожденной Энгельгардтъ; въ задушевной бесѣдѣ моя мать разсказала Настасьѣ Львовнѣ о натянутыхъ отношеніяхъ Надежды Осиповны къ моему отцу. Баратынская взялась рискнуть дипломатическимъ шагомъ и пригласила Александра Сергѣевича поѣхать къ Надеждѣ Осиповнѣ вмѣстѣ. Оба явились къ бабкѣ на другой же день, и Настасья Львовна, расхваливъ ей какъ нельзя болѣе Николая Ивановича, выставила нелѣпость не принимать зятя, не посѣщать по вечерамъ дома своей дочери, куда собираются и оба ея сына и прочіе знакомые Надежды Осиповны, а слѣдовательно огорчать эту дочь совершено напрасно.

Надежда Осиповна выслушала Баратынскую не прерывая, а, дядя, какъ всегда бывало, сталъ грызть себѣ ногти, нетерпѣливо ожидая, что изъ разговора выйдетъ.

— Avez vous fini? (Вы кончили),—спрашиваетъ бабка.

— Je n'ai rien à ajouter de plus (не имѣю ничего прибавить).

— Et moi, je n'ai plus rien à vous répondre. Changeons de conversation. (И мнѣ тоже нечего отвѣчать. Перемѣнимъ разговоръ).

Дипломатическая миссія тѣмъ и кончилась.

— Вѣдь я говорилъ,—сказалъ уходя Александръ Сергѣе-

вичъ,—что съ моей très chère mère толковать о ея зятѣ не стоитъ.

Съ грустью передала Настасья Львовна моей матери результатъ визита.

— Если Надежда Осиповна и меня не послушала, то едва ли другаго послушаетъ. Остается одно: послать къ ней моего мужа (Евгеній Абрамовичъ пріѣхалъ также изъ Москвы съ женою въ Петербургъ на нѣкоторое время).

Сказано-сдѣлано. Чрезъ нѣсколько дней приходитъ къ неумолимой бабкѣ Евгеній Абрамовичъ.

Приступивъ къ бесѣдѣ, что называется, «съ Царя-Гороха», Баратынскій перешелъ къ христіанскимъ правиламъ о любви къ ближнему и всепрощеніи, а затѣмъ высказалъ необходимость семейной гармоніи вообще.

— Знаю куда мѣтите, но въ цѣль не попадете,—догадалась Надежда Осиповна.—Нельзя ли выбрать для разговора тему поинтереснѣе?

Такимъ образомъ и Евгеній Абрамовичъ вышелъ отъ Надежды Осиповны съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ.

Супруги Баратынскіе, эти два, какъ выразилась моя мать, исполненные поэзіи меланхолическіе образа, души одинъ въ другомъ не чаяли; тихій, спокойный семейный ихъ очагъ не омрачался никогда и тѣнью какихъ-либо взаимныхъ пререканій, а дѣло выходило очень просто: при отсутствіи матеріальныхъ лишеній и заботъ о насущномъ хлѣбѣ, жизнь служила имъ обширнымъ полемъ для всесторонняго духовнаго развитія, и—какъ сказалъ Пушкинъ—чувствъ добрыхъ. Возвышенный взглядъ одного изъ супруговъ на земное бытіе, воплощенный и въ его поэтическихъ твореніяхъ, дополнялся такимъ же взглядомъ другаго, и оба они видѣли въ домашнемъ очагѣ единственную свою отраду, единственное счастье.

— Какъ жаль, Евгеній, что я не красавица, сказала Настасья Львовна мужу въ присутствіи дяди Александра и моей матери, когда Баратынскій похвалилъ наружность встрѣчен-

ной имъ какой-то дамы. Случилось это именно въ описываемое мною время.

— Ты для меня лучше всѣхъ красавицъ!—отвѣчалъ громче обыкновеннаго Баратынскій, цѣлуя руку жены.

Въ этомъ простомъ отвѣтѣ, какъ говорила мнѣ, мать зазвучала такая высокая струна, въ немъ сказалось столько неподдѣльнаго прямаго чувства, что и Ольга Сергѣевна и Александръ Сергѣевичъ тронуты были до слезъ, а мать обратилась къ дядѣ съ пожеланіемъ:

— Дай Богъ тебѣ, Александръ, быть такимъ мужемъ и найти такую жену...

О незабвенной памяти Настасьѣ Львовнѣ Баратынской, замѣнившей мнѣ отсутствовавшую мать, буду говорить въ свое время.

Итакъ, зимою 1830 года дядя Александръ чаще всего встрѣчалъ въ маленькой гостиной сестры своей кромѣ Соболевскаго и двухъ милыхъ его сердцу друзей-сотоварищей по музѣ, которые гораздо прежде, нежели наложить на себя узы Гименея, послужили Пушкину предметомъ слѣдующей пародіи, на размѣръ одной изъ балладъ Жуковскаго, если не ошибаюсь, «Аббадоны»:

«Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ
«Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
«Тихо жили они, за квартиру платили немного,
«Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
«Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
«Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
«Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли),
«Шли и твердили шутя: какое въ россіянахъ чувство» *)...
. . . .

Въ концѣ января, къ большому удовольствію Александра Сергѣевича, состоялась въ нашемъ домѣ встрѣча его еще съ однимъ давнишнимъ пріятелемъ — эксъ-гетингенскимъ студентомъ, а впослѣдствіи царскосельскимъ гусаромъ, Пет-

*) Овдовѣвшая Софья Михайловна Дельвигъ вышла впослѣдствіи вторично замужъ за брата его друга, Сергѣя Абрамовича Баратынскаго.

ромъ Павловичемъ Каверинымъ, удалыя шалости котораго, подобно шалостямъ воспѣтаго поэтомъ-партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ «забіяки Бурцова»,—были извѣстны тогдашнимъ военнымъ кружкамъ. Не чуждый поэтическаго, отчасти и музыкальнаго таланта, веселый проказникъ, добрякъ, душа на распашку, на войнѣ же беззавѣтно храбрый воинъ, Каверинъ былъ очень любимъ товарищами, а Пушкинъ, всегда легко поддававшійся въ юности безотчетнымъ симпатіямъ, полюбилъ этого, какъ Ольга Сергѣевна выражалась, кутилу-мученика еще въ 1817 году, когда воспѣлъ свое сочувствіе къ его характеру и взгляду на жизнь:

«Забудь, любезный мой Каверинъ,
«Минутной рѣзвости нескромные стихи:
«Люблю я первый, будь увѣренъ,
«Твои счастливые грѣхи.
«Все чередой идетъ опредѣленной,
«Всему пора всему свой мигъ:
«Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
«Смѣшонъ и юноша степенный.
«Пока живется намъ—живи,
«Гуляй въ мое воспоминанье,
«Молись и Вакху, и любви,
«И черни презирай ревнивое роптанье:
«Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
«Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
«Что умъ высокій можно скрыть
«Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ».
. . . .

Къ Каверину же относится и слѣдующее четверостишіе дяди:

«Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ,
«На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
«Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
«И всюду онъ гусаръ».

Съ моимъ отцомъ Петръ Павловичъ Каверинъ сошелся еще въ 1826 году на холостой пирушкѣ офицеровъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, у эскадроннаго ихъ командира, моего

дяди Павла Ивановича Павлищева. Любили Петра Павловича и конные егеря. Пріѣхавъ же въ Петербургъ, въ январѣ 1830 г.—или изъ отпуска, или въ отпускъ—сказать не могу, Каверинъ сталъ ходить къ моему отцу почти ежедневно, и къ этому же времени относится слѣдующая забавная, но довольно дерзкая шутка Петра Павловича, разсказанная мнѣ матерью и случившаяся въ ея гостиной:

Одна изъ подругъ Ольги Сергѣевны, фамиліи не назову, рыжеволосая, перевалившая за четвертый десятокъ дѣвица, неравнодушная къ Каверину, пристала къ нему послѣ обѣда съ неотвязчивой просьбой написать ей тутъ же на память какіе-нибудь стихи.

Каверинъ, питавшій къ просительницѣ не особенно нѣжныя чувства, спрашиваетъ бумагу и располагается исполнить желаніе, а нетерпѣливая дѣвица становится къ нему такимъ образомъ, что заслоняетъ ему свѣтъ.

Каверинъ пишетъ:

«Сижу я въ компаньи,
«Никого не вижу,
«Только вижу дѣву рыжу,
«И ту ненавижу».

Написавъ комплиментъ, Петръ Павловичъ самъ спохватился и заблагоразсудилъ поправиться такъ:

— Это я вамъ, но все-таки не про васъ написалъ, а теперь напишу и вамъ и о васъ.

Затѣмъ, поцѣловавъ у обиженной руку, набросалъ ей тутъ же какую-то любезность.

— Шалунъ вы, и больше ничего, — отозвалась подруга Ольги Сергѣевны. — Правда я рыжая, но что меня ненавидите — не вѣрю. Вы никого ненавидѣть не можете, а меня право не за что.

Каверинъ разсыпался въ извиненіяхъ, и мировая была заключена.

. . . .

Дядя, — какъ я уже сказалъ, — подготовлялъ тогда статьи въ «Литературную газету», совѣщаясь о нихъ и съ редакторомъ ея Дельвигомъ, и съ ея сотрудникомъ Баратынскимъ, мѣткою эпиграммою котораго Пушкинъ, между прочимъ, подкрѣпилъ свою статью «о неблаговидности нападокъ на дворянство», противъ журналистовъ, которые попрекаютъ прочихъ литературныхъ дѣятелей дворянскимъ происхожденіемъ.

Другую замѣтку о романѣ «Юрій Милославскій» Загоскина, очень понравившемуся Пушкину, дядя прочелъ шутя Ольгѣ Сергѣевнѣ, говоря, что повелъ въ этой статьѣ рѣчь и о ней, разумѣя ее подъ мадамъ Campan.

— Хочу, однако, позолотить тебѣ пюлюлю, Ольга,—весело послѣ того обратился онъ къ сестрѣ. — Прочиталъ тебѣ рецензію, моя мадамъ Campan, а вотъ тебѣ и самая книжка.

И вручивъ присланный ему авторомъ романа экземпляръ, Пушкинъ сказалъ сестрѣ:

— Да будетъ эта прелесть твоей настольной книгой.

Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ «Юрія Милославскаго», считая его «однимъ изъ лучшихъ русскихъ романовъ», что̀ и сообщилъ Михаилу Николаевичу въ письмѣ отъ 11 января того же 1830 года.

Говоря сестрѣ о достиженіи Загоскинымъ намѣченной цѣли—окончанія продолжительнаго романа (de longue haleine) —дядя высказалъ ей по-французски свои мысли, и какъ она мнѣ передавала, приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

Je félicite Загоскинъ de coeur et d'âme: son but est atteint. Mais en est-il content? Croyez moi que chacun de nous—poêtes ou romanciers-c'est bien egal,—après avoir fini son ouvrage, devient fort triste, quand il euvoie un tendre «adieu» aux pesonnages, quoique crées par son imagination, mais avec lesquels il s'est identifié. Ainsi je me suis senti bien mal à mon aise, quand je me séparais de mon «Русланъ», de mon «Aleko,» même de mon «Нулинъ». Quand à mon «Онѣгинъ», auquel je suis en train de tirer aussi ma révérence—d'autant plus. Ou bien peut être c'est notre travail par lui même que nous regrettons?

Je n'en sais rien. Mais écoutez ce que j'ai ecrit, il y a quelques jours lá dessus».

(Поздравляю Загоскина отъ сердца и души; его цѣль достигнута, но доволенъ ли онъ этимъ? Вѣрь мнѣ: всякій изъ насъ поэтовъ или романтиковъ, все равно, съ окончаніемъ своего произведенія становится очень печальнымъ, посылая свое нѣжное «прости» лицамъ, хотя и созданнымъ воображеніемъ, но съ которыми онъ сроднился. Такъ и я почувствовалъ себя очень скверно, разлучаясь съ моими «Русланомъ», «Алеко», даже «Графомъ Нулинымъ». Что касается «Евгенія Онѣгина»,—ему тоже отвѣшиваю поклонъ—и того хуже. А можетъ быть намъ становится жаль труда самого по себѣ? Ничего не знаю; но выслушай, что написалъ на дняхъ по этому случаю).

И дядя прочелъ сестрѣ наизустъ:

«Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
«Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
«Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
«Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
«Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
«Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?»
. . . .

Пушкинъ, къ тому времени окончивъ и отдѣлавъ шестую, приступалъ къ восьмой главѣ «Онѣгина», но до мая того же года писалъ немного. Изъ числа же написаннаго показалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ стансы митрополиту Филарету, по случаю отповѣди сего послѣдняго на элегію: «Даръ напрасный, даръ случайный». Эти стансы, въ которыхъ Пушкинъ, выражая свою признательность московскому іерарху за высказанное поэту увѣщаніе, сознается въ заблужденіяхъ, оканчиваются прелестнымъ четверостишіемъ:

«Твоимъ огнемъ душа палима,
«Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
«И внемлетъ арфѣ Серафима
«Въ священномъ ужасѣ поэтъ».

Ольга Сергѣевна, прочитавъ эти стансы, замѣтила брату:

— Поздравляю тебя отъ души, и дай Богъ, чтобы ты чаще проникался такими христіанскими чувствами; тогда и самъ съ собою будешь ладить, и къ людямъ сдѣлаешься снисходительнѣе, да еще скажу лучше, коль скоро перестанешь задавать жёлчи работу злыми эпиграммами (послѣдняя твоя эпиграмма на Булгарина и повтореніе твоей юношеской насмѣшки на добрѣйшую Е. Н. П.—ву презлыя, воля твоя, выходки)— то и будешь себя чувствовать лучше. Вспомни-ка, что я тебѣ толковала? Эпиграммами и насмѣшками друзей себѣ не наживешь, а станешь въ противурѣчіе къ твоей исповѣди передъ Филаретомъ, который, сознаешь, смиряетъ поэта буйныя мечты силой кроткой и любовной.

— Стихи на Булгарина, правда, я написалъ недавно, а сатиру на поэтессу П., гренадера въ юбкѣ, очень давно.

— Стало быть, пора ихъ забыть, а не повторять, да еще при ней, когда она вчера ко мнѣ зашла. Благо глуха и не разслышала, какъ ты процѣдилъ эту пѣсню на нее сквозь зубы и поставилъ меня въ неловкое положеніе. Поневолѣ я должна была ей налгать, когда она меня спросила, чему смѣюсь.

Александръ Сергѣевичъ самъ тутъ разсмѣялся и повторилъ съ паѳосомъ эпиграмму:

«Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
«На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
«О! вижу я, пѣвица Эва,
«Хлопочешь ты о женихѣ»...
. . . .

Съ наступленіемъ февраля 1830 года душевное настроеніе дяди Александра, помимо приближающейся весны, которую, какъ извѣстно, онъ терпѣть не могъ, измѣнилось къ лучшему: Пушкинъ сдѣлался веселѣе и добрѣе.

XX.

О милый гость, святое «Прежде»,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать «живи» надеждѣ?
Скажу ль тому, что было «будь?»
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?...

В. А. Жуковскій.

Предлагая вниманію читателей продолженіе моей «Семейной Хроники», считаю необходимымъ заявить еще разъ, въ разъясненіе могущихъ возникнуть сомнѣній относительно достовѣрности сообщаемыхъ мною фактовъ или бесѣдъ, что изложеніе ихъ основано или на повѣствованіяхъ моихъ родителей — повѣствованіяхъ, занесенныхъ мною, съ ихъ же словъ, въ тетради личныхъ моихъ долголѣтнихъ воспоминаній, или же на хранящихся у меня письмахъ дѣда и бабки — Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны Пушкиныхъ, наконецъ, на письмахъ отца и матери моихъ—Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны Павлищевыхъ.

Отъ себя лично, я не прибавляю ни одного слова, въ особенности тамъ, гдѣ говорится о моемъ дядѣ, Александрѣ Сергѣевичѣ. Такимъ образомъ, на всѣ возраженія, которыя могутъ появиться на то, или другое мѣсто въ моей «Хроникѣ», заблаговременно отвѣчаю: «слышалъ отъ моихъ родителей или родственниковъ, или прочиталъ въ имѣющихся у меня письмахъ».

Приступая къ послѣдовательному изложенію событій въ семействахъ Пушкиныхъ и Павлищевыхъ, привожу дословно разсказъ моей матери о нравственномъ состояніи дяди Александра въ началѣ 1830 года, въ которомъ, весною, онъ сдѣлался женихомъ, а лѣтомъ и осенью проявилъ въ полномъ блескѣ поэтическій геній.

При этомъ считаю необходимымъ оговориться:

Покойная моя мать Ольга Сергѣевна употребляла въ бесѣдахъ со мною главнымъ образомъ французскій языкъ, а потому прибѣгая, для удобства читателей, къ русскому переводу многихъ мѣстъ воспоминаній, не могу ручаться за вполнѣ точную передачу характера подлинныхъ выраженій.

«1830 годъ,—говорила мать,—рѣшилъ судьбу Александра; я предчувствовала, что этотъ годъ послужитъ ему предвѣстникомъ къ семейному очагу (j'avais le pressentiment que l'année 1830 lui servira d'avant-coureur de son foyer domestique) Еще задолго до того времени меланхолическое, безпокойное настроеніе брата, его раздражительность, недовольство всѣмъ окружавшимъ, не разъ побуждали меня высказывать ему, что не добро человѣку единому быти, какъ говорится въ Священномъ Писаніи, но братъ всегда отвѣчалъ мнѣ, что семейное счастіе не его удѣлъ, что его ни одна женщина искренно не полюбитъ какъ мужа, а однажды выразилъ мнѣ довольно странную, почти суевѣрную идею (une idée assez étrange et quasi superstitieuse):

— Боюсь женитьбы, Ольга, болѣе огня: ни мой прадѣдъ (Александръ Петровичъ Пушкинъ *), ни дѣдъ (Левъ Александровичъ) съ своей первой женой **), ни прадѣдъ съ материнской стороны — этотъ негръ ***) — настоящій Отелло, — наконецъ, ни жена его гуляки-сына — добрѣйшая наша бабка Марья Алексѣевна — счастливы не были. Женитьба обоихъ Ганнибаловъ повела къ разводамъ, женитьба бѣднаго дяди Василія Львовича ****)—къ насмѣшкамъ, а брачныя узы прадѣда Пушкина и дѣда Льва *****) — къ кровавой развязкѣ.

---

*) Женатъ былъ на графинѣ Головиной.

**) Рожденной Воейковой.

***) Ибрагимъ Петровичъ первую жену свою, родомъ гречанку, упекъ въ монастырь.

****) Женатъ былъ на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславской: она отъ него убѣжала по своему капризу.

*****) Въ родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ дядя между прочимъ пишетъ:

Видно греческій Гименей и славянское «Ладо» не особенно долюбливають Пушкиныхъ и Ганнибаловъ. За что же они меня-то полюбятъ? (Je crains le mariage autant que le feu; ni mon bisaïeul Ponchkine, ni mon aïeul avec sa première femme, ni mon autre bisaïeul—nègre et Othello dans toute l'acception du mot—finalement, ni notre excellente grand'mère—femme de son mauvais sujet de fils,—étaient bien loin d'être heureux. Le mariage des deux Hannibals n'aboutirent qu' à des divorces, les épousailles du pauvre Василій Львовичъ—au ridicule, et à la fin des fins, les noeuds matrimoniaux du bisaïeul Pouchkine et de son fils—aux dénouements sanglants. Apparemment l'Hyménée des grecs et le «Lado» de nos ancêtres slaves ne favorisent ni les Pouchkines, ni les Hannibals. Pourquoi donc m'honoreraient ils de leur grâce particulière?)

«На мой отвѣтъ, что доводы брата построены на пескѣ, онъ замѣтилъ:

— «Уступаю тебѣ, такъ и быть, нашихъ стариковъ, но мало ли что и ихъ ожидаетъ?

(Je te céde nos vieux—ainsi soit-il,—mais on ne peut jurer de rien. Qui sait, ce qu' il les attend encore?)

— «На старости-то лѣтъ?—Будь покоенъ, не поссорятся, и подавно (à plus forte raison) не разойдутся. Вотъ, что называется сказалъ, — и я разсмѣялась.

— «Да я не въ томъ смыслѣ, а вообще говорю о несчастіяхъ...

— «Которыя могутъ случиться съ женатыми и неженатыми, — перебила я, продолжая смѣяться.

«Братъ на это грустно улыбнулся и хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но, продолжая бесѣду на затронутый вопросъ, я высказалась ему приблизительно такъ:

«Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ умеръ весьма молодъ въ припадкѣ сумасшествія, зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ... Первая жена моего дѣда (Льва Александровича), урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ».

— «Тебѣ, Александръ, въ маѣ стукнетъ ровно тридцать лѣтъ, всѣ твои сверстники переженились; остался холостымъ одинъ Соболевскій, да и то помимо воли, а что его за жизнь? Счастіе не въ богатствѣ, не во вкусныхъ обѣдахъ и сигарахъ, не въ безцѣльныхъ визитахъ, не во временныхъ привязанностяхъ, что̀ и самъ сознаешь въ твоей элегіи: «Не спрашивай зачѣмъ унылой думой», говоря, что «отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья останется уныніе одно»?..

— «А время идетъ,—продолжала я.—Жалуешься давно на безпредметную, по твоему мнѣнію, тоску, а по моему — на тоску одиночества. Не уничтожатъ ея ни образы, создаваемые твоимъ поэтическимъ воображеніемъ, неосязаемые, однако, тобою, (les objets de votre imagination poètique, qui sont, du reste, impalpables pour vous), ни бесѣды съ друзьями, которыхъ посѣщаешь, чтобы разгонять тоску. Возвращаешься къ себѣ въ Демутову гостиницу — кто тебя встрѣчаетъ, кромѣ заспанныхъ, безсердечныхъ наемниковъ, съ кѣмъ обмѣниваешься живымъ словомъ, дѣлишься впечатлѣніями? а Боже тебя сохрани — заболѣешь, кто отнесется тогда сочувственно къ твоимъ страданіямъ? (qui prendra à coeur tes souffrances?) Ужасно! (Mais c'est horrible!) Примѣръ не далеко: почему на дняхъ умеръ богачъ-холостякъ В—ій? Потому, что никого при немъ не было, кромѣ двухъ мошенниковъ-лакеевъ. Разсчитывали они, когда умретъ, завладѣть всѣмъ, ни къ доктору, ни въ аптеку ноги не поставили, а баринъ, находясь въ безпамятствѣ, не имѣлъ силъ приказать имъ это сдѣлать. Вѣрь, Александръ, истиннымъ другомъ можетъ быть одна лишь любящая жена, неразлучная съ тобою, образованная, взгляды на жизнь которой не пойдутъ съ твоими въ разрѣзъ, а достоинства характера искупятъ недостатки твоего, и наоборотъ. Тогда сдѣлаются невозможными взаимное недовѣріе, ревность, унизительныя, можно сказать, подлыя супружескія сцены, и будетъ вамъ обоимъ тепло на свѣтѣ.

«Братъ на это возразилъ:

— «Все это хорошо и прекрасно, но спутницу, которую рисуешь мнѣ, найти мудрено, а вѣрнѣе прогуливаться одному,

чѣмъ съ плохимъ провожатымъ. (Tout ceci est bel et bon, mais il me serait bien difficile de trouvir une compagne telle que tu me la dessines, et en tout cas il vaut mieux se promener seul, que mal accompagné).

«Однако въ душѣ братъ со мной былъ совершенно согласенъ, что, мѣсяца черезъ три, и доказалъ на дѣлѣ. О созрѣвавшемъ тогда въ головѣ его планѣ предложить рѣшительно son coeur et sa fortune Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой братъ мнѣ, Богъ знаетъ почему, не проронилъ ни полслова, а если бы поступилъ со мною иначе, то я, слышавъ о семействѣ Гончаровыхъ много хорошаго, обрадовалась бы отъ души. Между тѣмъ, вовсе ничего не предполагая, я уже, по инстинкту, стала подозрѣвать, что Александръ принялъ мои совѣты къ свѣдѣнію и руководству, когда очень скоро послѣ того онъ явился не въ примѣръ веселѣе, на скуку не жаловался и, не ругая больше журнальныхъ антагонистовъ, хохоталъ только надъ своей недавно написанной на одного изъ нихъ эпиграммой, которую и прочиталъ мнѣ два раза сряду:

«Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
«—А сколько лѣтъ ему»? вопросъ.
«—Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»
«За симъ принесъ семинаристъ
«Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
«И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
«Кусая губы, первый листъ.
«Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
«Сердито Фебъ его прервалъ,
«И тотчасъ взрослаго болвана
«Поставить въ палки приказалъ».

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, я встрѣтила Александра у моихъ стариковъ. Онъ шутилъ, смѣялся, и прекрасное расположеніе духа не покидало брата до самаго отъѣзда въ мартѣ въ Москву, гдѣ и рѣшился вопросъ о его женитьбѣ.

«И Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна очень удивлялись веселости брата, но разспрашивать его, какъ что, почему—находили совсѣмъ не нужнымъ; не добились бы толку, отлично зная, что братъ считалъ своихъ родителей не особенно крѣпкими на языкъ, точно такъ же, какъ и Льва Сергѣевича, почему никогда и не пускался съ ними ни въ какіе интимные разговоры. Не говоря и даже не намекая брату о моихъ догадкахъ, я ихъ высказала сперва Соболевскому, а потомъ и Петру Александровичу Плетневу, въ увѣренности, что если Александръ выберетъ себѣ наперсниковъ, то непремѣнно одного изъ этихъ двухъ господъ; однако ошиблась въ разсчетѣ, и отъѣхала ни съ чѣмъ: Соболевскій, по своей привычкѣ, отдѣлался экспромптомъ.

«Что помышляютъ ваши братья,
«Въ моей башкѣ не могъ собрать я»,

а Плетневъ, улыбнувшись, прищурилъ глазъ, и прищурилъ—какъ мнѣ показалось—такъ многозначительно, что я къ нему пристала съ вопросами, не затѣваетъ ли Александръ чего-нибудь особеннаго. Петръ Александровичъ уклонился удовлетворить мое любопытство, и тоже отдѣлался фразой: «какъ же могу знать? Вашъ братъ мнѣ ничего не говорилъ; онъ скорѣе сказалъ бы вамъ, зная вашу скромность, а еслибы сообщилъ мнѣ мимо васъ задушевный секретъ, то будьте увѣрены, я не выдалъ бы и вамъ ввѣренной тайны».

На повѣрку Петръ Александровичъ былъ совершенно чуждъ «тайны», но мать сильно его подозрѣвала, такъ какъ братъ часто сообщалъ Плетневу многое, что лежало у него на сердцѣ, вполнѣ разсчитывая на неоднократно испытанную скромность преданнаго ему друга.

Мать никакъ не понимала, почему дядя, въ бесѣдѣ съ нею осенью 1829 года, по возвращеніи въ Петербургъ изъ турецкаго похода, доказывалъ ей такъ энергически необходимость остаться холостымъ, а, между тѣмъ скрылъ отъ Ольги Сергѣевны, какъ онъ заѣхалъ на перепутьѣ въ Москву и сдѣ-

далъ чрезъ графа Ѳ. И. Толстаго *)—знакомаго Гончаровыхъ—первое предложеніе Натальѣ Николаевнѣ, отклоненное тогда будущей его тещей. Поздравивъ же брата женихомъ при свиданіи съ нимъ лѣтомъ въ Михайловскомъ, Ольга Сергѣевна попрекнула дядю слѣдующимъ образомъ:

— Я, милый другъ, ничуть не обижаюсь, что ты не видѣлъ надобности быть со мной вполнѣ откровеннымъ, но спрашиваю, чтó у тебя была за цѣль скрытничать передъ мной, единственной твоей сестрой, и скрытничать до такой степени, что ты почти передо мною клялся оставаться холостякомъ. Это очень, очень дурно съ твоей стороны.

— Но, Боже мой,—возразилъ дядя,—у меня были на то свои причины. Если я не разглашалъ кому-либо о моемъ предложеніи, значитъ, считалъ все это дѣло не состоя́вшимся; что же касается моего съ тобой разговора, то и въ немъ не погрѣшилъ недостаткомъ чистосердечія: я былъ какъ нельзя болѣе увѣренъ, что дѣйствительно супружеское счастіе не для меня. (Mais, grand Dieu, j'avais mes rai sons. Si je n'ai pas divulgué à qui que ce soit la nouvelle de ma premiere proposition, c'est que je considérais toute cette affaire comme non avenue; et à ce qui concerne ma conversation avec vous d'autrefois, je ne manquais nullement de franchise, étant on ne peut plus persuadé, qu'effectivement le bonheur conjugal n'est pas mon fait).

Отвѣтъ Пушкина сестрѣ своей былъ искрененъ: онъ, дѣйствительно, ни по возвращеніи въ Петербургъ осенью 1829 года, ни въ началѣ 1830 года, не предполагалъ возобновить предложеніе вскорѣ; напротивъ того: говоря сестрѣ, что желаетъ посѣтить Китай при отправлявшейся туда миссіи, Пушкинъ ходатайствовалъ у Нессельроде опредѣлить его чиновникомъ означеннаго посольства, а 7 января 1830 года писалъ

*) Прозванъ американцемъ. Ольга Сергѣевна отзывалась о немъ, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ по своей жестокости, не одинъ примѣръ которой мнѣ разсказывала. Л. П.

Александру Христофоровичу Бенкендорфу между прочимъ слѣдующее:

«Генералъ! явившись къ вашему превосходительству и не заставъ васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ»...

Я уже говорилъ раньше, что затѣянная дядей поѣздка въ край дальнаго Востока осталась однимъ лишь pium desiderium.

Какъ бы то ни было, Пушкинъ—что̀ предчувствовала Ольга Сергѣевна,—рѣшилъ, въ февралѣ 1830 года положительно покончить съ холостой жизнію, поѣхать въ Москву и возобновить сдѣланное уже предложеніе; но свое намѣреніе держалъ въ самомъ строгомъ секретѣ, и уѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ марта, никого не спрашивая; на требованіе же шефомъ жандармовъ *) объясненія, почему Александръ Сергѣевичъ не просилъ отпуска у кого слѣдуетъ, Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, «что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено было жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не спрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія и что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его,—поѣздки въ Эрзерумъ,—за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства» (См. письма Пушкина къ Бенкендорфу, т. VIII, изд. Суворина 1887 г).

За два, или за три дня до отъѣзда, Александръ Сергѣевичъ посѣтилъ домъ моихъ родителей и, встрѣтивъ тамъ обычныхъ гостей—Льва Сергѣевича, Соболевскаго и Плетнева съ супругой Степанидой Александровной **), не заикнулся о пред-

---

*) Подъ секретнымъ надзоромъ Бенкендорфа дядя находился съ 1828 года.

**) Рожденной Раевской. Во второй же разъ Плетневъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Васильевнѣ Щетининой.

принимаемомъ путешествіи, а разговаривалъ преимущественно съ Плетневымъ, жалуясь на Бенкендорфа, задерживавшаго разрѣшеніе къ печати «Бориса Годунова», изданіе котораго дядя возлагалъ на Петра Александровича *).

Дождавшись отъѣзда гостей, дядя сообщилъ Николаю Ивановичу и Ольгѣ Сергѣевнѣ, что на дняхъ собирается въ Москву на очень короткое время по своимъ литературнымъ дѣламъ, просилъ сестру не разглашать объ этомъ, въ особенности «старикамъ»—такъ называлъ онъ родителей,—на что—прибавилъ онъ,—имѣетъ свои причины.

Тутъ Ольга Сергѣевна поставила брату вопросъ, точно ли онъ ѣдетъ по литературнымъ дѣламъ?

Дядя разсердился:

— Если тебѣ не сообщаю почему ѣду,—сказалъ онъ,—то или не хочу, или не могу. (Si je ne vous dis pas pourquoi je pars, c'ets que je ne le peux pas, ou bien je ne le veux pas).

Уходя же, онъ просилъ моего отца, если тотъ встрѣтитъ Булгарина, заявить, что послѣднихъ статей и нападокъ «Сѣверной Пчелы» Александръ Сергѣевичъ ему не спуститъ **), а желаніе Булгарина насолить дядѣ въ кабинетѣ своего Мецената, онъ не сегодня - завтра предупредитъ письмомъ того же Бенкендорфа ***).

---

*) Разрѣшеніе послѣдовало въ апрѣлѣ, а трагедія вышла изъ печати въ декабрѣ того же года.

**) Почтенный нашъ академикъ М. И. Сухомлиновъ въ интересной своей статьѣ «Полемическія статьи Пушкина», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (мартъ 1884 года), излагаетъ подробно возникшую въ началѣ 1830 года распрю Булгарина съ моимъ дядей, по поводу напечатаннаго барономъ Дельвигомъ въ «Литературной газетѣ» разбора романа Булгарина «Дмитрій Самозванецъ»; Булгаринъ, приписывая разборъ Пушкину, придрался сначала къ VII главѣ «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ пустилъ противъ Пушкина статью, подъ видомъ «анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала». По всей вѣроятности дядя въ разговорѣ съ отцомъ и разумѣлъ эти именно статьи.

***) Письмо Пушкина къ Бенкендорфу о Булгаринѣ отъ 24 марта 1830 г. напечатано на стр. 574, VIII т. Сув. изд., а также и въ статьѣ М. И. Сухомлинова.

Исполнить просьбу дяди отцу моему не довелось: онъ съ Булгаринымъ не встрѣтился. Но съ нимъ встрѣтилась Ольга Сергѣевна, гдѣ именно—не помню. Булгаринъ, между прочимъ, весьма учтивый и обходительный кавалеръ, сталъ Ольгѣ Сергѣевнѣ «ротитися и клятися», что не онъ зачинщикъ ссоры, а ея братъ, который сталъ его, Булгарина, преслѣдовать до такой степени, что онъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, пролежалъ съ горя послѣднее время въ кровати, слѣдовательно Александръ Сергѣевичъ, сдѣлавъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка больнымъ, посягнулъ въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ самымъ и на его земное бытіе. Если же пострадавшій отъ злыхъ Пушкинскихъ эпиграммъ и выступалъ печатно противъ ихъ автора съ критикой поэмы послѣдняго, то отнюдь не какъ врагъ, а какъ «пуристъ», для котораго правильность оборотовъ русскаго языка, ясное изложеніе мыслей — въ стихахъ ли, въ прозѣ ли — дѣло святое; мысль же задѣвать Пушкина не въ качествѣ поэта, а въ качествѣ человѣка, Булгаринъ-де въ христіанской своей душѣ не питалъ, тѣмъ болѣе не грозился ставить Пушкину баррикадъ у «безцѣннаго своего благодѣтеля Александра Христофоровича Бенкендорфа».

Кстати:

Булгаринъ, не чаявшій души въ Бенкендорфѣ, почувствовалъ впослѣдствіи какую-то нѣжность къ Леонтію Васильевичу Дубельту, которому сообщалъ всѣ свои взгляды словесно и письменно, называя его «отцомъ и командиромъ». Въ 1853 году я видѣлъ у сына генерала Дубельта Михаила Леонтьевича, женившагося тогда на младшей дочери моего дяди поэта, Натальѣ Александровнѣ, большой бюстъ Леонтія Васильевича, украшенный слѣдующею надписью:

«Быть можетъ онъ не всѣмъ угоденъ
«Вѣдь это общій нашъ удѣлъ,
«Но честенъ, добръ онъ, благороденъ,
«Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ!»

«Ѳ. Булгаринъ».

Ольга Сергѣевна, впрочемъ, всегда отдавала Булгарину справедливость, какъ очень ловкому журнальному дѣятелю.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Итакъ, о намѣреніи Пушкина уѣхать въ Москву никто, кромѣ моихъ родителей, не зналъ, причемъ Ольга Сергѣевна, отъ которой братъ ея ничего до тѣхъ поръ не скрывалъ, очень удивлялась, что онъ утаилъ отъ нея цѣль путешествія, между тѣмъ какъ могъ убѣдиться изъ предшествовавшихъ поѣздкѣ разговоровъ съ нею въ искренности ея пожеланій семейнаго счастія.

Покойный издатель сочиненій дяди, П. В. Анненковъ, въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича» сообщаетъ разсказъ о сдѣланномъ Пушкинымъ предложеніи семейству Натальи Николаевны, 21-го апрѣля 1830 г., въ самый день Пасхи,—разсказъ вполнѣ согласный и со словами Ольги Сергѣевны.

Упоминая объ этомъ событіи, рѣшившемъ дальнѣйшую судьбу поэта, Анненковъ говоритъ, что «Пушкинъ до предложенія уже писалъ къ своему семейству въ Петербургъ, прося благословенія и что Сергѣй Львовичъ отвѣчалъ сыну 16-го апрѣля 1830 года письмомъ, выражавшимъ его живую радость». Затѣмъ отвѣтъ Сергѣя Львовича сообщается П. В. Анненковымъ въ одномъ лишь французскомъ текстѣ.

Очень жаль, что подлинное письмо дяди,—какъ говорила мнѣ мать, — затеряно дѣдомъ, подобно многимъ другимъ посланіямъ Александра Сергѣевича, а потому и не могло быть напечатано ни въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій пушкинскихъ сочиненій.

Описывать радость Ольги Сергѣевны, — дядя писалъ ей уже послѣ своей помолвки въ концѣ апрѣля,—считаю излишнимъ. Моя мать видѣла въ женитьбѣ брата на добрѣйшей Натальѣ Николаевнѣ залогъ его счастія.

По разсказу Ольги Сергѣевны, родители невѣсты—Николай Аѳанасьевичъ и Наталья Ивановна Гончаровы — дали всѣмъ

своимъ дѣтямъ прекрасное домашнее образованіе, а главное, воспитывали ихъ въ страхѣ Божіемъ, причемъ держали трехъ дочерей непомѣрно строго, руководствуясь относительно ихъ правиломъ: «Въ ваши лѣта не смѣть сужденіе имѣть». Наталья Ивановна наблюдала тщательно, чтобы дочери, изъ которыхъ Натальѣ Николаевнѣ, родившейся въ роковой день Бородинской битвы, минуло 26-го августа 1829 года 17 лѣтъ, никогда не подавали и не возвышали голоса, не пускались съ посѣтителями ни въ какія серьезныя разсужденія, а когда заговорятъ старшіе—молчали бы и слушали, считая высказываемыя этими старшими мнѣнія непреложными истинами. Дѣвицы Гончаровы должны были вставать едва ли не съ восходомъ солнца, ложиться спать, даже если у родителей случались гости, не позже десяти часовъ вечера, являться всякое воскресенье непремѣнно къ обѣднѣ, а наканунѣ большихъ или малыхъ праздниковъ слушать всенощную, если не въ церкви, то въ устроенной Натальей Ивановной у себя особой молельнѣ, куда и приглашался отправлять богослуженіе священникъ мѣстнаго прихода. Чтеніе книгъ съ мало-мальски романическимъ пошибомъ исключалось изъ воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что бо̀льшая часть произведеній будущаго мужа Натальи Николаевны, сдѣлавшихся въ 1830 году достояніемъ всей Россіи, оставалась для его суженой неизвѣстною.

Наталья Ивановна, отвѣчая уклончиво на первое предложеніе Пушкина и отдѣлываясь обычными: «Наташа еще молода, подождемъ, да посмотримъ», едва ли, въ сущности, не разсчитывала на партію, болѣе соотвѣтственную ея собственнымъ видамъ; она едва ли желала связать судьбу 17-тилѣтней дочери съ судьбою тридцатилѣтняго поэта, находившагося,—это она знала,—подъ тайнымъ присмотромъ Бенкендорфа, и выдать дочь за человѣка, въ глазахъ котораго было, по ея мнѣнію, мало чего «святаго». Это послѣднее заключеніе Наталья Ивановна выводила изъ неоднократныхъ разговоровъ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Пушкинъ, далеко тогда не принадлежа къ послѣдователямъ философовъ минувшаго вѣ-

ка, не скрывалъ однако отъ будущей тещи несочувствіе къ ея фанатическимъ, такъ-сказать, ультрамонтанскимъ взглядамъ и религіозной нетерпимости.

Подобные разговоры между Александромъ Сергѣевичемъ и Натальей Ивановной влекли часто за собою, если не положительныя размолвки, то довольно непріятный обмѣнъ словъ, далеко не содѣйствовавшій ихъ гармоніи между собою.

Дядя, сообразивъ, что особеннаго содѣйствія къ успѣху его намѣренія ждать отъ Натальи Ивановны нечего, и плохо надѣясь на главное,—а именно на искреннее согласіе ея дочери сдѣлаться его супругой,—вѣроятно, по этимъ именно причинамъ и держалъ въ секретѣ отъ родныхъ и друзей первое свое предложеніе, чѣмъ покойная моя мать и объясняла мнѣ какъ молчаніе передъ нею дяди, такъ и послѣдніе разговоры о женитьбѣ, часть которыхъ я уже сообщилъ читателямъ.

Въ подкрѣпленіе всего разсказаннаго мною выше, со словъ покойной Ольги Сергѣевны, нахожу не лишнимъ привести слѣдующее мѣсто изъ письма дяди къ своей будущей тещѣ *), вскорѣ послѣ неудовлетворительнаго перваго отвѣта Натальи Ивановны; въ письмѣ къ тещѣ Пушкинъ довольно тонко, между прочимъ, намекаетъ и на то, что онъ не замедлилъ ее раскусить, говоря, что его счастію могутъ помѣшать посторонніе вліянія на ея дочь, въ сочувствіи которой Пушкинъ тогда очень сомнѣвался.

Вотъ это мѣсто письма: «Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея. Такія внушенія, еслибы даже

*) См. изданіе Суворина, т. VIII, стр. 365.

они и не были искренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее, но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа—мысль эта—адъ».

Далѣе честная и любящая душа поэта высказывается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ того же письма:

«Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она вправѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнію, вполнѣ свободною и прихотливою. Но во всякомъ случаѣ, не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно, какъ ей подобаетъ и какъ бы я желалъ?

«Таковы мои отчасти опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными...»

Несогласія между зятьями и тещами вообще, по убѣжденію русскаго народа, явленіе заурядное, — явленіе почти такое же, какъ вражда между мачихами и пасынками, да падчерицами. Сложившіяся по этому предмету народныя поговорки нашли себѣ оправданіе и въ отношеніяхъ Натальи Ивановны къ Александру Сергѣевичу.

Основываясь, опять-таки повторяю, на разсказѣ матери, привожу сказанную ей моимъ дядей фразу, когда онъ, будучи женихомъ, заѣзжалъ въ концѣ іюля на нѣсколько дней въ Михайловское, гдѣ поселилась мѣсяца на три Ольга Сергѣевна (Николай Ивановичъ оставался въ Петербургѣ).

— Je vous avoue, Olga, en toute franchise, que je ne me trouve pas dans les bonnes grâces de ma future belle-mère; tôt ou tard elle me donnera du fil à retordre. (Признаюсь тебѣ, Ольга, со всей откровенностью, что будущая моя теща не благоволитъ ко мнѣ; рано ли, поздно ли надѣлаетъ мнѣ хлопотъ).

И дѣйствительно, дядя оказался, если не пророкомъ, то угадчикомъ: въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы, какъ говорила мнѣ мать, Наталья Ивановна постоянно огорчала Александра Сергѣевича, наговаривая на него молодой женѣ. Наговоры эти въ концѣ-концовъ вывели Пушкина окончательно изъ терпѣнья, и, опасаясь ихъ послѣдствій, новобрачные сократили свое пребываніе въ Москвѣ, въ которой однако и безъ того засидѣлись довольно долго послѣ свадьбы. Разсказавъ и тогда о своихъ непріятностяхъ сестрѣ, Пушкинъ напомнилъ ей вышеприведенную свою французскую фразу.

И это переданное моей матерью свѣдѣніе о неудовольствіяхъ между тещею и зятемъ я долженъ, для сомнѣвающихся въ правдивости моего разсказа, подкрѣпить выдержкою изъ слѣдующаго письма Пушкина къ Натальѣ Ивановнѣ *):

«Я былъ вынужденъ,—пишетъ онъ,—оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя, въ концѣ-концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены—подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ 18 лѣтъ управлять мущиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить».

Жалуясь на свои отношенія къ будущей тещѣ, дядя Александръ говорилъ сестрѣ въ присутствіи Николая Ивановича (на скромность его Пушкинъ вполнѣ разсчитывалъ), что и въ Москвѣ нашлись «люди добрые», которые постарались заблаговременно изобразить его Натальѣ Ивановнѣ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ опаснаго вольнодумца и самаго развратнаго гуляку. Эти подпольныя клеветы повели отчасти къ

*) См. изд. Суворина, т. VIII, стр. 367.

первому уклончивому отвѣту Натальи Ивановны на предложеніе дяди лѣтомъ 1829 года.

Догадываясь о причинахъ отказа, Пушкинъ счелъ его тяжкой обидой и на другой же день послѣ неудачи уѣхалъ на Кавказъ, не смотря на просьбы пріятеля, Павла Воиновича Нащокина, погостить въ бѣлокаменной подольше.

Принявъ же второе предложеніе Пушкина, 21-го апрѣля 1830 года, будущая теща въ то же время не упускала изъ вида и прошлогоднихъ толковъ, подкрѣплявшихся, повидимому, спорными бесѣдами съ женихомъ.

Сообщивъ все это Ольгѣ Сергѣевнѣ въ Михайловскомъ, братъ ея выразился, что Наталья Ивановна часто принимала его далеко не радушно (elle me recevait bien souvent comme l'emblême de la fidélité dans un jeu de quilles), заводила съ нимъ ссоры ни за что ни про что (des querelles d'allemand), и подъ разными пустяшными предлогами отложила тогда свадьбу до сентября, затѣмъ, какъ извѣстно, до февраля слѣдующаго года, а дѣдъ невѣсты, Аѳанасій Николаевичъ, бомбардировалъ Александра Сергѣевича разными скучнѣйшими порученіями по своимъ денежнымъ дѣламъ и ходатайствамъ *).

Впрочемъ, Пушкинъ сообщилъ свои непріятности только моей матери и Петру Александровичу Плетневу, не промолвивъ ни Сергѣю Львовичу, ни Надеждѣ Осиповнѣ. Въ концѣ же августа, будучи огорчаемъ образомъ дѣйствій Натальи Ивановны и сомнѣваясь въ успѣхѣ, дядя Александръ сообщаетъ письменно невѣстѣ, Натальѣ Николаевнѣ, слѣдующія мысли **):

«Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подъ всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ на столько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно

*) О денежной субсидіи писчебумажной фабрикѣ при селѣ «Полотняный Заводъ» Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Въ 1830 году отецъ невѣсты Пушкина, Николай Аѳанасьевичъ былъ очень боленъ, почему дѣдъ ея Аѳанасій Николаевичъ и былъ настоящимъ главою семейста Л. П.

**) См. Т. VIII, изд. Суворина, соч. Пушкина, стр. 378.

было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастія. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ или никогда не жениться».

Коснувшись переданныхъ мнѣ матерью свѣдѣній о размолвкахъ Пушкина съ будущей тещей, я поневолѣ отступилъ нѣсколько отъ послѣдовательнаго изложенія, къ которому и возвращаюсь.

Какъ посмотрѣла Надежда Осиповна на извѣстіе о помолвкѣ сына — сказать не могу, такъ какъ ничего не слышалъ объ этомъ отъ моей матери. Знаю только, что мой дѣдъ, получивъ отъ Александра Сергѣевича окончательное письменное извѣщеніе о томъ, что онъ сдѣлался женихомъ, былъ внѣ себя отъ радости и сію же минуту поскакалъ къ дочери сообщить, подъ строжайшимъ однако секретомъ, отрадную вѣсть, и позвать ее къ себѣ на семейный обѣдъ; но въ то же время, опасаясь нахлобучекъ Надежды Осиповны, огорчилъ какъ нельзя болѣе мою мать, обойдя приглашеніемъ Николая Ивановича. Кромѣ дочери, Сергѣй Львовичъ пригласилъ находившагося тогда въ Петербургѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго, умолчавъ ему однако о причинѣ экстренной трапезѣ; на обѣдъ явился и дядя Левъ, сопровождаемый своимъ другомъ Соболевскимъ. Оба они тоже еще ничего не знали.

Въ концѣ обѣда торжествующій хозяинъ приказываетъ раскупорить вторую сверхштатную бутылку шампанскаго и, возвысивъ голосъ, читаетъ письмо сына. Принимая поздравленія и пожеланія и обнимая гостей, нервный хозяинъ плакалъ и смѣялся...

XXI.

Весною 1830 года положеніе моего отца было незавиднымъ и въ экономическомъ и въ служебномъ отношеніи. Не получая изъ обѣщанныхъ тестемъ средствъ ни копѣйки, онъ, кромѣ весьма ограниченнаго жалованья въ качествѣ чиновника иностранной коллегіи, не имѣлъ никакихъ постоянныхъ ис-

точниковъ дохода; литературные труды не представляли ему вѣрнаго обезпеченія, не смотря на довольно значительный спросъ переведенныхъ имъ романовъ; окончены были также его командировки въ слѣдственную коммиссію надъ польскими мятежниками, и въ архивъ главнаго штаба для пересмотра документовъ по турецкимъ войнамъ; затѣмъ впереди не предстояло никакихъ шансовъ выпутаться изъ финансовыхъ незвгодъ, почему Соболевскій и совѣтывалъ ему хлопотать о должности консула въ Греціи, но, какъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моей хроники, старанія не увѣнчались успѣхомъ. Вмѣсто ожидаемаго, отецъ получилъ должность столоначальника по турецкимъ дѣламъ въ азіатскомъ департаментѣ, а затѣмъ должность завѣдующаго библіотекой того же департамента.

Но онъ, не унывая, работалъ изо всѣхъ силъ: продолжая сотрудничество въ газетѣ Дельвига, занимался переводами, и не смотря на всѣ разочарованія, подготовлялся къ дипломатической дѣятельности, тщательно изучая языки—новогреческій, турецкій и персидскій.

Мать моя опасалась, подобно мужу, денежныхъ долговъ хуже огня; а потому весной того же года рѣшилась, безъ дальнихъ околичностей, заявить Сергѣю Львовичу, что коль скоро онъ не можетъ облегчить положеніе ея и зятя, то дозволилъ бы ей провести лѣто въ Михайловскомъ. Дѣдъ согласился, и въ іюнѣ Ольга Сергѣевна туда уѣхала. Отецъ же, оставаясь на городской квартирѣ, отдалъ двѣ комнаты въ наймы одному изъ товарищей по службѣ.

Здоровье матери, во время пребыванія ея въ Михайловскомъ, значительно поправилось, а общество ея сосѣдей — Вульфовъ и Ганнибаловъ, было ей какъ нельзя болѣе пріятно.

Къ этому же времени относятся письма къ ней дѣда и бабки изъ Петербурга, откуда они выѣхали въ деревню позже. Привожу въ переводѣ на русскій языкъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится главнымъ образомъ о Пушкинѣ.

Въ письмѣ отъ 19-го іюля бабка сообщаетъ:

«Александра здѣсь еще нѣтъ, а госпожа Малиновская, прі-

ѣхавшая вчера изъ Москвы, сказала мнѣ, что онъ очень озабоченъ; впрочемъ, его надо ожидать съ минуты на митуту; онъ долженъ былъ отправиться послѣ отъѣзда госпожи Гончаровой въ Ростовъ. Левъ ѣдетъ завтра утромъ, и мы провожаемъ его до Царскаго Села, гдѣ находится теперь и Алексѣй Ѳедоровичъ».

«Надѣюсь, милая Ольга», пишетъ между прочимъ 22-го іюля Надежда Осиповна, «что деревенскій воздухъ тебѣ благопріятенъ, а твое здоровье возстановится совершенно. Александръ наконецъ съ нами. Пріѣхалъ онъ въ прошлую субботу—въ тотъ самый день, въ который я отправила на почту мое письмо къ тебѣ. Проведя цѣлый день вмѣстѣ, мы простились со Львомъ. Нашъ храбрый капитанъ уѣхалъ въ воскресенье; провожали мы его до Царскаго, возвратились сегодня ночью и начинаемъ уже готовиться къ отъѣзду. Съ нетерпѣніемъ ожидаю мгновенія обнять тебя».

«Свадьба не состоится раньше сентября; говорить объ этотъ съ Александромъ я почти не имѣла времени: у насъ были за обѣдомъ гости, днемъ принуждена была выйти изъ дома съ княгиней Трубецкой, а вечеромъ Александръ ушелъ къ себѣ отдыхать. Онъ очарованъ своей Наташей и видитъ въ ней божество. Въ октябрѣ располагаетъ пріѣхать съ нею въ Петербургъ. Александръ очень радъ, что ты въ деревнѣ, надѣясь, что это принесетъ тебѣ большую пользу, а Михайловскій воздухъ разсѣетъ черныя мысли. Вообрази, онъ совершилъ лѣтомъ сантиментальное путешествіе въ Захарово; отправился туда одинъ, лишь бы увидѣть мѣсто, гдѣ провелъ нѣсколько годовъ своего дѣтства. Разсказывалъ онъ объ имѣніи старика Гончарова, которое можно назвать великолѣпнымъ. Гончаровъ предоставляетъ своей внучкѣ Натальѣ Николаевнѣ триста душъ въ Нижнемъ, а мать — двѣсти душъ въ Яропольцахъ. Малиновскіе отзываются о семействѣ Гончаровыхъ, какъ нельзя лучше, а по ихъ словамъ, Наталья Николаевна—ангелъ. Поручаю тебѣ передать обо всемъ этомъ Прасковьѣ Александровнѣ *), будучи убѣжденной въ ея участіи. Не пишу ей

*) Осиповой.

сегодня, въ надеждѣ скоро съ ней увидѣться. Прощай, милая Ольга, здѣсь мнѣ тебя не достаетъ, и пріѣду въ Михайловское тебя увидѣть. Трубецкіе, Талызины кланяются, а Леонъ, уѣзжая, поручилъ мнѣ очень нѣжно тебя обнять».

«Александръ пріѣхалъ вчера», — прибавляетъ къ письму бабки Сергѣй Львовичъ. — «Нашелъ онъ меня на Невскомъ проспектѣ, когда я сидѣлъ на скамейкѣ, близь Публичной Библіотеки. Онъ только что выходилъ тогда изъ кареты, думая отправиться ко мнѣ пѣшкомъ. Тутъ стали мы обниматься, размахивать руками, разговаривать и пошли потомъ рука объ руку къ намъ. Мама была очень удивлена, заставъ его, когда воротилась домой. Леонъ уѣхалъ въ воскресенье, что̀ прочтешь, или уже прочла въ ея письмѣ. Дай Богъ, чтобы мой старшій былъ счастливъ съ любезной спутницей, которая не сомнѣваюсь, постарается доставить ему жизнь, чуждую всякихъ огорченій, ибо этотъ славный малый именно созданъ для того, чтобы его любили. Даю ему часть моего Болдина; тутъ онъ хочетъ скоро ѣхать, да хорошенько его осмотрѣть. Мое почтеніе Прасковьѣ Александровнѣ и всѣмъ дѣвицамъ. Сердечно желая увидѣть ихъ всѣхъ въ Тригорскомъ, говоря сущую правду».

«...Послѣ завтра мы навѣрное выѣзжаемъ (въ Михайловское,)—сообщаетъ бабка отъ 25 іюля,—«и увидимся скоро, милая Ольга; но прежде отъѣзда было бы желательно получить письмо отъ Леона. Александръ пробудетъ здѣсь недолго; тѣмъ не менѣе, до отъѣзда въ Болдино, онъ хочетъ сдѣлать намъ визитъ въ Михайловскомъ дня на два. Свадьба состоится въ сентябрѣ; думаю возвратиться въ Петербургъ пораньше, чтобы отправиться потомъ въ Москву, потому что намъ будутъ предстоять разныя хлопоты. Вотъ все, что скажу тебѣ сегодня: слѣдуемъ за этимъ письмомъ. Александръ былъ у Герминіи *), а вчера даже былъ въ ея ложѣ. Простилась я съ Трубецкими, которые поручаютъ себя твоей памяти, точно такъ же, какъ и Дельвиги. Твой братъ тебя обнимаетъ. Спокойна ли ты? Имѣешь ли все, что тебѣ нужно? Впрочемъ,

*) Фамиліи этой знакомой бабка не проставила. Л. П.

все это сами увидимъ, и ставлю тебѣ слѣдовательно праздный вопросъ, такъ какъ это письмо послѣднее передъ нашей встрѣчей».

Какъ видно изъ этихъ писемъ, братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ, по истеченіи срока своего отпуска, выѣхалъ изъ Петербурга обратно на Кавказъ—къ мѣсту расположенія Нижегородскаго драгунскаго полка—на другой же день послѣ возвращенія дяди Александра, и провелъ съ нимъ не болѣе сутокъ. Путь дяди Льва лежалъ черезъ Москву, почему Александръ Сергѣевичъ, разставаясь съ нимъ въ Царскомъ, вручилъ «храброму капитану» слѣдующее письмо отъ 20 іюля для передачи Натальѣ Николаевнѣ:

«Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ; независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но при всемъ томъ умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками; на второй та же исторія и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ... и проч. *).

Когда именно Пушкинъ заѣзжалъ въ Михайловское—въ послѣднихъ ли числахъ іюля или же въ первыхъ числахъ августа—сказать не могу. Кажется, впрочемъ, первое вѣрнѣе, такъ какъ Пушкинъ уже 10 августа выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву.

Встрѣтясь въ Михайловскомъ съ сестрой и вторично съ родителями, Александръ Сергѣевичъ, какъ я упомянулъ выше, разсказалъ по секрету сестрѣ своей обо всемъ съ нимъ случившемся. Затѣмъ сколько дней онъ пробылъ въ Ганнибаловской вотчинѣ—тоже навѣрно не знаю.

---

*) См. Т. VIII соч. Пушкина, изданіе Суворина 1887 г., стр. 374.

Между тѣмъ, Сергѣй Львовичъ получилъ частнымъ путемъ изъ Москвы извѣстіе о внезапной болѣзни своего брата и задушевнаго также друга—Василія Львовича. Дѣдъ не придавалъ этому извѣстію особеннаго значенія, а Надежда Осиповна, попрежнему, не упускала удобнаго случая подтрунивать надъ нѣкоторыми странностями, присущими характеру деверя. Одну лишь Ольгу Сергѣевну посѣтило однажды предчувствіе, что болѣзнь ея дяди не простая,—предчувствіе, выразившееся въ слѣдующемъ ея—какъ она называла—пророческомъ видѣніи, или снѣ:

Сонъ моей матери былъ такого рода: ей пригрезилось, будто бы Василій Львовичъ появился передъ нею въ костюмѣ адепта одной изъ находившихся прежде въ Москвѣ ложъ «вольныхъ каменщиковъ» (членомъ которой онъ въ дѣйствительности состоялъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка), одѣтый въ бѣлую мантію съ вышитыми масонскими символическими изображеніями. Василій Львовичъ — вѣрнѣе его призракъ—держалъ въ правой рукѣ зажженный свѣтильникъ, а въ лѣвой—человѣческій черепъ.

— Ольга,—сказалъ призракъ,—я пришелъ тебѣ объявить большую радость. Меня ожидаетъ въ среду, двадцатаго августа, невыразимое счастіе. Посмотри на бѣлую мантію: знакъ награды за мою безпорочную жизнь; посмотри на зажженый въ правой рукѣ свѣтильникъ—знакъ, что всегда слѣдую свѣту разума; посмотри и на этотъ черепъ—знакъ, что помню общій конецъ и разрушеніе плоти. — На вопросъ же племянницы, какое ожидаетъ его счастіе, призракъ, исчезая отвѣтилъ «ни болѣзни, ни печали», и отвѣтилъ, какъ ей показалось, особенно громко, отчего она проснулась и долго не могла опомниться подъ вліяніемъ противуположныхъ чувствъ: скорби, страха и радости.

Не прошло трехъ недѣль послѣ описаннаго сновидѣнія, какъ Василій Львовичъ Пушкинъ отошелъ въ вѣчность, именно въ среду 20 августа 1830 года.

XXII.

По возвращеніи изъ Михайловскаго, Александръ Сергѣевичъ пробылъ въ Петербургѣ очень короткое время. Онъ отправился въ Болдино и на пути своемъ посѣтилъ Москву, гдѣ и былъ свидѣтелемъ кончины горячо его любившаго дяди поэта Василія Львовича Пушкина, «Нестора-Арзамаса *), который, будучи первымъ руководителемъ своихъ племянниковъ, имѣлъ на нихъ, подобно бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, самое благотворное вліяніе и опредѣлилъ Александра Сергѣевича въ лицей, куда привезъ его изъ Москвы.

Василій Львовичъ скончался еще не въ очень преклонныхъ лѣтахъ; онъ переступилъ только четырьмя мѣсяцами пятиде-

---

*) Александръ Сергѣевичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ считалъ своего дядю искреннимъ другомъ. Василій Львовичъ очень радовался, когда узналъ, что его племянникъ познакомился съ музой въ стѣнахъ учебнаго заведенія и написалъ ему по этому случаю посланіе, называя юнаго поэта «братомъ». На привѣтствіе дяди Александръ Сергѣевичъ отвѣчалъ въ декабрѣ 1816 г., между прочимъ, слѣдующее, поздравляя съ новымъ годомъ маститаго автора «Опаснаго, сосѣда»:

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
«Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
«Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
«На страшной высотѣ Парнаса,
«Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
«Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
«Веселья прежняго желанье,
«И слабый сердца переводъ—
«Въ стихахъ и прозою посланье.

«Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ:

«Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
«Отъ рнѳмъ вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
«Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
«Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ—совсѣмъ не братъ;
«Вы—дядя мой и на Парнасѣ»...

сятилѣтній съ годомъ возрастъ, такъ какъ родился 27-го апрѣля 1779 года.

Александръ Сергѣевичъ засталъ дядю на смертномъ одрѣ, наканунѣ кончины. Страдалецъ лежалъ въ забытьи, но, какъ сообщалъ дядя въ письмѣ Плетневу отъ 9-го сентября того же года, «узналъ его, погоревалъ, потомъ, помолчавъ, сказалъ: «какъ скучны статьи Катенина» *) и болѣе ни слова.

При произнесенныхъ умиравшимъ словахъ — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтель послѣднихъ дней Василія Львовича, пріѣхавшій тогда изъ Петербурга князь Вяземскій— Александръ Сергѣевичъ вышелъ изъ комнаты, чтобы «дать своему дядѣ умереть исторически; Пушкинъ — прибавляетъ Вяземскій,—былъ однакоже очень тронутъ всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, и во все время велъ себя какъ нельзя приличнѣе».

Достовѣрность заявленія стариннаго друга Василія Львовича подтверждается отчасти и вышеозначеннымъ письмомъ Александра Сергѣевича Плетневу, въ которомъ онъ, приводя слова умиравшаго, говоритъ: «Вотъ что̀ значитъ умереть честнымъ воиномъ на пути» le cri de guerre à la bouche (съ браннымъ кликомъ).

Дядя Александръ искренно оплакивалъ невозвратимую для него потерю родственника,—перваго наставника и друга,—причемъ опасаясь, что роковое извѣстіе можетъ подѣйствовать на Сергѣя Львовича Богъ знаетъ какъ, написалъ о случившемся секретно въ Тригорское Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, съ просьбою подготовить какъ отца, такъ и Ольгу Сергѣевну исподоволь, и въ то же время отнюдь не намекать объ этомъ Надеждѣ Осиповнѣ, такъ какъ она могла бы проболтаться. Прасковья Александровна выполнила возложенное на нее порученіе какъ нельзя дипломатичнѣе, за что̀ дядя Александръ и выразилъ ей признательность въ сентябрѣ изъ Болдина въ слѣдующихъ строкахъ:

«Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти Василія Львовича. При-

*) Статьи Катенина помѣщались въ «Литературной Газетѣ».

знаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы».

Пушкинъ, немедленно по кончинѣ своего дяди, которому и закрылъ глаза, въ присутствіи сестры покойнаго Елизаветы Львовны Сонцовой, мужа ея Матвѣя Михайловича и ихъ дочерей дѣвицъ Ольги и Екатерины, принялъ на себя всѣ распоряженія относительно похоронъ.

Вся, что̀ называется, Москва, въ которой Василій Пушкинъ стяжалъ по своему христіанскому добродушію и подвигамъ благотворительности общую популярность, сопровождала прахъ его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Отдать Василію Львовичу послѣдній долгъ явились депутаціи отъ всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній и литературные дѣятели всѣхъ направленій, какъ-то: Погодинъ, Полевые, Дмитріевъ, Языковъ, Шаликовъ, а во время отпѣванія въ церкви Никиты Мученика служившій протоіерей, говоря въ прочувствованной проповѣди о христіанскихъ добродѣтеляхъ усопшаго, указалъ и на подъятые имъ труды на пользу отечественнаго слова.

Опроверженіемъ попавшейся мнѣ подъ руку нѣмецкой статьи, напечатанной въ современномъ лейпцигскомъ изданіи «Die Petersburger Gesellschaft» за 1880 г., будто бы «дядя Пушкина Василій Львовичъ скончался, въ качествѣ дряхлаго старика, съ произведеніемъ Беранже въ рукахъ (Der Oheim Puschkiné Wassili Lwowitch starb als Greiss mit dem Béranger in den Händen), служитъ хранящееся у меня французское письмо его племянницы, Ольги Матвѣевны Сонцовой къ моей матери. Извлекаю изъ него въ переводѣ слѣдующія строки:

«Только сегодня, милая кузина, могу тебѣ писать. Нѣтъ уже на землѣ нашего ангела! Смерть его меня поразила до такой степени, что я сама тяжело занемогла; кромѣ того, не рѣшалась первая сообщить тебѣ вѣсть о жестокомъ ударѣ, поразившемъ всѣхъ насъ, и Александръ, по моему мнѣнію, прекрасно поступилъ, что поберегъ Сергѣя Львовича, передавъ ему печальную новость черезъ другихъ, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей.

«Покойный разстался съ здѣшнимъ міромъ какъ истый

христіанинъ. Будучи прикованъ къ смертному одру, дядя не переставалъ взывать къ божественной благости: онъ просилъ читать себѣ Священное Писаніе, и ни одна мірская мысль его не посѣщала. А потому въ утѣшительныхъ словахъ Евангелія онъ почерпалъ всю свою безропотность, которая не измѣняла дядѣ до послѣдняго издыханія. Дядю соборовали, и онъ не подвергся ужаснымъ мученіямъ агоніи»...

«Бѣдный Василій Львовичъ Пушкинъ»,—пишетъ, между прочимъ, изъ Остафьева отъ 25-го августа князь Вяземскій,—«скончался 20-го числа въ началѣ третьяго часа по полудни. Я пріѣхалъ къ нему часовъ въ одиннадцать. Смерть уже была на вытянутомъ лицѣ. Однако, узналъ меня, протянулъ уже холодную руку и на вопросъ Анны Николаевны *), радъ ли онъ меня видѣть (съ пріѣзда моего изъ Петербурга я не видалъ его), отвѣчалъ довольно внятно: «очень радъ». Послѣ этого раза два хотѣлъ что-то сказать, но уже звуковъ не было. На лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ изнеможенія. Испустилъ онъ духъ спокойно и безболѣзненно, во время чтенія молитвы при соборованіи масломъ. Обряда не кончили: помазали только два раза. Наканунѣ онъ былъ уже совсѣмъ изнемогающій»...

Характеризируя моего дѣда Василья Львовича, князь Вяземскій говоритъ, «что черты младенческаго его простосердечія могутъ составить любопытную главу въ исторіи сердца человѣческаго: онѣ придавали что-то смѣшное личности его, но были очень милы».

Страсть же автора «Опаснаго сосѣда» прочитывать встрѣчному стихи собственнаго издѣлія, а также и незлобивость кроткой души его начерталъ довольно удачно задушевный его пріятель и собратъ по литературному искусству И. И. Дмитріевъ въ слѣдующихъ стихахъ шуточной своей поэмы: «Путешествіе Василія Львовича Пушкина въ Парижъ и

*) Фамилія остается мнѣ неизвѣстной. Л. П.

Лондонъ» (Стихи говорятся отъ имени героя этой баллады, т. е. В. Л. Пушкина):

«Я, напримѣръ, люблю конечно
«Читать мои куплеты вѣчно,
«Хоть слушай, хоть не слушай ихъ...
«Люблю и страннымъ я нарядомъ,
«Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять,
«Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
«Хочу ль кого я оскорблять»?

XXIII.

«Бывало, бывало,
«Какъ сердце мечтало,
«Какъ сердце страдало,
«И какъ замирало,
«И какъ оживало...

«Но сколько не стало
«Того, что бывало!...
«Такъ сердце плѣняло,
«Такъ міръ оживляло,
«Такъ свѣтло сіяло,
«Бывало, бывало»...

Мятлевъ.

Моя мать, какъ я уже говорилъ, предчувствовала кончину Василія Львовича, а потому не особенно удивилась роковому извѣстію, сообщенному ей Прасковьей Александровной Осиповой, которой и отвѣчала, что она таинственнымъ образомъ была уже подготовлена къ постигшему ее тяжкому удару.

Объ усопшемъ мать говорила мнѣ слѣдующее:

«Дядя мой, Василій, былъ, могу сказать, ангеломъ-миротворцемъ между моими родителями, искреннимъ другомъ моимъ и моихъ братьевъ, готовымъ для насъ всѣмъ пожертвовать, и еслибы онъ, силою судьбы, не былъ разлученъ съ нами въ тѣ именно минуты, когда его благодѣтельное слово могло послужить намъ спасительнымъ предостереженіемъ, то многое было бы этимъ самымъ словомъ предупреждено и устранено, а главное, онъ сумѣлъ бы доказать Надеждѣ

Осиповнѣ всю несправедливость ея поступковъ съ Николаемъ Ивановичемъ, и тѣмъ самымъ избавить меня отъ нравственныхъ страданій, которыя я такъ долго и такъ безвинно переносила».

До начала октября мать оставалась въ Михайловскомъ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ Петербурга. Будучи назначенъ начальникомъ библіотеки Азіатскаго Департамента, онъ имѣлъ тогда полную возможность изучать греческій и восточные языки, все еще въ надеждѣ получить консульское мѣсто въ Аѳинахъ, или Константинополѣ, или же, по крайней мѣрѣ, въ Тегеранѣ; дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ становилось невозможнымъ, при ограниченномъ жалованьѣ и отсутствіи всякой матеріальной поддержки со стороны Сергѣя Львовича, а сотрудничество въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига и переводы иностранныхъ романовъ, если и устраняли до нѣкоторой степени его денежныя затрудненія, но не представляли собою ничего прочнаго.

Въ концѣ-концовъ, физическая натура отца, хотя и довольно крѣпкая, не выдержала: работая безъ устали по ночамъ, онъ въ половинѣ сентября заболѣлъ серьезно. Тутъ-то явились къ нему на выручку баронъ Дельвигъ и Петръ Александровичъ Плетневъ, неоднократно доказывавшіе ему на дѣлѣ свое особенное расположеніе. Дельвигъ привелъ къ нему доктора-спеціалиста и снабдилъ отца заблаговременно значительнымъ гонораромъ за подготовленныя и предположенныя журнальныя статьи, а Петръ Александровичъ, принявъ также къ сердцу физическія страданія отца, который, не желая тревожить жену, не писалъ ей о своей болѣзни ни полслова, счелъ необходимымъ, тайно отъ больнаго, увѣдомить по почтѣ отъ себя Ольгу Сергѣевну обо всемъ подробно, вслѣдствіе чего она выѣхала изъ Михайловскаго немедленно и, возвратясь къ мужу, окружила больнаго самыми нѣжными заботами.

Мѣсяца черезъ два отецъ поправился настолько, что могъ приняться за труды съ прежней энергіей.

Плетневъ, будучи семью годами старше дяди Александра — онъ родился 10 августа 1792 года — любилъ Пушкина всей силой своей возвышенной души.

«Такіе друзья»,—говоривала мнѣ моя мать,—«раждаются вѣками. Едва ли кто любилъ моего брата въ такой степени, какъ Плетневъ, что̀ и доказывалъ, можно сказать, безпрестанно; за то и братъ платилъ Петру Александровичу такими же теплыми чувствами, дѣлясь съ нимъ задушевными тайнами, наравнѣ со мною, даже больше. Любя Александра, Плетневъ былъ также искренно расположенъ къ брату моему Льву, и ко мнѣ, показывалъ теплое свое сочувствіе Николаю Ивановичу, а Дельвигъ, въ особенности Баратынскій, Жуковскій, князь Вяземскій и Карамзинъ, видѣли въ Плетневѣ образецъ всего высокаго».

По словамъ матери, Плетневъ былъ богатъ друзьями (il était riche en amis); благочестивый христіанинъ, примѣрный мужъ, отецъ, уважаемый всѣми воспитатель и наставникъ юношества, онъ не зналъ, въ теченіе всей своей жизни, не только ни одного врага, но и ни одного недоброжелателя. Петръ Александровичъ безусловно ни о комъ не отзывался рѣзко, и, будучи снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ, всегда умѣлъ открывать въ каждомъ хорошія стороны.

Однажды моя мать замѣтила Плетневу, что онъ, по всей вѣроятности, ради шутки изобразилъ себя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній мрачнымъ мизантропомъ, такъ какъ никогда общества не избѣгалъ, а будучи пріятнымъ собесѣдникомъ, слишкомъ даже любилъ человѣчество. Эти стихи мать знала наизусть, никогда не могла вспоминать о нихъ безъ веселой улыбки и выразила автору, что мысли, имъ изложенныя, вовсе не «Плетневскія», а скорѣе «Кюхельбекерскія». Плетневъ на замѣчаніе Ольги Сергѣевны самъ разсмѣялся.

Привожу кстати помянутые стихи, напечатанные въ подаренномъ Ольгѣ Сергѣевнѣ Дельвигомъ Альманахѣ его «Сѣверные Цвѣты» за 1826 годъ:

«Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу,
«Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
«Но я не долженъ, не могу:
«Боюсь друзей возненавидѣть.

«Не смѣю никого обнять,
«На чьей-нибудь забыться груди;
«Мнѣ тяжело воспоминать,
«Мнѣ страшно думать: это люди»...
. . . .

Говоря о Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ, не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній.

Петра Александровича я имѣлъ счастіе встрѣтить въ первый разъ въ 1849 году у моей тетки, вдовы поэта, Натальи Николаевны,—тогда уже Ланской,—на дачѣ Строгонова, близъ Черной рѣчки; будучи отвезенъ въ Петербургъ отцомъ, который меня опредѣлилъ въ закрытое учебное заведеніе, я провелъ въ домѣ тетки все лѣто. Въ то время, какъ извѣстно, происходила венгерская кампанія, почему второй мужъ Натальи Николаевны, генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Ланской, выступилъ въ походъ изъ Петербурга въ западныя губерніи съ ввѣреннымъ его командованію лейбъ-гвардіи Коннымъ полкомъ, а тетка, оказавшая мнѣ пріютъ, поселилась на Строгоновой дачѣ съ дѣтьми отъ перваго и втораго брака и съ незамужней своей сестрой Александрой Николаевной Гончаровой *).

Хотя я былъ весьма обласканъ Натальей Николаевной, но отсутствіе родителей, тоска о мѣстѣ рожденія, гдѣ я провелъ все дѣтство, подѣйствовали на мой характеръ: я подвергся ностальгіи — въ полномъ смыслѣ слова ностальгіи,—которая промучила меня затѣмъ не одинъ годъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ я удалялся въ окружающій дачу небольшой садикъ мечтать о покинутомъ мною мѣстѣ родины, воображать себѣ знакомые мнѣ иные сады, иные дачи, дома, улицы, иную рѣку, причемъ нерѣдко давалъ волю самымъ горькимъ слезамъ.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ, когда я сидѣлъ на скамейкѣ подъ деревомъ и мучительно рыдалъ, закрывъ лицо

*) А. Н. вышла въ послѣдствіи замужъ за барона Фризенгофа.

руками, меня потрепали по плечу и спросили доходившимъ до души, симпатичнымъ, тихимъ голосомъ:

— О чемъ плачешь, бѣдное дѣто?

Таковы были первыя услышанныя мною слова отъ пріѣхавшаго посѣтить тетку Петра Александровича Плетнева, въ то время ректора Петербургскаго университета.

Я взглянулъ на его добрѣйшее лицо, бросился въ объятія незнакомцу, и... пуще разревѣлся.

Петръ Александровичъ сѣлъ рядомъ со мною на скамейку, выпыталъ отъ меня всю мою краткую біографію и, узнавъ, что я сынъ Ольги Сергѣевны, удвоилъ утѣшенія и отрадныя мнѣ ласки.

Плетневъ остался у тетки обѣдать, а потомъ попросилъ у нея разрѣшеніе похитить на нѣсколько часовъ четырнадцатилѣтняго меланхолика, чтобы разогнать его тоску на своей дачѣ и возвратить мою личность назадъ подъ надежнымъ, какъ онъ выразился, конвоемъ.

Плетневъ нанималъ тогда лѣтомъ уже болѣе двадцати лѣтъ одну и ту же дачу Кушелева, за Лѣснымъ институтомъ, у такъ называемой Беклешовки, въ деревянномъ, довольно невзрачномъ по наружности, домѣ; этой дачѣ онъ оставался вѣренъ, какъ помню, до 1855 года включительно.

Навсегда останется у меня въ памяти проведенный у Петра Александровича вечеръ и оказанный мнѣ радушный пріемъ его второй супругой Александрой Васильевной.

Съ Плетневымъ, его супругой и дочерью отъ перваго брака, вышедшею замужъ за г. Лакіера, встрѣчался я затѣмъ нерѣдко въ 1850 и 1851 годахъ въ домѣ Настасьи Львовны Баратынской, а послѣ переѣзда моей матери на жительство въ Петербургъ, поступилъ, въ 1852 году, въ число студентовъ здѣшняго университета подъ начало незабвеннаго мнѣ человѣка.

Съ 1852 года до самаго своего отъѣзда за границу Плетневъ видѣлся очень часто съ моею матерью, въ особенности же въ теченіе лѣтняго времени съ 1853 по 1855 годъ, когда Ольга Сергѣевна проживала тоже на дачахъ Лѣснаго института.

Плетневъ былъ, по отношенію къ моему дядѣ, съ 1822 года

до конца жизни поэта, самымъ близкимъ лицомъ, и повторяю, самымъ искреннимъ другомъ. Принимая дѣятельное участіе въ изданіи безсмертныхъ твореній Пушкина, Плетневъ подвергся вслѣдствіе этого тайному надзору (что̀ видно, между прочимъ, изъ напечатаннаго въ книгѣ Я. К. Грота письма Дибича къ петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову отъ 23 апрѣля 1826 года), взялъ на себя посредничество въ дѣлѣ снятія съ нашего поэта опалы, издалъ въ 1826 году мелкія стихотворенія Пушкина, въ 1827 году—«Евгенія Онѣгина», въ 1829 году—не мало содѣйствовалъ разрѣшенію появленія въ свѣтъ «Бориса Годунова», и всегда неусыпно заботился объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ нашего поэта. Дядя же сообщалъ Плетневу свои планы, и въ задушевныхъ съ нимъ разговорахъ, и въ чистосердечныхъ письмахъ, извѣщалъ его о ходѣ своихъ поэтическихъ занятій, не утаивая отъ этого преданнаго друга постигавшія поэта непріятности, а насколько цѣнилъ дружбу и высокую личность Плетнева, можно какъ нельзя лучше убѣдиться изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкъ посвященія дяди Петру Александровичу въ 1828 году 4-й и 5-й главы «Евгенія Онѣгина»:

«Не мысля гордый свѣтъ забавить,
«Вниманье дружбы возлюбя,
«Хотѣлъ бы я тебѣ представить
«Залогъ достойнѣе тебя,
«Достойнѣе души прекрасной,
«Святой исполненный мечты,
«Поэзіи живой и ясной,
«Высокихъ думъ и простоты»...

Послѣ чрезвычайно жаркаго лѣта 1830 года, появилась страшная гостья—холера, которая шла съ береговъ Каспія въ двухъ направленіяхъ, а именно: съ одной стороны—чрезъ приволжскія губерніи на Москву, а съ другой—по Тереку и Кубани—въ землю донскихъ казаковъ, Новороссійскій край, Подольскую губернію и Бессарабскую область. Появилась, наконецъ она въ Москвѣ, и всякій, кто располагалъ какими-либо

средствами, бѣжалъ оттуда. Въ числѣ спасавшихся въ деревню оказались и сестра дѣда Сергѣя Львовича, Елизавета Львовна Солнцева, съ мужемъ и обѣими дочерьми, пріѣзжавшіе въ Москву по случаю предсмертной болѣзни Василія Львовича. Незадолго до вторичнаго отъѣзда ихъ въ свою отчину — село Коровино (Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи), Елизавета Львовна писала племянницѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ, объ угрожающемъ Москвѣ бѣдствіи слѣдующее *):

«Въ Москвѣ, на прошлой и на этой недѣлѣ, было очень много внезапныхъ заболѣваній холерой: умираютъ скоропостижно въ ужасныхъ судорогахъ. Изъ Москвы кто можетъ — бѣжитъ. Нашъ добрѣйшій (notre excellent) Голицынъ **), который поручилъ мнѣ очень тебѣ кланяться, я его видѣла въ прошлый понедѣльникъ, употребляетъ всѣ мѣры (il se met en quatre). Заводятся больницы, будутъ устроены заставы. Пріѣзжающіе подвергнутся двухнедѣльному карантину; сообщаться, какъ отъ многихъ слышала, съ подмосковными губерніями можно будетъ только чрезъ Коломну, Богородскъ и еще черезъ два или три мѣста—какія—не спросила. Скажу лучше: письма будутъ прокалывать и окуривать, а мосты скоро совсѣмъ снимутъ. Вообрази, что надняхъ пьяные мужики приколотили чуть не до смерти двухъ (другіе говорятъ пять) докторовъ. Слышала еще, что на прошлой недѣлѣ полупьяный дьячекъ собралъ, будто бы, на улицѣ какихъ-то фабричныхъ, и кричалъ: «не лѣчитесь у нѣмцевъ лѣкарей. Они-то самая болѣзнь и есть» ***). Дьячка арестовали, но нашлись и другіе подобные ему люди: народъ застращиваютъ вторымъ пришествіемъ, а за эти росказни съ дурачковъ еще деньги берутъ. Дай Богъ завтра же намъ выбраться, не то не выпустятъ».

Письмо это Ольга Сергѣевна сообщила дѣду и бабкѣ, которые стали сильно безпокоиться объ Александрѣ Сергѣевичѣ,

---

*) Письмо это, написанное по-французски, хранится у меня.

**) Бывшій въ то время московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

***) Фраза написана по-русски.

такъ какъ изъ письма Елизаветы Львовны не знали, видѣлась ли она съ нимъ, и здоровъ ли онъ. Дядя же на ихъ письма и въ Москву и въ Болдино не отвѣчалъ ни строчки. Конецъ тревогѣ положилъ Петръ Александровичъ Плетневъ: онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, извѣстивъ ее, что получилъ отъ Пушкина письмо изъ Болдино, куда Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ изъ Москвы здравымъ и невредимымъ. Въ письмѣ къ Плетневу Пушкинъ подсмѣивается надъ холерой слѣдующимъ образомъ: «Около меня «колера морбусъ». Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ, того и гляди, что къ дядѣ Василію отправлюсь, а ты и пиши мою біографію».

Въ подобномъ же шуточномъ тонѣ Александръ Сергѣевичъ писалъ впослѣдствіи изъ Болдина барону Дельвигу, посылая ему стихи для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». ...«Посылаю тебѣ, баронъ,—пишетъ дядя,—вассальскую мою подать, именуемую «цвѣточною» по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ зàмкѣ твоемъ—«Литературной газетѣ»,—пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ» *).

Письмо это Дельвигу изъ Болдина отъ 4-го ноября 1830 года оказалось послѣднимъ: черезъ два мѣсяца и десять дней Антона Антоновича не стало.

Неудовольствіе же свое по случаю холеры, разстроившей его планы свиданія съ невѣстой, дядя высказываетъ въ письмахъ къ ней **):

«... Въ окрестностяхъ у насъ cholera morbus (очень миленькая персона), и она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ... .

«... Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить

*) См. т. VIII Сув. изд., стр. 167.

**) Тамъ же, стр. 379 и слѣдующія.

васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это...

«... Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума съ ея карантинами развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго зàмка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ *) нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата, Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ)...

«... Мы окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь...

«... Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ. Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо въ Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!) Вотъ, по истинѣ плохія шутки. Je ris jaune **), какъ говорятъ пуасардки»...

Желая выѣхать изъ Болдина, дядя за два дня до предполагаемой, но несостоявшейся, поѣздки жаловался и Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, говоря, что «по случаю проклятой холеры онъ не можетъ добраться до Москвы, какъ желаетъ, такъ какъ его оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, и Богъ знаетъ сколько мѣсяцевъ употребитъ на проѣздъ 500 верстъ, которыя, въ обыкновенное время, проѣзжалъ въ сорокъ восемь часовъ».

Нашествіе холеры, разстроившее поѣздку Пушкина и приковавшее его къ Болдину до декабря, дало ему возможность проявить въ полномъ блескѣ своей геній и подарить русскую литературу и общество многими замѣчательными произведеніями.

---

*) Левъ Александровичъ Пушкинъ (см. VI часть настоящей хроники).

**) Смѣюсь желто.

— «Братъ Александръ,—замѣтила мнѣ однажды мать,—будучи суевѣрнымъ, не лишенъ былъ и мнительности, а потому, въ сущности, совсѣмъ нелегко относился къ эпидеміи, вызвавшей самыя строгія правительственныя мѣры. Напротивъ того, онъ обращалъ на неесерьезное вниманіе, стараясь избѣгать излишествъ въ пищѣ, о чемъ и говорилъ мнѣ при свиданіи въ слѣдующемъ году».

Здѣсь будетъ кстати сдѣлать, со словъ моей матери, небольшой комментарій къ «Лѣтописи села Горохина», написанной Пушкинымъ также во время его невольнаго заключенія въ Болдинѣ.

При свиданіи съ сестрою, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что помѣщенное въ «Лѣтописи села Горохина» стихотвореніе миѳическаго лица Архипа Лысаго, идетъ какъ нельзя лучше къ безпечности и непрактичности въ сельскомъ хозяйствѣ Сергѣя Львовича.

Вотъ эти стихи:

«Ко боярскому двору
«Акимъ староста идетъ,
«Бирки въ пазухѣ несетъ,
«Боярину подаетъ.
«А бояринъ смотритъ,
«Ничего не смыслитъ.
«Ахъ ты, староста Акимъ!
«Обокралъ бояръ кругомъ,
«Село по міру пустилъ.
«Старостиху подарилъ»...

На вопросъ матери, почему дядя не хотѣлъ подписать своего настоящаго имени подъ прелестными повѣстями «Станціонный смотритель», «Метель» и «Гробовщикъ,» а приписалъ ихъ небывалому «Бѣлкину», Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ такъ поступилъ, не желая подвергаться лаянью газетныхъ шавокъ, что подтверждается и въ одномъ изъ писемъ его къ Плетневу.

Наконецъ, относительно сочиненной Пушкинымъ въ Болдинѣ же «Родословной», Ольга Сергѣевна замѣтила брату, что онъ напрасно потратилъ столько поэзіи, такъ какъ вызвавшая ее ничтожная статья редактора «Сѣверной Пчелы», напечатанная

въ угоду личному недоброжелателю Пушкина (графу Уварову), не стôитъ торжественной выставки галлереи предковъ, а «Родословная» вооружитъ только противъ дяди семейства М—хъ, Р—хъ, С—хъ, К—хъ, и другихъ лицъ, родичей которыхъ Александръ Сергѣевичъ затронулъ.

Предсказаніе Ольги Сергѣевны сбылось, и какъ впослѣдствіи выразился князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, «распространеніе этихъ стиховъ («Родословной») вооружило противъ Пушкина многихъ озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ поэта, незадолго до его кончины, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ».

Задерживаемый обстоятельствами въ деревнѣ, Пушкинъ два раза пытался выѣхать оттуда, но принужденъ былъ, вслѣдствіе принятыхъ противъ распространенія эпидеміи мѣръ, всякій разъ возвращаться назадъ; въ ноябрѣ же былъ задержанъ въ Платовскомъ карантинѣ, почему пріѣхалъ въ Москву не раньше первыхъ чиселъ декабря.

XXIV.

Осенью того же 1830 года отецъ мой, по выздоровленіи, вновь принялся за служебныя занятія и литературные труды, стараясь выйти, во чтô бы ни стало, изъ стѣснительнаго матеріальнаго положенія. Надежды его на скорое полученіе консульскаго мѣста въ Греціи не осуществились, вслѣдствіе неблаговоленія начальника Азіатскаго департамента Родофиникина, о чемъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моей хроники. Не осуществилось и намѣреніе отца получить подобное же мѣсто въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и онъ продолжалъ биться какъ рыба объ ледъ.

17 (29) ноября 1830 года вспыхнуло польское возстаніе, начавшееся, какъ извѣстно, избіеніемъ многихъ русскихъ въ Варшавѣ. Подробныя свѣдѣнія о кровавыхъ событіяхъ этого дня дошли до Петербурга нескоро, за недостаткомъ удобныхъ средствъ сообщенія. Мои родители ничего еще не знали, когда ихъ неожиданно, поздно вечеромъ, посѣтилъ большой

пріятель отца, Марковъ, товарищъ по службѣ и музыкальному искусству—гитаристъ. Явился Марковъ очень встревоженный и показалъ полученное отъ знакомаго письмо, извѣщавшее о насильственной смерти общаго ихъ друга, генерала Жандра.

Отецъ и мать, знавшіе очень хорошо покойнаго Жандра, были поражены и его смертію, и всѣмъ происходившимъ въ Варшавѣ.

Прочитавъ письмо знакомаго, Марковъ сказалъ, что, по всей вѣроятности, мятежъ придется подавить силою, а затѣмъ завести въ царствѣ Польскомъ совершенно другой административный порядокъ, слѣдовательно потребуются уже не польскіе, а наши русскіе правительственные дѣятели.

— Вотъ, гдѣ бы тебѣ послужить недурно, Николай Ивановичъ,—заключилъ Марковъ.

Эти слова Маркова отецъ принялъ къ свѣдѣнію и воспользовался его дружескимъ совѣтомъ.

1831 годъ рѣшилъ участь и дяди моего, и отца: Александръ Сергѣевичъ, въ февралѣ, связалъ судьбу съ избранной имъ спутницей недолговременнаго, но дорогаго—для каждаго русскаго—земнаго бытія, а Николай Ивановичъ, въ томъ же февралѣ, выѣхалъ на новую для него дѣятельность, въ Привислинскій край, гдѣ и остался, сверхъ ожиданія, на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ.

И для моего дяди и для моихъ родителей 1831 годъ начался какъ нельзя печальнѣе:. 14-го января общій другъ ихъ, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, перешелъ въ вѣчность, вслѣдствіе сильной простуды. Болѣзнь въ скоромъ времени приняла такой оборотъ, что не осталось никакого сомнѣнія въ злополучномъ ея исходѣ. Послѣднее время Антона Антоновича волновали непріятности съ цензурою, обратившею особенное вниманіе на его «Литературную газету», послѣ появленія статьи Александра Сергѣевича «О выходкахъ противъ литературной аристократіи»; въ особенности же непріятно подѣйствовалъ на Дельвига, сдѣланный ему строгій выговоръ за четверостишіе Делявиня «на памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней»,—четверостишіе, о которомъ Пуш-

кинъ въ письмѣ къ Плетневу, еще до кончины Дельвига, отозвался, какъ о сущей бездѣлицѣ, называя ее «конфектнымъ билетцемъ».

Полагаютъ, что эти непріятности и были, отчасти, причиной болѣзни, но, по увѣренію моего отца, Дельвигъ обладалъ крѣпкими нервами, а передъ болѣзнью, послѣдовавшей, какъ я сказалъ вышей, отъ простуды, онъ видѣлся очень часто съ моими родителями, всегда былъ веселъ и шутилъ попрежнему.

Какъ бы ни было, болѣзнь Антона Антоновича пошла быстрыми шагами; отецъ ежедневно заѣзжалъ освѣдомляться о больномъ, и свѣдѣнія оказывались самыми неутѣшительными, о чемъ онъ и сообщалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, исподволь подготовляя ее къ болѣе нежели прискорбному для нея и ея брата событію.

Угасшій поэтъ былъ только годомъ старше Александра Сергѣевича, и почти годомъ моложе Ольги Сергѣевны, такъ какъ родился въ 1798 году—въ праздникъ Преображенія.

О кончинѣ Дельвига, въ среду 14-го числа, мать узнала на другой день, въ четвергъ отъ своего мужа. Отецъ, возвращаясь домой наканунѣ изъ театра, зашелъ къ 11 часамъ вечера по пути на квартиру больнаго и вызвалъ прислугу съ цѣлію узнать о положеніи страдальца. Оказалось, что за два или за три часа передъ приходомъ моего отца Дельвигъ уже былъ бездыханенъ.

Придя домой, отецъ не рѣшился на ночь тревожить жену горестнымъ извѣстіемъ. Затѣмъ подробности о несчастіи сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ въ четвергъ же и пользовавшій ее докторъ.

Кончина Антона Антоновича огорчила мою мать до глубины души, а отецъ, сотрудникъ покойнаго, лишился въ лицѣ Дельвига большаго своего пріятеля. Ольга Сергѣевна, не желая быть первымъ вѣстникомъ горя, ничего не написала брату, который вовсе не зналъ о болѣзни друга, и еще за недѣлю передъ смертью Антона Антоновича выражалъ удивленіе въ письмѣ Плетневу въ шуточномъ тонѣ, почему Дельвигъ не

помѣстилъ ни одной строчки отъ себя въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на наступившій годъ.

О кончинѣ Дельвига сообщилъ Александру Сергѣевичу Плетневъ; дядя отвѣчалъ ему, 21-го января, прочувствованнымъ письмомъ, говоря, что смерть Дельвига первая имъ оплаканная, и никто на свѣтѣ не былъ ему ближе покойнаго, который изъ всѣхъ связей дѣтства одинъ остался на виду. «Безъ него мы точно осиротѣли; считай по пальцамъ сколько насъ? ты, я, Барятинскій—вотъ и все»,—заключаетъ въ томъ же письмѣ Пушкинъ.

Дядя затѣмъ поручилъ Плетневу вручить вдовѣ 4000 рублей изъ долга покойному Сергѣя Львовича.

Ольга Сергѣевна, присутствовавшая на похоронахъ Дельвига, навѣщала вдову его ежедневно. Софья Михайловна, въ одну изъ печальныхъ бесѣдъ съ моей матерью, говорила, что со времени случившагося, за годъ до смерти мужа, страннаго приключенія въ домѣ Дмитріева (см. V главу «Семейной хроники»), она постоянно томилась относительно мужа недобрыми предчувствіями.

Послѣ смерти Дельвига обнаружилась непонятная пропажа цѣнныхъ бумагъ на весьма значительную сумму *).

Дядя Александръ, чтившій память друга, а потому сочувствовавшій всѣмъ, кто былъ къ нему близокъ, порѣшилъ, посовѣтовавшись съ П. А. Плетневымъ, взять на себя въ пользу родныхъ умершаго, изданіе «Сѣверныхъ цвѣтовъ», что̀ и исполнилъ. Послѣдняя книжка альманаха, изданнаго дядей, вышла въ 1832 году.

---

*) Объ этомъ обстоятельствѣ П. А. Плетневъ пишетъ Пушкину отъ 22 февраля слѣдующее;

«Въ дѣлахъ ея (баронессы) вышла очень худая притча. Богъ знаетъ кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфеля ломбардныхъ билетовъ на пятьдесятъ четыре тысячи. Сколько ни старались открыть, даже и слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью, а пропавшіе билеты находились между этими бумагами».

Мать моя разсказывала, что братъ ея Александръ и Дельвигъ питали одинъ къ другому не только искреннюю дружбу и уваженіе, но и какую-то особенную прелестную дѣтскую нѣжность. Такъ, напримѣръ, при встрѣчѣ цѣловали другъ другу руки, о чемъ говорили мнѣ и покойные: лицейскій ихъ товарищъ Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій и Анна Петровна Виноградская (бывшая Кернъ), которая приводитъ это и въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1859 годъ.

XXV.

Я упомянулъ выше, что отецъ мой принялъ къ свѣдѣнію совѣтъ Маркова испытать счастіе служебной карьеры въ царствѣ Польскомъ, гдѣ не сегодня-завтра потребуются не однѣ военныя, но и другія русскія силы по всѣмъ отраслямъ административной дѣятельности. Къ тому же, отцу не былъ чуждъ и мѣстный языкъ: онъ выучился говорить, читать и писать по-польски изъ любознательности еще въ 1820 году въ Тульчинѣ, состоя на службѣ при главнокомандовавшемъ второй арміей—своемъ крестномъ отцѣ,—фельдмаршалѣ П. Х. Витгенштейнѣ, а въ 1828 году воспользовался случаемъ примѣнить познанія къ дѣлу, во время командировки министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ учрежденную при Сенатѣ слѣдственную коммиссію, гдѣ занимался переводами французскихъ и польскихъ бумагъ на русскій языкъ.

Между тѣмъ, походъ противъ польскихъ мятежниковъ былъ объявленъ въ январѣ 1831 года, а по случаю вспыхнувшаго въ Привислянскомъ краѣ мятежа, Высочайше было учреждено временное Правленіе царства Польскаго, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Энгеля, хорошаго знакомаго, даже давнишняго пріятеля дѣда Сергѣя Львовича, а назначаемымъ въ составъ новаго учрежденія чиновникамъ присвоивалось весьма приличное содержаніе.

Мать моя, узнавъ объ этомъ у «стариковъ» Пушкиныхъ, посовѣтовала мужу воспользоваться удобнымъ случаемъ и просить Сергѣя Львовича замолвить о себѣ доброе слово

Энгелю. Старикъ Пушкинъ, хотя и не оказывалъ дочери и зятю никакой матеріальной помощи, но долженъ былъ постигнуть въ концѣ-концовъ, что проживаться Николаю Ивановичу въ столицѣ совершенно невозможно при ничтожномъ жалованьѣ и непрочной литературной работѣ. Къ тому же эта послѣдняя статья дохода, съ кончиной барона Дельвига, почти изсякла, а въ перспективѣ оставались долги, пугавшіе моихъ родителей гораздо больше приближавшейся холеры.

Сергѣй Львовичъ разсудилъ и взвѣсилъ, что если посодѣйствуетъ зятю въ полученіи мѣста съ обезпечивающимъ его будущность постояннымъ и болѣе значительнымъ вознагражденіемъ, то совершенно успокоитъ совѣсть относительно дочери, въ пользу которой не выговорилъ у Александра Сергѣевича, при подаркѣ ему Болдина, ни гроша дохода. Поэтому дѣдъ, зайдя къ моей матери, выслушалъ очень благосклонно просьбу Николая Ивановича похлопотать у Энгеля, и мало того: предложилъ на другой же день заѣхать за отцомъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться ко вновь назначенному предсѣдателю.

Свиданіе состоялось; Энгель, подробно освѣдомившись у отца о его прохожденіи службы и занятіяхъ, тотчасъ же изъявилъ готовность удовлетворить желаніе Николая Ивановича, и не замедлилъ снестись съ Азіатскимъ департаментомъ о прикомандированіи коллежскаго ассессора Павлищева къ новому учрежденію.

Оффиціальное назначеніе отца на новую должность состоялось 24 февраля, а 5 марта онъ покинулъ сѣверную Пальмиру. Ольга же Сергѣевна осталась въ Петербургѣ до окончательнаго водворенія мужа въ Варшавѣ.

Александръ Сергѣевичъ, который тогда только-что обвѣнчался, и къ которому я вскорѣ возвращусь, предложилъ сестрѣ сдать квартиру и пріѣхать къ нему въ Москву провести съ нимъ и съ его молодой женой наступающую весну, а потомъ возвратиться съ ними въ Петербургъ вмѣстѣ. Ольга Сергѣевна отклонила предложеніе брата, считая совершенно излишнимъ присутствіе на квартирѣ новобрачныхъ третьяго лица.

Не склонилась она и на просьбы «стариковъ» переселиться къ нимъ.

XXVI.

18-го февраля состоялась, наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, свадьба дяди Александра въ Москвѣ, и именно въ церкви Стараго Вознесенія, на Никитской.

— Родился я въ Вознесеніе, женился у Вознесенія и увѣренъ, что мнѣ суждено умереть въ праздникъ Вознесенія,— говорилъ онъ неоднократно моей матери.

Подтвержденіемъ истины этихъ словъ служатъ напечатанныя П. В. Анненковымъ слѣдующія строки *):

«Важнѣйшія событія его (Пушкина) жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенія. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво разсказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить со временемъ въ селѣ Михайловскомъ церковь во имя Вознесенія Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ этимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло не даромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая».

Александръ Сергѣевичъ вѣнчался, какъ сказано, 18-го числа, въ день, который считалъ неблагополучнымъ, что̀ и вспомнилъ, когда запѣли «Исаія ликуй» (см. III главу «Семейной хроники»). Кромѣ того, мать мнѣ разсказывала, какъ ея братъ, во время обряда, непріятно былъ пораженъ, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на коверъ, и когда изъ свидѣтелей первый усталъ, какъ ему поспѣшили сообщить послѣ церемоніи, не шаферъ невѣсты, а его шаферъ, передавшій вѣнецъ слѣдующему по-очереди. Александръ Сергѣевичъ счелъ и эти два обстоятельства недобрыми предвѣщаніями, и произнесъ, выходя изъ церкви: tous les mauvais augures!

Сообщаемое я слышалъ не отъ одной моей матери. О слу-

---

*) См. т. I Сочиненій Пушкина, изд. Анненковымъ въ 1855 г., стр. 315.

чаѣ съ кольцомъ и шаферомъ говорили мнѣ и посаженый отецъ дяди, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и супруга его, Вѣра Ѳеодоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбѣ, и наконецъ посаженая мать, тогда графиня Елизавета Петровна Потемкина (вышедшая вторично замужъ за сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго).

Иконофоромъ при обрядѣ былъ малолѣтній сынъ князя Вяземскаго, живой свидѣтель происходившаго, многоуважаемый князь Павелъ Петровичъ, а родитель его и другое близкое по чувствамъ къ Александру Сергѣевичу лицо, Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, уѣхавъ прежде новобрачныхъ, встрѣтили Пушкиныхъ съ образомъ на новой квартирѣ молодой четы.

Наталья Николаевна очаровала всѣхъ простотою обращенія, привѣтливостью и ровнымъ характеромъ, не говоря уже о рѣдкой наружной красотѣ. Въ Петербургѣ, куда новобрачные прибыли весной, всѣ отнеслись къ ней сочувственно, а воспѣтая слѣпцомъ поэтомъ И. И. Козловымъ графиня Фикельмонъ *), встрѣтившая новобрачныхъ въ Царскомъ Селѣ, описываетъ ихъ въ письмѣ отъ 25-го мая князю Петру Андреевичу Вяземскому слѣдующимъ образомъ:

«Жена Пушкина—прекрасное созданіе, но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей, у жены—вся меланхолія отреченія отъ себя».

По словамъ моей матери, графиня Фикельмонъ далека была отъ всякаго сочувствія къ Пушкину, что̀ доказала какъ нельзя лучше въ послѣдній годъ его жизни, о чемъ и скажу въ своемъ мѣстѣ.

Пушкинъ, за мѣсяцъ до отъѣзда съ женой изъ Москвы, просилъ П. А. Плетнева пріискать ему дачу въ Царскомъ Селѣ, куда и положилъ переселиться послѣ возвращенія въ Петербургъ и свиданія съ родными.

Въ первыхъ числахъ мая Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ,

---

*) Жена бывшаго австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ.

и на другой день явился съ супругой къ своей, какъ онъ выражался, «старшей».

Свиданіе между братомъ и сестрой было, какъ мнѣ разсказала мать, самое трогательное; братъ въ подробности сообщилъ ей все съ нимъ случившееся въ теченіе отсутствія, во время котораго онъ писалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и то лишь нѣсколько строкъ. Мать, попрекнувъ его молчаніемъ, замѣтила, что ревнуетъ его сильно къ Плетневу.

— Если—писалъ Плетневу, отвѣчалъ дядя,—значитъ писалъ вмѣстѣ съ этимъ и тебѣ; вѣдь знаю, что Плетневъ посѣщалъ тебя часто и все разсказывалъ. Зачѣмъ же писать мнѣ было два раза одно и то же? Къ тому же Плетневъ мой первый другъ, отъ котораго ничего не скрываю; онъ занимается и моими дѣлами.

Тутъ дядя объявилъ сестрѣ, что онъ остановился попрежнему въ Демутовой гостиницѣ, но, не теряя времени, переѣзжаетъ на дняхъ въ Царское, гдѣ будутъ жить и «старики»; Александръ Сергѣевичъ убѣждалъ сестру къ нему переѣхать. къ его просьбамъ присоединилась и Наталья Николаевна, но Ольга Сергѣевна отвѣчала, что рѣшительно не хочетъ ихъ стѣснять.

Отъѣздъ молодыхъ въ Царское состоялся 25 мая. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна хотѣли въ іюнѣ перебраться туда же, а мать осталась въ городѣ.

Между тѣмъ матеріальныя средства Ольги Сергѣевны находились въ состояніи весьма незавидномъ, что̀ можно видѣть изъ ея письма къ мужу. Перевожу его по-русски:

«Мнѣ очень прискорбно любезный и милый Николай, что тебѣ приходится ждать, какъ пишешь, еще цѣлыхъ четыре мѣсяца содержанія, какое тебѣ обѣщались. Я въ тонкихъ. Къ счастію братъ Александръ меня выручилъ, самъ предложилъ, тотчасъ послѣ пріѣзда, свою помощь; я было отказалась, думая получить кое-что отъ продажи твоихъ романовъ, и согласно обѣщанію отца, двѣ тысячи пятьсотъ рублей; но, вообрази, оба твои романа переводные «Патриціи» и «Богем-

ская дѣвичья война» нейдутъ вовсе, а нейдутъ, кажется, потому, что Булгаринъ, въ пику Сомову, который расхвалилъ эти романы въ другой газетѣ, не сказалъ о нихъ въ своей ничего; печатаніе же на твой счетъ другаго твоего перевода романа Манцони «I promessi sposi», ничего не принесло, кромѣ заявленій отъ твоего переписчика, наборщика, разныхъ претензій, и вмѣсто дохода плачу имъ деньги. Избавь меня ради Бога отъ хлопотъ; въ нихъ ничего не смыслю. А Сергѣю Львовичу плутъ его управляющій догадался доложить, то-есть выдумать, будто бы не можетъ выслать 4,000 рублей оброка, которые будто бы получилъ и которые у него на другой день украли! Сергѣя Львовича можно и пожалуй увѣрить, что и пузыри — фонари (on peut lui faire croire que des vessies sont des lanternes); а онъ обѣщался именно дать мнѣ 2,500 рублей изъ этихъ же денегъ...

«Александръ, продолжаетъ Ольга Сергѣевна, — въ особенности же моя невѣстка, съ которой я совершенно подружилась, убѣдительно меня просятъ переѣхать къ нимъ. Но какъ же могу на это согласиться? Стѣснять ихъ, вопервыхъ, отнюдь не хочу; вовторыхъ, образъ ихъ жизни совсѣмъ противуположенъ моему: Александръ будетъ и въ Царскомъ посѣщать большой свѣтъ, а она, какъ я замѣтила, очень любитъ изысканные туалеты. Меня же большой свѣтъ не прельщаетъ, а рядиться въ мои годы уже не пристало. А тутъ поневолѣ, если переѣду къ нимъ, должна буду выѣзжать вмѣстѣ съ братомъ и невѣсткой, причемъ и одѣваться не хуже ея. Говорю откровенно, могу ли я это дѣлать при твоемъ ограниченномъ жалованьѣ и твоихъ, правда, очень почтенныхъ, литературныхъ трудахъ, но которые, кромѣ изъяна, съ тѣхъ поръ какъ Дельвигъ на томъ свѣтѣ, не приносятъ ни гроша?»

Нравственное состояніе Ольги Сергѣевны тоже было очень печально.

«Не получая извѣстія, томлюсь и безпокоюсь: живъ ли ты? — пишетъ она по-французски, — не убитъ ли?.. все можетъ статься. Недобрый геній вдохновилъ тебя промѣнять спокойный семейный очагъ на проклятую Польшу. Отъ души ее ненавижу.

Какъ же могу быть спокойной? Приглашаешь меня пріѣхать. Но куда же? Изъ Гродно, вѣроятно, васъ ушлютъ въ другое мѣсто, а тамъ въ третье и десятое. На поѣздку надо денегъ и денегъ, а откуда мнѣ ихъ взять, чтобы одной поѣхать тебя отыскивать въ непріязненномъ краѣ, гдѣ свирѣпствуетъ и холера, хотя въ глазахъ моихъ это, положимъ, ничего не значитъ. Но главное меня родители отсюда не выпустятъ амазонкой на польскую войну; слишкомъ отъ нихъ завишу; зимой собираются въ Москву, да настаиваютъ, чтобы и я туда же съ ними поѣхала, коль скоро польская война затянется. То ли бы дѣло, еслибы ты потерпѣлъ немного и выжидалъ мѣсто консула? Переселились бы въ лучшій климатъ. А теперь? Богъ знаетъ, увижу ли тебя? Застрянешь въ дурацкой Польшѣ (avec votre sotte de Pologne!!) Да живъ ли ты? откликнись ради Бога.

«Вчера изъ Царскаго пріѣхалъ ко мнѣ Александръ. Говоритъ, что мои мысли о тебѣ пустяки, и что ты пороху не нюхаешь. Но этимъ меня не утѣшилъ. Мои старики тоже скоро уѣдутъ отсюда. Оба были у меня надняхъ вечеромъ, но удовольствія не доставили: хотѣлось быть одной, а мать была такъ весела и такъ подшучивала надъ моимъ одиночествомъ, что у меня раздиралось сердце и я не могла удержаться отъ слезъ. Заходитъ ma très chère mère ко мнѣ часто; вчера провела весь вечеръ и играла въ вистъ, когда, сверхъ ожиданія, пожаловали и Марковъ, и Плетневъ, и Аничковъ; всѣ трое тебѣ кланяются. Вдова Дельвига, она переѣхала на новую квартиру, въ отчаяніи. Иду сейчасъ къ ней, а завтра меня навѣститъ Александръ; пріѣхалъ вчера по дѣламъ изъ Царскаго, куда меня хочетъ увезти на цѣлыхъ три дня. Такъ присталъ, что не знаю, какъ отдѣлаться...

«Братъ Леонъ, какъ говоритъ Александръ, желалъ остаться на Кавказѣ драться съ горцами, но Хитрово во что бы то ни стало хочетъ, чтобы подрался съ поляками. Вѣроятно съ нимъ встрѣтишься»...

Между тѣмъ отецъ мой, отправившійся на театръ военныхъ дѣйствій въ августѣ, вступилъ съ нашими побѣдоносными войсками въ Варшаву.

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію быта моей матери и ея родныхъ въ 1831 году, считаю болѣе для себя удобнымъ привести предварительную замѣтку моего отца, касающуюся пребыванія его въ томъ же году въ Варшавѣ, а затѣмъ сказать нѣсколько словъ о находившемся на театрѣ военныхъ дѣйствій дядѣ Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ и пріятелѣ его Сіяновѣ.

«Въѣзжая въ Варшаву,—пишетъ отецъ,—я прямо направился къ книжной лавкѣ и тутъ же накупилъ книгъ для пополненія моей небольшой библіотеки, которую оставилъ въ Петербургѣ. При выборѣ книгъ обращалъ я вниманіе на край, куда судьба призывала меня на долгое время. Случай же захотѣлъ, чтобы мнѣ отвели квартиру у Кох—го, стараго воеводы-кастеляна, которому, не знаю почему, я очень понравился и который потомъ снабжалъ меня историческими книгами, разсказывая красно про старину Польши, какъ свидѣтель трехъ ея раздѣловъ. Это разбудило во мнѣ страсть къ исторіи, заснувшую съ того времени, какъ я предался музыкѣ и литературѣ. Захотѣлось знать, чего не зналъ; но желаніе это должно было подчиниться требованіямъ службы, когда, съ окончательнымъ открытіемъ временнаго правленія, я туда явился.

«Предсѣдатель Ф. И. Энгель почтилъ меня довѣренностью принимать и докладывать просьбы, поступавшія къ нему сотнями отъ поляковъ, просьбы и дѣльныя, и вздорныя, какъ бываетъ въ такое смутное время. Я принималъ просьбы, разспрашивалъ просителей, нужнѣйшее отмѣчалъ карандашемъ на самой просьбѣ и докладывалъ, исполняя немедленно его приказанія. Все это я дѣлалъ одинъ съ помощью писца: теперь занимается этимъ цѣлое отдѣленіе чиновниковъ. Кромѣ того на дому поправлялъ переводъ съ польскаго на русскій журналовъ временнаго правленія. Упоминаю объ этомъ, какъ о предметѣ полу-литературномъ и въ послѣдствіяхъ своихъ для меня важномъ. Перемарывая почти до слова жалкій пере-

водъ Б—го, я вырабатывалъ, даже создавалъ языкъ, который мало-по-малу усвоили себѣ позднѣйшіе переводчики журнала, а изложеніе бюджета мнѣ стоило большаго труда.

«Это послѣднее занятіе имѣло вліяніе на ходъ моей службы. Поправляя Б—го, я неосторожно, однажды, пошутилъ насчетъ его работы: оказалось, что я поправлялъ не Б—го, а самого Пр—го, директора канцеляріи. Пр—ій надулся, и какъ послѣ я узналъ, нажаловался на меня, потому что председатель привязался однажды къ слову сотвновеніе, употребленному въ бумагѣ вмѣсто столкновеніе, и далъ мнѣ чувствовать съ нѣкоторую важностью, «что и я могу ошибиться». Обнаружилось взаимное охлажденіе; вдобавокъ я занемогъ. Въ такомъ положеніи представилось мнѣ вдругъ, чрезъ посредство Валеріана Ѳедоровича Ширкова, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ, предложеніе перейти къ генералъ-интенданту для занятія по иностранной перепискѣ, производившейся съ нашими консулами прусскимъ и австрійскимъ по предмету продовольственныхъ припасовъ, изъ коихъ одни изъ Пруссіи доставлены были поздно, когда въ нихъ уже надобность минула, а другіе изъ Австріи доставлены не сполна, и увлекли коммиссіонера подъ судъ. Личное, дружеское ко мнѣ расположеніе генералъ-интенданта Погодина, блестящія обѣщанія, а съ другой стороны непріятныя отношенія съ начальствомъ временнаго правленія, наконецъ, приманка новизны (тогда двадцатидевятилѣтнему молодому человѣку), очень еще привлекательной, рѣшили мой выборъ: я простился съ администраціею края, на поприщѣ которой полагалъ быть полезнѣе другихъ, и, согласно моей запискѣ, поданной главнокомандующему дѣйствующею арміею, откомандированъ въ интендантство для сношеній на иностранныхъ языкахъ.

«Удаленіе мое отъ временнаго правленія, кажется, не понравилось предсѣдателю, судя потому, что онъ исходатайствовалъ награды всѣмъ, кромѣ меня.

«Сейчасъ же послѣ моего перевода, мнѣ поручили временно управлять канцеляріею генералъ-интенданта. Хотя я и сидѣлъ съ утра до вечера за бумагами, иногда самаго непріятнаго

содержанія, но нѣтъ худа безъ добра: управляя канцеляріей, я сталъ изучать одну изъ важнѣйшихъ частей военной науки— способы и тайны продовольствія арміи; познакомился при этомъ съ краемъ, и съ того же времени началъ подготовлять матеріалы для статистики Польши...»

Съ дядей Львомъ Сергѣевичемъ отецъ мой встрѣтился въ Варшавѣ, вскорѣ послѣ вступленія туда нашихъ войскъ. Прибывъ съ Кавказа на театръ военныхъ дѣйствій въ свитѣ Паскевича, «Пушкинъ Левъ», по своему обыкновенію, явилъ чудеса храбрости, особенно на приступѣ Варшавы, 26 августа.

Счастіе и здѣсь ему улыбнулось: какая-то невидимая рука его хранила. Находясь среди самаго жестокаго огня и отчаянно работая саблей, дядя остался невредимъ; одна лишь лошадь подъ нимъ была убита.

Левъ Сергѣевичъ очень обрадовался встрѣчѣ съ зятемъ, и явился къ нему на слѣдующій же день съ своимъ пріятелемъ Сіяновымъ.

П. Г. Сіяновъ—воинъ и поэтъ—служилъ еще во время Отечественной войны въ сформированномъ тогда Мамоновымъ полку безсмертный гусаръ. Особенно сблизившись со Львомъ Сергѣевичемъ во время персидскаго похода, онъ, подобно своему пріятелю, не прочь былъ кутнуть, но, какъ оба они выражались, «gardant toujours le calme du comme il faut».

— Знаете ли, любезнѣйшій другъ, Левъ Сергѣевичъ, какая между нами разница?—спросилъ онъ Пушкина.

— Не знаю.

— А вотъ какая. Хотя мы оба, Боже сохрани, никогда во время пирушекъ не выходимъ изъ границъ приличія,—а выпить можемъ на славу,—но шампанское прекращаю тогда, когда начинаю разсказывать собутыльникамъ о французской кампаніи, а вы перестаете пить ромъ, когда поведете разсказъ о персидской.

Левъ Сергѣевичъ и Сіяновъ рѣшили поселиться на одной квартирѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Квартира эта состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ; одну занималъ отецъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ и сотрудникомъ композитора Глинки Валеріаномъ Θедоровичемъ Ширковымъ, а другая пустовала.

Сдѣлавъ это отступленіе, я въ слѣдующей главѣ вернусь къ разсказу о случившемся въ тотъ же періодъ времени, съ іюня по сентябрь 1831 года, съ моей матерью, Александромъ Сергѣевичемъ и ихъ родителями.

XXVII.

«...Знакомы мнѣ и радость и печаль,
«И дней моихъ уже лампада догораетъ,
«Но часто прежняго мнѣ жаль:
«О немъ въ раздуміи душа моя мечтаетъ...»

Мятлевъ.

Лѣто 1831 года моя мать оставалась бòльшею частію въ Петербургѣ, не имѣя возможности слѣдовать за своимъ мужемъ; провела она все это время въ постоянныхъ безпокойствахъ и душевныхъ волненіяхъ. Не зная съ точностью мѣстопребыванія Николая Ивановича и получая отъ него извѣстія крайне неисправно, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, Ольга Сергѣевна предавалась самымъ чернымъ мыслямъ и писала отцу наугадъ въ Минскъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Пултускъ, Плоцкъ, смотря по доходившимъ до нея слухамъ о движеніяхъ арміи.

Къ душевнымъ безпокойствамъ Ольги Сергѣевны присоединялись и вещественныя заботы, при совершенной неизвѣстности, чтò будетъ дальше.

Дѣдъ и бабка наняли въ половинѣ іюня дачу въ Павловскѣ, по близости къ Александру Сергѣевичу, переѣхавшему съ молодой женой въ Царское; въ деревню же порѣшили лѣтомъ 1831 года не заглядывать и держаться вдали отъ разныхъ заботъ о сельскомъ хозяйствѣ, на которое Сергѣй Львовичъ, чтò называется, тогда и рукой махнулъ.

Привожу за это время нѣсколько выдержекъ изъ подлинныхъ французскихъ писемъ, на сколько они касаются быта моей матери и ея родныхъ.

«Никогда мнѣ такъ не было грустно, какъ въ настоящую минуту»,— пишетъ Ольга Сергѣевна мужу въ концѣ мая,—«во-

ображаю тебя среди неустранимыхъ опасностей, въ краѣ враждебномъ, зараженномъ холерой, представляя тебя то больнымъ, то убитымъ злодѣями-мятежниками. Не повѣришь, въ какомъ я отчаяніи, что ты уѣхалъ въ Польшу, а какъ нарочно—черезъ недѣлю послѣ твоего отъѣзда въ этотъ глупѣйшій край,—открылась вакансія консула въ Смирнѣ. Вакансію предложили твоему же бывшему товарищу въ азіатскомъ департаментѣ Габбе; но по болѣзни жены, которая не могла за нимъ слѣдовать, онъ отказался и подыскалъ, взамѣнъ себя, другаго сослуживца. Очень, очень жаль. Служилъ бы ты не въ Польшѣ, рискуя жизнью, а жилъ бы со мной неразлучно въ прекрасномъ климатѣ, при весьма порядочномъ, можно сказать, завидномъ всякому жалованьѣ, а теперь, Богъ вѣсть, какая будущность насъ ожидаетъ.

«Александръ въ Царскомъ; не знаю куда уѣдутъ дражайшіе *) родители. Ничего не рѣшили: въ деревню, или въ Павловскъ».

«Братъ Александръ занимаетъ прелестную дачу въ Царскомъ. Что хочешь, того просишь; прогостила я у новобрачныхъ три дня, а новобрачные, кажется, другъ другомъ очень довольны. Моя невѣстка (Наталья Николаевна) очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ (ma belle soeur est charmante sous tous les rapports). О ея наружности скажу, что она изъ такихъ красавицъ, какихъ встрѣтишь рѣдко не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и Александръ совершенно правъ, называя ее Мадонной; въ самомъ дѣлѣ: греческій, вполнѣ правильный профиль, ростъ, гораздо выше средняго, стройный станъ, при нѣкоторой худощавости, безукоризненныя черты лица—все это, привлекая общее вниманіе, придаетъ внѣшности его жены какое-то величіе, а главное, она предоброе дитя (tout à fait bonne enfant), и, кажется, далеко не глупа (bien loin d'être sotte). Правда, еще застѣнчива, но и этотъ милый порокъ съ лѣтами пройдетъ. Дай Боже, чтобы она сдѣлала брата счастливымъ и успокоила

*) Слово написано по-русски и подчеркнуто!

бы его. Между тѣмъ, онъ и она—двѣ противоположности,—Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита. Ей недоступны ни безпокойства, ни гнѣвъ, а братъ иногда становится капризенъ, какъ беременная женщина, и ворчливъ, какъ шестидесятилѣтній старецъ (mon frère devient quelquefois capricieux comme une femme enceinte, et grognon comme un barbon de soixante ans), что̀ впрочемъ ему, при тѣхъ непріятностяхъ, какими его безпрестанно угощаютъ «добрые люди», извинительно. Надѣюсь, жена будетъ его утѣшеніемъ, если не ангеломъ хранителемъ»...

...«Холера появилась въ Петербургѣ»—сообщаетъ моя мать Николаю Ивановичу отъ 18 іюня,—«и сдѣлала намъ визитъ изъ Нарвы, гдѣ очень напроказила. Холеры я хотя нимало не боюсь, но должна выѣхать отсюда и поселиться на нѣкоторое время въ Царскомъ у брата. Меня къ этому принуждаютъ и онъ, и дражайшіе. Всѣ они вообразили, что мнѣ въ Петербургѣ холеры не миновать. Мама̀ вчера пристала съ криками, папа́ со слезами, а тутъ и братъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Царскаго родителямъ на подмогу; Александръ сталъ меня бранить, зачѣмъ не переѣзжаю къ нему съ «дражайшими» немедленно спасаться отъ болѣзни; укорялъ онъ меня въ упрямствѣ-не понимая, что въ полчаса нельзя мнѣ уложить вещи, разсчитаться съ кѣмъ слѣдуетъ, да сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія по оставляемому хозяйству. Насилу доказала брату, что мнѣ раньше трехъ дней переѣхать къ нему невозможно.—«Если черезъ три дня не увижу тебя у меня въ Царскомъ, то самъ заѣду за тобой, да увезу къ себѣ насильно; вотъ мои послѣднія слова»...

«Что же мнѣ дѣлать? Приходится уступить, чтобы успокоить и брата, и дражайшихъ. Собираюсь и укладываюсь, но этимъ уступки мои кончатся, и я изъ Царскаго далѣе ни шагу. Ни за что̀ на свѣтѣ не поѣду съ «дражайшими» въ Михайловское, если паче чаянья имъ вздумается туда явиться; иначе не выпустятъ»...

...«Я еще въ Петербургѣ,»—пишетъ Ольга Сергѣевна моему отцу отъ 22-го іюня.—«Родители, испугавшись холеры, уложились на скорую руку и бѣжали къ Александру въ Царское

безъ оглядки на другой же день послѣ того, какъ меня посѣтили съ братомъ, т.-е. въ прошлый четвергъ (когда тебѣ писала), —18-го іюня. Подражать имъ физически—въ быстротѣ передвиженія—и нравственно—въ ихъ трусости—никакъ не могла, а по уговору съ Александромъ располагала непремѣнно выѣхать отсюда въ субботу, 20-го іюня; но въ пятницу – 19-го— мнѣ сказали, что городъ окруженъ какимъ-то кордономъ, а въ Пулковѣ устроили карантинъ, гдѣ останавливаютъ проѣзжихъ далеко не на сутки, да окуриваютъ удушливымъ хлоромъ, что̀ страшнѣе, по моему, всякой холеры. У насъ же въ городѣ отъ холеры—хочу тебя попугать такъ же, какъ и меня пугаешь Польшей—большая смертность; развозятъ по кладбищамъ въ сутки болѣе 250 человѣкъ, а въ домѣ, въ которомъ ты меня оставилъ, сію минуту скончался жилецъ верхняго этажа, старикъ Ростъ; за полчаса до смерти онъ былъ веселъ и отобѣдалъ съ большимъ аппетитомъ; вчера тоже внезапно отправилась на тотъ свѣтъ прислуга нижнихъ жильцовъ—молодая, здоровая дѣвушка,—за четверть часа передъ смертью стиравшая бѣлье. Значитъ, Александръ былъ правъ, совѣтуя бѣжать, но что же дѣлать?... опоздала. Народъ въ отчаяніи, а фабричные и мастеровые безчинствуютъ на улицѣ; страшно мнѣ изъ дома выходить, но и въ бѣдныхъ людей грѣшно бросать камень; они отчасти невиноваты: полиція никуда не годится, забираетъ въ лазареты пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ; а доктора—безпримѣрные невѣжды (qui sont d'une ignorance sans exemple)—понимающіе въ болѣзни и лѣкарствахъ еще меньше, нежели мы съ тобой, душатъ этихъ несчастныхъ пьяныхъ такими микстурами, отъ которыхъ безхолерные превращаются въ холерныхъ *). Не можешь себѣ представить, что тутъ за содомъ! Легковѣріемъ народа пользуются мерзавцы, разсказывая ему ужасы разнаго рода; волосы становятся дыбомъ...

«...Съ часу на часъ ждутъ Государя **), какъ слышала се-

*) Эта фраза написана по-русски.

**) Императоръ Николай I дѣйствительно былъ въ Петербургѣ на другой день, 23-го іюня, и усмирилъ бунтъ на Сѣнной площади. Л. П.

годня отъ моего кузена, графа Константина Николаевича Толстаго, и твоего товарища Бухольца. Оба они только-что ушли. Что̀ будетъ дальше—неизвѣстно.

«... Ходятъ вотъ еще какіе слухи, но насколько вѣрны, сказать не могу: будто бы на дняхъ обнаружили гнусный заговоръ и посадили въ Петропавловскую крѣпость пятьсотъ человѣкъ, подкупленныхъ врагами Россіи. Говорятъ, эти чудовища (ces monstres) дѣйствовали насчетъ холеры, которая не совершила и четвертой части приписываемыхъ ей опустошеній.

«Какъ бы ни было, я въ ужасномъ положеніи, не будучи увѣрена въ завтрашнемъ днѣ, а отсюда теперь двинуться къ Александру не могу. Развѣ рѣшусь на рискъ.

«Всѣ разъѣхались заблаговременно, кто могъ. Жуковскій въ Царскомъ, Плетневъ въ Ораніенбаумѣ, Марковъ выѣхалъ въ Кронштадтъ, Нодены въ Ревель, а вдова Дельвигъ въ Москву...»

Ольга Сергѣевна дѣйствительно рѣшилась ѣхать въ Царское на рискъ и вынуждена была возвратиться назадъ. Александръ Сергѣевичъ, называя попытку сестры въ своемъ письмѣ къ Прасковьѣ Александровнѣ «шалостью» *), остался этой попыткой очень недоволенъ, вслѣдствіе чего и черкнулъ сестрѣ довольно рѣзкое посланіе. О случившемся моя мать разсказываетъ Николаю Ивановичу отъ 7-го іюля слѣдующимъ образомъ:

«... Путешествіе мое въ Царское совершенно не удалось. Желая избѣгнуть карантина, я рѣшилась сдѣлать крюкъ и пріѣхала на мѣсто благополучно, хотя и поздно вечеромъ, но позвонила по ошибкѣ не къ брату, у котораго остановились отецъ и мать до переѣзда ихъ въ Павловское, а къ его сосѣдкѣ,— нашей доброй старушкѣ Архаровой. Вообразивъ, что это не я, а сама петербургская холера въ моемъ образѣ пожаловала къ ней въ гости, Архарова закричала отъ испуга, указала мнѣ дачу Пушкиныхъ и крикомъ своимъ произвела суматоху всеобщую. Я къ дражайшимъ; мать, въ особенности же отецъ,

*) См. Письма Пушкина въ VIII томѣ Суворинскаго изданія.

Александръ и жена его были въ гостяхъ,—перепугались еще хуже Архаровой; не холера, а страхъ заразителенъ, и вотъ не прошло получаса, какъ меня отвозятъ съ «тріумфомъ» въ каретѣ, въ сопровожденіи госпожи полиціи, и отвозятъ будто бы для того, чтобы выдержать карантинъ, но на повѣрку моимъ глазамъ представился не карантинъ, а кордонъ, откуда мнѣ, безъ дальнихъ разговоровъ, указали обратную дорогу въ сѣверную столицу. Александръ, узнавъ о моемъ походѣ, тоже встревожился и на меня разсердился жестокимъ образомъ. Написалъ онъ мнѣ такое дерзкое и неумное письмо, что готова быть погребенной заживо, если только оно когда-либо дойдетъ до потомства, а, судя по стараніямъ брата мнѣ его отправить, кажется, Богъ меня прости, онъ на это и разсчитывалъ. (Alexandre m'a écrit une lettre si impertinente et sotte, que je veux être enterrée toute vive, si jamais elle sera vouée à la postérité; vu la peine qu'il s'est donnée à me l'envoyer, il paraît, Dieu me pardonne, qu'il en avait l'espoir). Между прочимъ братъ меня очень энергически укоряетъ въ томъ, что я не исполнила его приказанія (?) ѣхать къ нему въ Царское заблаговременно, до холеры, когда за мной заѣзжалъ. А письмо кончаетъ фразой: «чортъ знаетъ, что такое», которую написалъ огромными буквами...»

Впрочемъ, гнѣвъ дяди Александра на сестру былъ весьма непродолжителенъ. Онъ очень хотѣлъ ее видѣть, однако подъ условіемъ, чтобы она выдержала карантинъ, что̀ и доказывается слѣдующей его французской припиской къ письму Сергѣя Львовича отъ 12 іюля:

«Милая Ольга! Сію минуту получилъ записку отъ Жуковскаго. Онъ сообщаетъ, что выхлопоталъ для тебя позволеніе у князя Волконскаго пріѣхать къ намъ, выдержавъ предварительно карантинъ въ Каменкѣ,—единственный, остающійся въ Царскомъ Селѣ, во всей же имперіи карантины сняты. Посылаю тебѣ письмо Жуковскаго въ подлинникѣ, которое онъ мнѣ писалъ, и тебѣ остается только пойти къ Булгакову. Булгаковъ вручитъ тебѣ билетъ Волконскаго. Да приведетъ тебя Богъ къ намъ; скоро соединимся и будемъ въ состоя-

ніи гулять вездѣ, гдѣ намъ угодно. Прости за рѣзкость прошедшаго письма и не сердись».

(Chère Olga! A l'instant je viens de recevoir un billet de Joukofsky; il m'apprend, qu'il a obtenu pour vous une permission du prince Wolkonsky de venir chez nous, en subissant préalablement la quarantaine à Kamienka. C'est la seule instituée à Царское Село, quoique les autres dans tout l'empire sont abolis. Je vous envoie la lettre de Joukofsky en original, qu'il m'écrit. Vous n'avez qu' à faire une petite visite à Boulgakoff; il vous remettra le billet de Wolkonsky. Que le bon Dieu vous ramène auprès de nous. Bientôt nous serons réunis et libres de nous promener, où bon nous semble. Excusez moi de vous avoir écrit une lettre aussi brusque la fois passée, et ne vous fâchez plus contre moi).

Не желая подчиняться стѣснительнымъ формальностямъ, Ольга Сергѣевна разсудила, помимо полученнаго разрѣшенія, посѣтить брата въ Царскомъ и родителей въ Павловскѣ не иначе, какъ при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ, что̀ и исполнила въ половинѣ августа.

О своемъ пребываніи у брата она пишетъ Николаю Ивановичу отъ 19 августа слѣдующее:

«Александръ въ восторгѣ: прогуливаясь съ Наташей въ Царскосельскомъ паркѣ, онъ встрѣтилъ императора и императрицу. Ихъ величества остановились, чтобы говорить съ ними, а государыня заявила моей невѣсткѣ, что очень рада съ ней познакомиться, и сказала ей много другихъ милостивыхъ и ласковыхъ словъ (l'Impératrice a dit à Nathalie, qu'elle était charmée de faire sa connaissance, et mille autres choses très gracieuses et très aimables). И вотъ Наташа волей-неволей должна явиться ко двору. Она очень застѣнчива, а потому въ отчаяніи; за то Александръ на седьмомъ небѣ и, когда воротился домой, не зналъ отъ радости, куда дѣвать свою особу, приговаривая: «Сестра! Теперь не только я, какъ поэтъ, знаменитость, но и Наташа будетъ знаменитостью; чѣмъ же она хуже хваленыхъ красавицъ: Фикельмонши, графини Мусиной-Пушкиной, Пушкиной не простой,—да Зубовой?».

«Братъ, конечно, порѣшилъ послѣ этого бывать съ женой въ большомъ свѣтѣ и принимать у себя высшее общество, которое меня ничуть не забавляетъ, а мои друзья поэтому не могутъ быть ихъ друзьями. (Il se propose d'aller dans le grand monde et de recevoir du monde, qui ne m'amuse guère, et par conséquent mes amis à moi ne seront pas les leurs)».

«Братъ очень обрадованъ и другою милостью»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна.—«Ему удались хлопоты у Бенкендорфа,— позволить ему описывать подвиги Петра Перваго, Екатерины II-й и заниматься для этого въ архивахъ, на что̀ Александръ получилъ разрѣшеніе. Кстати о Бенкендорфѣ: намедни, гуляя съ братомъ, я встрѣтила этого господина. Наружность его очень мало привлекательна, а улыбка какая-то кисло-сладкая; точно лимонъ укусилъ, какъ выражается братъ Леонъ *).

«Александръ, точно такъ же какъ я, очень сквернаго мнѣнія о Польшѣ; называетъ онъ ее краемъ сумасшедшихъ; надѣется, что мятежниковъ скоро усмирятъ, но совѣтуетъ мнѣ пока туда ноги не ставить, даже въ томъ случаѣ, еслибы ты и болѣе года сюда не являлся. «Въ твои лѣта, Ольга,—говоритъ онъ мнѣ,—не легко тебѣ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ провела пору цвѣтущей молодости и пріобрѣла незамѣнимыхъ друзей; не говорю уже о твоихъ естественныхъ друзьяхъ. Пусть твой мужъ рисуетъ тебѣ сколько ему угодно счастіе проживать въ Польшѣ, вдали отъ родины; не вѣрь заманчивымъ картинамъ, самъ не знаетъ, что говоритъ. Уѣхать на время изъ Петербурга, гдѣ климатъ, правда, никуда не годится—другое дѣло, но разстаться съ Россіей навсегда—не допускаю и повторяю правило Вольтера: «le mieux est l'ennemi du bien».

«Дай Богъ»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна,—«чтобы кампанія съ «польскими шутами» кончилась скорѣе; затѣмъ въ Польшѣ пробудешь недолго, такъ какъ правленіе Энгеля временное: онъ воротится и можетъ тебя въ Петербургѣ какъ-нибудь пристроить.

*) Послѣдняя фраза по-русски.

«Александру я говорила, что до сихъ поръ не могу получить отъ коммиссаріата высланныя мнѣ тобою деньги еще въ апрѣлѣ. Братъ хочетъ на это жаловаться властьимущимъ (aux autorités) и, войдя въ мое положеніе, снабдилъ меня средствами на цѣлый мѣсяцъ, но пока я останусь у него, то-есть еще недѣльку, онъ запретилъ мнѣ ихъ трогать, а объ отцѣ сказалъ: «на дражайшаго не разсчитывай: никогда не получишь, что̀ должна получить отъ него: оброкъ пропалъ, а Михайловское родители рискуютъ видѣть проданнымъ съ аукціона; отецъ не можетъ выплатить казнѣ процентовъ и сидитъ теперь безъ копѣйки (il n'a pas le sou vaillant). Постараюсь какъ можно скорѣе выручить его изъ этой бѣды, когда напечатаю мои повѣсти*), но теперь не могу этого сдѣлать изъ назначеннаго мнѣ государемъ жалованья, а мои «Годуновскія» деньги на исходѣ».

«Александръ и я очень тебя просимъ написать, гдѣ стоитъ Финляндскій драгунскій полкъ, куда поступилъ нашъ храбрый Левъ. Если по близости отъ тебя, то постарайся его увидѣть; Братъ и я очень о немъ безпокоимся, я же особенно.

«... Два послѣднія твои письма дошли до меня распечатанными и я вчера разсказала объ этомъ Александру, въ присутствіи Жуковскаго и Россети. Всѣ нашли любопытство почтамтскихъ чиновниковъ неприличнымъ, а братъ замѣтилъ: «Да развѣ въ патріотическомъ образѣ мыслей и безукоризненной службѣ Николая Ивановича царю и отечеству можно сомнѣваться?» и тутъ же примѣнилъ къ усердному почтамтскому чиновнику поговорку: «Заставь дурака Богу молиться—лобъ расшибетъ».

«Сегодня Александръ подарилъ мнѣ вышедшій недавно романъ Виктора Гюго «Notre Dame de Paris». Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подноситъ мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить.

«... Надняхъ я была въ Павловскѣ у дражайшихъ. Про-

*) Кажется, Повѣсти Бѣлкина. Л. П.

сятъ меня помочь отыскать для нихъ какъ можно скорѣе городскую квартиру, и завтра мама̀ уѣзжаетъ со мною для этого въ Петербургъ; проживетъ у меня съ недѣлю, можетъ быть и больше, пока не отыщемъ...

«... Переслала ли я тебѣ оду Александра «Клеветникамъ Россіи?» *). Не можешь себѣ вообразить, какой она здѣсь производитъ эффектъ, а Жуковскій отъ нея въ восторгѣ. Постарайся-ка распространить ее въ дурацкой твоей Польшѣ (dans votre sotte de Pologne). Александръ говоритъ, что онъ хотѣлъ заклеймить не столько «безмозглыхъ» мятежниковъ, сколько иностранныхъ недоброжелателей нашихъ. Толкуютъ они о Россіи взякій вздоръ и въ газетахъ, и во французской палатѣ депутатовъ, а въ Лондонѣ какой-то шляхтичъ сочинилъ преглупую записку съ тѣмъ, чтобы о ней болтали въ парламентѣ. Братъ мнѣ объ этомъ разсказывалъ **), и непремѣнно хочетъ отыскать между истыми русскими патріотами такого знатока французской поэзіи, который могъ бы перевести «Клеветникамъ Россіи»; иначе дальше Россіи обличеніе это не пойдетъ, что и будетъ даромъ потраченной для господъ иностранцевъ риторикой (et cela sera une rhétorique en pure perte pour messieurs les étrangers)».

Извѣстіе о взятіи штурмомъ Варшавы такъ обрадовало дядю, какъ увѣряла Ольга Сергѣевна, что онъ прослезился отъ взволновавшихъ его чувствъ, которыя и не замедлилъ выразить въ своей знаменитой «Бородинской годовщинѣ», не уступившей по силѣ и достоинству предшествовавшей ей одѣ. Оба стихотворенія тогда же были напечатаны отдѣльной книжкой, вмѣ-

---

*) Дядя написалъ эту оду въ Царскомъ же Селѣ 5 августа того же 1831 года. Л. П.

**) Вѣроятно Ольга Сергѣевна подразумѣваетъ записку не «неизвѣстнаго», какъ она полагаетъ, шляхтича, а ноту, поданную въ мартѣ 1831 года лорду Пальмерстону польскимъ депутатомъ маркизомъ Велепольскимъ. Записка Велепольскаго напечатана была тогда и въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ. въ видѣ брошюры, составляющей теперь библіографическую рѣдкость, которую подарилъ мнѣ мой покойный отецъ въ числѣ другихъ курьезовъ. Л. П.

стѣ съ «Русской славой» Василія Андреевича Жуковскаго, одой, начинающейся словами:

«Святая Русь, славянъ могучій родъ,
«Сколь велика, сильна твоя держава?» *).

Объ этомъ Ольга Сергѣевна пишетъ отцу изъ Петербурга 10-го сентября 1831 года, между прочимъ:

«Варшава взята, стрѣляютъ изъ пушекъ, городъ залитъ иллюминаціей. Назначено благодарственное молебствіе и торжественный парадъ въ высочайшемъ присутствіи. Стихи Александра и Жуковскаго на взятіе Варшавы приводятъ всѣхъ въ восторгъ необычайный. Говорятъ, очень понравились государю; ихъ читаютъ вездѣ, разучиваютъ наизустъ; нашлось много охотниковъ переводить ихъ и по-французски, и по-нѣмецки (было бы забавно перевести по-польски), и коверкать ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Въ числѣ такихъ переводчиковъ или исказителей (au nombre de ces auteurs ou estropieurs) нашелся, къ своему несчастію, бывшій мой почитатель (mon ex-adorateur) Бакунинъ; говорю «къ своему несчастію», такъ какъ не щадилъ ни силъ, ни трудовъ, стряпая наше русское кушанье на французскій ладъ; даже похудѣлъ бѣдняга, но изъ его стряпни вышелъ такой соусъ, который и въ ротъ не возьмешь. Пришелъ ко мнѣ и сталъ читать. Я должна была волей-неволей отпустить ему дипломатическій комплиментъ; Бакунинъ обрадовался, да и пригрозилъ дать попробовать свой соусъ Александру, но я отсовѣтовала, сообразивъ, что братъ можетъ этому труженику намылить голову по-своему. Явился и нѣмецкій исказитель «Бородинской годовщины», какой-то учитель (Schulmeister). Этотъ ужъ изъ рукъ вонъ: переводъ вчетверо хуже бакунинскаго.

«Братъ вручилъ мнѣ свои стихи, писанные собственной рукой, съ тѣмъ, чтобы я переслала ихъ черезъ тебя бѣднягѣ Александру Языкову, преображенскому капитану, ради утѣшенія: но Языковъ, какъ должно быть тебѣ извѣстно, такъ

*) См. т. III Стихотвореній Жуковскаго, изд. пятое, стр. 325.

страдаетъ отъ тяжкой раны, полученной при взятіи непріятельской батареи, что ему не до стиховъ; посылаю на всякій случай. Передай ему ихъ, да отпиши Александру Сергѣевичу, какъ ты его нашелъ? Другой экземпляръ Александръ хочетъ послать своему пріятелю Саломірскому; этотъ тоже, говорятъ, сильно раненъ; разсказывали даже, что ему оторвало челюсть, но слухъ къ счастію оказался невѣрнымъ.

«Показала я брату, присланныя тобою патріотическія солдатскія пѣсни Ширкова и Сіянова на знаменитый штурмъ; стихи, не въ обиду будь этимъ храбрымъ двумъ воинамъ сказано, незавидны. Братъ прочелъ, разсмѣялся и сказалъ: «изящнаго тутъ мало, но все же стихи остроумны, а главное, въ «нихъ русскій духъ и Русью пахнетъ», кто во что гораздъ». Посылаетъ онъ этимъ піитамъ сердечный поклонъ, и очень радъ, что Левъ остановился вмѣстѣ съ Сіяновымъ у тебя. Не вдохновился ли и онъ музой своего пріятеля?

«Кстати или некстати: Александръ пріѣхалъ ко мнѣ вчера, въ среду, изъ Царскаго; долженъ былъ явиться въ иностранную коллегію, куда поступаетъ на службу; веселъ какъ мѣдный грошъ, забавлялъ меня остротами, уморительно передразнивалъ Архарову, Ноденовъ, причемъ не забылъ представить и «дражайшаго» *). Разсмѣшилъ онъ меня и фразой, пущенной по адресу твоей возлюбленной «Сѣверной Пчелы», изъ которой ровно ничего хорошенько узнать нельзя—ни о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, ни о томъ, когда послѣдуетъ возвращеніе гвардіи, ни о Модлинѣ, ни о Замостьѣ и проч., не говорю уже о политикѣ иностранной. «Ради Бога,—сказалъ Александръ,—читай что-нибудь подѣльнѣе «Сѣверной Пчелы»: эта драгоцѣнная газета сдѣлалась глупѣе тридцати шести пустыхъ горшковъ. Au nom du ciel lisez quelque chose de plus sérieux que la «Сѣверная Пчела»: ce très cher journal est devenu plus bête que trente six pots vides)». Наконецъ, братъ сталъ немножко и надо мной подсмѣиваться, когда я ему сказала, что очень

*) Сергѣя Львовича.

безпокоилась о тебѣ послѣднее время, воображая тебя убитымъ. Александръ на это покатился со смѣху и отвѣчалъ: «Твой мужъ не въ строю, а въ чиновничьемъ полку Энгеля: не штыкомъ, а перомъ работаетъ, и вѣрь мнѣ, онъ обожаетъ тебя гораздо больше, нежели Донъ-Кихотъ обожалъ Дульцинею. Рыцарь печальнаго образа ломалъ копье въ честь своей дамы, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ, заботясь о твоемъ спокойствіи и будущности, этого не сдѣлаетъ; твое предположеніе, будто бы твой рыцарь пошелъ добровольцемъ на штурмъ—не отъ міра сего. (Crois bien, que l'adoration de ton mari pour toi dépasse de beaucoup celle de Don-Quichotte pour sa Dulcinée. Le chevalier de la triste figure rompait sa lance en faveur de sa dame, tandis que Николай Ивановичъ, rien qu'en songeant à ta tranquillité et à ton avenir ne le fera pas, et ton idée comme si ton chevalier s'est présenté en volontaire à l'assaut est une idée de l'autre monde).

«Прочитавъ это нравоученіе и продолжая смѣяться, Александръ довольно сильно ущипнулъ меня за щеку и проговорилъ: «Recevez cette caresse fraternelle! Vous n'êtes qu'une Маремьяна старица, что обо всемъ на свѣтѣ печалится». Но братская ласка-лаской, а его просьба при прощаніи, отыскивать ему такъ же, какъ для родителей, квартиру—мнѣ совсѣмъ не понутру. Найдешь—не понравится, и на меня же посѣтуетъ: хочетъ непремѣнно поселиться, если не на англійской набережной, то по близости. Впрочемъ, переѣдетъ не раньше половины октября.

«Смѣется Александръ и надъ тобой, въ особенности же надъ твоимъ другомъ, барономъ Бухольцомъ, потому что вы оба «Орестъ и Пиладъ», какъ онъ выражается, сами не знаете, что дѣлаете.

«Александръ говоритъ справедливо. Зная мою городскую квартиру, ты пишешь мнѣ письма на имя твоего «Пилада», а «Пиладъ», не освѣдомясь, гдѣ живу, занимается ихъ отправкой въ Царское къ Александру. Братъ же, пересылавшій мнѣ твои письма неаккуратно,—а два письма не переслалъ вовсе,—сказалъ вчера въ оправданіе: «Не отпра-

влялъ тебѣ писемъ твоего мужа изъ-за моего добраго сердца: я ихъ пожалѣлъ и хотѣлъ, чтобы они у меня отдохнули; не то устали бы бѣдняжки отъ длиннаго путешествія».

«Какъ видишь, расположеніе духа Александра великолѣпно. Онъ какъ нельзя болѣе обрадованъ и успѣхами въ большомъ свѣтѣ своей жены, и успѣхами на Руси второй, какъ онъ выразился, своей жены—музы, и оказанными ему царскими милостями, а, наконецъ,—сказалъ мнѣ по секрету,—осчастливленъ надеждой назвать себя будущей весной (1832 года) отцомъ семейства: Наташа, какъ онъ полагаетъ, беременна *).

«За то папа и мама въ отчаяніи; впрочемъ, сами кругомъ виноваты, что дѣла запутали. Въ практической жизни оба совершенныя дѣти—и мало того: избалованныя дѣти: не могутъ ни съ чѣмъ справиться, и только кричатъ «вынь да положь!» Отыскала имъ квартиру у Синяго моста, но переѣдутъ изъ Павловска тоже не раньше октября. Я же, все тебя поджидая, и узнавъ, что Энгель мѣтитъ на мѣсто Закревскаго, разсчитываю, что и ты не застрянешь въ Польшѣ; поэтому и не трогаюсь изъ дома Дмитріева, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, и ни за что̀ не соглашаюсь ни на какія просьбы брата Александра переѣхать къ нему; у него уже и безъ того гоститъ одна изъ его свояченицъ; ожидаетъ еще другую и безъ того заводитъ, значитъ, цѣлый гаремъ; выходитъ смѣшно: il sera le coq du village, а еще пристягнетъ и меня... этого только не доставало. Я ему высказала мои мысли въ шуточномъ тонѣ и высказала такъ забавно, что братъ расхохотался; отвѣчалъ мнѣ на шутку шуткой: зная, что и ты, милый Николай, иногда не прочь посмѣяться, понимаешь невинныя шутки, а потому на него не обидишься, братъ попросилъ меня тебѣ написать, что сравниваетъ меня съ неутѣшной Пенелопой, ожидающей въ Итаку (въ домъ Дмитріева) своего Улиса (тебя), который послѣ взятія Трои (Варшавы), совершитъ въ Итаку окольный или лучше сказать школьный путь (il prendra le chemin de

---

*) Надежды дядю не обманули: старшая дочь его, Марья Александровна, родилась 19 мая 1832 года.

l'école), а лавируя теперь между Сциллой (предсѣдателемъ временнаго правленія Энгелемъ), да Харибдой (интендантомъ Погодинымъ) *), попадетъ въ лапы на годъ къ Цирцеѣ какой-нибудь, а на семь лѣтъ къ Калипсо—тоже какой-нибудь; но тутъ сравненіе брату не удалось (Ici la comparaison lui a fait défaut)».

Хлопоты Ольги Сергѣевны отыскать для дяди городскую квартиру по его вкусу не увѣнчались, какъ она и предвидѣла, успѣхомъ. Нанятая квартира ему не понравилась, и онъ послѣ своего пріѣзда изъ Царскаго, не остался въ ней и на недѣлю; нашелъ другую, какъ пишетъ мать отъ 2-го ноября Николаю Ивановичу, за 2,500 рублей годовой платы, по Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорна. Старики же остались выборомъ квартиры для нихъ Ольги Сергѣевны у Синяго моста очень довольны.

Веселое настроеніе не покинуло Пушкина съ его возвращеніемъ изъ Царскаго,—настроеніе, которое его тамъ вдохновило, какъ дядя сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, написать смѣшную сказку «О попѣ осиновомъ лбѣ **) и работникѣ его Балдѣ».

При свиданіи съ сестрой, послѣ пріѣзда, первыя слова дяди были:

— «Поздравь меня, Оля! У меня еще гора съ плечъ свалилась: Онѣгина, Онѣгина я кончилъ: понимаешь, Онѣгина! Правда, жаль было разлучиться съ такимъ хорошимъ десятилѣтнимъ знакомымъ ***), «mais pas de bonne compagnie qu'on ne quitte», по французской пословицѣ: остается залить вѣчную горькую разлуку шампанскимъ»,—прибавилъ весело Пушкинъ, обращаясь къ сидѣвшимъ у Ольги Сергѣевны Мятлеву и своему лицейскому товарищу —Комовскому «право, нехудо...»

---

*) Еще до своего прикомандированія къ генералъ-интенданту Погодину, (о чемъ ниже), отецъ, по его просьбѣ, писалъ для него изрѣдка бумаги на иностранныхъ языкахъ, въ которыхъ Погодинъ не былъ особенно силенъ.

**) Впослѣдствіи попъ, какъ извѣстно, преобразился въ купца Остолопа. Л. П.

***) Дядя писалъ Онѣгина слишкомъ девять лѣтъ. Л. П.

Послѣдніе три мѣсяца 1831 года Ольга Сергѣевна ограничивалась небольшимъ кружкомъ своихъ подругъ—Трубецкихъ, Анны Петровны Кернъ, Голицыныхъ, Талызиныхъ, г-жи Вейдемейеръ и дѣвицъ Шевичъ—съ которыми отводила душу. Изъ этого дружескаго кружка выбыла вдова поэта Дельвига: она еще въ іюнѣ, слѣдовательно пять мѣсяцевъ спустя послѣ кончины мужа, обвѣнчалась съ братомъ другаго поэта, Сергѣемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ, но свадьбу объявила только въ октябрѣ и выѣхала въ Москву.

Посѣщая и принимая своихъ подругъ, исполняя порученія родителей, наблюдая за сбытомъ литературныхъ трудовъ отсутствовавшаго Николая Ивановича, моя мать посвящала остальное время любимому своему занятію—акварельнымъ портретамъ и, слѣдуя совѣту брата, продолжала свои «воспоминанія» на французскомъ языкѣ (mes souvenirs), въ которыхъ излагала весьма интересно, въ историческомъ порядкѣ, происшествія, случившіяся какъ въ домѣ ея родителей, такъ и въ домахъ родственныхъ ей семействъ—Ганнибаловыхъ, Ржевскихъ, Бутурлиныхъ, Овцыныхъ и т. д., причемъ характеризовала дѣйствовавшихъ лицъ, можно сказать, неподражаемо. Вскорѣ послѣ сказаннаго мною выше свиданія съ братомъ, она прочитала ему нѣсколько главъ, написанныхъ ею во время его отсутствія.

Дядя Александръ, никогда не скрывавшій передъ сестрою то, что чувствовалъ, и никогда не льстившій ни своимъ, ни чужимъ, выслушавъ эти главы съ особеннымъ вниманіемъ, бросился ее обнимать, и сказалъ:

— «Ты ли это писала? Да это образецъ искусства: (Mais c'est un chef d'oeuvre!) Ради Бога, пиши, пиши и пиши! Глава твоя о семействѣ Овцыныхъ стоитъ цѣлой поэмы, а нашего предка Юрія Ржевскаго радъ бы самъ такъ прелестно нарисовать въ стихахъ, какъ ты нарисовала его въ прозѣ. Вижу въ этихъ главахъ и конецъ моей недодѣланной повѣсти о нашемъ прадѣдѣ Абрамѣ Петровичѣ *) и конецъ моего послѣдняго от-

*) Арапъ Петра Великаго, написанный въ 1827 году.

рывка *)! Жаль только, и какъ нельзя болѣе жаль, что пишешь не по-русски, моя безцѣнная мадамъ Кампанъ»,—заключилъ дядя, подчуя сестру даннымъ ей прозвищемъ.

Ольга Сергѣевна отвѣчала брату, что, если ея воспоминанія дѣйствительно кажутся ему сюжетомъ достойнымъ поэмы, то пусть онъ этимъ сюжетомъ и воспользуется, причемъ поставила, однако, брату условіемъ не называть дѣйствующихъ лицъ по фамиліямъ, если задумаетъ написать поэму въ стихахъ. Если же захочетъ перевести эти главы на русскій языкъ и изложить ихъ прозою, передѣлавъ ихъ по своему усмотрѣнію—дѣло другое.

Дядя отвѣчалъ, что на дняхъ онъ возьметъ у сестры тѣ главы, которыя послужили бы дополненіемъ напечатанныхъ имъ отрывковъ, касающихся біографіи предковъ Ганнибаловъ, но будучи въ восторгѣ отъ прочитаннаго, умоляетъ «мадамъ Кампанъ» прочесть послѣднія главы тѣмъ слушателямъ, которыхъ онъ приведетъ къ ней на другой же день.

Ольга Сергѣевна согласилась на предложеніе брата, и дѣйствительно, на другой день явились къ ней съ Александромъ Сергѣевичемъ другъ его Плетневъ, пріѣхавшій изъ Москвы князь Вяземскій, Соболевскій, Илличевскій и еще кое-кто. Господа эти заняли мѣста за круглымъ столомъ, почему Ольга Сергѣевна и начала чтеніе шуткой:—«Prêtez attention chevaliers de la table ronde!»

Мастерскимъ чтеніемъ и интересомъ изложеннаго моя мать доставила слушателямъ большое удовольствіе.

Александръ Сергѣевичъ затѣмъ взялъ воспоминанія для просмотра и черезъ нѣсколько времени возвратилъ ихъ сестрѣ, говоря, что извлекъ изъ нихъ все, что̀ ему можетъ пригодиться.

Но намѣреніе Пушкина облечь написанное сестрой въ поэтическую форму не осуществилось, при другихъ принятыхъ имъ на себя работахъ.

Затѣмъ, о злополучной судьбѣ «воспоминаній» покойной

---

*) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ (1830—1831 г.).

моей матери я уже вкратцѣ сообщалъ въ первой главѣ настоящей «Семейной хроники», но возвращусь къ этому предмету при изложеніи послѣдующихъ событій.

XXVIII.

Дядя Александръ, вращаясь въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, пытался неоднократно втянуть туда и сестру, увѣряя ее, что ей еще не подобаетъ по лѣтамъ превратиться въ отшельницу, а знакомство съ аристократическими салонами ей необходимо. По мнѣнію Александра Сергѣевича, сестра его, «познакомясь съ вліятельными при дворѣ дамами и другими особами, расположитъ ихъ сейчасъ же,—при умѣньи говорить,—въ свою пользу, а потомъ, даже очень скоро, вытащитъ, при ихъ помощи, Николая Ивановича, который получитъ мѣсто въ Петербургѣ уже не съ такимъ несчастнымъ жалованьемъ, какимъ пользуется, и не «пропадетъ, а скорѣе въ камеръ-юнкеры попадетъ».

Ольга Сергѣевна, не раздѣляя мнѣнія брата, нерѣдко сердила его—Пушкинъ не особенно жаловалъ противорѣчій, высказываемыхъ ему безъ обиняковъ—когда заявляла дядѣ, что посѣщенія, а слѣдовательно волей-неволей и пріемъ на скромной квартирѣ великосвѣтскихъ барынь—поведутъ лишь и къ убытку матеріальному, т.-е. къ опростанью и безъ того тóщаго ея кармана, и къ убытку нравственному, весьма тяжелому сознанію, что эти госпожи и господа сочтутъ себя въ правѣ давать ей чувствовать разницу между ея домашней обстановкой и той, къ которой они привыкли. Заискиванья же ея, Николая Ивановича ради,—которыя едва ли могутъ повести къ предполагаемой цѣли—она считаетъ дѣломъ несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ и даже прямо для себя оскорбительнымъ.

— «Я самъ гордъ,—отвѣчалъ моей матери однажды Александръ Сергѣевичъ на ея доводы,—но, какъ вижу, ты меня и въ этомъ миломъ качествѣ перещеголяла: ты уже не горда, а высокомѣрна (tu n'es pas seulement fière, mais altière).

Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, но мой совѣтъ—непремѣнно являться изрѣдка туда, куда, по моему, должны ходить люди, не обиженные судьбою своимъ происхожденіемъ...

— «Но куда не должны ходить люди, обиженные карманомъ»,—докончила Ольга Сергѣевна.

Дядя не сдался и, повторяя, что даетъ ей совѣты изъ желанія всевозможнаго добра и благополучія, склонилъ сестру познакомиться, хоть изъ любви къ нему, и черезъ него же, съ двумя-тремя великосвѣтскими семействами, у которыхъ бывать съ нимъ и Натальей Николаевной изрѣдка, и весьма обрадовался одержанной надъ сестрой побѣдой, выраженной ею въ словахъ: «для тебя, такъ и быть».

Ольга Сергѣевна исполнила то, что братъ считалъ для нея необходимымъ, а именно сопровождала его съ женою—весьма, впрочемъ, нечасто—въ петербургскій мондъ.

О посѣщеніи одного изъ великосвѣтскихъ собраній Ольга Сергѣевна, между прочимъ, писала мужу 15-го ноября 1831 года:

«Вчера я была съ братомъ и его женой на раутѣ у графини Р—й. Сама не рада: кромѣ сплетенъ high-life'а ничего путнаго оттуда не вынесла. Ничего еще, еслибы отъ пустыхъ разговоровъ поглупѣла на нѣсколько часовъ: на другой же день дурь бы прошла, но одна изъ слышанныхъ мною сплетенъ меня взбудоражила *). На раутѣ очутился какой-то прискакавшій изъ Варшавы польскій камергеръ, знакомый брату. Узнавъ отъ Nathalie, что я ея невѣстка, онъ брякнулъ **) ей, затѣмъ по секрету: «мужъ вашей belle soeur имѣлъ съ Энгелемъ большую ссору, изъ-за какого-то дѣла по службѣ, наговорилъ ему рѣзкостей и принужденъ возвратиться въ Петербургъ разжалованнымъ, т. е. безъ мѣста, а мѣсто его предлагаютъ вашему брату Гончарову». Сообщивъ такую «прелестную» новость, «панъ вельможный» счелъ долгомъ отвѣсить belle soeur'ѣ низкій поклонъ à la Louis treize и поздравить ее съ назначеніемъ братца на твое мѣсто,

*) Въ подлинникѣ подчеркнутая фраза написана по-русски.

**) Это слово тоже написано по-русски.

а невѣстка, по своей разсѣянности (par étourderie)—свойственной, впрочемъ, ея молодости—препроводила мнѣ секретъ «вельможнаго» цѣликомъ, (d'un bout à l'autre) вмѣсто того, чтобы спросить прежде брата письмомъ, точно ли такъ. Разумѣется, я пустила всю эту штуку (j'ai lancé toute cette pièce) Александру. Онъ пожурилъ Наташу за несоблюденіе секрета и утѣшилъ меня тѣмъ, что, хотя у тебя и могли быть недоразумѣнія по службѣ и щекотливыя объясненія, но дѣлать изъ-за этого тебѣ сцену начальнику, котораго уважаешь и цѣнишь, на это ты слишкомъ уменъ и благовоспитанъ, а Гончаровъ, еслибы и предложили ему мѣсто какое-нибудь, не молчалъ бы. Все-таки Александръ не могъ меня успокоить; всю ночь не смыкала глазъ и только сегодня разсудила, что разсказъ «вельможнаго» неловко придуманная сплетня. Отъ службы тебя не отставятъ, а скорѣе—**какъ сострилъ мнѣ братъ—сдѣлаютъ тебя если не консуломъ или вице-губернаторомъ, то по крайней мѣрѣ частнымъ, а на худой конецъ солянымъ приставомъ**. *). Не явись я вчера въ большой свѣтъ, да сиди себѣ дома на здоровье, провела бы вечеръ въ тысячу разъ пріятнѣе».

«Говоря о большомъ свѣтѣ»,—заканчиваетъ письмо Ольга Сергѣевна,—«скажу тебѣ, что большой свѣтъ также не былъ избавленъ отъ холеры, и Александръ очень ошибался, когда увѣрялъ, что порядочныхъ (?), по его мнѣнію, людей холера не тронетъ: моя подруга и кузина Окунева,—ее я видала за нѣсколько дней передъ смертью—разсталась съ недолговременной жизнью въ ужасныхъ мученіяхъ; въ такихъ же мученіяхъ закончилъ тоже отъ холеры короткій жизненный путь баронъ Корфъ, родственникъ и зять (cousin et beau frère) Модеста, саперный полковникъ. Пригласили меня на похороны, откуда вынесла самое тяжелое впечатлѣніе: въ церкви, во время отпѣванія тѣла, съ Модестомъ (Андреевичемъ) случился припадокъ, какъ у самой слабонервной женщины: рыдалъ, хохоталъ и лишился, наконецъ, сознанія! Можешь себѣ представить суматоху! Его вынесли изъ церкви безъ чувствъ. Жена

*) Послѣднія фразы письма по-русски. Л. П.

покойнаго въ отчаяніи. Ожидаю маму и Александра съ женой поѣхать съ ними къ Корфамъ вмѣстѣ. Поподчивала холера (le cholêra a réhalé) и твоего пріятеля Маркова: на силу поправился, но ты бы его не узналъ. Ругаетъ не столько холеру, сколько докторовъ, а докторъ Р., уморившій пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ, самъ на тотъ свѣтъ отправился, въ качествѣ уже настоящаго холернаго. Булгаринъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ», въ память этого господина, трогательный панегирикъ, какъ о спасителѣ человѣчества, которое, однако, послѣ смерти Р. почувствуетъ себя гораздо лучше,—какъ всѣ предсказываютъ, кромѣ Булгарина».

Услышанная Ольгой Сергѣевной отъ своей невѣстки новость о небывалой ссорѣ Николая Ивановича съ Энгелемъ, и о замѣнѣ моего отца шуриномъ Александра Сергѣевича не имѣла ни малѣйшаго основанія: никакой ссоры съ Энгелемъ не было, отставки же подавно.

Напротивъ того: Энгель, оцѣнившій службу моего отца, остался очень недоволенъ окончательнымъ его прикомандированіемъ въ 1832 году къ генералъ-интенданту дѣйствующей арміи Погодину. Считать же громкой ссорой отнюдь было нельзя случайное охлажденіе Энгеля къ Николаю Ивановичу, вызванное жалобой директора канцеляріи Пр—го на отца за насмѣшливый его отзывъ о чиновничьей музѣ этого послѣдняго дѣятеля.

Какъ бы ни было, Надежда Осиповна, воспользовавшись дошедшей до нея—изъ того же источника—сплетней на счетъ зятя, стала съ злорадствомъ попрекать дочь бракомъ съ человѣкомъ неугомоннымъ, не изучившимъ яко бы азбуки уживаться съ людьми, а когда нелѣпость пущенной сплетни была опровергнута недѣли черезъ двѣ отвѣтомъ Николая Ивановича женѣ, въ которомъ отецъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно хочетъ пріѣхать въ Петербургъ весною, но единственно съ цѣлію увезти въ Варшаву Ольгу Сергѣевну—бабка выразила дочери уже чистосердечно, что отставка Николая Ивановича пришлась бы ей гораздо больше по вкусу, чѣмъ разлука съ Ольгой Сергѣевной.

Мать видѣлась часто съ дѣдомъ и бабкой, выслушивая ихъ безконечныя сѣтыванія на плутни управляющихъ, въ силу чего въ родительской кассѣ царила пустота. Ольга Сергѣевна, сама ожидавшая отъ своего отца помощи, согласно его обѣщанію, могла изъявлять родителямъ только соболѣзнованіе, а дядя Александръ, выручая ихъ по мѣрѣ силъ, и выплативъ только-что долгъ храбраго воина Льва,—кутнувшаго, во славу русскаго оружія, порядкомъ въ покоренной Варшавѣ—не могъ, въ концѣ концовъ, сдѣлаться для стариковъ и брата, неизсякаемымъ источникомъ карманныхъ благъ. Доходы Александра Сергѣевича оказались значительно меньше расходовъ, при частыхъ выѣздахъ въ свѣтъ съ Натальей Николаевной и неизбѣжныхъ отъ этого послѣдствій, а именно далеко недешевыхъ пріемовъ у себя дорогихъ гостей. По словамъ моей матери—опятьтаки говорю не отъ себя—Александръ Сергѣевичъ ей жаловался, что у него постоянныя недохватки и перехватки, и хотя надѣется получать за стихъ даже по червонцу, заработать Евгеніемъ Онѣгинымъ и повѣстями Бѣлкина не мало, а доходы отъ изданія задуманной дядей ежедневной газеты, при назначенныхъ ему 5,000 рубляхъ жалованья за «ничего неdѣланье въ иностранной коллегіи» совсѣмъ не бездѣлица, но все это впереди, и было бы хорошо, еслибы «свѣтъ» не ставилъ его въ стѣснительныя рамки. Сестра совѣтывала ему уменьшить путешествія по великосвѣтскимъ салонамъ и, взявъ мѣсяца на два отпускъ, предпринять, экономіи ради, другое путешествіе лѣтомъ въ деревню, пребываніе въ которой—вдали отъ свѣтской суеты—можетъ обогатить не только его, но и отечество новыми его твореніями; но Александръ Сергѣевичъ замѣтилъ, что такая поѣздка невозможна, когда онъ именно долженъ вмѣстѣ съ женою стоять ближе къ солнцу.

Заключаю описаніе семейныхъ происшествій 1831 года выдержками изъ письма Ольги Сергѣевны къ моему отцу въ концѣ декабря, относительно своего брата:

«Александръ—сообщаетъ мать—ускакалъ въ Москву еще передъ Николинымъ днемъ, и по своему обыкновенію, совершенно нечаянно—sans tambour ni trompette; предупредилъ

только Наташу, объявивъ, что ему необходимо видѣться съ Нащокинымъ и совсѣмъ не по дѣламъ поэтическимъ, а по дѣламъ гораздо болѣе существеннымъ—прозаическимъ. Задумалъ онъ издавать и газету въ свою пользу, и «Сѣверные цвѣты» въ пользу семейства нашего покойнаго пріятеля *),—лучше сказать его братьевъ—и въ архивахъ копаться не хуже тебя, но какія именно у него дѣла денежныя, по которымъ улепетнулъ отсюда—узнать отъ него не могла, а жену не спрашиваю. Ждутъ брата, однако, весьма скоро назадъ. Очень часто вижусь съ его женой; то я захожу къ ней, то она ко мнѣ заходитъ, но наши свиданія всегда случаются среди бѣлаго дня. Заставать ее по вечерамъ и думать нечего: ее забрасываютъ приглашеніями то на балъ, то на раутъ. Тамъ отъ нея всѣ въ восторгѣ, и прозвали ее Психеею, съ легкой руки госпожи Фикельмонъ, которая не терпитъ, однако, моего брата—одинъ Богъ знаетъ почему.» . . . .

. . . .

XXIX.

Дядя Александръ возвратился изъ Москвы къ новому году.

Этотъ новый (1832) годъ, Ольга Сергѣевна встрѣтила въ послѣдній разъ въ кругу родныхъ—въ домѣ моего дѣда и бабки—съ братомъ и его женой.

«Никогда еще мнѣ не было такъ грустно какъ въ прошлую пятницу, 1-го января»,—пишетъ она отцу (во вторникъ 5 января),—«когда обѣдала съ братомъ и Наташей у стариковъ. Папа и мама, хотя и не совсѣмъ передо мною правы, но все же любятъ меня по своему; меня томили недобрыя предчувствія, что въ день новаго года обѣдаю у нихъ послѣдній разъ. Александръ и Наташа оставались у нихъ—какъ и я—весь вечеръ. Родные, когда я заговорила имъ о вѣроятной разлукѣ, и слышать не хотятъ, чтобы я промѣняла Петербургъ на Варшаву, а Соболевскій, который тоже былъ тамъ (онъ ѣдетъ

*) Разумѣется тутъ баронъ Дельвигъ.

скоро за границу, и будетъ у тебя въ твоемъ возлюбленномъ городѣ) увѣрялъ меня, что твое пребываніе въ Польшѣ временное, и если только искренно захочешь, можешь возвратиться въ иностранную коллегію, тѣмъ болѣе, что тебя еще не вычеркнули изъ списка ея чиновниковъ, точно такъ же, какъ и еще двухъ или трехъ господъ, отправившихся съ Энгелемъ. Соболевскій правъ, и послушай меня: брось чужой тебѣ край и возвращайся на твою родину, святую Русь, ко мнѣ. Чѣмъ тебѣ опротивѣла наша—хоть и бѣдненькая, но все же миленькая—квартира въ домѣ Дмитріева? Чѣмъ тебѣ стали немилы твои лицейскіе товарищи, твои добрые петербургскіе сослуживцы-друзья, которые тебя такъ любятъ и такъ жалѣютъ о твоемъ отсутствіи? Съ кѣмъ, не говоря уже обо мнѣ, обмѣняешься по душѣ роднымъ русскимъ словомъ? Братъ Леонъ пишетъ Александру, что онъ ни за что не останется въ Варшавѣ: война давно кончена, и ему тамъ ровно нечего дѣлать, а Ширковъ и Сіяновъ тоже уѣдутъ. Съ кѣмъ же останешься изъ близкихъ тебѣ? Въ твоей варшавской службѣ счастія не вижу, и вотъ мой совѣтъ: братъ Александръ еще въ ноябрѣ поступилъ на службу съ прекраснымъ жалованьемъ туда, гдѣ и ты еще считаешься—въ иностранную коллегію—заниматься въ архивѣ историческими работами; эти работы и ты любишь. Хотя Александръ и моложе тебя чинами, но извѣстенъ всей Россіи; слово его вѣско, и онъ будетъ очень радъ случаю тебя толкнуть впередъ (de te pousser aussi en avant) какъ своего зятя, выхлопочетъ тебѣ такое же занятіе себѣ въ помощь, и пристроитъ тебя, увѣряю, въ коллегію; сдѣлать это брату будетъ тѣмъ легче, что ты въ коллегію не вновь долженъ опредѣлиться, а только возвратиться. Выхлопочетъ Александръ тебѣ и занятія по литературѣ; не одни же недоброжелатели журналисты его окружаютъ, а твое перо многимъ уже извѣстно. Обо всемъ этомъ онъ, при Соболевскомъ, мнѣ намекалъ, слѣдовательно и пишу тебѣ en connaissance de cause».

Предположеніямъ матери не суждено было, однако, осуществиться. Отецъ не изъявилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, за которой рѣшилъ пріѣхать желанія вновь поселиться въ Петербургѣ.

Возобновить службу въ иностранной коллегіи онъ не находилъ цѣлесообразнымъ, полагая, что не можетъ на этомъ поприщѣ принести столько пользы, сколько своей русскою дѣятельностью въ краѣ, заинтересовавшемъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

«Временное правленіе царства Польскаго»,—сообщаетъ Николай Ивановичъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ отъ 12-го марта 1832 года, «закрыто; но еще до закрытія Богъ мнѣ послалъ благодѣтеля въ генералъ-интендантѣ арміи Погодинѣ. По его ходатайству фельдмаршалъ прикомандировалъ меня къ нему для иностранной корреспонденціи. Жалованья получаю 2,500 руб. въ годъ по грузинскому, какъ объявилъ мнѣ Погодинъ, положенію, съ оставленіемъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Правда, съ выступленіемъ большей части войскъ изъ царства Польскаго, ибо въ сентябрѣ останется одинъ только второй пѣхотный корпусъ, главный штабъ арміи долженъ сократиться, а со временемъ и вовсе уничтожиться, но я уже обезпеченъ жалованьемъ, и мнѣ не трудно будетъ поступить въ штатъ намѣстника или военнаго губернатора

«Въ маѣ отправлюсь въ Кіевъ по дѣламъ службы, оттуда въ Петербургъ на два дня за женою и въ концѣ іюня ворочусь съ нею въ Варшаву. Грустно ей будетъ разставаться съ родиной, но жребій брошенъ. Проклинаетъ Варшаву, хочетъ, чтобъ я опять попалъ въ Петербургъ, куда меня и калачемъ не заманишь. Драка съ поляками для меня гораздо любопытнѣе, чѣмъ междоусобная брань съ тещей. Можетъ быть и совсѣмъ Петербургъ меня не увидитъ, а съ женою встрѣчусь въ Кіевѣ. Все зависитъ отъ ея здоровья и успѣха, съ какимъ она устроитъ дѣла. Словомъ, я предполагаю, а Богъ расположитъ».

XXX.

Подробное изложеніе дѣятельности покойнаго отца послѣ 1837 года, года сразившаго дядю, составляетъ особый отдѣлъ моихъ воспоминаній, не вошедшій въ составъ настоящей «Семейной хроники», и который я имѣю въ виду напечатать

особо. Здѣсь же, прежде нежели говорить о дальнѣйшихъ семейныхъ событіяхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, считаю для себя удобнѣе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности моего отца за періодъ времени съ 1832 по 1834 годъ, когда я появился на свѣтъ Божій.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени прикомандированія отца къ генералъ-интенданту дѣйствующей арміи Погодину для сношеній на иностранныхъ языкахъ съ нашими консулами, какъ Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ составъ учрежденнаго тогда (въ 1832 г.) комитета для провѣрки счетовъ тайнаго совѣтника Пейкера по ликвидаціи съ Пруссіей, относительно доставки въ русскую армію продовольственныхъ припасовъ въ теченіе польской кампаніи. Кампанія эта доставила Николаю Ивановичу и денежную награду въ размѣрѣ годоваго жалованья двухъ тысячъ пяти сотъ рублей ассигнаціями, и знакъ военнаго достоинства (Virtuti militari) третьей степени, а талантливое исполненіе возложенныхъ на него трудовъ въ названномъ комитетѣ обратило на себя особенное вниманіе свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе чего, не достигнувъ и тридцатилѣтняго возраста, бывшій питомецъ царскосельскаго лицейскаго пансіона получилъ лестное назначеніе управлять, въ чинѣ коллежскаго ассессора, канцеляріей генералъ-интенданта дѣйствующей арміи.

Пользуясь не только расположеніемъ, но и дружбой сего послѣдняго, Николай Ивановичъ, не имѣвшій отъ него секретовъ, въ одной изъ нерѣдкихъ съ нимъ откровенныхъ бесѣдъ показалъ ему и предпринятый имъ трудъ по составленію статистики царства польскаго. Погодинъ, разсмотрѣвъ работу, нашелъ ее дѣломъ громадной важности, что̀ и доказалъ вскорѣ на дѣлѣ.

Въ 1833 году открылась вакансія помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта царства Польскаго. Выборъ Паскевича, пожелавшаго замѣстить эту вакансію не иначе, какъ природнымъ русскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательно изучившимъ край, палъ на моего отца, именно во вниманіе къ лестнымъ о немъ отзывамъ генералъ-интенданта, который и

высказалъ свѣтлѣйшему, что управляющій его канцеляріей «коллежскій ассессоръ Павлищевъ, обладая надлежащимъ запасомъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о ввѣренной его свѣтлости странѣ, знакомый съ ея прошедшимъ и настоящимъ, можетъ занимать предлагаемую должность съ честію и пользою».

Потребовавъ къ себѣ Николая Ивановича, Паскевичъ, какъ пишетъ отецъ, очень обласкалъ его и приказалъ ему вступить немедленно въ исправленіе возлагаемыхъ на него новыхъ обязанностей.

Занявъ, такимъ образомъ, новый важный постъ, отецъ мой принялся за тщательное изученіе польскихъ законовъ, сдѣлавшихся предметомъ его службы и вскорѣ ему представился, какъ нельзя болѣе удобный случай, примѣнить познанія къ дѣлу.

Дѣйствія совѣта начались проектомъ новаго закона о дворянствѣ для польской шляхты, и Николай Ивановичъ составилъ проектъ названнаго закона, изданнаго впослѣдствіи своимъ порядкомъ. Этотъ проектъ послужилъ отцу первымъ докладомъ князю Варшавскому и вмѣстѣ приступомъ къ дальнѣйшимъ историко-юридическимъ трудамъ.

Отецъ взялся сперва за прошедшее и написалъ «Историческое обозрѣніе правъ и преимуществъ польскаго дворянства», а потомъ обратился къ настоящему и, узнавъ, что число шляхты чрезвычайно велико, подалъ Паскевичу записку, въ которой представилъ свѣтлѣйшему необходимость потребовать строгихъ доказательствъ на «шляхетство» по прежнимъ законамъ. Съ перваго чтенія все важнѣйшее было обсуждено и рѣшено фельдмаршаломъ; работать съ намѣстникомъ было, какъ выражается отецъ въ сохранившихся у меня замѣткахъ, «наслажденіемъ, которое, по его словамъ, бывало тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ больше намѣстникъ сосредоточивалъ вниманіе на предметѣ, а это, для человѣка, озабоченнаго иногда вдругъ нѣсколькими дѣлами равной важности, не всегда бываетъ возможно». Записка направила дѣло къ законной цѣли. Хотя мой отецъ, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря, и не

имѣлъ по настоящему права докладывать дѣла совѣта, однако докладывалъ, и не потому, что статсъ-секретарь былъ неспособенъ къ дѣламъ, а по той именно причинѣ, что этотъ сановникъ былъ полякъ; взглядъ же на дѣла нуженъ былъ чисто русскій.

«Во всякомъ случаѣ»—замѣчаетъ Николай Ивановичъ,—«положеніе мое сдѣлалось страннымъ, щекотливымъ, непріятнымъ. Удивляюсь, какъ я могъ сохранить въ немъ счастливую середину, ибо я прямодушенъ и слѣдственно не ловокъ. Думаю, что прямодушіе-то и спасало меня; чего лучше, какъ идти прямой дорогой, слѣдуя поговоркѣ моей родительницы, Луизы Матвѣевны: «Der grade Weg ist der beste?» Замѣчу ли что-нибудь неладное, пишу записку и иду къ фельдмаршалу. Долженъ сказать и то, что князь понималъ мое положеніе и былъ ко мнѣ внимателенъ, а я старался угадывать его мысли, не стѣсняясь, однако, высказывать ему мои правдивые взгляды съ откровенностію, чѣмъ и вызвалъ разъ шутливую фразу Паскевича.

«— Я тебя всегда уважаю (Паскевичъ тыкалъ только тѣхъ, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе), но за сегодняшнюю горькую правду терпѣть не могу».

«Привѣтливая улыбка противорѣчила его словамъ, и съ изложеннымъ мною въ докладѣ мнѣніемъ онъ совершенно въ концѣ концовъ согласился».

Такимъ образомъ проходили черезъ руки отца проекты нѣсколькихъ законовъ, бо̀льшею частію утверждаемые, и только весьма немногіе не получили дальнѣйшаго хода, впрочемъ отнюдь не по винѣ Николая Ивановича, какъ напримѣръ, о знакѣ отличія безпорочной службы и о спорныхъ дѣлахъ управленія (le contentieux de l'administration). Послѣдній проектъ стоилъ отцу неимовѣрныхъ трудовъ.

Любя всякое дѣло брать не съ верхушки, а съ корня, Николай Ивановичъ изучилъ основательно французскій уставъ гражданскаго судопроизводства (Le code Napoléon) и перечиталъ всѣ томы полнаго собранія законовъ, съ цѣлію изложить какъ слѣдуетъ на русскомъ языкѣ проектъ постановленія

о правительственномъ судопроизводствѣ. Фельдмаршалъ оцѣнилъ этотъ трудъ по достоинству въ административномъ отношеніи, а впослѣдствіи близкій отцу знакомый (о которомъ я упоминалъ уже во 2-й части настоящей «Семейной хроники»), покойный членъ здѣшней академіи наукъ Петръ Павловичъ Дубровскій, авторъ польско-русскаго словаря, административнаго и судебнаго, нашелъ въ переводѣ отцомъ проекта разрѣшеніе многихъ важныхъ лексикографическихъ вопросовъ.

Николай Ивановичъ долго хранилъ у себя черновую своего перевода, какъ трудъ, о которомъ онъ вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, и какъ памятникъ новаго судебнаго русскаго языка. Показывалъ онъ мнѣ черновую, но куда она дѣлась, мнѣ неизвѣстно; въ подаренныхъ мнѣ отцомъ книгахъ и картонахъ съ его рукописями я ея не нашелъ.

Кромѣ безчисленныхъ проектовъ по законодательной части черезъ руки покойнаго отца проходили, въ бытность его помощникомъ статсъ-секретаря мѣстнаго государственнаго совѣта, и отчеты по управленію царствомъ Польскимъ, и бюджеты края; обращалъ онъ на нихъ особенное вниманіе, какъ на драгоцѣнные матеріалы для статистики Привислянской окраины.

Когда представили отца къ утвержденію въ должности помощника статсъ-секретаря, Николай Ивановичъ, все еще считая себя въ гостяхъ, на чужбинѣ, просилъ объ оставленіи его числящимся по министерству иностранныхъ дѣлъ, но на это не послѣдовало высочайшей воли. Тѣмъ не менѣе министръ статсъ-секретарь объявилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на полученіе Павлищевымъ чиновъ, буде пожелаетъ. Эту привиллегію отецъ считалъ для себя необходимой, будучи первымъ русскимъ, очутившемся въ польской службѣ, на которой не было тогда чиновъ. Даннымъ отцу разрѣшеніемъ воспользовались впослѣдствіи и другіе русскіе чиновники.

Закончивъ краткій разсказъ объ административной дѣятельности моего отца по 1834 годъ, приступаю къ изложенію событій въ семействѣ моей матери съ 1832 года, въ которомъ

Ольга Сергѣевна принуждена была разстаться съ горячо любимымъ мѣстомъ своей родины, стариками Пушкиными и братомъ.

XXXI.

«У насъ зима жестокая»,—пишетъ Ольга Сергѣевна моему отцу отъ 22 февраля 1832 года изъ Петербурга,—«и морозы безконечные. Морозы, какъ сказалъ мнѣ Александръ, и въ Псковской губерніи, а ты сообщаешь, что стужа также и въ Польшѣ. Послѣ этого, какъ же могу къ тебѣ тронуться отсюда? Мое здоровье далеко не прежнее, и ни за что̀ рисковать имъ не буду; въ противномъ случаѣ отецъ, мать и братъ не только не постараются облегчить мнѣ затрудненія, то-есть сдѣлать мнѣ дорогу болѣе удобной въ матеріальномъ отношеніи, но напротивъ того, рады будутъ связать мнѣ руки и ноги, лишь бы со̀ мной не разлучаться, а братъ сказалъ, что съ моей стороны, уже не говоря о разлукѣ, сущій вздоръ пускаться въ дальнюю дорогу безъ вѣрнаго попутчика, лишь въ сопровожденіи готовыхъ со мной ѣхать, глупаго долговязаго камердинера Проньки, да шутихи Прасковьи, о которыхъ я же должна заботиться. И въ самомъ дѣлѣ, Александръ разсудилъ здраво. Съ какой стати мнѣ разъѣзжать въ трескучіе морозы по непріятельской, хотя и усмиренной чужой землѣ? Того гляди, придется плохо и мнѣ, и Пронькѣ, и Прасковьѣ; къ тому же польскаго языка совсѣмъ не знаю; они тоже его не знаютъ.

«Александръ умоляетъ меня и не думать въ этомъ году о Варшавѣ; рисуетъ онъ мнѣ мою будущность въ Польшѣ самыми черными красками, а на вопросъ, чего боится, отвѣчалъ, что его томятъ какія-то скверныя предчувствія и что если онъ со мною разлучится, то и его можетъ постигнуть несчастіе. Я сочла эту тираду плодомъ разстроеннаго воображенія (j'ai traité cette tirade comme fruit de son imagination exaltée); какъ бы ни было, я брата успокоила и мы порѣшили: о Варшавѣ мнѣ въ этомъ году и не думать, а въ маѣ переселиться

если не къ нему на лѣто, то возобновить мою прежнюю дѣвическую жизнь до поры до времени, то есть отправиться съ моими стариками въ Михайловское, а квартиру сдать, потому что тратить на нее деньги мнѣ не по силамъ. Польши же боюсь хуже огня. Братъ Александръ совершенно входитъ въ мое положеніе и очень досадуетъ на Сергѣя Львовича, который такъ запуталъ дѣла, что не могъ сдержать обѣщанія отдать мнѣ должное: не получаю отъ отца съ декабря ни полушки, довольствуясь высылаемою тобою частью изъ жалованья, да процентами съ ничтожной суммы, отданной нашему другу Лихардову. По крайней мѣрѣ проценты вѣрны и эта сумма находится въ рукахъ истинно преданнаго намъ и аккуратнаго человѣка, горячо любящаго всѣхъ насъ. Онъ тоже удивляется твоему рѣшенію связать себя съ Варшавой, говоря, что толку большаго отъ этого тебѣ ожидать нечего...

«... 6 марта 1832 года. Вчера я показала или, лучше сказать, передала твое письмо Александру, въ которомъ опровергаешь подробно нелѣпую басню о твоей ссорѣ съ Энгелемъ, раздутой до небывалыхъ размѣровъ. Александръ былъ у меня сегодня и сказалъ, что прочелъ его Сергѣю Львовичу отъ доски до доски. Мой дражайшій родитель повидимому очень былъ радъ и безпрестанно прерывалъ чтеніе брата словами: «Dieu, Dieu merci, que la volonté du ciel soit faite!» Не напиши ты этого подробнаго письма Александру, то первому твоему письму дражайшій бы и не повѣрилъ, доказательства были довольно въ немъ слабы, и сплетня пошла бы гулять по всѣмъ знакомымъ, значитъ по всему Петербургу, при помощи одной изъ твоихъ недоброжелательницъ; не назову ея, самъ знаешь. Впрочемъ и кромѣ ея у тебя есть недоброжелательницы: ты, не въ обиду будь тебѣ сказано, комплименты дамамъ говорить не мастеръ, а всегда ухитряешься съ ними быть въ размолвкахъ, отпуская имъ рѣзкости, если они въ разговорахъ тебѣ противорѣчатъ...

«Невѣстка моя Наташа сдѣлается скоро матерью и будетъ, увѣряю тебя самой нѣжной и примѣрной матерью. Жаль только,, что теперь не бережетъ здоровья. По ея словамъ, она

принуждена чуть ли не всякій вечеръ являться на спектакли и вечера, значитъ проводить безсонныя ночи. Александръ мечетъ противъ этого громы и молніи (Alexandre jette feu et flamme), но выбранившись хорошенько, всегда уступаетъ ея убѣжденіямъ, что выѣзжать необходимо и отправляется съ женой вмѣстѣ, зѣвая на балахъ во всю мочь (il y baille à gorge déploiée). Я совѣтывала ему тоже плясать и танцами лѣчить скуку; припомнила брату, какъ онъ бывало любилъ быстрое движеніе, бѣганье и особенно живую пляску, свойственную нашей африканской крови; братъ увѣряетъ, что хотя ему и тяжело насиловать природу, но строго слѣдовать ей въ его лѣта и положеніи смѣшно. А какія же его лѣта? Вообразилъ себя старикомъ, вотъ и все. Правда непріятностей у него бездна съ этимъ сладчайшимъ Б. (avec ce doucereux de B.)*). Сладчайшій готовъ, на словахъ, умереть за Россію, а на дѣлѣ русскихъ ненавидитъ, и выбралъ моего брата, русскаго до конца ногтей (qui est russe jusqu'au bout des ongles), козлищемъ отпущенія (en qualité de bouc émissaire). Б. послалъ ему непріятную рацею (une harangue bien desagréable) за то, что братъ напечаталъ стихи не по его вкусу и вздумалъ читать ему нравоученія, которыя подстать бывшимъ его гувернерамъ — французу Руслё и нѣмцу Гауеншильду. Александръ отвѣчалъ Б. съ достоинствомъ, какъ подобаетъ старинному русскому дворянину (comme un gentilhomme russe, et gentilhomme de vieille souche), и безподобно сдѣлалъ. Онъ умнѣе господина Б. во сто разъ, а преданъ царю и отечеству болѣе чѣмъ этотъ господинъ въ милліонъ разъ. Наконецъ у брата борода слишкомъ густа, чтобы съ нимъ поступали какъ со школьникомъ (à la fin des fins mon frère a trop de barbe

---

*) Ольга Сергѣевна всегда была крайне осторожна въ письмахъ, а потому не выставляла фамилій цѣликомъ, но какъ можно догадаться, тутъ рѣчь идетъ о недоброжелателѣ Пушкина Бенкендорфѣ и нанесенной этимъ послѣднимъ первому непріятности, въ видѣ письменнаго запроса, вслѣдствіе напечатанія безъ предварительнаго разрѣшенія стихотворенія «Древо яда» («Анчаръ») въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1832 годъ, изданномъ Пушкинымъ въ пользу родныхъ барона А. А Дельвига. Л. П.

au menton pour être écolier). Знаетъ, слава Богу, какъ писать и что писать.

«Эта исторія очень возмутила брата, который мнѣ признался, что его вырвало желчью. Очень, очень понимаю (Je le comprends on ne peut mieux).

«А что братъ Левъ? И на него сплетни. Носятся слухи, будто бы онъ у васъ въ Варшавѣ напроказилъ по своему (on prétend, qu'il a fait des siennes); хотя онъ ничего, Боже сохрани, противъ чести и нравственности не сдѣлалъ, но, какъ говорятъ, помѣстилъ въ послѣднее время столько денегъ въ желудки своихъ товарищей по полку, нагружая оныя устрицами и шампанскимъ, что въ концѣ концовъ долженъ былъ прибѣгнуть къ долгу, довольно почтенному; остается узнать, кто этотъ долгъ заплатитъ. Надѣюсь, что ты тутъ не при чемъ (mais dernièrement, à ce qu'on dit, il a mis tant d'argent dans les estomacs de ses camarades de régiment, en les bourrant d'huîtres et de champagne, qu'à la fin des fins il a été obligé de contracter une dette assez respectable. Reste à savoir, qui payera les pots cassés; j'espère que vous n'y êtes pour rien). Объ этомъ долгѣ разблаговѣстили Сергѣю Львовичу; онъ прослезился и запѣлъ свой романсъ: «Que la volonté du ciel soit faite», но умоляетъ меня спросить у тебя по секрету: правда ли это, и сколько Леонъ задолжалъ? Александру ничего еще неизвѣстно, но и онъ вѣроятно услышитъ отъ добрыхъ людей означенную (la susmentionnée) новость. Если же Леонъ отъ тебя скрываетъ истину, то можешь провѣдать обо всемъ у его пріятеля Алексѣя Николаевича Вульфъ. Онъ и Левъ неразлучны, но Вульфъ и съ тобой откровененъ.

«Имъ обоимъ очень кланяется (приказываетъ тебѣ передать этотъ поклонъ) Аннетъ Кернъ (Annette Kern). Она здѣсь и просидѣла у меня третьяго дня весь вечеръ. Такая же веселая, какъ и была и, какъ говоритъ Александръ, попрежнему такъ же добра, какъ хлѣбъ, который ѣдятъ (tout aussi bonne, comme du pain que l'on mange); поручила тебѣ передать Лелькѣ безпутному, хотя и храброму капитану, (quoi qu'au vaillant capitaine), что она бережетъ свой альбомъ какъ глазъ,

такъ какъ храбрый капитанъ нацарапалъ туда по-русски свои стихи въ ея честь: «Какъ можно не сойти съ ума» *), несмотря на то, что опасный соперникъ Леона, души впрочемъ въ «капитанѣ» нечающій (догадываешься, что этотъ соперникъ братъ Александръ), когда-то посмѣялся надъ стихами Льва, сказавъ о поэзіи Лельки: «хочетъ меня перещеголять помимо пословицы: «куда конь съ копытомъ мчится, туда ракъ съ клешней тащится». А я-то и боюсь, что Леонъ, если разсказанные его подвиги (ses hauts faits) не сплетни, въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ».

Не привожу буквально прочихъ писемъ моей матери за апрѣль, въ которыхъ она упоминаетъ о дѣятельности дяди Александра съ января 1832 года, считая совершенно излишнимъ повторять давно уже извѣстное всякому, кто изучалъ труды нашего поэта въ хронологическомъ порядкѣ. Въ моей же хроникѣ, излагающей семейныя событія Пушкиныхъ и Павлищевыхъ, ограничиваюсь указаніемъ, что Ольга Сергѣевна въ письмахъ къ мужу за апрѣль говоритъ объ усердномъ посѣщеніи братомъ архивовъ, какъ инспекторскаго департамента, такъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, куда ему, по высочайшему повелѣнію, былъ открытъ безпрепятственный доступъ для собранія матеріаловъ къ историческимъ трудамъ;

---

*) Считаю не лишнимъ привести эти стихи дяди Льва:

«Какъ можно не сойти съ ума,
«Внимая вамъ, на васъ любуясь,
«Венера древняя мила
«Чудеснымъ поясомъ красуясь.
«Алкмена Геркулеса мать,
«Съ ней въ рядъ конечно можетъ стать.
«Но чтобъ молили и любили
«Ихъ такъ усердно, какъ и васъ,
«Ихъ спрятать нужно имъ отъ васъ,
«У нихъ вы лавку перебили»...

Упоминая о поэтической выходкѣ Льва Сергѣевича, Анна Петровна Кернъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что она дѣйствительно показала дядѣ Александру эту выходку и онъ, прочитавъ ее, сказалъ обо Львѣ Сергѣевичѣ: «Il a aussi beaucoup d'esprit».

въ то же время Пушкину разрѣшенъ былъ и осмотръ библіотеки Вольтера.

Говоритъ Ольга Сергѣевна также, что братъ сообщилъ ей о его намѣреніи написать подробную, вполнѣ безпристрастную исторію нашего сѣвернаго Аннибала—Суворова, основываясь также и на иностранныхъ источникахъ, и получилъ уже изъ московскаго архива оффиціальныя донесенія знаменитаго полководца о его дѣйствіяхъ противъ французовъ въ Италіи и Швейцаріи.

Кромѣ того Ольга Сергѣевна пишетъ, что Пушкинъ приступилъ тогда къ фантастической драмѣ «Русалка», задавшись мыслію перенести на русскую почву преданіе, избранное уже сюжетомъ многихъ иностранныхъ романовъ и даже оперъ, какъ напримѣръ: «Le lac des fées» Обера, «La dame du lac» Буальдье и т. д. «Не выйдетъ ли это нѣчто въ родѣ «Ундины» Василія Андреевича?»—заключаетъ письмо Ольга Сергѣевна.

Наконецъ въ письмѣ отъ 28 апрѣля мать говоритъ о великодушіи брата, издавшаго въ пользу братьевъ Дельвига альманахъ «Сѣверные цвѣты», за который Александръ Сергѣевичъ получилъ тоже немало непріятностей. Сообщаетъ она, между прочимъ, что ея братъ задумалъ приступить къ изданію и ежедневной политической газеты, причемъ не могу не упомянуть, что Ольга Сергѣевна посмотрѣла на это предпріятіе весьма неблагопріятно (Mon pauvre frère, пишетъ она мужу, — veut se mettre en train de profaner son génie poétique, et de le profaner uniquement pour subvenir à ses besoins materiels; mais, d'après ce qu'il m'a raconté, en m' exposant sa position précaire, il ne saurait faire autrement». (Мой бѣдный братъ готовъ осквернить свой поэтическій геній и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ; но судя по тому, что онъ мнѣ разсказывалъ, описывая свое ненадежное положеніе, Александръ иначе и поступить не можетъ). Но куда ему съ его высокой созерцательной идеальной душей окунуться въ самую обыденную прозу,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна,—возиться съ буд-

ничнымъ вздоромъ, прочитывать всякій день полицейскія извѣстія, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, кто на улицѣ невзначай разбилъ себѣ носъ, кого потащили за уличные безпорядки въ часть, сколько публики было въ театрахъ, какая актриса или актеръ тамъ восторгался, болтать всякій день о дождѣ и солнцѣ (parler quotidiennement de la pluie et du beau temps), а что всего хуже, печатать да разбирать безчисленныя побасенки иностранныхъ лгуновъ, претендующихъ на политическія свѣдѣнія, чортъ съ ними! Гораздо лучше предоставить всѣ эти пошлости Булгарину и Гречу.. (Et ce qui est bien pis — c'est d'imprimer et de colporter un million de sornettes, dont les menteurs étrangers nous régalent à tout bout de champs, — menteurs, qui se pavanent de chanter politique, puissent tous les diables les emporter! Il serait bien mieux de mettre toutes ces balivernes aux ordres des messieurs Булгаринъ et Гречъ)».

Упоминая, что дядя Александръ имѣетъ въ виду взять къ себѣ въ помощь, въ качествѣ распорядителя по изданію газеты, Наркиза Ивановича Отрѣшкова, Ольга Сергѣевна разсказываетъ мужу о проектируемомъ сотрудникѣ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ:

«Наркизъ Ивановичъ прекрасный молодой человѣкъ, такъ что для газеты лучше и не надо; аккуратный, честный, работящій, но увы! такъ безнадежно влюбленъ во французскій языкъ, что коверкаетъ его не меньше твоего пана Мицкевича, а слѣдовательно дѣйствуетъ мнѣ на нервы ужаснѣйшимъ образомъ. Поймешь меня, когда тебя спрошу: каково твоему музыкальному уху выносить фальшивыя ноты? Слушая однако намедни Наркиза Ивановича, я не могла удержаться отъ смѣха. Вообрази, соглашаясь въ серьезномъ разговорѣ съ моимъ мнѣніемъ, онъ пожелалъ отпустить мнѣ комплиментъ и сказать по-французски, что я умная женщина (que je suis une femme sage), да брякнулъ мнѣ какъ разъ наоборотъ и запѣлъ: Madame, madame, vous êtes une sage femme, une sage femme» (то-есть если перевести по-русски: «сударыня, сударыня! вы бабка повивальная, повивальная»). Я, каюсь въ согрѣшеніи,

отвѣчала ему на родномъ не на французскомъ языкѣ: «а кто вамъ разсказалъ, что я акушерка, Наркизъ Ивановичъ? Будущій сотрудникъ растерялся и разсыпался въ извиненіяхъ, но былъ настолько уменъ, что не обидился».

Мысль моего дяди издавать ежедневную газету не осуществилась. Мать моя сказала: «и слава Богу», но Плетневъ и Соболевскій посѣтовали, а князь Петръ Андреевичъ Вяземскій выражаетъ свое объ этомъ соболѣзнованіе въ своихъ воспоминаніяхъ. «Журналъ Пушкина,—пишетъ покойный князь,—не состоится по крайней мѣрѣ на будущій годъ; жаль: литературная шайка Грече-Булгаринская остается въ своей силѣ»...

Желаніе князя Вяземскаго объ изданіи Пушкинымъ ежедневнаго печатнаго органа въ столицѣ заявлено, между прочимъ, и въ слѣдующихъ его строкахъ къ И. И. Дмитріеву:

«Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностью. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ... благословите его на новое поприще»...

Говоря объ этомъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что покойный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, во время своихъ частыхъ посѣщеній моей матери лѣтомъ 1856 года, когда она, живя на дачѣ Лѣснаго института, была близкой его сосѣдкой, высказалъ ей въ одной изъ бесѣдъ, которой я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, мысль, что перо Александра Сергѣевича, еслибы онъ управлялъ ежедневнымъ печатнымъ органомъ, не замедлило бы облагородить русскую повременную литературу, придавъ ей настоящій, а не фальшивый русскій характеръ, такъ какъ главная газета «Сѣверная Пчела», слѣдовательно и другіе журналы, были монополіей корчившихъ изъ себя русскихъ, поляка Булгарина, нѣмца Греча *), и исполняли концерты по камертону нѣмца же Бенкендорфа, да не совсѣмъ русскаго Дубельта, гдѣ же тутъ могло настоящей Русью пахнуть?»....

*) Дѣйствительно Гречъ былъ изъ нѣмцовъ, помимо своей русской грамматики. Л. П.

Не приводя подробно сообщеній моей матери за апрѣль 1832 г. извлекаю лишь одну выдержку изъ ея письма отъ 27 числа, послѣ того какъ Александръ Сергѣевичъ, въ одномъ изъ разговоровъ съ нею, выразилъ крайнее свое неудовольствіе, что онъ слыветъ въ большомъ свѣтѣ «единственно» сочинителемъ, вслѣдствіе чего и обозвали его таковымъ; для отличія отъ прочихъ ѐго однофамильцевъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и т. д.

«Братъ опять сдѣлался уже черезчуръ раздражительнымъ»—пишетъ Ольга Сергѣевна—«и принимаетъ къ сердцу такія бездѣлицы, которыя надо бы пропускать мимо ушей. Представь себѣ, до сихъ поръ не можетъ переварить (jusqu'à présent il ne peut digérer) разсказъ своего пріятеля *),—который легко можетъ быть и выдумалъ сплетню для краснаго словца,—будто бы при разъѣздѣ съ какого-то бала, когда прислуга закричала «карета Пушкина готова», нѣкто изъ господъ, ожидавшихъ очереди, полюбопытствовалъ спросить: какого Пушкина? и получилъ на этотъ вопросъ отъ кого-то громкій отвѣтъ: «сочинителя!»

«Братъ»—продолжаетъ Ольга Сергѣевна—«передалъ мнѣ это великое происшествіе съ пѣной у рта (l'écume à la bouche), говоря, что онъ не какъ сочинитель, а какъ столбовой русскій дворянинъ посѣщаетъ открытое для него, какъ и для всякаго подобнаго ему дворянина, высшее общество, и что отнюдь не желаетъ служить предметомъ любопытства, въ качествѣ курьезнаго звѣря, господамъ зѣвакамъ («et ne se soucie d'aucune façon d'être le point de mire, à l'instar d'une bête curieuse, à messieurs les badauds»). Къ этому Александръ прибавилъ, что еслибы въ данномъ случаѣ, да и во всѣхъ другихъ, называли для отличія отъ однофамильцевъ чиновниковъ иностранной коллегіи Пушкинымъ—ему гораздо было бы пріятнѣе. Въ иностранной коллегіи другихъ Пушкиныхъ нѣтъ».

Высказанную сестрѣ досаду Пушкинъ излилъ, впрочемъ, тремя годами позже въ своихъ «Египетскихъ ночахъ», наме-

---

*) Фамилія не выставлена.

кая, какъ догадываюсь, на приводимый Ольгой Сергѣевной разсказъ, когда говоритъ, что Чарскаго, имѣвшаго несчастіе писать и печатать стихи, звали въ журналахъ поэтомъ, а въ лакейскихъ—сочинителемъ, и излагаетъ затѣмъ слѣдующія мысли, выстраданныя имъ самимъ:

«Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы»—пишетъ Александръ Сергѣевичъ—«эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него, не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: «не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго?» Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: «вѣрно что-нибудь сочиняетъ»! Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ уже элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ уже кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣли, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости».

Въ дальнѣйшихъ, слѣдующихъ строкахъ Пушкинъ очень удачно рисуетъ собственный свой портретъ, начиная съ его отношеній къ свѣту до своей страсти къ печеному картофелю включительно; картофель въ печеномъ видѣ Ольга Сергѣевна всегда приготовляла дядѣ Александру, когда онъ у нея засиживался долѣе обыкновеннаго:

«Чарскій—говоритъ дядя—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище.

Онъ избѣгалъ общества своей братіи литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ, но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы... Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ радостью и суевѣріемъ молодаго москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ отличить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную, торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе) *), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что тогда только и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: «не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?..»

. . . .

---

*) Однажды Ольга Сергѣевна спросила брата, будетъ ли онъ вечеромъ у Талызиныхъ? — Никакъ не могу, такъ какъ чувствую, что сегодня на меня найдетъ дрянь, и буду много писать — отвѣчалъ Пушкинъ.

«Сегодня жду къ себѣ мою милую и добрую невѣстку Наташу» пишетъ Ольга Сергѣевна мужу отъ 6-го мая. «Она готовится сдѣлаться очень скоро матерью, а пока не увижу моего будущаго племянника или племянницу, не хочу и помышлять объ отъѣздѣ не только въ твою «дурацкую Польшу»— не въ огорченіе будь тебѣ сказано (n'en vous déplaise)—, о чемъ можешь отложить всякое житейское попеченіе—*) но и куда бы не было изъ Петербурга. Александръ опять сталъ меня убѣждать переселиться къ нему послѣ родовъ жены на все лѣто съ тѣмъ, чтобы няньчиться съ новымъ или новой Пушкиной—кого Богъ ему пошлетъ—но чѣмъ я могу быть полезной? и безъ меня публики у него будетъ довольно.

«Наташа страдаетъ ужасными головокруженіями, но страданія переноситъ безропотно. Она, можно сказать, ангелъ терпѣнія и кротости: отъ нея никто не слышитъ ни досаднаго слова, ни жалобы. Докторъ запретилъ ей выѣзжать на вечера и въ театръ, но совѣтывалъ гулять всякій день по немножку, буде хорошая погода, а Наташа у меня долго не засидится; Александръ за нею пріѣдетъ. Видя ее страдующую, онъ страдаетъ не меньше, чѣмъ она, такъ что я ему сказала въ шутку: «A vous voir, on dirait que ce n'est pas Наташа mais vous, qui subissez tous les martyrs de l'enfantement». Онъ поручилъ мнѣ тебя извѣстить, что твой пріятель и товарищъ по лицею Дурасовъ сдѣланъ надняхъ камеръ-юнкеромъ. Къ этому Сашка шалунъ (а онъ шалунъ, когда захочетъ) прибавилъ, что и тебѣ туда же дорога, потому что Паскевичъ, когда съ тобой объясняется, приходитъ отъ тебя въ восторгъ, и при вѣрной оказіи озолотитъ тебя, если не внутри, такъ снаружи; но, сказавъ, что ты у Паскевича на хорошемъ счету, (que tu es entrès bonne odeur auprèsde Паскевичъ) братъ сообщилъ о тебѣ, увы! и четыре раза увы! (hélas, et quatre fois hélas!) новую сплетню: дѣло въ томъ, что сюда пожаловалъ изъ Варшавы его знакомый, нѣкто Литке, который ему побожился (qui lui a juré ses grands dieux), будто бы тебя снабжаютъ

*) Эта фраза написана по-русски.

жалованьемъ не въ пять тысячъ рублей ассигнацiями, какъ ты писалъ, а въ пять тысячъ злотыхъ—(à raison de cinq mille пятиалтынный, chrétiennement parlant). Александръ этому повѣрилъ, да и написалъ брату Льву, съ тѣмъ однако, чтобы «храбрый капитанъ» тебѣ не проболтался, правда ли это? Оказывается вздоръ, о чемъ Левъ и далъ знать Александру—тоже отъ тебя по секрету. Между тѣмъ, Сергѣй Львовичъ, который было такъ обрадовался, когда я ему говорила о пяти тысячахъ рубляхъ, разсчитывая поэтому, что могу обойтись безъ его помощи, впалъ—какъ говорилъ Александръ—въ отчаянiе (est tombé de son haut), когда услышалъ отъ брата новость господина Литке о пяти тысячахъ злотыхъ, и сейчасъ же развязалъ языкъ (il a délié sa langue) передъ матушкой, а она, само собою разумѣется, объѣздила своихъ знакомыхъ подѣлиться соображенiемъ, что если переѣду къ тебѣ въ Варшаву, то познакомлюсь съ одной лишь нетопленой комнатой, да двумя-тремя стульями, совершенно ветхими. Александръ говоритъ, что хотя сплетня и пошла гулять дальше, но онъ бы мнѣ о томъ и не заикнулся, еслибы не получилъ опроверженiя отъ брата (s'il n'aurait pas reçu un démenti de son frère là dessus).

«Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлаешь мнѣ большое удовольствiе, если и ты письменно подтвердишь Александру неосновательность разсказа Литке, точно также, какъ уже опровергнулъ и пущенные нелѣпые толки о твоей чудовищной размолвкѣ съ Энгелемъ. Александръ хотя и считаетъ тебя человѣкомъ рыцарски правдивымъ, но мало ли что могутъ ему натрубить, да и меня поставить въ неловкое положенiе; могутъ подумать, что, разсказывая о твоихъ пяти тысячахъ, я хвастунья. Къ счастiю Александръ догадался всю эту сплетню распутать».

19-го мая 1832 года у Александра Сергѣевича родилась дочь, названная при крещенiи Марiей, въ честь покойной бабки Пушкина—Марiи Алексѣевны Ганнибалъ. Ольга же Сергѣевна, какъ видно изъ ея письма къ моему отцу, отправленнаго изъ квартиры дяди Александра, склонясь на просьбу послѣдняго,

переѣхала къ нему на короткій срокъ, за нѣсколько дней до появленія на свѣтъ новорожденной. Въ письмѣ отъ 22-го мая моя мать сообщаетъ, что она «вынуждена была объявить брату напрямикъ о неизбѣжности скораго своего отъѣзда въ Варшаву, несмотря на ея отвращеніе, какъ она выражалась—къ «дурацкой Польшѣ», потому что жить на два хозяйства было не мыслимо. Поддержки же отъ Сергѣя Львовича ожидать не предстояло возможности, такъ какъ его казна перешла цѣликомъ въ ящики воровъ-управляющихъ, которые, набивъ себѣ карманы золотомъ, благодушествуютъ и процвѣтаютъ безнаказанно на счетъ стариковъ. (Toute la fortune de mon père, grâce a son inexpérience, est passée dans les tiroirs de ses archivoleurs d'intendants, qui seuls rengorgent d'or et prospèrent impunément, au détriment de nos vieux).

Дядя Александръ—какъ мать, впрочемъ, и ожидала,—возсталъ противъ ея предположенія, говоря сестрѣ, что пока да что, онъ самъ придетъ къ сестрѣ на помощь, съѣздитъ въ Михайловское, и не только прогонитъ оттуда мошенника приказчика, но отдастъ его за воровство подъ судъ, чѣмъ и спасетъ les très chers parents, которые и будутъ выдавать ей правильно проценты съ причитавшейся матери моей суммы, а моему отцу нечего-де связывать себя съ Варшавой; Варшава для русскихъ не постоянное пребываніе, но постоялый дворъ. Такъ дядя и выразился; въ концѣ же концевъ настоялъ, чтобы Ольга Сергѣевна провела лѣто у стариковъ, прибавивъ что самъ будетъ стараться перевести впослѣдствіи изъ Варшавы сюда Николая Ивановича, если осенью суждено уже будетъ разстаться съ сестрой.

На другой же день послѣ этого разговора дядя Александръ черкнулъ въ Михайловское приказчику требованіе выслать на его имя немедленно,—подъ страхомъ короткой, но самой безпощадной расправы—часть слѣдуемыхъ Сергѣю Львовичу денегъ. Острастка подѣйствовала: плутъ управляющій струсилъ, и выслалъ если не все требуемое, то часть, которую дядя и вручилъ Сергѣю Львовичу—къ большой радости послѣдняго,—убѣдивъ при этомъ своего отца снабдить сестру извѣстной

цифрой, которая могла бы отдалить еще на четыре мѣсяца ея отъѣздъ въ Варшаву.

«По милости моего добраго Александра, пишетъ мать Николаю Ивановичу отъ 30-го мая, можешь мнѣ изъ твоего жалованья за іюнь и іюль выслать меньше. Полученныя отъ отца деньги пойдутъ и на уплату квартиры, и на столъ, и на пару новыхъ для меня скромненькихъ платьевъ. Кромѣ того, Александръ принудилъ меня продать ему мебель, оцѣнивъ ее гораздо выше того, что она стоитъ на самомъ дѣлѣ. Сказалъ, что она ему будто бы необходима, а если ему и не продамъ, то этимъ его обижу. На эти полученныя отъ него деньги я купила мебель подешевле и въ меньшемъ количествѣ, имѣя въ виду переѣхать осенью къ тебѣ; возьму купленную съ собой. Теперь сижу у брата, и онъ мнѣ объявилъ, чтобы я и не думала отъ него уѣхать раньше субботы. Невѣстка чувствуетъ себя хорошо, а малютка у нея хоть куда; на кого будетъ больше похожа, нельзя сказать, но, кажется, скорѣе на отца, и выйдетъ такая же крикунья, какъ и онъ, судя по тому, что голоситъ и теперь очень исправно».

Во второй половинѣ іюня старики Пушкины рѣшили ѣхать въ Михайловское на все лѣто и осень. Хозяйство ихъ шло очень плохо; Александръ же Сергѣевичъ, заботясь о своемъ семействѣ, не могъ заниматься постоянно ихъ просвѣщеніемъ, и сказалъ сестрѣ: «не могу сидѣть надъ моимъ отцомъ съ указкой. Онъ, слава Богу, совершеннолѣтній. Самъ пускай вѣдается, какъ знаетъ!»

Дѣла Сергѣя Львовича не только не улучшились, но произошло и нѣчто худшее: избалованные безпечнымъ бариномъ мужики порѣшили, до будущаго 1833 года, не платить Сергѣю Львовичу оброка, и подкрѣпили такое рѣшеніе поджогомъ своихъ же четырнадцати хатъ, и хлѣба, съ цѣлію получить право на неплатежъ (ils ont résolu—пишетъ Ольга Сергѣевна—se trouvant au cabaret, d'incendier 14 maisons et de brûler le blé, dans l'espoir d'avoir le droit a ne pas le faire). Сергѣй Львовичъ прискакалъ съ Надеждой Осиповной въ Михайловское, велѣлъ «пейзанамъ» собраться у крыльца,

затопалъ на нихъ обѣими ногами, предложилъ нѣсколько вопросовъ, въ родѣ слѣдующаго: «когда же сдѣлаетесь людьми, пьяныя свиньи», и... тѣмъ дѣло кончилось.

«Пейзане» почесали покорные затылки, не внесли все-таки ни гроша, а мошенникъ управляющій остался княжить и володѣть еще на четыре года, пока не былъ выгнанъ моимъ отцомъ, о чемъ рѣчь впереди.

Ольга Сергѣевна, выѣхавъ въ половинѣ іюля изъ Петербурга въ Михайловское къ родителямъ, сдала милую ей квартирку въ домѣ Дмитріева, и разсталась съ нею—какъ она мнѣ говорила—заливаясь горькими слезами.

«Покидая мое разоренное гнѣздышко—сообщала мнѣ она—я подчинилась ничѣмъ неодолимому чувству грусти. Предвидѣла я, что не только этотъ любимый мною уютный уголокъ исчезаетъ для меня навѣки, но и родной мнѣ Петербургъ, къ которому отъ души привязана, въ которомъ родилась, росла, радовалась, страдала—Петербургъ, гдѣ обитаетъ все, что̀ близко къ сердцу—долго, а можетъ быть никогда меня не увидитъ. Мнѣ казалось, что комнаты, окна, двери, печки дома Дмитріева говорили мнѣ: зачѣмъ и на что ты насъ покидаешь?.

Сопровождая своихъ родителей въ деревню, Ольга Сергѣевна простилась, скрѣпя сердце, съ Александромъ Сергѣевичемъ, но такъ какъ она ему ничего не говорила о принятомъ ею рѣшеніи отправиться изъ Михайловскаго прямо въ Варшаву, увѣривъ, что сдала квартирку изъ экономіи, а мебель беретъ съ собой въ деревню съ тѣмъ, чтобы перевезти ее вновь на другую квартиру, которую непремѣнно найметъ въ Петербургѣ осенью, то Александръ Сергѣевичъ на этотъ разъ, несмотря на свой даръ предчувствія, ей повѣрилъ, и когда сестра, прощаясь съ нимъ и съ невѣсткой, не могла удержаться отъ рыданій, то очень удивился этому, и спросилъ ее о причинѣ ея отчаянія и грусти, которую объяснить себѣ не можетъ, такъ какъ Михайловское не Богъ знаетъ какъ отъ него далеко, а если она уже такъ жалѣетъ его и Наталью Николаевну, то ничто ей не мѣшаетъ пріѣзжать къ нимъ изъ Михайловскаго, да и совсѣмъ къ нимъ переселиться.

«Я должна была выдержать роль до конца»,—говорила мнѣ мать,—«то-есть не обмолвиться брату ни единымъ словомъ, что считаю предстоявшую съ нимъ разлуку, если не вѣчной, то очень и очень долговременной».

Привожу затѣмъ ея дальнѣйшія слова—насколько ихъ помню. Мать разсказала мнѣ объ этой тяжелой для нея минутѣ приблизительно такъ:

«Александръ очень обрадовался моему приходу и одобрилъ мой планъ ѣхать черезъ нѣсколько дней къ родителямъ, говоря, что лучше ничего и выдумать нельзя; мечтать же о поѣздкѣ въ Варшаву нечего, такъ какъ въ этомъ нѣтъ никакого смысла. Совѣтывалъ онъ мнѣ продолжать въ деревнѣ писать мои воспоминанія, заниматься живописью и не принимать къ сердцу пустяковъ, помня, что смертные живутъ не два, а одинъ только разъ.

«Невѣстка была особенно ласкова и родственна; опять показала мнѣ новорожденную Машу. Тутъ-то волновавшія меня чувства побѣдили разсудокъ: поцѣловавъ и перекрестивъ малютку, я истерически зарыдала, чему братъ очень удивился. Онъ проводилъ меня на слѣдующій день до Подгорнаго Пулкова, не подозрѣвая, что лишніе его проводы для меня были и лишними, какъ говоритъ пословица, слезами. Но и тутъ о Варшавѣ я ему не заикнулась; однако, благословивъ его, я обняла Александра, мучительно рыдая. Никогда еще я такъ не скорбѣла при прежнихъ съ нимъ разлукахъ; казалось мнѣ, теряю его безвозвратно. Еслибы только могла предвидѣть, что во время моего отсутствія созрѣетъ противъ него заговоръ мерзавцевъ, жаждавшихъ его крови, то ни за что̀ на свѣтѣ не удалилась бы изъ Россіи, а во что̀ бы ни стало склонила Николая Ивановича бросить Варшаву и переѣхать ко мнѣ въ Петербургъ. При всемъ томъ въ моемъ воображеніи рисовались картины мрачнѣе одна другой.

«Прощаясь со мною, Александръ сказалъ:—Оленька! если такъ тебѣ грустно со мной разставаться, то чтобы не было еще грустнѣе, совѣтую тебѣ не оборачиваться назадъ, когда твой экипажъ тронется и на меня не смотрѣть вслѣдъ. Примѣта вѣрная.

«Но совѣту брата я не послѣдовала и, когда двинулась моя карета, не вытерпѣла, чтобы не обернуться, и еще разъ взглянула на удалявшагося брата»...

. . . .

Итакъ съ половины іюля до половины октября Ольга Сергѣевна провела послѣднее время своего пребыванія на русской землѣ, съ которой затѣмъ разсталась на довольно длинный періодъ, у родителей въ Михайловскомъ, посѣщая вмѣстѣ съ ними въ Тригорскомъ своихъ подругъ Вульфовыхъ (братъ ихъ Алексѣй Николаевичъ служилъ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ тоже въ Варшавѣ), и лежавшія не далеко отъ Михайловскаго вотчины Ганнибаловыхъ, Шушериныхъ, Рокотовыхъ и другихъ знакомыхъ, о которыхъ я упоминалъ уже въ прежнихъ главахъ моей хроники.

Между тѣмъ отъѣздъ моей матери въ Варшаву къ отцу, гдѣ онъ тогда окончательно устроился и пріискалъ новую квартиру, сдѣлался для Ольги Сергѣевны неизбѣжнымъ, и скрывать этотъ отъѣздъ отъ стариковъ не было уже никакой возможности.

«На той недѣлѣ, пишетъ она Николаю Ивановичу отъ 6-го августа, я объявила папа́ и мама́ о твоемъ намѣреніи встрѣтить меня осенью въ Варшавѣ на нанятой уже съ этой цѣлью (dans ce but) тобой квартирѣ, а также и о дальнѣйшей невозможности играть вовсе неприсущую мнѣ роль и дѣвушки, и вдовушки, между тѣмъ какъ я ни то, ни другое. Можешь себѣ вообразить, какую я сцену вынесла послѣ этого, и вынесла въ мои-то лѣта! «Дражайшій» изъ себя вышелъ (le дражайшій est sorti hors de ses gonds), мама тоже, оба, не понимая никакъ, что я четыре года замужемъ, а въ разлукѣ съ мужемъ гораздо болѣе года, и что не могу же ихъ забавлять моей особой до втораго пришествія (et que je ne peux pas les amuser par ma personne jusqu'au jour du jugement dernier) безъ развода съ тобою, а развода совершенно не желаю, къ чему, впрочемъ, кажется, и не предстоитъ ни малѣйшаго повода. Я, по словамъ Александра, Пенелопа втораго изданія (moi, au dire d'Alexandre, je suis une Pénélope

d'une seconde édition), а что касается до тебя, мой дорогой,— сердись или не сердись для меня все равно,—ты, слава Богу, далеко не такъ обворожителенъ, чтобы записаться въ новѣйшіе Донъ-Жуаны, (et à ce qui vous concerne, mon cher, ne voues en déplaise—cela m'est parfaitement égal—vous êtes bien loin d'être séduisant, pour que votre nom soit inscrit au registre des Dons-Juans modernes), и даже еслибы ты не уступалъ въ красотѣ не только Донъ-Жуану, но и самому Нарцису, то и тогда не сумѣлъ бы этимъ качествомъ воспользоваться какъ слѣдуетъ: вести съ дамами интересныя для нихъ бесѣды никакъ не можешь, а желая отпустить дамамъ сколько-нибудь сносный копл иментъ, поподчуешь ихъ такой—по невинности души твоей—дерзостью, вслѣдствіе которой онѣ рады будутъ съ тобой и не встрѣчаться. Опасенъ, нечего говорить!

«Все это я высказала дражайшимъ и истощила передъ ними много доказательствъ необходимости переселенія къ тебѣ, помимо моего какого-то непонятнаго отвращенія къ Польшѣ, гдѣ вдали отъ родныхъ рѣдко услышу и родное, русское слово. Моей рѣчью я ихъ повидимому убѣдила: по крайней мѣрѣ «Мольеровскихъ сценъ» послѣ этого уже не было: теперь отецъ ограничивается тѣмъ, что обливаетъ меня слезами, а Вульфамъ, Рокотовымъ и Веніамину Петровичу Ганнибалу проповѣдуетъ мое упрямство. Лучше бы доказалъ иначе, что меня любитъ. Мать же, увѣвяя будто бы ты слишкомъ занятъ службой, чтобы обо мнѣ думать,—а въ Варшавѣ у тебя въ свободные часы бездна, дескать, пріятелей вполнѣ меня замѣняющихъ, (каково?!) — твердитъ мнѣ всякій Божій день, что она не можетъ привыкнуть къ моему намѣренію жить съ тобою. Каково мнѣ переносить всѣ ея причитыванія? Еще хорошо, что я упросила родителей ничего пока не писать брату Александру о моемъ рѣшеніи; не то присоединился бы къ нимъ и сталъ бы угощать меня тоже, правда, не изустными, но совершенно напрасными письменными сценами, для чего и радъ былъ бы преодолѣть свою лѣнь на переписку,— переписку, которая подѣйствовала бы какъ нельзя хуже на мои нервы. Къ счастію нервы теперь у меня окрѣпли, а мой

первобытный нравъ опять взялъ преимущество *). Я веселѣе и беззаботнѣе, чѣмъ всякая другая, которая очутилась бы на моемъ мѣстѣ. Что дѣлать? Стараюсь разсѣяться прогулкою при хорошей погодѣ, а при дурной — чтеніемъ и живописью; кромѣ того утѣшаю себя мыслію, что, покидая родителей помимо ихъ воли, покидая друзей, мѣста, среди которыхъ провела нѣсколько свѣтлыхъ лѣтъ моей жизни, вновь найду тебя, мой мнимый Донъ-Жуанъ; а ты имѣешь въ виду мое благополучіе, и отъ тебя зависитъ уже затѣмъ всецѣло и мое счастіе».

Привожу затѣмъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ Ольги Сергѣевны къ моему отцу за августъ того же 1832 года, на сколько письма эти касаются Александра Сергѣевича.

Въ одномъ изъ нихъ моя мать, разсказывая о домашнемъ бытѣ своего брата и упоминая о ея послѣднихъ съ нимъ свиданіяхъ, сообщаетъ уже не по-французски, а по-русски:

... «Александръ, когда возвращался при мнѣ домой, цѣловалъ свою жену въ оба глаза считая это привѣтствіе самымъ подходящимъ выраженіемъ нѣжности, а потомъ отправлялся въ дѣтскую любоваться своей «Машкой», какъ она находится или на рукахъ у кормилицы, или почиваетъ въ колыбелькѣ, и любовался ею довольно долго, часто со слезами на глазахъ, забывая, что супъ давно на столѣ.

«Говорилъ онъ мнѣ, что дѣвочку назвалъ Маріей и въ честь бабушки, а отчасти потому, что не хотѣлъ дать дочери другаго имени, которое можно было бы коверкать, согласно народной фантазіи, чего и будетъ всегда избѣгать, если Богъ пошлетъ ему дальнѣйшихъ наслѣдниковъ. Братъ увѣряетъ, что ни одинъ народъ такъ не коверкаетъ собственныя имена, какъ мы, русскіе; и, къ сожалѣнію, не одно наше простонародье. Напримѣръ, имена женскія: Евдокія, у насъ—Авдотья, Аквилина—Акулина, Агриппина—Аграфена, Елена — Алёна, Февронія—Хавронья, а мужскія: Іосифъ—Осипъ, Флоръ—Фролъ, Антоній—Антонъ, Парфеній — Парфёнъ, такъ что изъ благозвуч-

---

*) Послѣдняя фраза по-русски, и слово «первобытный» подчеркнуто. Л. П.

ныхъ именъ — въ особенности изъ Февроніи и Флора—наши соотечественники возлюбленные ухитрились сотворить уже не имена, а клички, безобразныя для уха» . . . .
. . . .

Въ другомъ письмѣ Ольга Сергѣевна, сообщая мужу о настроеніи духа брата-поэта и соболѣзнуя о его мнительности, излагаетъ слѣдующія мысли Пушкина, которыя и перевожу, такъ какъ это письмо моей матери, подобно прочимъ, за исключеніемъ предшествовавшаго—французское:

... «Александръ мнѣ сказалъ, что не вѣритъ прочности своего семейнаго счастія. Въ своей Наташѣ онъ, правда, видитъ совершенство и даетъ голову на отсѣченіе (il met sa tête en gage), что она въ отношеніи къ нему всегда пребудетъ чиста и непорочна, и что иначе, при ея христіанскомъ благочестіи и страхѣ Божіемъ, быть не можетъ; быть иначе не можетъ также и потому, что она видитъ передъ собой человѣка, который любитъ ее—сказать лучше влюбленъ въ нее безъ памяти,—предупреждаетъ, какъ можетъ, ея желанія, насколько они удобоисполнимы,—человѣка, который молитъ Создателя, чтобы всѣ предназначенныя ей свыше невзгоды пали не на нее, а на него. Но, несмотря на свою увѣренность, братъ говорилъ мнѣ, что онъ иногда считаетъ себя самымъ несчастнымъ существомъ (un être des plus malheureux)—существомъ, близкимъ къ сумасшествію, когда видитъ свою жену, разговаривающую и танцующую на балахъ съ красивыми молодыми людьми; одно уже прикосновеніе чужихъ мужскихъ рукъ къ ея рукѣ причиняетъ ему приливы крови къ головѣ (lui fait monter le sang à la tête), и тогда на него находитъ мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему вѣрной, можетъ измѣнять ему мысленно (mentalement). На мое замѣчаніе, что онъ сражается съ привидѣніями, Александръ мнѣ сказалъ, что моя мысль несправедлива, и опять повторилъ свое предположеніе о возможности не фактическаго предпочтенія, которое, по благородству и благочестію Наташи, предполагать въ ней просто грѣшно, но о возможности предпочтенія ею мысленнаго другихъ передъ нимъ.

Разговоръ мой съ нимъ происходилъ, разумѣется, съ глазу на глазъ, и онъ молилъ меня Христомъ и Богомъ не упоминать Наташѣ о сказанномъ ни полслова. Признался мнѣ братъ, что онъ во время каждаго бала дѣлается мученикомъ, а затѣмъ проводитъ отъ гнетущей его тяжелой мысли безсонныя ночи» *).

Какъ видно по напечатаннымъ письмамъ дяди къ Натальѣ Николаевнѣ изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ въ концѣ сентября недѣли на три, Пушкинъ намекаетъ ей, хотя и въ шуточномъ дружескомъ тонѣ, на то, что ея бесѣды съ посторонними кавалерами ему не совсѣмъ по нутру, а въ письмѣ отъ 27 сентября говоритъ между прочимъ: «Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П...а тебѣ не слѣдовало, вопервыхъ потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а вовторыхъ, «хоть я въ тебѣ и увѣренъ», но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ». Отъ 30 числа дядя шутитъ слѣдующимъ образомъ: «Мы (т.-е.

*) Въ изданной академикомъ Я. К. Гротомъ книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (стр. 211), напечатанъ одинъ изъ сохранившихся въ бумагахъ П. А. Плетнева списковъ съ автографовъ дяди; въ немъ находится пропущенная въ окончательномъ текстѣ XV и XVI строфа къ VI главѣ Евгенія Онѣгина, въ которой безсмертный поэтъ художественно изображаетъ собственныя свои чувства, упоминаемыя въ вышеприведенномъ письмѣ моей матери:

«Да, да, вѣдь ревности припадки—
«Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
«Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
«Какъ поврежденіе ума.
«Она горячкой пламенѣетъ,
«Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
«Сны злые, призраки свои.
«Помилуй Богъ, друзья мои!
«Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
«Ея терзаній роковыхъ.
«Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
«Тотъ ужъ конечно безъ боязни
«Взойдетъ на пламенный костеръ,
«Иль шею склонитъ подъ топоръ».

Л. П.

Пушкинъ и Баратынскій) всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадонны etc. etc. Знаешь русскую пѣсню: «Не дай Богъ хорошей жены, хорошу жену часто въ пиръ зовутъ, а бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмелье, да и въ своемъ тошнитъ»...

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что, по словамъ моей матери, Наталья Николаевна, будучи нрава довольно веселаго, любила иногда подшучивать надъ родными и хорошими знакомыми и подшучивать надъ ними въ глаза, а никакъ не за глаза, зачастую впрочемъ не разбирая въ игривомъ ли расположеніи духа ея слушатели или нѣтъ. Она вообще любила въ веселыхъ бесѣдахъ ихъ поддразнивать (les taquiner), не думая ихъ обижать. Вѣроятно и вышеприведенные намеки мужа были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ того же добродушнаго поддразниванія, которое однако Пушкинъ терпѣть вообще не могъ, будь подобное поддразниванье словесное или письменное. Короче, покойная моя тетка не поняла мужа съ этой стороны какъ слѣдуетъ, не постигнувъ его до крайности неровный характеръ, характеръ притомъ подозрительный, мнительный. И безъ поддразниваній въ шуточномъ тонѣ онъ былъ ожесточенъ серьезными поддразниваніями «добрыхъ людей», которые и тогда уже были не прочь утопить Пушкина въ столовой ложкѣ, выжидая только удобнаго для этого случая.

Александръ Сергѣевичъ останавливался въ Москвѣ у своего друга Павла Воиновича Нащокина, посѣщалъ, какъ выше сказано, Сонцевыхъ, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Михаила Петровича Погодина, котораго впослѣдствіи приглашалъ помогать ему въ архивныхъ трудахъ *), но занятъ былъ пре-

*) Въ слѣдующемъ году, по ходатайству Пушкина, архивы, кромѣ тайнаго, открыты были и Погодину, какъ видно изъ письма къ нему моего дяди отъ 5 марта слѣдующаго 1833 года. Л. П.

имущественно исполненіемъ своихъ литературныхъ предпріятій. «Мнѣ пришелъ въ голову романъ (вѣроятно дядя имѣлъ тогда въ виду «Капитанскую дочку»), пишетъ Пушкинъ Натальѣ Николаевнѣ, и я вѣроятно за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мысли «о газетѣ». Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову (такъ дядя прозывалъ всегда Наркиза Ивановича Отрѣшкова, о которомъ я упоминалъ выше); авось вывезетъ».

. . . .

XXXII.

Не распространяясь подробно о томъ, какъ мой дѣдъ и бабка привыкли въ концѣ концовъ къ мысли, что разлуки съ дочерью рано или поздно имъ не миновать, и не описывая подробно послѣдніе дни пребыванія Ольги Сергѣевны въ Михайловскомъ, скажу, что моя мать покинула родительскій очагъ 6 октября 1832 года, недѣли за полторы до возвращенія дяди Александра изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ опять перемѣнилъ квартиру, поселившись въ болѣе для него удобной, хотя и болѣе дорогой на Большой Морской, въ домѣ тогдашняго богача Жадимеровскаго.

Ольга Сергѣевна выѣхала 6 октября изъ Михайловскаго во Псковъ, куда ее провожали, кромѣ родителей, и воспѣтыя дядей ея подруги, обитательницы Тригорскаго, Анна Николаевна Вульфъ, сестра ея Евпраксія Николаевна Вревская, ихъ мать Прасковья Александровна Осипова и кузены Ганнибалы—Семенъ Исаковичъ и Веніаминъ Петровичъ; по милости неизмѣнной веселости всей этой беззаботной компаніи, настроившей на мажорный тонъ расположеніе духа какъ стариковъ Пушкиныхъ, такъ и уѣзжавшей, разлука обошлась безъ лишнихъ патетическихъ сценъ со стороны Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; дѣдъ удалился въ уголъ и тихо заплакалъ, прослезилась и бабка, послѣ чего оба стали проклинать Варшаву и Польшу. При окончательномъ разставаньѣ Сергѣй

Львовичъ написалъ любезное письмо Николаю Ивановичу, а Надежда Осиповна, не сказавъ о зятѣ по обыкновенію ни полслова, вручила дочери только записку Льву Сергѣевичу и просила ее поклониться брату «Тригорскихъ Сосѣдокъ»— Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Изъ Пскова Ольга Сергѣевна отправилась въ дальнѣйшій путь на Варшаву чрезъ Динабургъ, Вильно и Брестъ-Литовскъ, въ сопровожденіи двухъ прислугъ; ѣхала на почтовыхъ, но въ собственной каретѣ, пріобрѣтенной на часть выхлопотанныхъ Александромъ Сергѣевичемъ у Сергѣя Львовича денегъ.

Послѣднее письмо Ольги Сергѣевны Николаю Ивановичу, гдѣ она сообщаетъ ему все изложенное мною выше, помѣчено изъ Динабурга.

По пріѣздѣ Ольги Сергѣевны въ Варшаву открывается постоянная, послѣдовательная съ нею переписка дѣда и бабки. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна сообщаютъ ей въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ событія, касающіяся какъ ихъ семейнаго очага, такъ и обстоятельствъ, случившихся съ покойнымъ нашимъ поэтомъ. Переписка эта и послужила мнѣ главнымъ основаніемъ при веденіи настоящей хроники съ конца 1832 по 1836 годъ, т.-е. до кончины бабки. Разсказы же о событіяхъ 1837 года, заканчивающіе отдѣлъ моихъ воспоминаній, основаны преимущественно на записанныхъ мною словахъ моихъ родителей и дополняются, какъ изустными сообщеніями лицъ, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ Александру Сергѣевичу, такъ и нѣсколькими письмами остававшагося въ живыхъ Сергѣя Львовича. Передавалъ онъ моимъ родителямъ, кромѣ письменныхъ сообщеній, и изустно не мало фактовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Сергѣевны и Николая Ивановича впослѣдствіи, когда онъ ихъ посѣтилъ въ 1842 и 1846 годахъ.

«Милыя безцѣнныя мои дѣти, Оля и Леонъ, пишетъ Надежда Осиповна отъ 20 октября. — Пишу вамъ въ Варшаву обоимъ: вы теперь вмѣстѣ. Благодарю тебя, Оля, за оба письма

изъ Динабурга и Бреста. Они были мнѣ, хотя и грустнымъ, но все-таки большимъ утѣшеніемъ въ первые дни горькой разлуки съ тобою, отъ которой не могу еще опомниться, а ты, милый Леонъ, будь въ насъ увѣренъ: сдѣлаемъ все, что сочтемъ возможнымъ вывести тебя изъ настоящихъ твоихъ денежныхъ затрудненій, лишь бы ты взялъ себѣ отпускъ, а тамъ совсѣмъ у насъ поселился. Слава Богу, внесъ и ты долю въ безсмертный вѣнокъ послѣднихъ подвиговъ славной русской арміи! Весьма и весьма уже долго ведешь кочующую жизнь безъ опредѣленной до сихъ поръ будущности, и утѣшь насъ, бѣдныхъ твоихъ стариковъ! Александръ возвратился въ Петербургъ, но у насъ въ Михайловскомъ не будетъ. Собственноручныхъ отъ него извѣстій и послѣ нашей съ тобой, Ольга, разлуки отъ него не было, статься можетъ и писалъ, но письма не дошли, свѣдѣнія же о его возвращеніи получили отъ П. А. Осиповой, а она отъ третьяго лица (par une personne tierce). Такимъ образомъ мы только отъ нея узнали, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы съ мучительнымъ ревматизмомъ въ правой ногѣ, но, несмотря на это, возится съ переборкой на новую квартиру; узнали мы и то, что у его Наташи показались опять нѣкоторые признаки беременности, чему Александръ очень радъ. Лишь бы берегла себя, не то онъ съ ума сойдетъ отъ безпокойства.

«Онъ отъ насъ отрѣзанный ломоть: все равно что въ разлукѣ, а вы, Оля и Леля *), отъ насъ далеко, очень далеко. Такая разлука со всѣми нашими дѣтьми раздираетъ мое сердце (cette séparation avec tous nos enfants me navre le coeur), Какая старость, Боже мой, выпала на нашу долю—проводить послѣдніе дни жизни вдали отъ дѣтей! Отцу вашему, какъ предчувствую, долго не вынести подобнаго горя: онъ сдѣлался въ послѣднее время та̀къ хворъ, что мнѣ просто страшно, а на той недѣлѣ очень кромѣ того простудился; всякая бездѣлица вызываетъ у него нестерпимые приступы кашля; вчера же приступъ былъ такъ ужасенъ, что его чуть-чуть не заду-

*) Уменьшительныя имена писаны по-русски. Л. П.

шило (et hier l'accès était si terrible, que papa a manqué d'être étouffé). Единственнымъ для него лѣкарствомъ — получать отъ васъ извѣстія, какъ можно чаще и писать вамъ; тогда онъ и чувствуетъ облегченіе. Можешь послѣ этого, милый Леонъ, судить, какъ благотворно подѣйствуетъ на него ожидаемое свиданіе съ тобой! Можешь ли сомнѣваться въ томъ, что съ нашей стороны мы готовы на всѣ жертвы, лишь бы осуществить его? (Juge donc, cher Léon, combien le plaisir de te revoir lui fera du bien, et si nous ne sommes pas capables de faire tous des sacrifices, pour nous procurer cette douce satisfaction?) Ради Бога не лишай насъ надежды тебя увидѣть еще разъ. Папа поручаетъ тебѣ сказать, что онъ тебѣ сейчасъ выслалъ бы деньги, еслибы могъ заложить что-нибудь, но къ несчастію заложить-то ему теперь нечего! Надо пріискать другой источникъ короче, во что бы то ни стало (bref, coûte que coûte), разсчитывай всегда на него и на меня: знаешь мою дѣятельность, когда дѣло касается моихъ дѣтей (tu sais, comme je suis active quand il s'agit de mes enfants).

«Непремѣнно будемъ ожидать тебя, Леонъ, весной, къ маю, послѣ нашего возвращенія сюда въ Михайловское изъ Москвы, а въ Москву — если только папа оправится — непремѣнно должны уѣхать прямо отсюда въ декабрѣ, по дѣламъ о наслѣдствѣ бѣднаго нашего Василія Львовича. Вотъ уже болѣе года, какъ его на свѣтѣ не стало». . . . .

. . . .

Сергѣй Львовичъ, дѣйствительно, какъ видно изъ послѣдующихъ его писемъ, страдалъ припадками сильнаго кашля, о чемъ и распространяется довольно подробно, а объ Александрѣ Сергѣевичѣ сообщаетъ младшему сыну и дочери слѣдующее:

«Наконецъ, Александръ написалъ, и все, что о немъ разсказывали, оказалось сущей правдой. Письмо его о беременности Наташи тоже усилило мою радость: я радъ почти такъ же, какъ и онъ, но въ то же время письмо это и огорчило меня, когда прочелъ о его физическихъ страданіяхъ, превысившихъ разсказъ Прасковьи Александровны. Ревматизмъ разъигрался у него въ ногѣ еще до выѣзда изъ Москвы, и, судя

по письму, Александръ страдаетъ ужасно (il souffre mort et martyre). Снаружи нога какъ нога: ни красноты, ни опухоли, но адская — поистинѣ адская — внутренняя боль дѣлаетъ его мученикомъ; говоритъ, что боль отражается во всемъ тѣлѣ, да и въ правой рукѣ, почему и почеркъ нетвердый и неразборчивый, который насилу изучилъ, читая болѣе часа довольно длинное, несмотря на болѣзнь сына, посланіе. Не можетъ онъ безъ ноющей боли ни лечь, ни сѣсть, ни встать, а ходить тѣмъ болѣе; отлучаться же изъ дома Александръ былъ принужденъ и ради перемѣны квартиры, и ради другихъ дѣлъ, опираясь на палку какъ восьмидесятилѣтній старецъ, (comme un octogenaire). Жалуется, что Наташа дала, во время его отсутствія, слишкомъ большую волю прислугѣ, почему и вынужденъ былъ по пріѣздѣ, несмотря на болѣзнь, поколотить хорошенько извѣстнаго вамъ пьяницу Алешку за великіе подвиги онаго и отослать его назадъ въ деревню. Алешка всегда пользовался отсутствіемъ барина, чтобы повеселиться по-своему. Мой бѣдный Саша, кромѣ болѣзни и домашнихъ заботъ, имѣетъ непріятности всякаго рода относительно его сочиненій. Бенкендорфъ придирается къ нему неимовѣрно, что̀ и причиняетъ моему сыну ужасное настроеніе духа. Достаточно прочесть его письмо, чтобы это замѣтить. (Benckendorff lui fait des chicanes inouïes, ce qui rend mon fils d'une humeur atroce, dont on s'aperçoit, rien qu' en lisant sa lettre). Александръ говоритъ, что не можетъ, милая Ольга, вспоминать о тебѣ безъ слезъ, и очень сѣтуетъ, что ты скрыла передъ нимъ твой роковой планъ уѣхать отъ него и отъ насъ въ Варшаву, куда, еслибы Александръ только предвидѣлъ твое намѣреніе, ни за что тебя бы не пустилъ. Говоритъ, что лѣтомъ или тебя къ себѣ выпишетъ, или же, если обстоятельства позволятъ, самъ за тобой въ Варшаву заѣдетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: отчего Сашѣ въ Польшу не прокатиться? Объ этой странѣ (de ce pays) онъ только судитъ по книгамъ, журналалъ, моимъ разсказамъ и разсказамъ знакомыхъ, да по твоимъ, Леонъ, короткимъ письмамъ, а настоящей-то Варшавы и настоящей Польши въ глаза не видалъ; между тѣмъ, и этотъ край могъ

бы заинтересовать Александра не менѣе Бессарабіи и такъ же, какъ она, послужить богатымъ предметомъ его поэтическихъ вдохновеній. Наташа вѣрно его отпуститъ на недѣлю, пожалуй на мѣсяцъ, а тамъ и ты бы, Ольга, пріѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Но увы! чувствую, что строю воздушные замки (mais hélas! je sens que je fais des châteaux en Espagne), а строить ихъ въ мои лѣта и жалко, и грустно.... Сынъ очень безпокоится о вашемъ здоровьѣ друзья мои, Леля и Оля, а вмѣсто того, чтобы вамъ писать, проситъ васъ черезъ меня объяснить напечатанную въ газетѣ статью подъ рубрикой «Варшава». Въ статьѣ сказано, что погода въ Варшавѣ хотя и ненастная, но число умирающихъ и больныхъ значительно уменьшается. Слѣдовательно, какъ онъ полагаетъ, у васъ эпидемія и большая смертность? Отвѣтьте пожалуйста на это и мнѣ и Александру, а на его молчаніе не глядите. Переписывается только съ пріятелями, а переписываться съ нами, родными, не имѣетъ привычки. Если же написалъ мнѣ теперь, то какимъ-то чудомъ. . . . .

. . . .

... «Александръ очень доволенъ твоей встрѣчей съ Елизаветой Алексѣевной *). Воображаю, какъ она тебѣ обрадовалась, не видавши столько лѣтъ! Въ ея гостепріимномъ домѣ опять увидишь все наше русское, родное; не почувствуешь себя, по крайней мѣрѣ, на чужбинѣ (au moins tu n' y sera pas dépaysée) и отведешь съ нею душу, вспоминая о давно минувшемъ твоемъ дѣтствѣ. Всѣ мы поручаемъ себя ея доброй памяти nous nous vouons tous à son bon souvenir). Передай ей это!»

. . . .

Въ декабрѣ, какъ видно изъ писемъ, дѣдъ и бабка выѣхали въ Москву по дѣламъ о наслѣдствѣ послѣ Василія Львовича и останавливались въ Твери на нѣсколько дней, откуда Сергѣй Львовичъ сообщаетъ дочери трагическую смерть А. А. Шишкова въ слѣдующихъ словахъ:

*) Супруга фельдмаршала Паскевича, рожденная Грибоѣдова. Съ ея матерью Пушкины состояли въ родствѣ.

«Здѣсь произошло на дняхъ ужасное событіе: молодой Шишковъ, прелестный поэтъ (un charmant poète), которому Александръ нѣкогда посвятилъ посланіе, палъ мертвымъ, пораженный кинжаломъ на улицѣ среди бѣлаго дня. Несчастнаго отправилъ на тотъ свѣтъ господинъ Ч—ъ, который уже убилъ на дуэли господина Н—ва. Убійца позволилъ себѣ отозваться, въ присутствіи Шишкова, не совсѣмъ лестно о женѣ послѣдняго. Шишковъ, въ порывѣ негодованія, нанесъ послѣ того наглому клеветнику должное возмездіе. Ч. настоялъ (l'à sommé), чтобы Шишковъ слѣдовалъ за нимъ со всѣми наличными свидѣтелями. Всѣ отправились вслѣдъ за враждовавшими въ полномъ, само собою разумѣется, убѣжденіи, что злополучная исторія закончится не иначе какъ поединкомъ не на животъ, а на смерть; но Ч—въ, прежде нежели дойти до своей квартиры, внезапно бросается на Шишкова и зарѣзываетъ его (et l'assassine) нѣсколькими ударами.... Затѣмъ отдаетъ самъ себя въ руки правосудія, въ качествѣ убійцы. Можешь себѣ представить, какой въ городѣ произошелъ переполохъ! Александру ничего однако не пишу; не желаю, чтобы онъ первый узналъ отъ меня объ ужасной кончинѣ человѣка къ которому былъ искренно расположенъ. Сообщая тебѣ объ этомъ неслыханномъ злодѣяніи, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ по этому предмету разсужденій.

«Катастрофа меня поразила... происшествіе невеселое, нечего сказать, но заставляющее меня не мало призадумываться, и приводящее въ содроганіе (je m'abstiens de faire mes refléxions. Cela m'a terrassé!.. Cela n'est pas gai, il n'y a rien à dire, mais cela me fait penser beaucoup, et me donne la chaire de poule, chaque fois quand j' y songe)».

Считаю не лишнимъ замѣтить, что дядя Александръ дѣйствительно написалъ А. А. Шишкову любезное посланіе, начинающееся слѣдующими строками:

«Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
«Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
«Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
«Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?

«Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
«Съ нихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
«Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
«Твою счастливую качали колыбель. *)
. . . .

Сергѣй Львовичъ, пріѣхавъ съ женой въ Москву мѣсяца на три, остановился первое время у своего зятя М. М. Сонцова, въ домѣ «Дуракова», на счетъ чего и шутитъ съ дочерью и сыномъ Львомъ, по-русски, въ слѣдующихъ строкахъ:

«Не могу, милыя мои дѣти, удержаться отъ смѣха, посылая вамъ адресъ съ фамиліей нашего хозяина. Но да утѣшится сей гражданинъ почтенный, сообразивъ, что онъ въ сущности совсѣмъ не то, чѣмъ его всѣ смертные называютъ, а главное, да возвеселится и возрадуется, что съ моимъ пріѣздомъ поселился у него человѣкъ — смѣю васъ увѣрить — подобно моему зятю не совсѣмъ глупый, съ чѣмъ и можно онаго гражданина поздравить».

XXXIII.

Разлука Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны съ дочерью на неопредѣленное время, отсутствіе младшаго сына Льва, рѣдкія свиданія со старшимъ Александромъ, — все это очень огорчало стариковъ Пушкиныхъ. Скорбя объ отъѣздѣ Ольги Сергѣевны, они, по всей вѣроятности, горько раскаявались въ «жесткихъ», какъ моя мать выражалась, поступкахъ съ нею; такъ по крайней мѣрѣ догадываюсь, читая между строкъ краснорѣчивыя родительскія къ ней изліянія, въ которыхъ однако и дѣдъ, и бабка не упускаютъ щадить, елико возможно, свою непогрѣшимость, сваливая необходимость разлуки единственно на силу судьбы. Надежда же Осиповна, разсыпаясь въ чувствительныхъ фразахъ, не измѣнила до осени 1834 года ни на волосъ своей тактикѣ: не только не

*) См. соч. Пушкина. Изданіе Суворина, т. III, стр. 42.

посылать зятю въ письмахъ привѣтствій, но и совершенно его игнорировать. Сергѣй Львовичъ, скажу на этотъ разъ въ его защиту, едва ли одобрялъ подобный образъ дѣйствій жены, и если не входилъ съ Николаемъ Ивановичемъ въ письменныя сношенія, то всегда поручалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ передавать ему пару сочувственныхъ словъ, а зимою 1833 года, въ письмѣ ко Льву Сергѣевичу изъ Москвы въ Варшаву, сообщаетъ:

«Передай отъ меня, мой милый и храбрый капитанъ, (mon cher et vaillant capitaine) искреннюю признательность добрѣйшему (à l'excellent) Николаю Ивановичу за его къ тебѣ родственное расположеніе. Какъ же мнѣ его не любить, коль скоро онъ полюбилъ тебя, дитя мое милое, мой безцѣнный Веніаминъ, какимъ всегда тебя называю! Вырази Павлищеву всю мою радость, когда я узналъ, что онъ доставилъ тебѣ гостепріимство. Очень, очень радъ, что живешь у него и у твоей сестры и вполнѣ цѣню всѣ хлопоты твоего зятя о тебѣ: дѣлаетъ все, что̀ можетъ (il fait tout son possible, et tous ses possibles), съ цѣлію выручить тебя изъ денежныхъ затрудненій, насколько позволяютъ стѣсненныя его обстоятельства. Пишешь, что онъ, ради уплаты твоего долга, самъ призанялъ у своего пріятеля, что̀ какъ нельзя болѣе мило съ его стороны (ce qui est on nepeut plus gentil de sa part); но и я не намѣренъ оставаться у него за тебя въ долгу, а потому высылаю тебѣ, мой храбрѣйшій, (mon vaillantissime), тысячу рублей. Расквитайся съ нимъ, а остальныя положи себѣ на твои нужды (pour tes besoins) въ кошелекъ. Былъ бы я счастливъ выслать побольше тебѣ на уплату твоего долга Плещееву, но, видитъ Богъ, не могу: управляющій осаждаетъ меня письмами изъ Нижняго: этотъ господинъ мнѣ поетъ (il me chante), что распрощусь съ имѣніемъ (que je ferai mes adieux à mon patrimoine), если не внесу уплату въ самомъ скоромъ времени въ Опекунскій Совѣтъ».

Посылая дядѣ Льву сумму довольно солидную, Сергѣй Львовичъ, казалось, могъ бы удѣлить кое-что и дочери; это было бы полезнѣе трогательныхъ разглагольствованій.

На равнодушіе сына-поэта Сергѣй Львовичъ жалуется дочери изъ Москвы отъ 16 марта 1833 года слѣдующимъ образомъ:

«Твои частыя письма, Ольга, дорогое дитя мое (mon cher enfant) доставляютъ твоимъ одинокимъ родителямъ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе,—удовольствіе, которое можно сравнить развѣ съ размѣромъ испытываемаго мною огорченія, не получая никакихъ извѣстій отъ моего «старшаго». Александръ намъ совсѣмъ не пишетъ и даже не отвѣчаетъ. Что дѣлать? Льщу себя надеждой, что такимъ молчаніемъ обязанъ его великой лѣности, но это весьма небольшое утѣшеніе (Ce plaisir est égal au chagrin que j'éprouve de n'avoir aucunes nouvelles de mon aîné. Alexandre ne nous écrit pas du tout, et ne répond pas même à mes lettres. Que faire? Je me flatte, que je ne dois ce silence qu'à sa grande paresse, mais ce n'est qu'une bien petite consolation). На десять писемъ Александръ отвѣчалъ только разъ. Послѣ этого не думаю, что мой поэтъ особенно обрадуется насъ увидѣть опять въ сѣверной столицѣ, и можешь слѣдовательно судить объ ожидающемъ меня образѣ жизни въ этомъ краѣ (Je ne crois pas après ceci, que mon poëte soit enchanté de nous revoir au sein de la capitale du Nord. Vous pouvez donc, chère Olga, vous faire une idée du genre de vie, qui m'attend dans ce pays là). Если же слышу что-либо объ Александрѣ, то единственно отъ его друга Павла Нащокина. Этотъ Нащокинъ сказываетъ, что Александръ, слава Богу, совершенно разстался съ мучительнымъ ревматизмомъ ноги, не дававшимъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, но все же этого-то желаннаго покоя днемъ и ночью онъ не вѣдаетъ. Ты уже знаешь, что твой братъ попалъ въ члены академіи, какъ любитель отечественной словесности! (Еще бы не любитель! Да объ этомъ всему міру извѣстно...). Желая же носить это званіе съ честію и пользою (en tout bien tout honneur), онъ, какъ слышно, удвоилъ историческія занятія и половину дня проводитъ въ архивѣ. Кончилъ прелестный свой романъ, надъ которымъ провозился довольно долго, и начинаетъ другой; сюжетомъ выбралъ происшествіе временъ

Екатерины Великой*). Этому послѣднему труду, а также и другимъ, поэтическимъ, посвящаетъ все время до вечера, а по вечерамъ дома рѣдко его можно найти: сопровождаетъ въ общество жену (il chaperonne sa femme dans le monde), гдѣ и долженъ бодрствовать до зари (où il doit veiller jusqu'à l'aurore). Значитъ, не смотря на раздраженные нервы, онъ можетъ выносить многое; но боюсь за такой тревожный образъ жизни: и гигантъ можетъ свалиться, будучи лишенъ сна — перваго благодѣтеля и друга человѣчества. Хочу сыну объ этомъ писать, но едва ли меня послушаетъ. А было бы для здоровья Александра гораздо полезнѣе, да и для здоровья его жены, еслибы онъ взялъ примѣръ съ Баратынскаго, тоже поэта, хотя правда и уступающаго Александру въ извѣстности. Видимъ Баратынскихъ въ Москвѣ очень часто; не зная безсонныхъ ночей на балахъ и раутахъ, Баратынскіе ведутъ жизнь самую простую (ils mènent une existence on ne peut plus bourgeoise); встаютъ въ семь часовъ утра во всякое время года, обѣдаютъ въ полдень, отходятъ ко сну въ 9 часовъ вечера и никогда не выступаютъ изъ этой рамки, чтò не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ довольными, спокойными, слѣдовательно счастливыми. Завидую имъ, что, къ моему сожалѣнію, не могъ съ мамá такъ устроиться: прожилъ бы дольше, чего конечно желаю Александру, тебѣ и Леону.

«Тамъ, то-есть у Баратынскихъ, я узналъ, что Захаръ Ч.**) прощенъ; офицерскій чинъ ему возвратили, но безъ графскаго титула. Ожидаютъ его скоро сюда въ Москву. Несчастной же Александры Муравьевой нѣтъ уже на свѣтѣ (mais la pauvre Alexandrine Mourawieff n'est plus de ce monde): скончалась въ ноябрѣ, а ея свекровь (?) (sa belle-mère), которую посѣщаемъ изъ человѣколюбія, въ отчаяніи (nous la fréquentons, ce qui est une oeuvre de charité chrétienne)».

«Я распечатала посланіе папá, сообщаетъ Надежда Оси-

---

*) Дѣдъ вѣроятно здѣсь подразумѣваетъ подъ первымъ романомъ «Дубровскаго», а подъ вторымъ «Капитанскую дочку». Л. П.

**) Не Чернышевъ ли? Фамилія цѣликомъ не выставлена. Л. П.

повна отъ того же 16 марта.—Онъ хотѣлъ уже отослать его вмѣстѣ съ деньгами, но позвонилъ почталіонъ съ письмомъ, украшеннымъ петербургскимъ штемпелемъ. Пишетъ намъ конечно не Александръ; онъ отнюдь кажется не заботится украшать бумагу чернилами ради насъ (il ne se soucie guère, à ce qu'il me paraît, de mettre du noir sur du blanc pour nos beaux yeux), а пишетъ его жена. Если Сашка (Sachka въ подлинникѣ) не удостоиваетъ также ни тебя, ни «капитана» письмами, то по крайней мѣрѣ скажу вамъ обоимъ, мои дорогія дѣти, пару словъ объ этомъ противномъ Сашкѣ, котораго люблю наравнѣ однако съ вами, и его Наташѣ. Начинаю съ того, что оба они теперь здоровы настолько, насколько можно быть здоровыми въ Петербургѣ, при посѣщеніяхъ четыре раза на недѣлѣ петербургскаго большаго свѣта. Но на первой недѣлѣ великаго поста Александръ не избѣгнулъ гриппа; эту болѣзнь онъ прозвалъ холерной внучкой (maladie, qu'il a surnommée la petite fille du choléra), а Наташѣ на первой же недѣлѣ грозила горячка: (elle a manqué d'avoir la fièvre chaude) слегла въ постель и доктора разсудили пустить ей кровь, не смотря на беременность! Если Наташа такъ быстро поправилась, то совсѣмъ не отъ этой варварской операціи, а единственно благодаря молодому и счастливому тѣлосложенію.

«Наташа до болѣзни, продолжаетъ бабка,—постоянно выѣзжала, и пишетъ, что ей никогда еще не было такъ весело, какъ въ минувшемъ мясоѣдѣ. Появилась она и на костюмированномъ балѣ, данномъ въ залахъ Министерства Удѣловъ, въ нарядѣ жрицы Феба, такъ рѣшилъ Александръ, и сдержала успѣхъ блистательный: императоръ и императрица подошли къ ней, похвалили ея костюмъ, а государь провозгласилъ ее царицей бала. (Nathalie a paru au bal donné dans les salles des Apanages en costume de prêtresse du soleil; c'est Alexandre qui l'a decidé de le mettre—et son succès était on ne peut plus brillant. L'Empereur et l'Impératrice se sont approchés d'elle, lui ont fait compliment sur le costume, et l'Empereur l'a déclarée reine du bal). Наташа описываетъ намъ балъ какъ нельзя

болѣе подробно, чего не дѣлаю, полагая, что о немъ и у васъ въ Варшавѣ извѣстно.

«Объ Александрѣ невѣстка сообщаетъ весьма немного, а объ его трудахъ и заботахъ, о которыхъ намъ разсказываетъ Нащокинъ, ровно ничего. Говоритъ только, что теперь совершенно здоровъ и записался въ постоянные члены англійскаго клуба, куда ходитъ раза два въ недѣлю завтракать съ Владиміромъ Соломирскимъ и милымъ его сердцу mylord'омъ qu'importe *). Но и это гораздо прежде невѣстки намъ разсказалъ Булдаковъ. Означенный оригиналъ теперь въ Москвѣ и передалъ намъ, будто бы нашъ нѣжный старшій сильно о насъ безпокоится. Лучше бы гораздо было Александру не говорить о своихъ безпокойствахъ Булдакову, а просто написать о себѣ кое-что. Ну, да Богъ съ нимъ! (Eh bien! que le bon Dieu le conserve en Sa sainte garde). За то его молчаніе вознаграждается твоими, милая Ольга, письмами. Бога ради прикажи «храброму капитану»,—то есть моему возлюбленному Лелькѣ,—не шалить (mais au nom du Ciel, donne tes ordres au vaillant capitaine, c'est à dire à mon bien aimé Lolka, de ne pas faire le diable à quatre) и писать почаще; но выскажи все ему такъ, чтобы онъ на меня не обижался. Боже, неужели и онъ не пріѣдетъ? А сегодня, не знаю почему, не могу о немъ и думать безъ замиранія сердца; (sans avoir le coeur navré) вчера же видѣла его во снѣ блѣднымъ и печальнымъ. Если боленъ, умоляю, сообщи мнѣ. Скажу еще по секрету, только Лелькѣ не подавай виду: слухи, которые о немъ ходили, были далеко не успокоительны: переносчики всякихъ худыхъ вѣстей, переносчики, изъ которыхъ бо̀льшая часть заклятые враги Александра, не замедлили разсказать его женѣ, Богъ знаетъ что о Леонѣ, котораго онъ такъ любитъ, и разсказать единственно съ цѣлію причинить болѣзнь бѣдному Сашкѣ. Короче, говорили о дуэли, да кончили тѣмъ, что разболтали, будто бы Леонъ убитъ. Наконецъ, получила твое письмо; оно, конечно, меня успокоило, но все же мнѣ было бы утѣшительнѣе

*) Прозваніе Соболевскаго. См. 2 и 4 главы настоящей хроники. Л. П.

увидѣть приписку «капитана». Сплетники, разсчитывая, что Наташа передастъ Александру басню о дуэли брата, остались въ дуракахъ (sont restés penauds). Дорожа спокойствіемъ мужа, Наташа написала только намъ объ этой сплетнѣ, да и то со всевозможными предосторожностями».

Между тѣмъ, дядя Левъ, поселясь на нѣкоторое время въ Варшавѣ у моихъ родителей, не располагалъ заживаться въ Польшѣ, которую не любилъ. Мятежъ былъ подавленъ, никакой внѣшней войны не предвидѣлось, а русское воинство совершало подвиги лишь на Кавказѣ.

«Польша»,—объявилъ однажды Левъ Сергѣевичъ сестрѣ, «для насъ русскихъ, значитъ и для твоего мужа,—ничто иное, какъ постоялый дворъ, гдѣ остаются лишь до тѣхъ поръ, пока лошадей не подадутъ; а для меня Польша, если только въ ней застряну, можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Капуя знаменитому однофамильцу моихъ ближайшихъ родичей: пошатаюсь года три или даже два пропаду ни за грошъ. Что же мнѣ тутъ дѣлать? Забавляться игрой въ солдатики на плацъ-парадѣ? слушать въ театрѣ да «огрудкахъ» дурацкую музыку, отвыкнувъ отъ моей, любимой музыки настоящей пушечной пальбы и свиста пуль? путешествовать съ полкомъ по жидовскимъ грязнымъ городишкамъ? играть, когда нѣтъ ученья, на билліардѣ въ заѣздныхъ домахъ съ утра до вечера, да коверкать родной русскій языкъ съ ненавидящими въ душѣ «москалей» варшавскими Дульцинеями?!.. Весело, нечего сказать!»

Недолго раздумывая, «храбрый капитанъ» рѣшилъ проститься съ квартировавшимъ въ привислянской окраинѣ Финляндскимъ драгунскимъ полкомъ, подать въ отставку и ѣхать къ старикамъ въ Петербургъ, гдѣ и хлопотать о вторичномъ поступленіи въ ряды кавказской арміи.

Рапортъ объ отставкѣ дядя подалъ; но тутъ-то и стряслась надъ нимъ бѣда: прошеніе затерялось по небрежности чиновниковъ, вслѣдствіе чего, не являясь въ мѣсто расположенія полка, Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ службы—sans autre forme de procès, какъ онъ выразился въ письмѣ

брату, умоляя употребить всѣ старанія передъ власть имущими въ его пользу. Александръ Сергѣевичъ переслалъ письмо въ Москву старикамъ и просилъ отца принять въ этомъ дѣлѣ участіе и съ своей стороны.

Сергѣй Львовичъ, нѣкогда принявшій какъ нельзя болѣе философски опалу «старшаго», пришелъ на этотъ разъ въ отчаяніе, услышавъ о горѣ «младшаго», и счелъ собственной обидой исключеніе Льва Сергѣевича, боевыя заслуги котораго въ трехъ кампаніяхъ доставили сыну и высокіе, не по чину знаки отличія и лестное къ нему вниманіе князя Варшавскаго.

По словамъ покойной моей тетки, Ольги Матвѣевны Сонцовой, у родителей которой дѣдъ и баба останавливались въ Москвѣ, Сергѣй Львовичъ, прочитавъ письмо сына-поэта, истерически зарыдалъ и объявилъ, что «не вынесетъ незаслуженнаго позора, нанесеннаго гербу Пушкиныхъ, по неисправности какого-нибудь писаря, и долженъ смыть оскорбленіе во что бы ни стало!»

Изъ сохранившихся у меня писемъ Сергѣя Львовича можно видѣть, какое участіе онъ принялъ въ дѣлѣ сына. Привожу нѣсколько выдержекъ:

«Москва, 23 января 1833 г. Милый Леонъ! Вмѣстѣ съ настоящимъ письмомъ и съ тѣмъ же курьеромъ пишу князю Паскевичу, такъ что оба письма будутъ получены одновременно и тобою, и фельдмаршаломъ. Пишу ему по-русски, полагая, что въ мои лѣта и при моемъ положеніи это приличнѣе. Письмо я прочелъ наизусть встрѣченному мною адъютанту Паскевича, князю Щербатову. Дай Боже, чтобы дѣло удалось. Молю Бога вдохновить меня».

Въ концѣ письма дѣдъ сообщаетъ сыну слѣдующій текстъ самой записки Паскевичу:

«Сынъ мой, бывшій штабсъ-капитанъ Финляндскаго драгунскаго полка Пушкинъ, имѣлъ честь совершить три знаменитыхъ похода въ рядахъ войскъ, покрывшихъ себя славою подъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости въ Персіи, Турціи и Польшѣ. Обративъ вниманіе ваше, свѣтлѣйшій князь, онъ получилъ всѣ чины за отличіе и три ордена. По слабости

здоровья, находясь въ невозможности продолжалъ военную службу, онъ два раза подавалъ просьбу объ увольненіи изъ оной къ статскимъ дѣламъ, но вмѣсто отставки исключенъ изъ списковъ».

«Осмѣливаюсь просить Вашу Свѣтлость о неоставленіи его покровительствомъ Вашимъ, дабы онъ могъ, усердіемъ и стараніемъ своимъ въ какой-либо другой службѣ, загладить пятно, нанесенное симъ исключеніемъ прежнимъ его заслугамъ».

«Письма моего къ князю Паскевичу», — пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ 1-го февраля, «я не послалъ въ Варшаву, какъ предполагалъ, одновременно съ письмомъ къ тебѣ, mon vaillantissime; однако узнавъ, что фельдмаршалъ въ Петербургѣ, отправилъ его туда Беклемишеву, которому и сообщилъ то же самое, но гораздо подробнѣе, прося вручить князю мою записку и изложить все откровенно (à coeur ouvert). Но теперь, къ моему большому прискорбію, дошли до меня слухи, что фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Варшавы не въ Петербургъ, а за границу въ Берлинъ, можетъ быть и въ Вѣну. Боже мой! какъ жаль, что мнѣ ничего не пишешь! Тебѣ гораздо лучше все это должно быть извѣстно! Узнавъ же о твоемъ дѣлѣ, я не промѣшкалъ ни минуты. А теперь, что же мнѣ прикажешь дѣлать?»

Спустя нѣсколько времени Сергѣй Львовичъ сообщаетъ моей матери:

«Паскевичъ, по всей вѣроятности, получилъ мою записку черезъ Беклемишева; мнѣ сказывали, что фельдмаршалъ можетъ быть и не пожелаетъ вмѣшиваться въ дѣло Леона, потому что Леонъ принадлежалъ къ арміи Сакена. Но можетъ статься и то, что Леонъ свидѣлся съ Паскевичемъ, и тебѣ, слѣдовательно, стоитъ только черкнуть мнѣ пару словъ, чтобы меня успокоить. Наконецъ, не увидишься ли ты съ фельдмаршаломъ, а съ Елизаветой Алексѣевной тоже могла бы переговорить. Мысль, что бѣдный Леонъ исключенъ изъ службы ни зà что, ни прò что (l'idée, que mon pauvre Léon est exclu du service sans aucune raison valable) дѣлаетъ меня несчастнымъ, а я такъ гордился его подвигами!..»

Записка Сергѣя Львовича фельдмаршалу дошла по назначенію гораздо позже, чѣмъ дѣдъ предполагалъ, пролежавъ въ канцеляріи свѣтлѣйшаго, такъ что Паскевичъ о дѣлѣ дяди Льва долго ничего не зналъ. Дядя же Левъ, изъ какого-то чувства гордости, не рѣшался на объясненіе съ фельдмаршаломъ и просилъ сестру не заикаться о немъ ни князю, ни княгинѣ. Но тутъ явился на выручку самъ свѣтлѣйшій: на балѣ у себя въ зáмкѣ, онъ обратился къ Ольгѣ Сергѣевнѣ съ вопросомъ: гдѣ Левъ Сергѣевичъ и что онъ дѣлаетъ? Результатомъ разсказа Ольги Сергѣевны было объявленное черезъ двѣ недѣли въ «Инвалидѣ» увольненіе отъ службы Пушкина по прошенію съ чиномъ и мундиромъ.

Велика была радость Сергѣя Львовича, когда онъ узналъ объ этомъ по возвращеніи въ Петербургъ. Но успѣшный исходъ дѣла онъ приписалъ не объясненіямъ дочери къ фельдмаршаломъ, а письму къ своему двоюродному брату Чичерину.

«Третьяго дня мы пріѣхали сюда изъ Москвы, милый Леонъ»,—пишетъ старикъ Пушкинъ, «а вчера я уже былъ у Чичерина спросить о тебѣ. Военный министръ, графъ Чернышевъ, очень былъ тобой заинтересованъ (s'est beaucoup interessé à toi) и объявилъ, что ты надняхъ уволенъ по желанію отъ службы *). Иду завтра же къ Чичерину узнать, когда могу лично благодарить министра. Благодарю, однако, прежде всего Всемогущаго Бога. Значитъ, твоя и моя честь удовлетворены: можешь перейти на службу подъ начальство князя Варшавскаго, если ему будетъ угодно принять во вниманіе мое письмо. (Actuellement il n'y aura pas de difficulté pour toi de passer au service du maréchal prince de Varsovie, s'il voudra avoir égard à ma lettre). Въ противномъ случаѣ, долженъ будешь пріѣхать сюда, а здѣсь, безъ сомнѣнія, тебя примутъ на службу; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаютъ тѣ, кто тебя любитъ, и желаютъ твоего счастія».

«Мы получили твое письмо, милая Ольга»—сообщаетъ бабка

---

*) Изъ этого письма не видно, чтобы Чернышевъ упомянулъ Чичерину объ отношеніи къ нему Паскевича. Л. П.

«въ присутствіи Александра, которому Чернышевъ говорилъ о Львѣ. Дѣло Леона устроено, и онъ можетъ быть покоенъ, также какъ и мы; если хочетъ поступить въ статскую службу, то похлопочемъ. Какъ нельзя болѣе благодарна Чичерину: не теряя ни минуты, онъ разсказалъ Чернышеву о положеніи бѣднаго Леона, а на другой день Александръ тоже явился въ канцелярію министра и, узнавъ, что дѣло кончено, не имѣлъ уже надобности говорить съ Чернышевымъ. Послѣ этого Чернышевъ, встрѣтивъ Сашку на балѣ, самъ къ нему подошелъ и подтвердилъ радостную вѣсть. Пишите, друзья мои, Ольга и ты храбрѣйшій, по новому адресу: на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, въ домѣ Устиновой. Александръ надъ нами стариками смѣется и говоритъ, что у каждаго изъ насъ по двадцати лѣтъ свалилось съ плечъ, послѣ извѣстія о тебѣ, милый Леонъ... да иначе и быть не можетъ. Будь же счастливъ настолько, насколько тебѣ желаемъ, но не болѣе, слѣдовательно будь счастливъ безконечно»...

На счетъ сына Сергѣй Львовичъ успокоился, впрочемъ, лишь тогда, когда адъютантъ Паскевича, баронъ Розенъ поэтъ и бывшій сотрудникъ А. А. Дельвига, доставилъ ему копію приказа.

Желаніе стариковъ, чтобы сынъ искалъ мѣсто въ Петербургѣ, раздѣлялъ и Александръ Сергѣевичъ. Не пускаясь съ братомъ въ краснорѣчивыя изліянія, поэтъ любилъ его не менѣе, чѣмъ родители, выручалъ неоднократно изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и скорбѣлъ о его неразсчетливомъ образѣ жизни. Александръ Сергѣевичъ, въ письмѣ къ брату изъ Москвы, заявлялъ, что нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать ему не намѣренъ *); затѣмъ, жалуясь впослѣдствіи, въ 1834 году, на Льва Сергѣевича Натальѣ Николаевнѣ, дядя Александръ ограничивается словами: «Левъ С. ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюмэ по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, ему 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно».

---

*) См. Сув. изд. Т. VIII, стр. 145.

Поводомъ же къ шуточнымъ стихамъ дяди Александра. «Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ», приведеннымъ мною въ третьей главѣ хроники, послужило, по разсказу моего отца, дошедшее до поэта черезъ мою мать свѣдѣніе о Лукулловской пирушкѣ, заданной дядей Львомъ товарищамъ по случаю его увольненія въ отставку.

Выйдя въ отставку, Левъ Сергѣевичъ не спѣшилъ въ Петербургъ хлопотать, по совѣту родителей и брата, о гражданской карьерѣ: онъ говорилъ сестрѣ и зятю, съ которымъ особенно сошелся, что сперва немного отдохнетъ отъ трехъ утомительныхъ походовъ, а затѣмъ, съ поправленіемъ здоровья, возобновитъ боевую дѣятельность на Кавказѣ, что̀ гораздо интереснѣе предлагаемой ему мирной должности адъютанта Паскевича. Опредѣлиться же въ статскую службу дядя считалъ тогда для заслуженнаго русскаго воина неподходящимъ. «Удивительное для меня наслажденіе», говорилъ онъ моему отцу, «купаться въ чернилахъ; переписывать всякій день всякіе пустяки, отъ которыхъ можно умереть со скуки, и превратиться въ школьника на старости лѣтъ, примѣняясь къ мелочнымъ капризамъ какого-нибудь выжившаго изъ ума столоначальника! Но и этой мозги изсушающей должности мнѣ вѣдь съ перваго раза не дадутъ!»

Придя къ такому заключенію, дядя Левъ прожилъ у моихъ родителей въ Варшавѣ до глубокой осени, продолжая по вечерамъ праздновать свою отставку въ компаніи съ друзьями: Ширковымъ, Сіяновымъ и Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфомъ, тоже подавшимъ въ «чистую».

Въ концѣ концовъ оба друга, Левъ Сергѣевичъ и Алексѣй Николаевичъ, разстались съ «Капуей», т. е. съ Варшавой, и отправились съ весьма облегченнымъ карманомъ: первый въ Сѣверную Пальмиру, второй—въ Тригорское.

XXXIV.

По возращеніи своемъ изъ Москвы въ Петербургъ старики Пушкины были обрадованы свиданіемъ съ сыномъ-поэтомъ и пришли въ восхищеніе отъ его дочери-первенца.

«Узнавъ, что мы пріѣхали»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ моей матери, «Александръ и Наташа не замедлили придти къ намъ въ Парижскую гостинницу. Ихъ маленькая Маша была очень нездорова, но теперь, слава Богу, совершенно поправилась; прелестна какъ ангелъ (jolie vraiment comme un ange). Какъ мнѣ бы хотѣлось, милая Оленька, чтобы ты ее увидала и нарисовала ея портретъ! Моя внучка—ангелъ кисти Рафаэля!..»

«Именно, ангелъ кисти Рафаэля,»—прибавляетъ Надежда Осиповна, «и чувствую: полюблю Машу до безумія, сдѣлаюсь такой баловницей, какъ всѣ прочія бабушки, и признаюсь: ревную къ Наташѣ, маменькѣ ребенка, его тетку, то-есть тебя, мою бездѣтную! А у Наташи опять скоро будетъ, не далѣе какъ въ іюлѣ—второе дитя! Дѣвочка меня полюбила; беру ее на руки, вспоминая, какъ и тебя точно такъ же носила!...»

Впрочемъ, дѣдъ и бабка видѣлись не особенно часто съ дядей Александромъ, судя по ихъ письмамъ къ дочери и младшему сыну, которыя у меня подъ рукой. Письма за май и іюнь 1833 года не представляютъ большаго интереса, а потому, не дѣлая изъ нихъ извлеченій, скажу только, что по сообщеніямъ Сергѣя Львовича, его сынъ-поэтъ продолжалъ вести жизнь лихорадочную, нервную, не вѣдая покоя, столь ему необходимаго, ни днемъ, ни ночью, а распредѣлялъ время между усиленными занятіями въ архивахъ, поэтическими вдохновеніями и почти безпрерывными, по вечерамъ, посѣщеніями большаго свѣта. Наталья Николаевна, хотя и была тогда беременной, но тоже не имѣла возможности отдохнуть: мондъ и ей не давалъ покоя безпрестанными приглашеніями и посѣщеніями. По замѣчанію Сергѣя Львовича, образъ жизни сына, разстроивавшій его нервы, въ погонѣ за славою и обманчивымъ блескомъ ни къ чему «солидному» не повелъ бы, кромѣ физическихъ страданій, да преждевременной старости. Говоря о такомъ взглядѣ моего дѣда, не могу не прибавить, что его придерживалась и моя мать: она какъ-то говорила мнѣ, что ея братъ, передъ разлукой съ нею въ 1832 году, такъ съ виду осунулся вслѣдствіе постоянныхъ безсонницъ, что казался десятью годами старше своихъ лѣтъ по наружности.

Затѣмъ Сергѣй Львовичъ высказываетъ мнѣніе, что его сыну было бы всего полезнѣе отдохнуть въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ годъ, вдали отъ «шумной суеты»; а не то уходитъ самъ себя, не зная настоящей свободы: свобода не въ городѣ, гдѣ, не будучи въ строгомъ смыслѣ узникомъ, Александръ Сергѣевичъ связанъ обстоятельствами по рукамъ и ногамъ, а въ глуши деревенской, вдали отъ завистниковъ, журнальныхъ и прочихъ петербургскихъ сплетенъ, да убивающихъ здоровье утомительныхъ выѣздовъ по баламъ и спектаклямъ.

Эту истину сознавалъ, по словамъ моей матери, и самъ Александръ Сергѣевичъ, на что̀, повидимому, и намекаетъ въ строфахъ одного изъ прелестныхъ стихотвореній. Привожу ихъ, такъ какъ они написаны весною того же 1833 года—значитъ въ одно время съ заявленіемъ его отца:

«Когда бъ оставили меня
«На волѣ, какъ бы рѣзво я
«Пустился въ темный лѣсъ!

«Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
«Я забывался бы въ чаду
«Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

«И я бъ заслушивался волнъ,
«И я глядѣлъ бы счастья полнъ
«Въ пустыя небеса.

«И силенъ, воленъ былъ бы я,
«Какъ вихорь, роющій поля,
«Ломающій лѣса...»

Привожу затѣмъ извлеченіе изъ писемъ дѣда и бабки за 1833 годъ, въ которыхъ они описываютъ и собственный бытъ и бытъ семейный Александра Сергѣевича.

«Мы еще не тронулись отсюда въ деревню, милый Леонъ»,— пишетъ Сергѣй Львовичъ «капитану» изъ Петербурга отъ 7-го іюня,—«дожидаемся экипажей и денегъ, а расходы на наше послѣднее путешествіе въ Москву и обратно, взносъ остававшихся въ моемъ распоряженіи финансовъ въ Опекунскій Совѣтъ и многія другія издержки, истощили мои средства. Доходы мои никакъ не могу называть неистощимыми; къ тому

же, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, на безденежье жалуется всякій. Александръ, и тотъ, при добываемыхъ своимъ колоссальнымъ талантомъ щедрыхъ вознагражденіяхъ, не знаетъ какъ обернуться. Впрочемъ, милыя дѣти, времена измѣнчивы, и во всякомъ случаѣ не допускайте и мысли, что не доставлю вамъ возможности жить безбѣдно и независимо; что же касается моихъ внучатъ (quant à mes petits enfants), ты мнѣ позволишь, милый другъ, не заботиться о ихъ судьбѣ въ той же степени: это уже не мое дѣло (cela ne sera plus mon affaire). Меня какъ нельзя болѣе утѣшаетъ, что не могу попрекнуть себя не только разстройствомъ моего состоянія на что-либо предосудительное, но и тратой денегъ на какія бы ни было пустыя, безполезныя прихоти; никогда ихъ себѣ не позволялъ. Прости и вѣрь моему искреннему желанію узнать, наконецъ, что ты выѣхалъ изъ Варшавы въ Болдино произвести самую строгую повѣрку дѣйствій мошенника управляющаго. Но когда это осуществится, а что еще того отраднѣе, когда увижусь съ тобою? Едва ли могу надѣяться, судя по твоимъ письмамъ; изъ нихъ всегда заключаю о твоемъ желаніи быть далеко (je ne puis l'èsperer d'après tes lettres: le désir de t'éloigner y perce toujours). Хотя гдѣ бы ты ни былъ, мои благопожеланія и благословеніе будутъ тебѣ сопутствовать, но говорить тебѣ, что разлука съ тобою не печалитъ меня безконечно—значило бы утверждать наглую ложь».

«Благословляю отъ сердца и души и тебя, милая Ольга»,—продолжаетъ дѣдъ въ томъ же письмѣ.—«Всегда ожидаю твоихъ писемъ съ большимъ нетерпѣніемъ, прочитываю ихъ con amore и con dolce sorriso *), какъ поютъ жители счастливой Италіи. Продолжай бесѣдовать съ нами по крайней мѣрѣ письменно, гдѣ бываешь, кого видишь. Не забудь поклониться отъ меня моему кузену, генералу Окуневу **); никогда не забуду его готовности быть полезнымъ Леону».

---

*) Съ любовью и блаженной улыбкой. Л. П.

**) Объ этомъ дѣятелѣ въ царствѣ Польскомъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія упомянуто мною выше. Л. П.

«Наконецъ, выслали намъ лошадей»,—сообщаетъ бабка, десять дней спустя, 17-го іюня,—«и уѣзжаемъ къ большому моему удовольствію, съ нетерпѣніемъ считая часы и минуты; желаю поскорѣе увидѣть поля, холмы родные, какъ поетъ нашъ другъ Жуковскій. Пребываніе же въ душномъ Петербургѣ просто теперь невыносимо. Родовъ жены Александра—а наступятъ они, по моему разсчету, не раньше трехъ недѣль—дожидаться не будемъ. Она, чувствуя себя отлично, много гуляетъ по островамъ, несмотря на послѣдній мѣсяцъ беременности, посѣщаетъ театръ, да обѣщаетъ всякій разъ, когда ей показываю твои интересныя письма, писать тебѣ, чего, однако, никогда и не дѣлаетъ (elle se propose de t'écrire chaque fois que je lui communique tes lettres intéressantes, et n'en fait rien). Ея дѣвочка очень мила; никого маленькая Marie такъ не любитъ, какъ дѣдушку, отчего онъ въ восторгѣ, къ папа впрочемъ ея не ревную: она меня такъ же любитъ, какъ и его, когда его не видитъ. Александръ и Nathalie живутъ на Черной рѣчкѣ; сынъ нанялъ тамъ дачу Миллера и чрезвычайно доволенъ выборомъ. Дача большая, въ пятнадцать комнатъ; дачу окружаетъ большой садъ. Чего же болѣе? Наташа рада и тому, что ея тетка поселилась съ Натальей Кирилловной тоже въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Александръ, по полученіи новаго наслѣдника или наслѣдницы, уѣдетъ на нѣсколько недѣль въ Болдино; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ говорилъ вчера, но зачѣмъ отправляется, о томъ не спрашивала. Александръ и Наташа поручаютъ мнѣ крѣпко тебя обнять, Христосъ съ тобою». *)

Къ письму бабки Сергѣй Львовичъ, между прочимъ, прибавляетъ:

«Мама́, описывая дачу Александра, позабыла тебѣ сообщить, что случилось съ нашимъ петербургскимъ жилищемъ, которое надняхъ покидаемъ: съ недѣлю тому назадъ вышеназванное жилище (le susmentionné domicile) рисковало превратиться въ пепелъ! Не шучу. Дѣло въ томъ, что въ домѣ вспыхнулъ по-

*) Эта фраза написана по-русски. Л. П.

жаръ. Насъ разбудили въ три часа ночи, когда полиція расположилась уже на дворѣ, а жильцы успѣли выбраться изъ квартиръ. Гвардейскіе солдаты сновали по корридорамъ и галлереямъ и, подъ предлогомъ подавать помощь, уносили все, что могли. Нашъ чердакъ сгорѣлъ, но мы ничего не потеряли, а полиція работала такъ усердно, что удалось отстоять домъ. Мама растерялась, выскочила на улицу босикомъ и въ одномъ пенюарѣ (maman s'est sauvée pieds nus, et en robe de chambre dans la rue), а горничная, съ перепугу, растасовала все по чемоданамъ, такъ что насилу нашелъ старую мантилью накинуть женѣ на плечи Наконецъ, часовъ въ семь, порядокъ кое-какъ возстановили».

По пріѣздѣ въ Михайловское Сергѣй Львовичъ извѣщаетъ дочь отъ 15-го іюля:

«Только-что, милая Ольга, получили мы объ Александрѣ извѣстіе. У него родился сынъ, тоже Александръ. Мать съ новорожденнымъ здоровы. Поручаю тебѣ и Леону вашего племянника и полагаю, что Пушкинъ нумеръ четвертый (Pouchkine numéro quatre) появился на свѣтъ наканунѣ, если не въ самый день твоихъ именинъ. Писемъ отъ Александра отца объ Александрѣ моемъ внукѣ не ожидаю подробныхъ, хотя и просилъ его это сдѣлать.

«Не наканунѣ и не въ день твоихъ именинъ, 11-го іюля, какъ я предполагалъ,—пишетъ дѣдъ отъ 1-го августа дочери, — а 6-го іюля Богъ далъ Александру сына; но не онъ и не жена его сообщаютъ намъ это, а добрѣйшая наша графиня Екатерина Ивеличъ. По ея письму моя невѣстка до сихъ поръ еще очень страдаетъ, хотя со времени родовъ прошелъ безъ малаго мѣсяцъ. У нея образовались нарывы, отъ которыхъ до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться. Александру же непростительно быть къ намъ до такой степени равнодушнымъ, что онъ даже и двумя строками не заблагоразсудилъ мнѣ отвѣчать. Очень безпокоимся. Напрасно ты намъ писала на его имя. Переслать намъ твое письмо Александръ и не позаботился; впрочемъ, оно могло и пропасть по очень простой причинѣ: переѣзжая на Черную рѣчку, Александръ перевелъ ту-

да всю свою прислугу, поручивъ городскую квартиру надзору дворника, а этотъ дворникъ всегда или пьянъ, или спитъ. Нѣтъ поэтому ничего мудренаго, если проспалъ, либо пропилъ письмо; да намъ-то отъ этого не легче».

...«На той недѣлѣ насъ не было въ Михайловскомъ: ѣздили мы и въ Островъ, были и въ Сухопольцовѣ, и въ сосѣднихъ вотчинахъ. Причина нашего отсутствія—женитьба молодаго и симпатичнаго Кирьякова на дочери Екатерины Исааковны, кузины мама. Свадьба состоялась въ Островѣ; мама была посаженой матерью, и при церемоніи брака вся Ганнибальщина оказалась въ сборѣ (la cérémonie du mariage a été célébrée en presence de toute la Ганнибальщина), а свадьбу праздновали цѣлыхъ десять дней у всѣхъ сосѣдей поочереди. Баламъ, обѣдамъ, увеселительнымъ прогулкамъ не было конца».

Въ августѣ Александръ Сергѣевичъ попросился въ краткосрочный отпускъ. Онъ рѣшилъ побывать въ предоставленной ему Сергѣемъ Львовичемъ части Болдинскаго имѣнія, откуда проѣхать въ Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую губерніи, чтобы ознакомиться съ краемъ, гдѣ происходила кровавая драма Пугачевскаго бунта, и затѣмъ пополнить собранные имъ уже объ этомъ событіи матеріалы свѣдѣніями и разсказами жителей, причемъ имѣлъ въ виду и отдѣлку романа, взятаго изъ той же эпохи.

18-го числа Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга. Попутчикомъ его до Торжка оказался Сергѣй Александровичъ Соболевскій, отправлявшійся въ Москву тоже по дѣламъ. Поѣздку до Торжка друзья совершили вмѣстѣ, платя прогоны пополамъ, о чемъ Пушкинъ и упоминаетъ, подтрунивая надъ Сергѣемъ Александровичемъ въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы.

Изъ Торжка Соболевскій поѣхалъ дальше, а дядя, завернувъ въ помѣстье отсутствовавшаго Алексѣя Николаевича Вульфа, Малинники, гдѣ никого, кромѣ управляющаго, не засталъ, побывалъ въ имѣніи Натальи Николаевны, Ярополъцѣ, откуда и отправился въ Москву. Тамъ Пушкинъ опять свидѣлся съ Соболевскимъ на обѣдѣ у Киреевскаго, встрѣтилъ

П. А. Чаадаева и Н. Н. Раевскаго, бесѣдовалъ съ Шевыревымъ и Погодинымъ и былъ неразлученъ съ Павломъ Воиновичемъ Нащокинымъ, крестнымъ новорожденнаго своего первенца.

Получая отъ узнавшихъ о его пріѣздѣ приглашенія на вечера, онъ туда не являлся за неимѣніемъ, какъ онъ пишетъ, бальнаго платья и за небритіемъ усовъ, которые отращалъ, о чемъ и говоритъ:

«Усъ да борода—молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовутъ».

Покинувъ 29-го августа Москву, Александръ Сергѣевичъ проѣхалъ черезъ Нижній-Новгородъ въ Болдино, но остался тамъ не болѣе трехъ сутокъ.

О дальнѣйшемъ путешествіи Пушкина въ восточныя губерніи мой дѣдъ и бабка ровно ничего не знали, предполагая, что онъ въ Болдинѣ, гдѣ пробудетъ до ноября; между тѣмъ дядя успѣлъ уже побывать и въ Казани, гдѣ нечаянно встрѣтился съ поэтомъ Баратынскимъ, съѣздилъ затѣмъ и въ Симбирскъ, посѣтилъ деревню своего пріятеля, поэта Николая Михайловича Языкова и, наконецъ, прослѣдовалъ далѣе въ Оренбургъ.

«Александръ въ Болдинѣ уже болѣе трехъ недѣль», —пишетъ Надежда Осиповна изъ Михайловскаго, — «но вѣрно письма наши пропадаютъ, а можетъ быть и отсюда не доходятъ. Не пишетъ намъ и жена его изъ Петербурга; ей-то простительно, такъ какъ страдаетъ нарывами; ничего не знаемъ, что̀ съ ними, а знаемъ только ихъ новый петербургскій адресъ: на Пантелеймонской улицѣ, въ домѣ Оливье, по близости отъ Кочубеевъ.

«Какъ бы ни было, я очень рада, что Сашка въ Болдинѣ. Туда мы отправили новаго управляющаго (un nouvel intendant) на смѣну плута Михайлы завѣдывать частію имѣнія, оставленною нами пока за собою. Я и мужъ просили Александра быть свидѣтелемъ сдачи хозяйства старымъ проконсуломъ новому, и принудить затѣмъ этого послѣдняго доставить намъ, что̀ слѣдуетъ, въ самомъ скоромъ времени. Наши дѣла

по Болдину до сихъ поръ идутъ такъ скверно, что у Сергѣя голова кругомъ ходитъ, а я какъ на иголкахъ. Главное получить деньги и сдѣлать тебѣ хоть какой-нибудь подарокъ.

«Именно все это такъ»,—прибавляетъ Сергѣй Львовичъ.—«Чѣмъ меньше отъ меня требуешь, а не требуешь собственно ничего,—тѣмъ болѣе мое сердце надрывается. Готовъ сдѣлать невозможное (je suis prêt à faire l'impossible) лишь бы тебя успокоить, и отказать себѣ во всемъ, лишь бы видѣть тебя беззаботной, счастливой. Благодарю Бога, что Александръ въ Болдинѣ и не тронется оттуда, пока не приведетъ въ порядокъ и его, и наши дѣла».

Каково же было удивленіе стариковъ, узнавшихъ о дальнѣйшемъ путешествіи сына, который, слѣдовательно, и не могъ встрѣтить въ Болдинѣ новаго приказчика!

О такомъ неожиданномъ сюрпризѣ дѣдъ мой упоминаетъ въ письмѣ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ отъ 1-го ноября изъ Михайловскаго, сообщая ей и о пріѣздѣ изъ Варшавы младшаго своего сына.

«Когда получишь эти строки, мы будемъ въ Петербургѣ»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ.—«Леонъ пріѣхалъ и переслалъ намъ твое трогательное, исполненное любви къ намъ письмо, которое ему вручено при твоей печальной съ нимъ разлукѣ. Не нахожу словъ благодарить тебя! Ты облегчаешь огорченія, которыя намъ наноситъ упорнымъ молчаніемъ Александръ. Можешь себѣ вообразить мое нетерпѣніе обнять дорогаго Леона... но увы! близокъ локоть, да не укусишь (tu peux t'imaginer toute l'impatience que j'éprouve de serrer mon bien aimé Léon contre mon coeur, mais hélas. Близокъ локоть, да не укусишь). Хотѣлъ бы перелетѣть въ Петербургъ, а дороги ужасны, почему и невозможно намъ еще двинуться, не то въ грязи завязнемъ. На роду значитъ написано (il est écrit là haut), не знать намъ радости старикамъ!»

«Александръ—мы не думали не ждали—былъ въ Казани, а я, по невинности души, полагалъ, что онъ изъ Болдина не тронется. Узнали мы объ этомъ не отъ него, а отъ Леона, который видѣлся съ Плетневымъ, а Плетневу писалъ изъ Ка-

зани Баратынскій. «Капитанъ» полагаетъ, что Александръ теперь уже въ Болдинѣ, но ничего не можетъ сообщить вѣрнаго, такъ какъ не могъ еще видѣться съ Наташей. Неужели и отъ нея Александръ скрываетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ въ Казань ѣздилъ? Леонъ слышалъ, что она здорова; однако не только намъ старикамъ не пишетъ, но и не пересылаетъ намъ писемъ, адресованныхъ на ея имя для передачи въ наше захолустье. Удивительно! Значитъ, по всей вѣроятности, у моей невѣстки отдыхаютъ и письма къ мама Тимоѳеевой».

На невѣстку и сына жалуется и Надежда Осиповна. «Неужели Александръ, говоритъ она, не имѣлъ ни минуты времени извѣстить насъ парою словъ, что онъ не въ Болдинѣ, и не заставлять насъ писать ему туда попустому? Ни на что не похоже, а безпечность невѣстки меня очень огорчаетъ (...et de lui écrire en pure perte. Mais c'est à casser les vitres, et la négligence de ma belle fille me fait beaucoup de peine). Ни одно мое желаніе такимъ образомъ не исполняется и я лишена всего, что можетъ меня интересовать, за исключеніемъ единственнаго моего утѣшенія — твоихъ писемъ. Не адресуй ихъ пожалуйста никогда на имя Наташи, пока не сообщимъ нашего адреса, а пиши на имя графини Екатерины Ивеличъ. Черезъ нее пишемъ и Леону. Воображаю, какъ тебѣ пусто безъ него въ Варшавѣ! Онъ сообщаетъ, что въ Петербургѣ безъ насъ ему невесело и полагаетъ навѣстить Михайловское, если не поспѣшимъ отъѣздомъ, а въ Тригорскомъ ждутъ съ нетерпѣніемъ такого же какъ и онъ варшавскаго бѣглеца, Алексѣя Вульфа».

«Алексѣй Вульфъ въ Тригорскомъ,—пишетъ нѣсколько дней спустя Сергѣй Львовичъ изъ Михайловскаго.—«Прасковья Александровна просіяла отъ счастія, увидѣвъ сына, а я увы! не могу обнять не только Александра, но и Леона. Капитанъ простудился, потому не могъ пріѣхать съ Алексѣемъ, который навѣстилъ насъ вчера и, вообрази, какъ удивилъ! Онъ намъ сказалъ, будто бы (comme si) Александръ былъ въ Оренбургѣ!!.. Большой вопросъ: за какимъ дѣломъ онъ поѣхалъ въ страну Гунновъ и Геруловъ? Если на то пошло, то лучше бы ему

поѣхать посмотрѣть на что-нибудь менѣе дикое. Впрочемъ, да будетъ воля неба! Ломаю голову, съ какой стати онъ тамъ? (La grande question: qu'est il allé faire dans ce pays des Huns et des Hérules? Autant vaudrait aller voir quelque chose de moins brut! Au reste, que la volonté du ciel soit faite! Je me casse la tête, à quel propos il s'y trouve!) Когда онъ пріѣдетъ въ Болдино изъ края господъ Чингисъ-хана и Тамерлана—не знаю. Будь Александръ въ Болдинѣ, онъ поставилъ бы меня въ возможность придти на помощь и тебѣ, но не хочу повторять моихъ обѣщаній въ настоящее время. Это было бы слишкомъ похоже на увѣренія безстыднаго должника, который всякій день приходилъ къ своему кредитору говорить ему о деньгахъ, какія однако ему и не выплачивалъ (Cela ressemblerait trop aux assurances de ce débiteur impudent, qui venait toujours parler à son créancier de la dette, qu'il avait contractée avec lui, et qui ne la payait pourtant pas).

Далѣе Сергѣй Львовичъ жалуется дочери, что Александръ Сергѣевичъ, ничего ему не сообщая, предпочитаетъ отцу родному «всякихъ Нащокиныхъ, Раевскихъ да Соболевскихъ». Эту іеремiаду Сергѣй Львовичъ заканчиваетъ вѣчной прибауткой: «Que la volonté du Ciel soit faite!» Въ такомъ же родѣ высказывается и Надежда Осиповна.

Выѣхавъ 12 сентября изъ Симбирска въ Оренбургъ, Александръ Сергѣевичъ принужденъ былъ возвратиться назадъ, о чемъ сообщаетъ Натальѣ Николаевнѣ два дня спустя въ слѣдующихъ между прочимъ строкахъ:

«Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобы его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей. Гляжу, нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по шести лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно; я заснулъ. Просыпаюсь утромъ—что же? Не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взве-

зутъ; около меня человѣкъ двадцать мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ; наконецъ взъѣхали мы и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобы быть борзой собакой; ужъ этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ, авось безъ приключеній...»

О пріѣздѣ въ Оренбургъ Пушкинъ пишетъ 19 сентября женѣ:

«Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ. Дорога прескучная, погода холодная; завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу...

«Мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ,—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ, то-есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой. А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ. Я и въ колыскѣ сочиняю, что́ же будетъ въ постели? Одно меня сокрушаетъ—человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста: глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные, дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ»...

Считаю излишнимъ воспроизводить изъ моихъ воспоминаній извѣстные всѣмъ уже факты о посѣщеніи Пушкинымъ Оренбургской линіи крѣпостей, вмѣстѣ съ будущимъ свидѣтелемъ его мученической кончины, В. И. Далемъ (казакомъ Луганскимъ), и пребываніе его въ Уральскѣ, откуда дядя и отправился 23 сентября въ Болдино. При въѣздѣ въ имѣніе дядя опять поддался своему суевѣрію. «Въѣхавъ въ границы Болдинскія, пишетъ Александръ Сергѣевичъ Натальѣ Николаевнѣ,—встрѣтилъ я поповъ и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, жена! того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня, искокетничаешься...»

Пушкинъ оставался въ Болдинѣ до послѣднихъ чиселъ ноября. По словамъ П. В. Анненкова, онъ прибылъ въ Пе-

тербургъ къ мѣсту служенія 28 ноября, какъ обозначено въ его формулярѣ, а почтенный нашъ академикъ Я. К. Гротъ, въ хронологической канвѣ для біографіи Пушкина (входящей въ составъ изданныхъ имъ въ 1887 году статей объ Александрѣ Сергѣевичѣ), упоминаетъ, что «ноября 24 Пушкинъ, возвратясь въ Петербургъ, начинаетъ свой дневникъ». Между тѣмъ, по письму Надежды Осиповны къ дочери изъ Петербурга отъ того же 24 ноября видно, что дядя возвратился изъ деревни къ 20 числу. Привожу письмо въ извлеченіи:

«Наконецъ мы въ Петербургѣ. Насилу дотащились сюда изъ Михайловскаго третьяго дня, въ среду, по ужасной дорогѣ. Само собою разумѣется, увидя Леона, я позабыла и усталость и претерпѣнный мною страхъ во время пути, когда мы рисковали свернуть себѣ шею, разъѣзжая по ухабамъ.

«Александръ тоже въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ за два дня прежде насъ (Alexandre était aussi à Pétersbourg deux jours avant nous); но я удовлетворена только на половину, находясь вдали отъ тебя; вездѣ тебя мнѣ не достаетъ и всякія минуты удовольствія отравлены мыслію, что не могу раздѣлить ихъ съ тобою. Много, разумѣется, я говорила о тебѣ съ Леономъ. «Храбрый капитанъ» увѣряетъ меня, что ты счастлива, здорова и пріѣдешь съ нами повидаться. Дай Боже! Леонъ не измѣнился, но зато Александръ очень похудѣлъ, а жена его еще болѣе; это меня безпокоитъ... Съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты приласкать его Машку и Сашку; мальчикъ, кажется, любимецъ отца; будемъ видѣться съ Александромъ и Наташей часто, такъ какъ мы наняли квартиру отъ него въ двухъ шагахъ. Александръ говоритъ, что квартира его превосходна, чему я вполнѣ вѣрю; да иначе и быть не можетъ, когда платишь за нее 4800 рублей (je le crois bien; quand on paye 4800 roubles, on peut être très bien logé).

«Въ дорогѣ, какъ тебѣ сказала, пріятнаго испытали мало. Алексѣй Вульфъ проводилъ насъ до Врева съ обѣими сестрами, а за Островомъ мы догнали ѣхавшее сюда турецкое посольство, почему насъ и приняли тоже за поклонниковъ

Магомета. Не могла я не смѣяться, когда, во время остановокъ, мужики насъ осматривали съ ногъ до головы, спрашивая, много ли еще насъ?

«21 декабря. Вчера Александръ съ женой и малюткой, а также и Соболевскій, провели у насъ день твоего рожденія; но всѣмъ намъ безъ тебя было очень грустно. Александръ не отличался веселымъ настроеніемъ еще и потому, что Б. въ послѣднее время опять къ нему придрался и запретилъ печатать дивную его повѣсть въ стихахъ, которую Александръ привезъ изъ Болдина *). Говорилъ, что когда узналъ объ этомъ, то хотѣлъ требовать отъ Б. положительнаго отвѣта съ глазу на глазъ на вопросъ, когда этотъ господинъ перестанетъ съ нимъ обращаться, какъ обращается со школьникомъ несправедливый и капризный учитель? Въ поэмѣ же нѣтъ ни одного стиха, который могъ бы сконфузить даже самую строгую цензуру. Намѣреніе попросить категорическаго объясненія у Б. Александръ однако отложилъ, такъ какъ Б., вопервыхъ, не перемѣнитъ того, что рѣшилъ, а вовторыхъ, можетъ еще хуже напакостить: мой сынъ хочетъ вручить императору своего Пугачева **), но мимо Б. не можетъ этого сдѣлать.

«Наташа чувствуетъ себя очень хорошо и много выѣзжаетъ. Балы въ большомъ свѣтѣ безчисленны (les bals dans la haute société sont innombrables), а на одномъ изъ придворныхъ баловъ и я присутствовала на хорахъ, благодаря любезности генерала Раевскаго, пріятеля Александра и Леона. Хотѣла посмотрѣть на новые костюмы придворныхъ дамъ: пошли въ моду драгоцѣнные кокошники и бархатные шугаи поверхъ сарафана. Все это великолѣпно. Въ этихъ нарядахъ отличались особеннымъ щегольствомъ графиня Соллогубъ и сестра ея Обрѣскова. Много было на балѣ иностранныхъ прин-

---

*) Вѣроятно бабка разумѣетъ «Мѣднаго Всадника», недопущеннаго цензурой къ печати. Л. П.

**) Въ декабрѣ Пушкинъ просилъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшеніе представить на Высочайшее воззрѣніе рукопись «Исторіи Пугачевскаго бунта».

цевъ, посланниковъ; дамы блестѣли бриллiантами, а кавалеры сiяли всевозможными знаками отличiя въ залитыхъ огнями залахъ. Тутъ-то я и сострила: «на небѣ звѣзды и на землѣ звѣзды». Любуясь въ бинокль всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, я, къ моему большому изумленiю, увидѣла среди «звѣздъ»—вотъ никакъ не ожидала — фраки «храбраго капитана» и Соболевскаго. Леонъ, впрочемъ тоже въ орденахъ, а Соболевскiй безъ оныхъ прогуливались подъ руку. Долго не могла сообразить, какимъ чудомъ эти два оригина латуда попали, не имѣя права входа. Оказалось, по протекцiи того же Раевскаго и князя Петра Вяземскаго. Леонъ, а разумѣется и его прiятель зашли ко мнѣ съ визитомъ на хоры и мой шалунъ, отвѣсивъ низкiй поклонъ, возгласилъ съ комическою важностiю: «мама! я и Сергѣй какъ нельзя болѣе очарованы видѣть васъ среди нашего общества (maman! moi et Serge nous sommes on ne peut plus enchantés de vous voir au beau milieu de notre société). «Храбрый капитанъ» Петербурга на словахъ терпѣть не можетъ, а на дѣлѣ спѣшитъ со спектакля на спектакль, съ бала на балъ, не хуже Александра; но веселится отъ души, а не является въ свѣтъ, какъ его братъ, по принужденiю. Возвращается поздно, а потомъ спитъ до полудня (et dort ensuite la grasse matinée), такъ что не могу его добудиться... Говоритъ, что хотя онъ и не прочь былъ попировать съ друзьями, но никогда не отступалъ отъ рыцарской чистоты нравовъ и во всемъ прочемъ, будто бы, непороченъ какъ голубица (pur comme une colombe). Все что знаю — люблю его вдвое послѣ долговременной разлуки, а мысль о новой сжимаетъ мнѣ сердце.

«Онъ почти всякiй день, если только не на балахъ, проводитъ время съ Соболевскимъ у Вяземскихъ и восхищается умомъ, добротою и талантами дочерей князя Петра, не зная которой изъ нихъ отдать предпочтенiе... Намедни, однако, онъ меня перепугалъ: вышелъ во время мороза безъ теплой шубы, получилъ лихорадку, а потомъ, несмотря на пароксизмъ, полетѣлъ танцовать къ Вяземскимъ. На другой день ему сдѣлалось хуже. Тогда я ему рекомендовала противъ лихорадки

средство очень непріятное, но вѣрное, на которое Леонъ согласился съ мужествомъ спартанца: не имѣть во рту въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ ни крошки, ни капли (pas une miette et pas une goutte). Какъ рукой сняло...

«О его другѣ Соболевскомъ не могу тебѣ не сказать, что я очень имъ довольна. Онъ похорошѣлъ и, побывавъ за границей, разстался съ медвѣжьими манерами обитателей сѣвернаго полюса; Александръ говоритъ, что заграничное путешествіе послужило этому господину сущимъ благодѣяніемъ, такъ что поѣздка затѣмъ Соболевскаго въ Москву, по словамъ Александра, обошлась безъ медвѣжьихъ манеръ. Очарованный Европой, Соболевскій сталъ сбивать и «храбраго капитана» съ толку, доказывая, что европейской войны не будетъ, а война съ горцами—игра, не стоющая свѣчки. Mylord qu'importe смущалъ Леона совѣтами пристроиться въ какой-нибудь миссіи, въ Парижъ, Лондонъ или Вѣну, словомъ туда, гдѣ самъ побывалъ. «Капитанъ» разинулъ ротъ, да и съѣздилъ къ Александру съ просьбою похлопотать у кого слѣдуетъ, но Александръ объявилъ, что такія мѣста предоставляются по большой протекціи да и то молодымъ людямъ, успѣвшимъ себя зарекомендовать дипломатическими способностями такъ же, какъ и Леонъ отличился уже военными. Къ этому Александръ—приношу ему большое спасибо—прибавилъ: «Если даже получишь желаемое, то съ такимъ несчастнымъ жалованьемъ, которое заставитъ тебя голодать, а нашихъ несчастныхъ родителей спрятаться въ деревню, ради возможности высылать кое-какія средства жить за границей, гдѣ не дешевле здѣшняго. Пристроить тебя въ Петербургѣ на должность съ приличнымъ вознагражденіемъ—другое дѣло, могу а за границу—не берусь...» Этимъ дѣло и кончилось: Соболевскій замолчалъ, Леонъ возобновилъ мечты о Кавказѣ, и, какъ видишь, танцуетъ безъ устали, говоря, что онъ долженъ предаваться усиленному моціону, такъ какъ вообразилъ будто бы у него начало водяной. Мнителенъ не меньше Александра да моего мужа, а между тѣмъ не бережетъ себя».

Къ новому 1834 году Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, и, не взирая на недоброжелательство Бенкендорфа, получилъ ссуду въ размѣрѣ двадцати тысячъ рублей ассигнаціями, на печатаніе одобренной государемъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» въ одной изъ казенныхъ типографій, по выбору автора. Эту послѣднюю милость Александръ Сергѣевичъ счелъ блистательной побѣдой надъ завистниками, распускавшими оскорбительные слухи, что онъ взялся за нелегкое историческое изслѣдованіе, очертя голову, будучи-де совершенно неспособевъ къ серьезному труду.

О первой милости Надежда Осиповна сообщаетъ моей матери отъ 26-го января 1834 года слѣдующее:

«Извѣстно ли тебѣ, милая Ольга, что Александръ, къ большому удовольствію жены, сдѣланъ камеръ-юнкеромъ? Представленіе ея ко двору въ среду, 17-го числа, увѣнчалось большимъ успѣхомъ. Участвуетъ на всѣхъ балахъ и о ней вездѣ говорятъ; на балѣ у Бобринскихъ императоръ танцовалъ съ Наташей кадриль, а за ужиномъ сидѣлъ возлѣ нея. Говорятъ, на балѣ въ Аничковомъ дворцѣ моя невѣстка была поистинѣ очаровательна. Танцовала много, не будучи на ея счастье беременной».

«Согласія Александра быть камеръ-юнкеромъ и не спрашивали. Пожалованіе для него нечаянность, отъ которой не можетъ и опомниться. Никогда онъ этого не желалъ, а хотѣлъ ѣхать съ женой въ деревню на нѣсколько мѣсяцевъ, въ надеждѣ сдѣлать экономію; теперь же принужденъ расходоваться.

«Наташа всегда прекрасна, щегольски одѣта; вездѣ празднуютъ ея появленіе. Возвращается съ вечеровъ въ четыре или пять часовъ утра, обѣдаетъ въ 8 часовъ вечера; вставъ же изъ-за стола, идетъ переодѣваться и опять уѣзжаетъ.

(Sais-tu chère Olga, qu'Alexandre est gentilhomme de la chambre, au grand contentement de Nathalie? Sa présentation à la cour mercredi—le 17 de ce mois—a été couronnée par le plus grand succès. Elle est de tous les bals, on ne parle que d'elle. Au bal des Bobrinski l'Empereur a dansé la française avec elle, et à souper il était assis auprès d'elle. On dit, qu'au

bal du palais Аничковъ elle a été vraiment delicieuse. Elle y a dansé beaucoup, n'étant pas grosse, heureusement pour elle. On n'a pas demandé à Alexandre son consentement pour le faire gentilhomme de la chambre. C'était une surprise, dont il ne revient pas: jamais il ne l'a désiré,—lui qui voulait partir pour la campagne avec sa femme pour quelques mois, ésperant économiser, se voit entraîné à faire des dépenses. Toujouts belle, élégante, fêtée partout, Nathalie rentre chaque soir à quatre ou à cinq heures du matin, dîne à 8 heures du soir, se lève de table pour faire sa toilette, et repart ensuite).

«Дѣти Александра прелестны»,—пишетъ бабка отъ того же числа.— «Мальчикъ хорошѣетъ съ часу на часъ. Маша не измѣняется, но слаба; у нея нѣтъ до сихъ поръ ни одного зуба и насилу ходитъ. Напоминаетъ мою маленькую Сонечку, и не думаю, чтобы она долго прожила *). Маленькій Сашка большой любимецъ папаши и всѣхъ его пріятелей, но мамаша, дѣдушка и я предпочитаемъ Машку».

Александръ Сергѣевичъ дѣйствительно попалъ въ камеръ-юнкеры не-думано не-ждано, и сюрпризъ этотъ большаго удовольствія ему на самомъ дѣлѣ не доставилъ. Онъ увидѣлъ, вопервыхъ, не только невозможность ограничить расходы, но и неизбѣжность новыхъ непомѣрныхъ издержекъ, не ограничивавшихся придворнымъ мундиромъ; на выручку же отъ продажи Исторіи Пугачевскаго бунта Пушкинъ смотрѣлъ лишь какъ на средство погашенія долговъ. Вовторыхъ, будучи чувствителенъ ко всякимъ прискорбнымъ для его самолюбія намекамъ, Пушкинъ считалъ неловкимъ пародировать въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, наравнѣ съ молодыми людьми, (считалъ онъ себя въ тридцать четыре года пожилымъ человѣкомъ). Втретьихъ, ставя независимость выше всего, Александръ Сергѣевичъ стѣснялся оффиціальнымъ присутствіемъ на торжественныхъ выходахъ, придворныхъ обѣдахъ, церемоніалахъ. Высказалъ онъ свои мысли и въ письмѣ къ Натальѣ Нико-

*) Предположеніе бабки оказалось совершенно ошибочнымъ: Марья Александровна Гартунгъ нынѣ, слава Богу, здравствуетъ. Л. П.

лаевнѣ изъ Петербурга, весною того же года, сообщая слѣдующее:

«Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села, въ пять часовъ вечера; нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръюнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: «Il y a cependant pour messieurs de la cour des règles fixes, des règles fixes *), на что Нарышкинъ ему замѣтилъ: vous vous trompez, c'est pour les demoiselles d'honneur **). Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ и Реймерсомъ—ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ M-r Jourdain» ***). Въ другихъ письмахъ Александръ Сергѣевичъ иронически называетъ жену «камеръ-пажихой».

Надъ запоздалымъ камеръ-юнкерствомъ Пушкина подсмѣивались — впрочемъ совершенно добродушно, какъ говорятъ французы, sans chercher noise — любившіе поэта отъ души Левъ Сергѣевичъ, съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ Соболевскимъ, и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Соболевскій, воспѣвшій тогда дядю Льва четверостишіемъ, по случаю невозможности тратиться «храброму капитану» на шампанское:

«Пушкинъ Левъ Сергѣичъ,
«Истый патріотъ,
«Тянетъ ерофеичъ
«Въ африканскій ротъ»,—

---

*) Существуютъ вѣдь для господъ придворныхъ правила постоянныя, правила постоянныя.

**) Ошибаетесь: правила установлены для фрейлинъ.

***) Я предпочелъ бы, чтобы меня высѣкли при всѣхъ (фраза главнаго лица комедіи Мольера «Мѣщанинъ во дворянствѣ»). Л. П.

не пропустилъ оказіи угостить «старшаго» двустишіемъ:

«Сіяй, сіяй, о Пушкинъ камеръ-юнкеръ,
«Раззолоченный какъ клюнкеръ» *).

Риѳма Сергѣя Александровича чрезвычайно понравилась князю Вяземскому, который ею и воспользовался, письменно приглашая дядю Александра посѣтить поэта И. И. Мятлева:

«Надобно быть»,—заключаетъ свое письмо Вяземскій. «Пріѣзжай сегодня. Къ тому же Мятлевъ

«Любезний родственникъ, поэтъ и камергеръ,
«А ты ему родня—поэтъ и камеръ-юнкеръ;
«Мы выпьемъ у него шампанскаго на клюнкеръ,
«И будутъ намъ стихи на м—й манеръ»...

Александръ Сергѣевичъ, при свиданіи съ моей матерью въ слѣдующемъ 1835, году высказалъ ей все, что онъ выстрадалъ со времени своего камеръ-юнкерства. По словамъ Ольги Сергѣевны, онъ сдѣлался тогда мученикомъ. Заботы денежныя, уязвленное самолюбіе, а также другое, самое мучительное чувство — ревность, — правда, ни на чемъ не основанная, — не давали ему покоя. Будучи свидѣтелемъ блистательныхъ успѣховъ Натальи Николаевны на вечерахъ большаго свѣта, видя ее окруженною толпою великосвѣтскихъ всякаго возраста кавалеровъ, расточающихъ ей комплименты, дядя Александръ расхаживалъ по бальнымъ заламъ, изъ угла въ уголъ, наступая дамамъ на платья, мужчинамъ на ноги, и дѣлая другія тому подобныя неловкости; его бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Возвращаясь же домой, онъ не сообщалъ женѣ этихъ невыразимыхъ мученій, что̀ считалъ несовмѣстнымъ и съ достоинствомъ непорочной, вполнѣ преданной ему Натальи Николаевны, и съ своимъ собственнымъ. Не дѣлился Пушкинъ испытываемыми тяжелыми чувствами не только съ Соболевскимъ

*) Князь Вяземскій пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Открытіе золотой монеты «клюнкеръ» принадлежитъ Соболевскому, доказывавшему право существованія этой риѳмы на камеръ-юнкеръ».
Л. П.

и Вяземскимъ, но даже и съ естественнымъ другомъ своимъ—«храбрымъ капитаномъ», опасаясь его болтливости, и только черезъ годъ высказался сестрѣ. Будучи убѣжденнымъ, что нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ высказывать чувства ревности, тѣмъ болѣе ревности, не имѣющей подъ собою твердой почвы, дядя таилъ въ себѣ снѣдавшія его муки. Если ко всему вышеизложенному прибавить сознаніе, что за всякимъ его шагомъ и на поэтическомъ поприщѣ, и въ общественномъ быту слѣдятъ приставленные къ нему непрошенные аргусы, журнальные зоилы, словомъ, легіонъ враговъ явныхъ и тайныхъ, то можно лишь изумляться мужеству, съ какимъ онъ все это переносилъ. Между тѣмъ, не высказывая никому душевныхъ волненій, Пушкинъ, къ несчастію, обнаруживалъ, въ силу своей воспріимчивой натуры, внѣшнимъ обращеніемъ, именно то, чѣмъ страдалъ. Скорбь поэта не ускользнула, такимъ образомъ, отъ его личныхъ враговъ: они провѣдали слабую струну его, слабое мѣсто его обороны.

И вотъ, въ томъ же 1834 году, такъ, по крайней мѣрѣ, полагала моя мать, обрисовываются первые шаги страшнаго заговора людей, положившихъ стерѣть Александра Сергѣевича съ лица земли. Низкая подготовительная работа этихъ союзниковъ относится именно, по словамъ моей матери, къ фатальному для поэта 1834 году. Врагамъ не доставало только слѣпаго орудія. Такимъ манекеномъ оказался, наконецъ, Дантесъ-Гекеренъ, появившійся на сцену лѣтомъ того же года, о чемъ вскорѣ и скажу.

Но возвращаюсь къ событіямъ и, не забѣгая впередъ, продолжаю извлеченія изъ писемъ дѣда и бабки къ моей матери.

«Александръ»,—пишетъ бабка отъ 13 февраля,—«непремѣнно хочетъ ѣхать въ деревню и подать въ отпускъ, необходимый для его здоровья и кармана (il veut demander un congé, qui serait on ne peut plus salutaire et pour sa santé, et pour sa poche), а Наташа тоже располагаетъ уѣхать весною въ Яропольцы, гдѣ и хочетъ пробыть до августа. Александръ заходитъ рѣдко, за то присылаетъ намъ часто съ нянюшкой маленькую Машу; онъ и Леонъ очарованы Соболевскимъ и

съ нимъ неразлучны, а Соболевскій отростилъ бороду, что дѣлаетъ его очень смѣшнымъ, заставляя обращать на него общее вниманіе, почему и вращается лишь въ мужской компаніи. Изъ дамъ принимаютъ его, только княгиня Вяземская, княгиня Одоевская и Софья Всеволожская. Напрасно я такъ расхваливала тебѣ его манеры, пріобрѣтенныя за границей. Принялся за старое...

«Князь Паскевичъ здѣсь»,—сообщаетъ отъ того же числа Сергѣй Львовичъ,—«Александръ и Леонъ ему представились. Обоихъ обласкалъ и передалъ имъ, что часто тебя видитъ у своей жены, что ты танцовала съ нимъ мазурку на послѣднемъ костюмированномъ балѣ и совершенно здорова, за что благодарю Бога. Иванъ Ѳедоровичъ *) пригласилъ Александра къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ и говорилъ съ нимъ о его сочиненіяхъ, а потомъ вышелъ въ гостиную и, пожавъ руку Леону, который тамъ ожидалъ конца аудіенціи, сказалъ моему «младшему», что всегда и вездѣ готовъ ему быть полезнымъ. Леонъ поступилъ приэтомъ очень недогадливо. Что бы ему стоило указать фельдмаршалу, гдѣ онъ хочетъ продолжать свою карьеру, а то поклонился, и больше ничего. Лелька желаетъ, если не на Кавказъ, то совершить кругосвѣтное путешествіе, въ ожиданіи чего путешествуетъ по Невскому проспекту. (Lolka désire—si non de se trouver au Caucase,—faire le tour du monde; en attendant il fait le tour de la perspective). А на Леона долженъ тебѣ пожаловаться: вообрази, сегодня получаю письмо изъ Варшавы отъ его кредитора, какого-то Гута. Леонъ задолжалъ ему за съѣстное и выпиваемое **). Заплатить мнѣ за Леона теперь невозможно и, признаюсь, огорченъ самымъ предметомъ долга (l'objet et la nature de cette dette me fait mal). Леону я ни слова, но сообщилъ все Александру. Онъ меня успокоилъ, говоря, что дѣло это возьметъ на себя.

О болѣзни Натальи Николаевны бабка отъ 9-го марта сообщаетъ:

*) Имя и отчество написано по-русски. Л. П.

**) Послѣдняя фраза по-русски.

«Масляница завершилась блистательнымъ баломъ во дворцѣ. Никогда еще, насколько помню, здѣсь не встрѣчали такъ шумно великій постъ; устали всѣ наши красавицы (toutes nos belles dames sont harassées de fatigue). Наташа въ воскресенье, на послѣднемъ балѣ во дворцѣ, послѣ двухъ туровъ мазурки, почувствовала себя очень дурно, и только-что успѣла удалиться въ кабинетъ императрицы, подверглась сильнымъ болямъ и, пріѣхавъ домой, выкинула. И вотъ она въ постели послѣ зимнихъ увеселеній. Я же говорила, что она беременна, но ея тетка утверждала противное. Теперь и удивляется, что правда была на моей сторонѣ. Наташа на этотъ разъ не страдала недугами, неразлучными съ беременностью, и вотъ почему не вѣрила, что находится въ такомъ положеніи, и далеко не радуется этому случаю. Александръ растерянъ такъ, какъ никогда не бывалъ. (Nathalie, se trouvant au dernier bal au palais, qui avait lieu dimanche, s'est trouvée mal après deux tours de mazourka; à peine a-t-elle eu le temps de se retirer dans le cabinet de l'Impératrice; elle a senti des douleurs si fortes, qu'en rentrant à la maison, elle a fait une fausse couche. La voilà au lit après les amusements d'hiver, étant enceinte de deux mois; j'avais beau dire qu'elle l'était, mais sa tante soutenait le contraire; maintenant elle est étonnée que j'avais raison. Nathalie n'a pas eu cette fois-ci ces malaises, qu'on éprouve ordinairement dans les grossesses; voilà pourquoi elle n'a pas voulu croire, qu'elle était enceinte. Elle est bien loin de ce réjouir de cet accident. Alexandre est plus distrait que jamais). Не могу говорить ему и о твоей беременности до поры до времени. Зачѣмъ умножать его безпокойства? А о твоей беременности сообщили мнѣ наши милыя Тригорскія сосѣдки; онѣ, то-есть Нетти Вульфъ и сестра ея Вревская, пріѣхали сюда посмотрѣть на масляницу и гостятъ у насъ. Узнали о твоемъ положеніи отъ Бутурлина и Аничкова, съ которыми встрѣтились».

О болѣзни Натальи Николаевны дядя въ апрѣлѣ того же года сообщаетъ Нащокину:

«Вообрази, что жена моя надняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ тан-

цовали уже два раза въ день. Наконецъ, настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю, слава Богу балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу здорова и ѣдетъ надняхъ въ Калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи».

«Сегодня Александръ былъ у насъ»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ,—«и очень обрадовался провести пару часовъ (une couple d'heures) съ нашими милыми гостями, обитательницами дорогаго его сердцу Тригорскаго, но душевно сожалѣлъ объ отсутствіи Алексѣя Вульфа, который кутитъ въ Тригорскомъ вмѣстѣ съ Сердобинымъ и Шенигомъ. Александръ мнѣ сказалъ, что Наташѣ лучше, но дѣло еще не кончено (Alexandre m'a dit, que Nathalie va mieux, mais ce n'est pas entièrement fini).

«Александръ доволенъ, что его жена разстанется съ балами и уѣдетъ отсюда на шесть мѣсяцевъ, лишь только поправится. Онъ желаетъ тоже разстаться съ Петербургомъ, но говоритъ, что это невозможно, такъ какъ долговременному пребыванію въ деревнѣ мѣшаютъ и его камеръ-юнкерство, и визиты по архивамъ. Подавать же въ отставку считаетъ тоже невозможнымъ послѣ оказаннаго ему высочайшаго вниманія.

«Болѣзнь Наташи очень его перепугала, Сашка осунулся, а Леонъ, который его любитъ такъ, какъ никто, не можетъ смотрѣть на брата безъ слезъ».

И, дѣйствительно, дядя Левъ, хотя и напускалъ на себя философское равнодушіе, вникалъ, какъ нельзя болѣе въ положеніе обожаемаго имъ брата, передъ всякимъ словомъ котораго преклонялся. Мать мнѣ сообщила, что дядя Левъ, послѣ того какъ долгъ Гуту сдѣлался извѣстнымъ, сказалъ брату-поэту: «Пожалуйста не безпокойся обо мнѣ. Не стою твоихъ хлопотъ; самъ расправлюсь, а тебя прошу не платить за меня ни копѣйки. Иначе меня обидишь»...

Процессъ съ Гутомъ кончился, однако, при содѣйствіи Александра Сергѣевича, но дядя Левъ не остался въ долгу и уплатилъ брату причитавшуюся сумму.

«Александръ остается въ городѣ на неопредѣленное время—пишетъ Сергѣй Львовичъ, отъ 6-го апрѣля,—а Наташа уѣзжаетъ на будущей недѣлѣ. Болѣзнь ея не оставила по себѣ слѣдовъ, и Александръ напрасно тревожится; онъ весь—страданіе. Вчера его видѣлъ; говоритъ, что жизнь ему какъ нельзя болѣе надоѣла. За то «храбрый капитанъ» не унываетъ. Къ большому нашему прискорбію Леонъ подалъ, насъ не спрашивая, прошеніе опредѣлиться на Кавказъ; желаетъ служить подъ начальствомъ своего пріятеля Розена. Мнѣ это больно: опять мнѣ, старику, только что обрадовавшемуся желаннымъ свиданіемъ съ Леономъ, суждено съ нимъ разлучиться, а, можетъ быть, разлучиться навѣки! Но покоряюсь волѣ Провидѣнія! Александръ—отрѣзанный кусокъ для насъ *), ты далеко... нечего сказать, весело намъ!...

«Боже мой! чѣмъ бы я ни пожертвовалъ, чтобы опять быть съ тобою! Но, къ моему большому горю, нѣтъ у меня средствъ на поѣздку въ Варшаву! Пріѣхать же тебѣ къ намъ, при твоемъ положеніи, теперь невозможно. Зачѣмъ, Боже мой, ты такъ далеко отъ насъ?! Но Богъ милостивъ; быть можетъ, пріѣдешь къ намъ къ тому времени, когда тебѣ суждено будетъ увидѣть кровь отъ твоей крови—младенца, за котораго и я готовъ пожертвовать моею кровью! А какъ мы были бы счастливы благословить этого бѣднаго младенца!...»

(Mais Dieu est la bonté même; peut être tu viendras chez nous, vers l'heure suprême, quand tu verras le sang de ton sang—ton enfant, pour lequel je serai prêt à verser la dernière goutte de mon sang! Et comme nous serions heureux de bénir ce pauvre enfant!)

«Наташа располагала выѣхать въ Москву»,—сообщаетъ Надежда Осиповна отъ 9-го апрѣля,—«но простудилась и раньше четырехъ дней не тронется. Опасались жабы (elle a manqué d'avoir une esquinencie); слава Богу, захватили во-время, такъ что и мнительный Александръ успокоился. Отправляетъ одну съ дѣтьми, проклиная Петербургъ, и говоритъ—отслужитъ

*) Эта фраза порусски.

молебенъ (qu'il chantera un Te Deum), когда будетъ увѣренъ, что Наташа избавилась отъ баловъ да спектаклей. Вполнѣ его понимаю Затѣмъ скажу пару словъ и о себѣ, но не тревожься, милая Оля. Еслибы я заболѣла серьезно, не могла бы писать тебѣ пространное письмо. Дѣло въ томъ, что Петербургъ и меня наказалъ простудой, а простудилась послѣ того, когда по моей неосторожности очутилась на хорахъ во дворцѣ, о чемъ тебѣ писала. Страдала всю прошлую недѣлю лихорадкой; она прошла, но затѣмъ обнаружилось страданіе печени. Какъ увѣряетъ Спасскій, котораго знаешь, это болѣзнь хроническая; пожелтѣла я какъ лимонъ, аппетитъ и сонъ уничтожился; но теперь чувствую себя гораздо лучше. Нева разошлась, погода прелестная, а послѣ отъѣзда Наташи, мы тоже здѣсь не останемся.

«Александръ упрямъ. Если не можетъ ѣхать съ Наташей въ Ярополыцы, то почему же не послушаться насъ и не отлучиться изъ Петербурга недѣльки на двѣ - отдохнуть въ Михайловскомъ? Петербургъ вѣдь оттуда недалеко»...

Болѣзнь бабки оказалась гораздно серьезнѣе, чѣма она предполагала, и черезъ два года свела ее въ могилу.

14-го Апрѣля 1834 года Наталья Николаевна уѣхала къ роднымъ съ обоими дѣтьми, а дядя оставался до половины августа въ сѣверной столицѣ.

XXXV.

Въ половинѣ апрѣля 1834 года, Пушкинъ разстался на нѣсколько мѣсяцевъ съ женою: Наталья Николаевна уѣхала съ малолѣтними дочерью и сыномъ изъ Петербурга въ калужскія имѣнія Гончаровыхъ—Полотняный заводъ и Ярополецъ, а дядя Александръ оставался въ сѣверной столицѣ до августа.

Привожу слѣдующія мѣста изъ писемъ дѣда и бабки къ Ольгѣ Сергѣевнѣ за нѣсколько дней до этого времени:

«Александръ, пишетъ Надежда Осиповна отъ 10 апрѣля,— сейчасъ меня посѣтилъ, поручилъ крѣпко тебя обнять и ска-

зать тебѣ, что онъ сильно безпокоится на твой счетъ, такъ какъ опять услышалъ, будто бы у васъ въ Варшавѣ какая-то эпидемія; проситъ тебя не ввѣряться докторамъ, которые обошлись съ тобой и въ Варшавѣ не лучше петербургскаго эскулапа Иванова. Продолжай надъ ними смѣяться, какъ смѣешься въ послѣднемъ письмѣ; это письмо я ему прочитала и онъ не замедлилъ привѣтствовать твои строки гомерическимъ смѣхомъ, называя ихъ презабавными (j'ai fait la lecture de cette lettre à Саша, qui n'a pas manqué d'accueillir tes lignes par un rire vraiment homérique, en les qualifiant d'impayables). Но, несмотря на гомерическій смѣхъ, сынъ былъ въ ужасномъ расположеніи духа (Il était d'une humeur atroce). Его жена послѣ выкидыша страдала жабой, чрезвычайно похудѣла, и онъ рѣшился ее отправить на все лѣто въ деревню; говоритъ, что деревня—ея одно спасеніе; окрестности же Петербурга — тотъ же Петербургъ, съ тѣми же выѣздами, спектаклями и танцами, слѣдовательно та же анормальная жизнь.

«Невѣстка беретъ обоихъ дѣтокъ (ses deux poupons), Машу и Сашу; а рыжимъ Сашей Александръ очарованъ (et quand à Sacha, son petit rousseau, Alexandre en est vraiment enchanté); говоритъ, что будетъ о немъ всего болѣе тосковать. Всегда присутствуетъ, какъ маленькаго одѣваютъ, кладутъ въ кроватку, убаюкиваютъ, прислушивается къ его дыханію; уходя, три раза его перекреститъ, поцѣлуетъ въ лобикъ и долго стоитъ въ дѣтской, имъ любуясь. Впрочемъ Александръ и дѣвочку ласкаетъ исправно; жаль, что Маша очень еще слаба; ходитъ съ большимъ трудомъ и не говоритъ.

«Наташа, прежде нежели быть въ Ярополъцахъ, проведетъ недѣлю, можетъ быть и больше, въ Москвѣ. Александръ отсюда тронется едва ли раньше сентября, а поѣхать ему въ Болдино необходимо и для своихъ, и для нашихъ дѣлъ, но не можетъ этого сдѣлать прежде, нежели окончитъ записки въ архивѣ. Какъ бы ни было, въ Петербургѣ лѣтомъ ему трудно будетъ работать при жарѣ и грустно вдали отъ жены и дѣтей. Леонъ бредитъ Тифлисомъ, а папа и я уѣдемъ въ

Михайловское; Вяземскіе ѣдутъ за-границу, такъ что лѣтомъ у Александра останется одинъ Соболевскій, съ которымъ онъ и теперь неразлученъ. Говоритъ, ему гораздо полезнѣе общество этого медвѣдя, чѣмъ рысканье по гостинымъ. Съ этимъ, пожалуй, и я согласна, но, будь сказано между нами, какую существенную пользу можетъ поднести (offrir) Александру Сергѣй Соболевскій? Сашка и безъ него риѳмы отыщетъ. Что̀ между ними общаго? Развѣ попробуетъ учить Александра бороду носить, да и ту отращивать сыну не позволитъ ни служба, ни положеніе въ свѣтѣ. Борода дѣлаетъ Соболевскаго смѣшнымъ донельзя, привлекая на него всѣ взгляды (Cette barbe rend Sobolefsky on ne peut plus ridicule, et attire sur lui tous les regards), о чемъ, если не ошибаюсь, тебѣ уже писала. Впрочемъ Соболевскаго я ставлю гораздо выше другаго пріятеля Z*. Этотъ уже положительно ни на что не похожъ; благо его въ Петербургѣ нѣтъ».

«Дѣло прошлое,—продолжаетъ Надежда Осиповна, — но я страшно боялась одно время за здоровье Наташи. Объ опасеніяхъ на ея счетъ бѣднаго Александра и говорить не стоитъ: самъ едва отъ безпокойства не слегъ и сѣтовалъ на зимніе выѣзды жены. Говорилъ, еслибы не злополучные балы, никакая болѣзнь Наташи и не коснулась. Умоляетъ и тебя беречься. Знаетъ, что осенью, по моему разсчету въ октябрѣ, ты должна сдѣлаться матерью. Ѣхать мнѣ къ тебѣ въ Варшаву едва ли будетъ возможно, а какъ бы мнѣ желалось къ тому времени находиться при тебѣ! Сама бы за тобой ухаживала и первая благословила бы ребенка. Все это высказала я Александру и знаешь, какая у него блеснула мысль? Пріѣхать тебѣ въ іюлѣ или началѣ августа къ намъ, въ наше Михайловское. Доѣдешь до Острова, куда и вышлемъ тебѣ экипажъ, а въ Псковѣ живетъ очень хорошій врачъ Бернаръ— не то что варшавскіе коновалы. Псковъ отъ насъ недалеко; въ Псковѣ проживаетъ и знакомая ему искусная повивальная бабка... и ее пригласимъ, а я буду твоей безотлучной сидѣлкой. Подумай объ этомъ! Александръ кромѣ того сказалъ, что, если возьметъ продолжительный отпускъ, то съѣздитъ

повидаться съ тобой въ Варшавѣ; ни разу тамъ не былъ. Вмѣстѣ бы и пріѣхали!

«Александру я пересказала о подвигахъ въ Варшавѣ неблагодарнаго пьяницы Проньки. Все это Александра возмутило до крайности; говоритъ, что ему лобъ забрѣетъ и что Пронька не стоитъ всѣхъ вашихъ хлопотъ.

«Милая Оля,—пишетъ Сергѣй Львовичъ на другой день, отъ 11 апрѣля,—здоровье мама, слава Богу, поправляется, но болѣзнь могла принять серьезный оборотъ, тѣмъ болѣе, что, не говоря мнѣ ничего, мама продолжала выѣзжать. Но въ концѣ концовъ она не могла уже долѣе таиться и сообщила свое желаніе пригласить Спасскаго. Александръ совѣтывалъ ей обратиться именно къ Спасскому, въ котораго онъ вѣритъ, какъ въ Бога. Хотя я докторамъ вѣрю почти также, какъ покойный Мольеръ,—всѣ эти господа на одинъ покрой (tous ces messieurs sont de la même trempe), но невозможно ставить Спасскаго на одну доску съ прочими эскулапами: очень помогъ твоей матери, а стало-быть и мнѣ.

«Твой пріѣздъ къ намъ въ Михайловское,—продолжаетъ дѣдъ,—былъ бы для меня такъ желателенъ, что боюсь о немъ и мечтать. Александръ, какъ мама тебѣ писала, собирается, послѣ побывки въ Болдинѣ, лишить твоего присутствія дурацкую, какъ выражается, Польшу, и лишить по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, да привезти тебя изъ Варшавы въ наше милое Михайловское. Посмотрѣть Варшаву ему не мѣшаетъ. Какіе-то польскіе паны, тысячу извиненій за весьма плохой каламбуръ (quelques pans polonais, mille pardons pour l'archi-mauvais calembourg) *), протрубили ему будто бы Варшава—Парижъ въ миніатюрѣ, куда послѣ Варшавы и ѣздить не стоитъ. Александръ панамъ не вѣритъ, послѣ моихъ разсказовъ о Варшавѣ, гдѣ я самъ былъ, правда лѣтъ уже двадцать съ чѣмъ-то; не вѣритъ онъ имъ въ особенности послѣ твоихъ писемъ, гдѣ говоришь о кривыхъ улицахъ съ гряз-

*) Тутъ дѣйствительно французская игра словъ: pan значитъ «сатиръ» во множественномъ: pans—сатиры. Л. П.

ными ручьями по обѣимъ сторонамъ и грязномъ жидовскомъ населеніи, но хочетъ самъ убѣдиться, насколько паны врутъ; а одного изъ нихъ Александръ попотчивалъ надняхъ острымъ словцомъ. Этотъ панъ, замѣчу, понимающій по-русски, сказалъ ему: Tous les «Ska» sont belles, et tous les «Ski» sont braves! (Всѣ ска красавицы, а всѣ ски храбры»), указывая на окончаніе большей части польскихъ фамилій. Александръ улыбнулся и отвѣчалъ ему уже по-русски (et lui a riposté en russe): «Вотъ и выходятъ «с к а—з к и».

«Говоря о Варшавѣ, не могу умолчать о Леонѣ, и не спросить тебя, какимъ образомъ онъ ухитрился сдѣлать столько долговъ. Вѣдь въ карты не играетъ, чуждъ разврата, ведетъ себя безукоризненно; неужели все пошло на угощенія мнимыхъ друзей? Платить варшавскіе долги Леона я не въ состояніи: много другихъ у насъ расходовъ; хотѣлъ уплачивать по частямъ долгъ его Гуту, но разсудилъ, что другіе кредиторы Леона поведутъ въ такомъ случаѣ на меня штурмъ. Къ счастію х р а б р а г о к а п и т а н а выручилъ изъ бѣды з н а м е н и т ы й п о э т ъ: Александръ изъявилъ готовность заплатить за брата лично, если поѣдетъ къ тебѣ въ Варшаву, а если поѣздка не состоится, то вышлетъ адрессатамъ, чтò слѣдуетъ.

«Леону едва ли скоро удастся перебраться на кавказскую службу. Хотя прошеніе онъ и подалъ, но прежде поѣздки въ Тифлисъ долженъ ожидать изъ Варшавы какихъ-то бумагъ. Пока останется здѣсь».

«Опять пожалуюсь тебѣ,—приписываетъ бабка,—на демона-искусителя Соболевскаго (de nouveau je te ferai mes plaintes contre ce démon-tentateur de Sobolefski), который развратилъ Леона: по его совѣту, х р а б р о м у к а п и т а н у пришла фантазія носить нѣсколько недѣль сряду бороду, что было ужасно: Леонъ сдѣлался похожимъ на Черномора изъ «Руслана и Людмилы»; къ счастію, по милости другихъ пріятелей, въ особенности послѣ насмѣшекъ княжны Вяземской, выбрился, и... слава Богу!»

(Le vaillant capitaine a eu, d'après le conseil de Sobolefsky, la fantaisie de se faire croître la barbe pendant quel-

ques semaines. C'etait une horreur! il avait l'air de «Черноморъ» dans «Русланъ и Людмила»; mais grâce à ses amis, et surtout à la princesse Viazemsky, qui s'en est moquée, il s'est fait la barbe avant hier, pour paraître plus joli garçon à ses yeux, et... Dieu soit loué!)

Приводя послѣднія строки бабки, не могу не замѣтить, что Надежда Осиповна питала особенную антипатію къ усамъ, а главное къ бородѣ, считая эти украшенія признакомъ самаго дурнаго тона. Съ усами дяди Льва она должна была помириться, онъ служилъ въ кавалеріи, но не могла помириться съ вышедшимъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ разрѣшеніемъ носить усы пѣхотѣ и кирасирскимъ полкамъ. Домашней прислугѣ Надежда Осиповна позволяла отращивать однѣ лишь бакенбарды. Кромѣ «бородачей», бабка относилась неблагопріятно и къ курильщикамъ. «Бородачи и курильщики рождаютъ во мнѣ тошноту» (les barbus et les fumeurs me donnent des nausées), говорила она Ольгѣ Сергѣевнѣ,—и удивляюсь, почему «бородачи» рѣшаются стричь ногти, а «курильщики»—полоскать ротъ?»

Дядя Левъ, страстный курильщикъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ поэтому ловко въ присутствіи матери, когда долженъ былъ, по ея желанію, засиживаться у нея въ гостиной. Сергѣй же Львовичъ, до кончины Надежды Осиповны, курилъ секретно.

... «Наташа,—пишетъ между прочимъ бабка отъ 25 апрѣля,—уѣхала болѣе недѣли въ Москву съ обоими дѣтьми. Александръ, хотя и рѣшился ее отпустить, что́ сдѣлалъ скрѣпя сердце (ce qu'il a fait à contre-coeur), но признался, что при разлукѣ съ семействомъ не могъ удержаться отъ слезъ и что его осаждаютъ черныя мысли (il m'a dit qu'il est obsédé par des idées noires). Я ему отвѣчала, что это пустыя причуды, но едва ли его утѣшила. (J'avais beau dire que ce sont des lubies, mais je mets en doute l'efficacité de mes consolations). Впрочемъ у насъ на праздникахъ онъ былъ почти веселъ. Заутреню и обѣдню (les matines et la messe de minuit) я

слушала въ Конюшенной церкви*). Во второй день праздника, кромѣ Леона, онъ живетъ у насъ, мы увидѣли въ скромномъ нашемъ жилищѣ Александра. Онъ привелъ Соболевскаго и mylord qu'importe смѣялся по своему обыкновенію надъ половиной вселенной (selon ses habitudes, mylord qu'importe n'a pas manqué de tourner en ridicule la moitié de l'univers»)...

«Совершеннолѣтіе наслѣдника,—пишетъ отъ того же числа Сергѣй Львовичъ, — отпраздновали самымъ торжественнымъ образомъ. Много большихъ наградъ. Александръ мнѣ объявилъ, а Плетневъ подтвердилъ, что Жуковскій (я на него сердитъ—не кажетъ уже давно къ намъ носа) получилъ пожизненную аренду въ три тысячи рублей серебромъ, что составляетъ болѣе десяти тысячъ (Alexandre m'a communiqué, et Pletneff m'a affirmé, que Joucofsky—je suis bien fâché contre lui: voilà depuis des siècles qu'il ne montre son nez chez nous—a reçu une arende à vie de trois mille argent blanc; cela fait plus de dix mille). Конечно Жуковскій остался очень доволенъ. За то мы нашими денежными обстоятельствами, не скрою отъ тебя, милая Оля, какъ нельзя больше недовольны. Не знаю, какъ обернуться. Долгъ за имѣніе внесу, но что же будетъ дальше? Посовѣтуюсь съ Александромъ, пока онъ еще не уѣхалъ. Къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ нему?»

И дѣйствительно, матеріальное положеніе стариковъ было весьма плохо. Объ этомъ, а также и о своей незавидной обстановкѣ отецъ мой писалъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ (на французскомъ языкѣ) 19 апрѣля 1834 года слѣдующее:

«Получая весьма скудное жалованье, я, какъ вамъ извѣстно, не могъ жить больше въ Петербургѣ. Отказавшись отъ свѣта, я долженъ былъ оставить Петербургъ и искать другаго мѣста, чтобы содержать себя жалованьемъ и не дѣлать долговъ. Случай забросилъ меня въ Варшаву. Жалованье мое, правда, увеличилось, но житье здѣсь несравненно дороже. Довольно сказать, что обыкновенныя цѣны на провизію гораздо выше

---

*) Въ этой самой церкви отпѣвали, три года спустя, тѣло убитаго дяди. Л. П.

тѣхъ, какія у васъ были въ Екатеринославѣ въ голодное время. Три четверти моего жалованья идутъ на столъ, на содержаніе вольныхъ людей (ибо, кромѣ лакея и горничной, у меня нѣтъ крѣпостныхъ), и на содержаніе дома. Остальной четверти едва достаточно для одежды и непревидѣнныхъ расходовъ. Кругъ знакомства нашего хотя и тѣсенъ, но женѣ необходимо бывать въ домѣ свѣтлѣйшихъ, а отъ частыхъ приглашеній княгини Елизаветы Алексѣевны отказаться просто невозможно.

«Должность, мною занимаемая, такого рода, что я долженъ иногда бывать тамъ, гдѣ совсѣмъ не хочется, и держать пару лошадей, которыхъ давно бы продалъ. Словомъ жалованья мало, а долговъ боюсь хуже огня. Случилось мнѣ раза два быть представленнымъ къ наградѣ: вмѣсто чиновъ и крестовъ взялъ деньги; и впередъ сдѣлаю тоже. Вотъ я бы и за выслугу лѣтъ отказался отъ чина, но дѣлать нечего—дали, и я долженъ внести за повышеніе мѣсячное жалованье, то-есть оставаться цѣлый мѣсяцъ безъ гроша. Такіе случаи бываютъ нерѣдки; къ тому же всякій неожиданный расходъ, какъ напримѣръ, плата докторамъ—что̀ уже нѣсколько разъ здѣсь случалось—уничтожаетъ вдругъ всѣ разсчеты и запасныя деньги. Скоро буду отцомъ, а для ребенка надо и то, и другое, плохо очень, очень плохо! Старики Пушкины, не знаю, помогутъ ли намъ. Имѣніе ихъ, по числу душъ (около тысячи двухъ сотъ), хотя и значительное, разстроено до-нельзя: участь его зависитъ отъ распоряженій шурина моего Александра Сергѣевича, вступившаго въ управленіе онымъ. Авось поставитъ въ рамки управляющаго... (peut être mettra-t'il en régistre le nouvel intendant)... Сначала моей женитьбы тесть обѣщалъ давать по четыре тысячи въ годъ, но первые два года далъ только по двѣ тысячи, въ слѣдующіе меньше, а въ послѣдній почти ровно ничего».

«Родители жены приглашаютъ ее къ себѣ въ августѣ въ Михайловское; она изъявила согласіе и написала имъ объ этомъ. Поѣдетъ вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ,—онъ хочетъ навѣстить насъ въ Варшавѣ—а на худой конецъ тронется отсюда одна, такъ какъ ни за что̀ въ этомъ году не могу отлучиться».

До отъѣзда дѣда и бабки въ Михайловское, Александръ Сергѣевичъ посѣщалъ ихъ довольно часто.

«Александръ»,—пишетъ бабка отъ 9-го мая,—«у насъ почти всякій день, да и немудрено: съ кѣмъ отведетъ душу, а съ нами говоритъ нараспашку. Безъ жены и дѣтей ему тоска въ огромной, пустой квартирѣ. Очень проситъ тебя писать ему на Пантелеймонскую, въ домъ Оливье; увѣряетъ, что твои строки прочтетъ съ наслажденіемъ и умиленіемъ. Хотѣлъ писать твоему мужу дѣловое письмо, но не знаю, напишетъ ли? По утрамъ очень занятъ и жалуется на тяжелый трудъ и безпокойства всякаго рода (il a beaucoup de tracas de toute sorte). Послѣ работы, передъ тѣмъ, чтобы отобѣдать у Дюмэ съ бородачемъ Соболевскимъ, Александръ ходитъ отдыхать въ Лѣтній Садъ, гдѣ и прогуливается съ своей Эрминіей. Такое постоянство молодой особы выдержитъ всякія испытанія, и твой братъ въ этомъ отношеніи очень смѣшонъ (Aprés avoir fini son travail, et avant d'avaler un morceau chez Dumé avec son barbu de Sobolefsky, Alexandre va se distraire au jardin d'Eté, ou il se promène avec son Herminie; cette constance de la jeune personne est à toute épreuve, et ton frère est fort drôle sous ce rapport»).

Фамилія этой особы мнѣ неизвѣстна. О прогулкахъ же въ Лѣтній Садъ и свиданіяхъ съ Соболевскимъ дядя Александръ пишетъ Натальѣ Николаевнѣ отъ 11-го іюня:

«...Нашла, за что браниться! За лѣтній Садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній Садъ мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція—удрать къ тебѣ въ деревню»...

«Жена Александра»,—продолжаетъ бабка,—«намъ сообщаетъ о своемъ свиданіи «со святымъ семействомъ»,—нашими родными Сонцовыми. И твоя тетка, и твой дядя, и твои кузины приняли Наташу и ея сестеръ какъ благословенный хлѣбъ (elle les ont reçues comme du pain béni); а Наташа была на двухъ балахъ съ сестрами—у княгини Голицыной,

и въ собраніи, гдѣ много танцовала. Александръ, прочитавъ это мѣсто ея письма, сдѣлалъ свою гримасу, когда чѣмъ-нибудь недоволенъ, подергивая губами, и сказалъ: «опять за прежнее, ну да Богъ съ ней!»

«Отъ него теперь зависитъ нашъ отъѣздъ въ Михайловское. Все къ отъѣзду готово, кромѣ денегъ, которыя Александръ обѣщалъ доставить намъ на дорогу, о чемъ и переписывается съ управляющимъ; если же ему не удастся получить денегъ изъ Болдина черезъ недѣлю, то постарается снабдить насъ ожидаемой суммой за свои труды, но времени опредѣлить не можетъ. Между тѣмъ, весна здѣсь вступила совершенно въ свои права. Деревья, правда, еще не одѣлись зеленью, нѣтъ и моихъ любимыхъ желтенькихъ цвѣточковъ на изумрудной травкѣ, но природа дышетъ воскресеніемъ. Жду не дождусь минуты, когда Александръ скажетъ: «Поѣзжайте въ Михайловское, и Богъ съ вами!» (Partez pour Михайловское и que le bon Dieu Vous bénisse).

«Многіе изъ нашихъ знакомыхъ разъѣхались—кто въ Царское, кто въ Петергофъ, кто и поближе—на Острова и на Черную рѣчку, гдѣ устроена великолѣпная галлерея для пользующихся минеральными водами. Кто остался въ городѣ—спѣшитъ въ Лѣтній садъ. Завтра назначенъ большой военный парадъ на Марсовомъ полѣ. Живемъ оттуда въ десяти шагахъ и наслаждаемся уже три дня сряду звуками флейтъ и барабановъ. Скажу, кстати, что 29-го числа прошлаго мѣсяца Александръ присутствовалъ, въ качествѣ камеръ-юнкера, на большомъ торжествѣ: петербургское дворянство давало большой оффиціальный балъ въ домѣ Д. Л. Нарышкина, удостоенный присутствія Государя. Балъ закончился фейерверкомъ, и великолѣпной иллюминаціей. Плавающія по Невѣ яхты и лодки съ разноцвѣтными фонарями, пѣсни гребцовъ, словомъ вся обстановка праздника, при поэтической весенней ночи, меня очаровала, и я вообразила себѣ, что живу не въ Петербургѣ, а въ Венеціи. Но поговорю о другомъ:

«Леонъ получилъ мѣсто при Блудовѣ по особеннымъ по-

ученіямъ *), съ тѣмъ, чтобы поѣхать въ Тифлисъ. Разлука съ Леономъ меня огорчаетъ, но я не эгоистка. Мои пожеланія будутъ всегда вамъ сопутствовать, друзья мои, вездѣ, гдѣ бы вы ни находились. Леонъ пока по прежнему живетъ у насъ, занимая веселенькую комнатку съ обоями его любимаго зеленаго цвѣта и двумя окнами на солнечную сторону улицы».

О пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Варшавы полковника (природнаго персіянина) Абасъ-Кули-аги, служившаго въ находившемся въ распоряженіи фельдмаршала Паскевича мусульманскомъ эскадронѣ, Сергѣй Львовичъ отъ 25-го мая пишетъ:

«Надняхъ Александръ представилъ намъ Абаса-агу. Пріѣхавъ изъ Варшавы съ твоимъ письмомъ, Абасъ явился сначала къ Александру, который отъ него въ восторгѣ. Этотъ сынъ Востока дѣйствительно преинтересная личность. Занимательный разговоръ на совершенно правильномъ французскомъ языкѣ, изящныя манеры, оживленные разсказы о его путешествіяхъ въ Азіи и Европѣ, описанія его романическихъ, исполненныхъ поэзіи, приключеній, разсказы о кампаніяхъ, въ которыхъ участвовалъ — все это произвело на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Абасъ такъ радушенъ и любезенъ, что я вообразилъ его моимъ старымъ другомъ, тѣмъ болѣе, что радъ былъ увидѣть человѣка, который такъ недавно съ тобой говорилъ, почему и употребляю метафору, по примѣру его же соотечественниковъ: «Послѣ свиданія съ нимъ мнѣ показалось, что падающіе на меня лучи благодатнаго солнца сіяютъ сугубымъ блескомъ радости и весну надежды превращаютъ въ лѣто ея осуществленія». Не смѣйся надъ этой вычурной фразой, писанной подъ персидскимъ вліяніемъ».

«Вчера Абасъ у насъ отобѣдалъ вмѣстѣ съ Александромъ, Соболевскимъ и графиней Ивеличъ. Разумѣется, обѣдалъ и Левъ, послѣ чего «капитанъ» и «поэтъ» отправились съ сыномъ Магомета да Соболевскимъ въ театръ, гдѣ мусульманинъ и наслаждался созерцаніемъ земныхъ балетныхъ гурій. Завтра—въ день рожденія Александра—я надѣялся познакомить

---

*) Такъ въ подлинникѣ. Л. П.

Абаса съ Вяземскимъ, но завтра же княгиня Мещерская и Софья Карамзина уѣзжаютъ за границу, въ Италію. Александръ ихъ провожаетъ до Кронштадта, такъ что дня его годовщины праздновать не будемъ. (J'espérais demain,—jour de naissance d'Alexandre,—de lui faire faire la connaissance de Вяземскій, mais la princesse Мещерская, et mademoiselle Карамзина, Sophie s'embarquent pour l'italie. Alexandre lui-même les accompagne jusqu'à Cronstadt, de manière que nous ne fêtons pas cet anniversaire).

«Абасъ-Кули очень много намъ говорилъ о твоемъ желаніи пріѣхать въ Петербургъ навѣстить брата, а потомъ поселиться въ Михайловскомъ на всю осень; но когда онъ мнѣ разсказалъ о хлопотахъ, предстоящихъ тебѣ въ дорогѣ, такъ какъ отъ Ковна до Риги дилижансы не ходятъ, то благодарю Бога, что ты рѣшилась ждать свиданія съ Александромъ въ Варшавѣ до августа и пріѣхать уже къ намъ не одной, а съ нимъ. Пользуйся прелестной погодой, о которой пишешь; у насъ же на дняхъ наступили такіе холода, на которые я и не разсчитывалъ, когда мать сообщала тебѣ послѣдній разъ о возвращеніи весны: топимъ печи и опять облеклись въ осеннюю одежду и теплую обувь. Александръ, ругающій Петербургъ при всякомъ удобномъ случаѣ, радъ новой оказіи браниться, но тронуться отсюда не можетъ.

«Увѣряетъ, будто бы его письма къ женѣ во-время не доходятъ, потому что почтамтскіе рыцари (les chevaliers de la poste) распечатываютъ ихъ и прочитываютъ по самовольному секретному приказанію или распоряженію Б—а *). Но справедливо ли это? Не преувеличиваетъ ли Александръ (Ne se forge

*) По этому случаю Александръ Сергѣевичъ жалуется женѣ въ письмѣ отъ 18-го мая въ слѣдующихъ словахъ: «Смотри женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ... Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня

t'il pas des idées)? Во всѣхъ видитъ враговъ, и сталъ всякому, исключая, конечно, друзей, отпаливать дерзости, заставляющія отъ него бѣгать (et s'est mis à décocher des impertinences à faire fuir son monde). Выѣзжаетъ онъ въ свѣтъ рѣдко, и сказалъ мнѣ, что одно лишь это его утѣшаетъ въ разлукѣ съ женой, съ которой ѣздилъ четыре раза въ недѣлю, если только не больше, туда, гдѣ ему бывать совсѣмъ не хотѣлось. При Абасѣ-агѣ онъ ругалъ большой петербургскій свѣтъ уже слишкомъ зло, а на мое замѣчаніе разсердился, да сказалъ: «тѣмъ лучше, пусть всякій знаетъ—русскій или иностранецъ все равно,—что этотъ свѣтъ—притонъ низкихъ интригановъ, завистниковъ, сплетниковъ и прочихъ негодяевъ». (Tant mieux, cela m'est bien égal: devant les Russes, et devant les étrangers, je soutiendrai envers et contre tous, que ce monde n'est qu'un repaire d'intrigants, d'envieux, de chicaneurs, et d'autres vilains). Соболевскій ему поддакивалъ, чѣмъ и больше его сердилъ. Онъ, кажется, у Александра совершенно поселился и воцарился; подбиваетъ его доказать любовь къ независимости не на словахъ, а на дѣлѣ, т. е. выйти въ отставку, да «ускакать въ деревню заниматься не камеръ-юнкерскими, а денежными дѣлами». Довольно зло сказано со стороны Соболевскаго, а Соболевскаго твой братъ слушаетъ какъ оракула; кажется, и на этотъ разъ послушается. Съ Соболевскимъ рѣшаетъ всѣ свои задушевные вопросы, бесѣдуя

ни въ комъ не удивляетъ... Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей, цѣлыхъ и живыхъ, да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость, особенно когда лѣтъ двадцать человѣкъ былъ независимъ».

Въ слѣдующихъ же письмахъ отъ 29-го мая и 3-го іюня къ Натальѣ Николаевнѣ дядя говоритъ между прочимъ:

«Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?... Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство, à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (l'inviolabilité de la famille)—невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше»...

съ нимъ у Дюмэ за обѣдомъ, а потомъ въ англійскомъ клубѣ. Леонъ тоже считаетъ Соболевскаго воплощенною премудростью, а всякое острое—зачастую и плоское—слово этого Цицерона повторяетъ съ восторгомъ и даже записываетъ».

До отъѣзда стариковъ въ Михайловское, дядя, по совѣту Соболевскаго, не подалъ въ отставку, сдѣлавъ это позже, въ исходѣ іюня, а просилъ лишь Бенкендорфа о предоставленіи ему на два года ссуды, въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ, на изданіе исторіи Пугачевскаго бунта. Письмо Бенкендорфу, своему заклятому врагу, дядя заключаетъ довольно странной фразой: «У меня нѣтъ другаго права на просимую мною милость, кромѣ вашей доброты, которую вы мнѣ уже оказывали и которая даетъ мнѣ смѣлость вновь къ ней прибѣгнуть. Вашему покровительству, графъ, приношу мою покорную просьбу». Такъ какъ льстить кому бы ни было не лежало въ натурѣ Пушкина, то приводимое мною заключеніе письма должно быть злою ироніей. Никакой доброты и покровительства Бенкендорфъ Пушкину не оказывалъ, а относился къ нему діаметрально противуположно. Александръ же Сергѣевичъ, писавшій Бенкендорфу впослѣдствіи, что «поручая себя его мощному покровительству, приноситъ ему дань своего глубокаго уваженія», говорилъ всѣмъ и каждому—à qui voulait l'entendre—что онъ къ Бенкендорфу никакого уваженія не чувствуетъ, а если разсчитываетъ на покровительство, то лишь на покровительство Монарха. Скажу кстати: надъ нѣжными чувствами къ Пушкину Бенкендорфа и не поладившаго съ Александромъ Сергѣевичемъ барона Корфа—Сергѣй Александровичъ Соболевскій посмѣялся двустишіемъ:

«Твой первый другъ графъ Бенкендорфъ
«Его жъ соперникъ—баронъ Корфъ».

. . . .

11-го іюля дѣдъ и бабка покинули Петербургъ, 13-го пріѣхали въ Псковъ, на другой день были въ Островѣ, ночевали во Вревѣ, 15-го числа—въ Тригорскомъ, а 16-го достигли Михайловскаго, откуда Надежда Осиповна, между прочимъ, пишетъ:

«Наконецъ мы разстались съ Петербургомъ. Богъ съ нимъ! (que le bon Dieu le conserve). Не печалься о невозможности пріѣхать къ намъ теперь. Александръ будетъ черезъ два мѣсяца въ Варшавѣ и привезетъ тебя къ намъ. Насъ провожали въ дорогу Александръ, Леонъ и Абасъ-Кули. Абасъ трогательно съ нами простился и нѣсколько разъ обнималъ папа».

«Именно нѣсколько разъ»,—прибавляетъ въ выноскѣ Сергѣй Львовичъ—«чтò приписываю расположенію его къ тебѣ, почему и я полюбилъ его отъ всего сердца. Онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Одессу и раньше мѣсяца не возвратится въ Варшаву».

«Не смотря на мою грусть послѣ разлуки съ твоими братьями»,—продолжаетъ бабка,—«не могу жалѣть, что я здѣсь: утѣшаюсь мыслію, что еслибы даже и не уѣхала изъ Петербурга, то не пробыла бы съ ними долго; Александръ отправится къ женѣ, затѣмъ поѣдетъ въ Болдино, быть можетъ къ тебѣ въ Варшаву, а Леонъ ждетъ не дождется минуты уѣхать въ Тифлисъ. Удивляюсь, однако, чѣмъ Тифлисъ ему такъ понравился, и увѣрена, что когда туда пріѣдетъ—разочаруется. Особенно горькихъ слезъ при разлукѣ съ Леономъ я не пролила, сообразивъ, что онъ, въ концѣ концовъ, долженъ чѣмъ-либо заняться, а въ Петербургѣ его одолѣли праздность и скука. Теперь проживаетъ на нашей квартирѣ; Александръ живетъ на своей, чтò довольно странно: будучи вдвоемъ, не лучше ли было бы имъ жить вмѣстѣ? Оба они неисправимые оригиналы, но, какъ говоритъ папа, да будетъ небесная воля. (Léon loge dans notre maison, Alexandre dans la sienne, ce qui est assez singulier: n'étant que deux ne vaudrait il pas mieux être ensemble? C'est qu'ils sont tous les deux des originaux incorrigibles, et comme dit papa—que la volonté du Ciel soit faite).

На молчаніе обоихъ сыновей Надежда Осиповна жалуется Ольгѣ Сергѣевнѣ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ отъ 23-го іюля:

«Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ мы разстались съ Александромъ и Леономъ, но они не даютъ намъ знать о своемъ су-

ществованіи, да кажется не заботятся и о нашемъ; еслибы наши люди не имѣли сношеній съ оставшимися въ Петербургѣ, то мы бы находились въ постоянномъ безпокойствѣ; теперь, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что оба эти шута здоровы. (Voilà plus d'un mois que nous sommes séparés d'Alexandre et de Léon, mais ils ne nous donnent pas signe de vie, et ne se soucient guère de notre existence, à ce qu'il paraît, et si nos gens n'avait pas de correspondance aves ceux de Pétersbourg, nous serions continuellement dans les inquiétudes; nous savons au moins que ces deux bouffons se portent bien). А что только о нихъ я не передумала — одинъ Богъ знаетъ. Можно быть здоровыми, а испытывать всевозможныя непріятности, огорченія, которыя хуже всякихъ болѣзней; особенно боюсь за Александра: послѣднее время онъ сталъ такъ жёлченъ и заносчивъ, что дѣйствительно можетъ поколотить любаго критика своихъ сочиненій и тѣмъ сдержать свое слово: онъ увѣрялъ меня, что у него не даромъ чешется рука на враговъ— продажныхъ писакъ. (Il m'a assuré derniérement, que ce n'est pas en pure perte, que sa main lui démange, rien qu'en voyant ses ennemis—messieurs les écrivailleurs pour de l'argent comptant). Слѣдовательно, если и не будетъ имѣть дуэли, на которую его подлые враги, по низкой трусости, неспособны, то не избѣгнетъ ихъ навѣтовъ и доносовъ. Леонъ тоже не защищенъ отъ людскихъ пакостей, какъ и его братъ Александръ. Короче, безпокоюсь и о томъ, и о другомъ. О женѣ Александра и о его дѣтяхъ—ровно ничего не знаемъ. Наташа намъ ни полслова; передъ отъѣздомъ Александръ сообщилъ, что у маленькой Маши показались зубки...

...«Шесть недѣль сряду не было ни капли дождя, но вчера пронеслась гроза съ ливнемъ. Цвѣты въ изобиліи, растительность роскошная, огороды, оранжереи, дорожки въ исправности. По совѣту Спасскаго пью сыворотку, а папà, для укрѣпленія нервовъ, купается всякій день, пьетъ цѣлебныя травы и ѣздитъ верхомъ на своей бѣлой лошадкѣ. Появилось особенно много дынь, которыя ты такъ любишь. Какъ я была бы счастлива ѣсть ихъ съ тобой, какъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы

ты увидѣла нашъ садикъ! Онъ сдѣлался прелестнымъ, а поля и луга такъ и манятъ на прогулку. Всякій уголокъ мнѣ тебя напоминаетъ, и часто, часто не могу удержаться отъ слезъ... Собираю твои любимые цвѣточки, сижу по часамъ въ твоей любимой бесѣдочкѣ, гдѣ читаю-перечитываю твои письма, а разговоры о тебѣ съ твоими друзьями—сосѣдками нашими—и добрыми родственниками Ганнибалами—мое утѣшеніе. Боже! какъ грустно въ наши лѣта не быть окруженными нашими дѣтьми!! Неужели, какъ выражается Александръ, «жизнь насъ всѣхъ разброситъ, смерть опять сберетъ?» Боже, какъ грустно, какъ мучительно грустно!!!..»

Сергѣй Львовичъ описываетъ дочери деревню въ тѣхъ же почти выраженіяхъ, и излагаетъ ей подобныя же сѣтованія на отсутствіе ея, Александра и Льва Сергѣевичей; но потомъ, разсказывая о Михайловскихъ сосѣдяхъ-оригиналахъ, съ которыми познакомился, мало-по-малу впадаетъ въ юмористическій тонъ и въ концѣ письма, упоминая о малолѣтнемъ сынѣ варшавской пріятельницы Ольги Сергѣевны, г-жи Гильфердингъ, впослѣдствіи незабвенномъ нашемъ ученомъ славянофилѣ, Александрѣ Ѳедоровичѣ, — шутитъ слѣдующимъ образомъ:

«Все, что̀ говоришь намъ о маленькомъ Сашѣ Гильфердингѣ, наводитъ меня на мысль, что, Богъ меня прости, онъ «антихристъ» (d'après tout ce que tu me dis du petit Hilferding, je crois, Dieu me pardonne, que c'est l'antechrist), а по крайней мѣрѣ будущій Ньютонъ, Галилей, или Мецофанти. Да это маленькій геній, если по своему умственному развитію страсти къ изученію языковъ и естественнымъ наукамъ, приводитъ всѣхъ въ изумленіе, превышая пятнадцатилѣтнихъ юношей! Этотъ удивительный ребенокъ можетъ стать вровень развѣ съ маленькой дѣвочкой изъ Гамбурга, о которой говорили въ газетахъ. Ей два года, а знаетъ астрономію и разрѣшила нѣсколько математическихъ задачъ... Вѣрь этому журнальному анекдоту, если хочешь... Отъ души желаю тебѣ имѣть сына подобнаго маленькому Гильфердингу, лишь бы былъ повеселѣе; но мнѣ кажется, что у тебя будетъ не маль-

чикъ, а дѣвочка. Дай Боже, чтобы я имѣлъ счастіе обнять васъ обоихъ. Эта мысль привязываетъ меня къ жизни...

«Очень радъ, что продолжаешь изучать Лафатера и Галля. Я имъ вѣрю и желаю, чтобы ты примѣняла сообщаемыя ими свѣдѣнія къ дѣлу, распознавая въ точности душевныя свойства людей по наружности, на что̀, впрочемъ, и безъ Лафатера у тебя врожденный талантъ».

Дѣйствительно Ольга Сергѣевна, какъ я уже и упоминалъ въ первой главѣ моей хроники, особенно изучала физіогномистику и френологію и написала на французскомъ языкѣ весьма обширное разсужденіе о законахъ симпатіи и антипатіи, которое, къ сожалѣнію, впослѣдствіи уничтожила.

Возвращаюсь къ прерванному письму Сергѣя Львовича:

«Очень тоже радъ», — продолжаетъ онъ, — «что тебѣ удалось купить сочиненія Сведенборга и Эккартсгаузена. Въ горькія минуты шведскій философъ и нѣмецкій мистикъ утѣшить могутъ всякаго и укрѣпить въ христіанскомъ благочестіи. Какъ нельзя болѣе желательно мнѣ обладать познаніями Сведенборга, и подобно ему, летать во снѣ повсюду, куда бы ни захотѣлъ; въ такомъ случаѣ мой первый полетъ былъ бы къ тебѣ. Напиши, рисуешь ли отъ времени до времени?

«Чѣмъ кончу письмо, какъ не жалобой на Александра и Леона? Оба они намъ совсѣмъ не пишутъ, не отвѣчая даже, а намъ очень любопытно знать, чѣмъ кончились хлопоты Александра по печатанію его Пугачевщины *), когда онъ поѣдетъ въ Болдино по моимъ дѣламъ, и, вообще, поѣдетъ ли онъ? Любопытно знать, ѣдетъ ли въ Тифлисъ храбрый нашъ капитанъ или нѣтъ? Неужели у нихъ обоихъ исчезло обо мнѣ всякое воспоминаніе и сознаніе, что ихъ никто не любитъ такъ, какъ я? Часто думаю, что твои братья адресовали намъ письма неправильно, а на этотъ разъ меня успокоиваетъ и неисправность псковской почты».

Письма отъ сыновей старики получили уже къ концу іюля, и бабка поэтому случаю пишетъ отъ 1-го августа:

---

*) Слово написано по-русски.

«Наконецъ, твои братья намъ написали; давно пора, и скажу тебѣ новость: Леонъ не имѣлъ терпѣнья дожидаться своего назначенія въ Тифлисъ, подалъ въ отставку, получилъ ее и уѣзжаетъ въ Грузію, безъ назначенія туда на службу, увѣряя будто бы ему гораздо будетъ легче опредѣлиться въ число кавказскихъ чиновниковъ, или въ кавказскую армію, когда самъ будетъ уже на мѣстѣ. Ѣдетъ черезъ Москву, куда проситъ насъ писать, не сообщая однако адреса. Александръ тоскуетъ, грустить и бранитъ, по своему обыкновенію, половину вселенной. (Alexandre s'ennuie: il est triste, et selon son habitude jette feu et flamme contre la moitié de l'univers). Рвется онъ изъ Петербурга; говоритъ, что поѣздка въ Болдино ему необходима, но его приковываютъ къ столицѣ дѣла непріятнѣе одно другаго. Просился онъ тоже въ отставку, но принужденъ былъ взять ее назадъ, иначе навлекъ бы на себя кучу сплетней и много другихъ непріятностей. Будетъ просить отпускъ, когда кончитъ дѣла въ душномъ Петербургѣ, откуда всѣ его знакомые выѣхали на лѣто. Какъ предсказывала ему, такъ и случилось: у него, кромѣ Леона,—да и Леона слѣдъ простынетъ надняхъ, — остался одинъ mylord qu'importe Соболевскій, но и тотъ, по письму Александра, сталъ поговаривать о поѣздкѣ въ Англію. Наташа и дѣтки—Сашка и Машка—въ «вождел҃ѣнномъ», какъ онъ пишетъ славянскими буквами, «здравіи», и слава Богу. Александръ подтверждаетъ желаніе Леона непремѣнно поступить вновь въ кавказскую армію, но выражается при этомъ неопредѣленно, что̀ для меня хуже всякой неизвѣстности. Александръ за то сообщаетъ положительно о свадьбѣ твоей подруги Цебриковой: говоритъ, вышла за мужъ за бѣднаго учителя русскаго языка. Алимпіева; хотя партія въ денежномъ отношеніи и не блистательна, но Алимпіевъ, по уму и своей возвышенной любящей душѣ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ составить счастіе жены» *).

---

*) Алимпіевъ былъ извѣстнымъ преподавателемъ русской словесности во 2-й Петербургской гимназіи. Дядя не ошибся въ нравственной оцѣнкѣ этого добрѣйшаго человѣка. Л. П.

«Внезапный отъѣздъ Леона въ Тифлисъ меня очень огорчаетъ», — пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа. — «Самъ же онъ хотѣлъ служить при Блудовѣ; но не успѣлъ Блудовъ принять его на службу, какъ сынъ подаетъ въ отставку, нетерпѣнія ради (pour cause d'impatience). Не такими способами дѣлаютъ карьеру, и я увѣренъ, что министръ этимъ очень недоволенъ. Что же мнѣ дѣлать, какъ не сосредоточить эту печаль въ моемъ сердцѣ, и не повторить: да будетъ воля неба? (Que puis-je faire, si ce n'est de concentrer ce chagrin dans mon coeur, et de repéter: que la volonté du Ciel soit faite?) Но во всякомъ случаѣ, «мой младшій», если уже рѣшился отправиться въ край столь отдаленный, и на неопредѣленное время, то могъ бы, по малой мѣрѣ, заѣхать прежде къ намъ въ Михайловское. Какіе его виды—не знаю; какія надежды—не вѣдаю. Въ концѣ концовъ, покоряюсь Промыслу Божію, который Леона донынѣ хранилъ».

Изъ этихъ двухъ писемъ видно, что какъ Левъ такъ и Александръ Сергѣевичи не считали нужнымъ излагать подробно родителямъ свои планы. Александръ Сергѣевичъ, подобно брату, упоминаетъ въ письмахъ къ старикамъ лишь въ общихъ чертахъ о взятой имъ обратно тогда *) отставкѣ, вовсе не упоминая ни о постигшихъ его по этому случаю непріятностяхъ, ни объ извѣстной своей перепискѣ съ Бенкендорфомъ. Возбудилъ же дядя вопросъ объ отставкѣ, увидѣвъ настоятельную необходимость поправить свои обстоятельства, разстроенныя непомѣрными расходами, вслѣдствіе посѣщеній большаго петербургскаго свѣта. Благопріятный исходъ Пушкинъ усматривалъ единственно въ долговременномъ отсутствіи изъ Петербурга; между тѣмъ Наталья Николаевна, будучи еще совершенно неопытной, не раздѣляла его безпокойствъ, и, напротивъ того, не только не думала разстаться на слѣдующую зиму съ Петербургомъ, но рѣшила привезти туда и обѣихъ сестеръ, желая доставить и имъ возможность вращаться въ кругу большаго свѣта; присутствія же Александра Сергѣевича

*) 3-го іюля 1834 года.

въ Болдинѣ требовали и дѣла его родителей, пришедшія въ совершенный хаосъ, а Пушкинъ, который въ душѣ очень любилъ «стариковъ», рѣшился спасти ихъ во что̀ бы ни стало. Наконецъ, Александръ Сергѣевичъ боялся—о чемъ говорила мнѣ мать — и за упадокъ своего таланта; «отдаться вполнѣ труду и творчеству» Пушкинъ могъ только «въ тишинѣ и на свободѣ» (собственныя слова его), «а не въ столицѣ при совершенно безполезномъ для дѣла ежедневномъ пребываніи въ великосвѣтскихъ гостиныхъ». Кромѣ того, онъ хотѣлъ бѣжать и отъ петербургскихъ сплетень, а сплетни «людей добрыхъ» доходили и въ эту эпоху его жизни до колоссальныхъ размѣровъ. Такъ Сергѣй Львовичъ сообщаетъ дочери отъ 6 августа—между прочимъ:

... «По словамъ возвратившихся изъ Петербурга нашихъ сосѣдей, бѣдный Александръ служитъ мишенью всѣмъ любителямъ сплетень, и слухи, постоянно о немъ распускаемые, сжимаютъ мое сердце. Вообрази, что когда Nathalie выкинула, разсказали, будто бы это произошло вслѣдствіе нанесенныхъ имъ женѣ ударовъ. Наконецъ, сколько молодыхъ женщинъ уѣзжаютъ къ родителямъ на два или на три мѣсяца въ деревню, и никто противъ этого не говоритъ ничего, а за малѣйшимъ шагомъ Александра и Леона слѣдятъ. (Au dire de nos voisins, qui ont été dernièrement à Pétersbourg, le pauvre Alexandre est le point de mire de tous les amateurs de cancans, et les bruits, que l'ont fait continuellement courir sur le compte de mon fils, me font mal au coeur. Sais tu, que quand Nathalie a fait une fausse couche, on a dit que c'était à la suite des coups qu'il lui avait donné! Enfin, que de jeunes femmes vont voir leurs parents, passer deux ou trois mois à la campagne, sans qu'on y trouve à redire; mais quant à lui et à Léon—on ne leur passe rien)».

Побудительныя причины выхода въ отставку Пушкинъ высказываетъ въ письмахъ къ женѣ въ маѣ и іюнѣ того же года слѣдующимъ образомъ:

«Съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и сложить камеръ-юнкерскій мундиръ. Ты молода,

но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль... и мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы... Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ нижегородскаго имѣнія; я даже «Пугачева» намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ... Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много проживаемъ. Умри я сегодня, что̀ съ вами будетъ... Меня здѣсь удерживаетъ одно—типографія. Виноватъ, еще другое—залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? Какъ ты права въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько уже крови, что всѣ піявки мнѣ ея не высосутъ»...

Тягостными и затруднительными семейными дѣлами и неудобствомъ часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ, Пушкинъ мотивируетъ свое прошеніе объ отставкѣ Бенкендорфу, которому писалъ отъ 6-го іюля того же года, не давать этому прошенію дальнѣйшаго хода и замѣнить отставку отпускомъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Первое письмо по этому предмету Александръ Сергѣевичъ писалъ Бенкендорфу послѣ отказа въ его ходатайствѣ не лишиться и при отставкѣ права посѣщать государственные архивы,—отказа, редактированнаго въ довольно рѣзкой формѣ, а именно, что помянутое ходатайство удовлетворенію подлежать не можетъ, такъ какъ испрашиваемое Пушкинымъ право посѣщенія архивовъ «может принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства».

«Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ», — сообщаетъ дядя своей женѣ отъ 14 іюня.—«Надняхъ хандра меня взяла:

подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я струхнулъ и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не дали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо коли проживу я лѣтъ еще двадцать пять, а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка... Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма»...

Александръ Сергѣевичъ остался на службѣ. Приступилъ онъ къ печатанію «Пугачевщины» (какъ выразился Сергѣй Львовичъ), хлопоталъ по отцовскимъ дѣламъ, лѣтомъ не посѣщалъ никого, а ходилъ только обѣдать къ Дюмэ съ Соболевскимъ и Львомъ Сергѣевичемъ, который, предъ отъѣздомъ въ Грузію, старался провести время какъ можно веселѣе.

Тогда-то,—въ іюлѣ или въ началѣ августа,—и происходили у Дюмэ (какъ упоминается въ изданной въ 1863 г. брошюрѣ «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина со словъ К. К. Данзаса») первыя встрѣчи поэта съ его убійцей. Въ брошюрѣ сказано, что «Данзасъ познакомился съ Дантесомъ въ 1834 году, обѣдая съ Пушкинымъ у Дюмэ, гдѣ за общимъ столомъ обѣдалъ и Дантесъ, сидя рядомъ съ Пушкинымъ». Разумѣется ни Данзасъ, ни Соболевскій, ни «храбрый капитанъ» не могли придавать этому знакомству особеннаго значенія. Будущіе враги обѣдали вмѣстѣ и, сидя рядомъ, не могли не обмѣняться парою словъ или обыденнымъ разговоромъ.

Получивъ отпускъ, дядя отправился изъ Петербурга въ половинѣ августа за женой въ Калугу, откуда намѣревался уѣхать въ Болдино, потомъ посѣтить родителей въ Михайловскомъ, сестру въ Варшавѣ, отвезти ее къ старикамъ и возвратиться въ Петербургъ уже позднею осенью. Но послѣднимъ его предположеніямъ не суждено было осуществиться.

«Леонъ былъ въ Москвѣ», — сообщаетъ Надежда Осиповна моей матери изъ Михайловскаго отъ 27 сентября,—«и написалъ превеселое посланіе, наканунѣ своего отъѣзда. Въ Москвѣ

онъ прожилъ двадцать дней въ вихрѣ тамошняго большаго свѣта (dans le tourbillon du grand monde), не зная ни минуты отдыха. Танцовалъ «храбрый нашъ капитанъ» на всѣхъ балахъ и гулялъ на всѣхъ праздникахъ, данныхъ по случаю пріѣзда принца Прусскаго; пишетъ, что очень удивился, когда на одномъ изъ вечеровъ встрѣтилъ Александра, который очутился тамъ, такъ сказать, проѣздомъ, пробывъ въ Москвѣ лишь нѣсколько часовъ (Léon fut très étonné de rencontrer Alexandre à une de ces soirées, qui n'était qu'en passant; il est resté quelques heures seulement à Moscou), и ѣхалъ къ Натащѣ въ Калугу. Леонъ въ восторгѣ отправиться въ свой возлюбленный Тифлисъ. Говоритъ, что останется на нѣсколько времени въ Харьковѣ, а его попутчикомъ до Харькова оказался Александръ Раевскій. Сынъ увѣряетъ, будто бы часто будетъ намъ писать, но, кажется, съ его стороны это не болѣе какъ сверхъестественныя сказки. (Mais je crois, que ce sont des contes à dormir debout). Что же касается Александра, — я полагаю, онъ уѣдетъ въ Болдино не раньше ноября. Его предположенія мѣняются, впрочемъ, какъ вѣтеръ (ses projets changent comme le vent)».

Сергѣй Львовичъ отъ того же числа сообщаетъ: «Надо быть очень ловкимъ, чтобы сообщить тебѣ адресъ Александра— прости за плохой каламбуръ (Il faut être très adroit pour te donner l'adresse d'Alexandre—passe moi ce mauvais calembourg). Не знаю, гдѣ онъ. Въ полученныхъ отъ него нѣсколькихъ строкахъ въ половинѣ августа сынъ сообщалъ, что торопится и ѣдетъ въ деревню (qu'il était pressé, et partait pour la campagne). Я отвѣчалъ и послалъ письмо въ Москву, на Никитскую, въ домъ Гончарова. Теперь право не вѣдаю, куда писать. Леонъ встрѣтилъ его въ чужомъ домѣ (dans une maison tierce), и заявляетъ, что Александръ поѣхалъ свидѣться съ женою (et nous mande qu'il allait joindre sa femme). Какъ это все досадно! Между тѣмъ, неужели Александръ не можетъ понять, что нѣтъ ничего для насъ мучительнѣе, какъ оставаться въ неизвѣстности на счетъ нашихъ дѣтей? А съ Леономъ можетъ быть никогда и не увижусь! Будь Леонъ въ

Варшавѣ, я бы могъ разсчитывать, что будетъ посѣщать насъ, одинокихъ стариковъ, а отъ него вполнѣ зависѣло состоять при Паскевичѣ, въ качествѣ адъютанта, какъ фельдмаршалъ ему предлагалъ; сдѣлать бы могъ блистательную карьеру! Теперь же что его ожидаетъ? Знаю одно: затѣянное путешествіе стоитъ ему довольно большихъ издержекъ».

«Отсутствіе и Леона, и Александра»,—продолжаетъ дѣдъ,—«порождаетъ во мнѣ самыя черныя мысли, не говоря уже о моемъ безпокойствѣ о тебѣ. Никакое веселое общество разогнать эти мысли не въ состояніи, слѣдовательно и 17 сентября, день именинъ мамá, провелъ грустно, несмотря на нашествіе двунадесяти языкъ, *) т. е. безчисленныхъ сосѣдей, подъ предводительствомъ однофамильца кароагенскаго полководца—Веніамина Ганнибала—да кривоногаго Ш. (ce crochu de Ш.) который нагрянулъ не только со всѣми своими наличными родственниками и друзьями, но и привезъ двухъ господъ, совершенно незнакомыхъ, и даже самъ затруднялся назвать мнѣ фамилію одного изъ нихъ. Къ счастію, «кривоногаго» осѣнила идея, не лишенная нѣкоторой геніальности: ночевать съ многочисленной дружиной не у насъ, а отправиться съ нею къ сосѣднему помѣщику. Были и Платонъ Назимовъ съ двумя сестрами, и Рокотовы, и Кирьяковы и прочая, и прочая».

Привожу затѣмъ дальнѣйшія извлеченія изъ писемъ дѣда и бабки къ Ольгѣ Сергѣевнѣ изъ Михайловскаго, насколько они касаются обоихъ моихъ дядей.

«Не могу милая Ольга ничего сообщить, гдѣ теперь «храбрый капитанъ»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 1 октября.—«Писалъ ему, по его же просьбѣ, въ Харьковъ, адресуя ему теплыя мои чувства «до востребованія».—Не получая затѣмъ никакого отвѣта, писалъ ему наудачу въ Тифлисъ, но тамъ ли онъ—Богъ его знаетъ, а вижу его во снѣ всякую ночь; сегодня онъ мнѣ пригрезился убитымъ въ сраженіи; этотъ ужасный сонъ былъ такъ живъ, что, проснувшись, я долго не

---

*) слово написано по-русски Л. П.

могъ прійти въ себя. Неужели и во снѣ не знаю покоя? Сонъ—этотъ даръ природы неоцѣненный—вмѣсто того, чтобы подкрѣплять меня, старика, увеличиваетъ мои скорби ужасными картинами!! Александръ долженъ теперь быть вѣроятно въ Петербургѣ. Изъ Калуги проѣхалъ онъ въ Болдино, но долго ли тамъ пробылъ, одинъ ли, съ семействомъ ли, что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно. Еслибы онъ очутился у тебя, согласно его планамъ въ Варшавѣ, ты бы мнѣ объ этомъ написала. Невѣстка намъ тоже не сообщаетъ ничего. Исторія сына о Пугачевскомъ бунтѣ опубликована въ газетѣ, и прочитавшіе изъ нея нѣсколько отрывковъ отзываются объ этомъ сочиненіи съ большой похвалой (son histoire de la révolte de Пугачевъ est annoncée dans la gazette. Ceux qui en ont lu quelques fragments en font un grand éloge). Но это меня нимало не утѣшаетъ. Что мнѣ «Пугачевщина», когда не знаю, что случилось съ авторомъ? При разлукѣ сынъ говорилъ, что къ концу осени присутствіе его въ столицѣ необходимо для успѣшной продажи его труда, за чѣмъ и надо будетъ ему слѣдить. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ онъ выѣхалъ изъ Москвы совершенно здоровымъ, но съ того времени мало ли что могло случиться? Дѣти, дѣти мои! Какъ мнѣ васъ не достаетъ! Леонъ, того гляди, опять будетъ рисковать жизнію; можетъ статься, какой-нибудь подлый трусъ, выстрѣливъ въ моего сына изъ-за угла и самъ испугавшись огня своего ружья проклятаго, пресѣчетъ нить жизни Леона! Боже сохрани! (Peut être, sans savoir ni d'où ni comment, une balle égarée, tirée en tapinois par un misérable poltron, qui s'enfuira lui-même, épouvanté du feu de son maudit fusil, tranchera la vie de Léon, qui mérite d'en jouir de longues années. Que le bon Dieu le conserve!). А Леонъ какъ будто бы самъ на это напрашивается, безпокойный человѣкъ! Мало, что ли онъ встрѣчалъ позорище смерти въ Персіи, Турціи, Польшѣ? Не понимаю, чѣмъ скоротечная жизнь ему опротивѣла? и собой не дуренъ, и не глупъ, а обладаетъ такимъ, кромѣ того, золотымъ сердцемъ, что надо быть дьяволомъ, чтобы не полюбить его всякому и всякой (il possède un coeur d'or, et il faudrait être le diable

en personne pour ne pas l'aimer. Il est fait pour être aimé, par chacun et par chacune). Мужество же свое и рыцарскую доблесть на полѣ чести доказалъ какъ дважды два четыре (quant à sa vaillance et à sa bravoure chevaleresque au champ d'honneur—il les a prouvées comme deux et deux font quatre). Могъ бы устроить себя какъ нельзя лучше, а тамъ и найти откликъ своему рыцарскому сердцу, найти подобное же сердце, способное оцѣнить его, хотя и говоритъ сущій вздоръ, что ни одна женщина его не полюбитъ. Что касается тебя, милая Ольга,—благодарю Бога за твое здоровье, и можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю торжественныхъ твоихъ словъ: «я мать».

«Если Богъ дастъ тебѣ сына — назови Леономъ. Хочу, чтобъ онъ пошелъ въ моего Леона по своей душѣ. Если же будетъ дочь,—назови Надеждой, именемъ той, которая дала тебѣ жизнь, а мнѣ счастія настолько, насколько оно осуществимо на землѣ... Препоручаю тебя Божію промыслу, уповая, что на мою долю выпадетъ счастіе въ слѣдующемъ году, если не въ этомъ,—прижать къ моему сердцу и тебя, и твоего ребенка—Леона или Надежду и эта мужественная надежда, къ несчастію я изъ каламбуровъ не выхожу (encore un calembourg: malheureusement je ne sors jamais de là) меня подкрѣпляетъ и даетъ силу переносить разлуку съ тобою! Быть можетъ, какъ выразился твой посланный Абасъ-ага, «мракъ грустной ночи уступитъ свѣту радостнаго утра»...

«Александръ, наконецъ, слава Богу откликнулся,—пишетъ Надежда Осиповна отъ 22 октября,—а вѣрнѣе сказать, откликнулся не онъ, но добрые люди, извѣстившіе насъ, что онъ въ Петербургѣ. Стыдно, очень стыдно, не писать намъ! Четыре мѣсяца мы въ Михайловскомъ, а отъ него получили только четыре строчки, значитъ по строчкѣ въ мѣсяцъ! И теперь не знаемъ ничего, что̀ онъ испыталъ съ того времени, какъ Леонъ, пропадающій нынѣ тоже безъ вѣсти, столкнулся съ нимъ на полчаса въ Москвѣ, какъ Агасферъ съ Иродіадой. Богъ знаетъ, что онъ дѣлалъ въ Болдинѣ, а что̀ не былъ въ Варшавѣ — это вѣрно, иначе ты бы первая намъ написала.

Наташа тоже не видитъ никакой надобности (Наташа non plus ne juge pas à propos) съ нами переписываться съ апрѣля. Леонъ по всей вѣроятности въ Тифлисѣ... По слухамъ въ Петербургѣ предполагаются большія празднества, балы, спектакли, куда Александръ и будетъ ѣздить противъ своей воли (à son corps défendant). Говорятъ, будто бы Александръ поправился и будто бы могу быть на его счетъ совершенно спокойной. Не знаю останавливался ли онъ на возвратномъ пути въ Москвѣ или нѣтъ; тетка его (Сонцова) Александра не видала, а еслибы проѣзжалъ черезъ Москву, то непремѣнно посѣтилъ бы ее; между тѣмъ, невѣстка (ma belle-soeur Сонцовъ) ничего не говоритъ, попался ли ей на глаза Александръ, а разсказываетъ все, что у нихъ въ Москвѣ дѣлается и, между прочимъ (entre autre), слѣдующее приключеніе, которое передастъ тебѣ папа. Уступаю ему перо».

«Приключеніе вотъ какое—продолжаетъ Сергѣй Львовичъ.— Вдова Л—ва (La veuve Л—въ Alexandrine) подверглась на большой Рязанской дорогѣ нападенію двѣнадцати вооруженныхъ людей (armés de pied en cap.). Предводитель дружины князь В—скій заставлялъ Л—ву подъ дуломъ пистолета слѣдовать за собою въ церковь, гдѣ и обвѣнчаться. Влюбленъ въ нее уже очень давно и, начитавшись романовъ, рѣшился на подобный подвигъ послѣ того, какъ она ему отказала. Какъ бы ни было, госпожа Л—ва была освобождена, въ силу своего плача и отчаянныхъ криковъ. Увѣряютъ, что она писала объ этомъ его величеству.

«Молю Бога о твоемъ благополучномъ разрѣшеніи; очень буду любить моего внука, такъ какъ говоришь, что будешь имѣть сына; и я вѣрю чувству твоего втораго зрѣнія *).

(Je prie Dieu pour ton heureuse délivrance. J'aimerai beaucoup mon petit-fils, car tu dis que cela sera un fils, et j'en crois à ta seconde vue).

«Что тебѣ сказать еще? Читаю воспоминанія о Байронѣ

---

*) Дѣдъ не ошибся: первенцомъ Ольги Сергѣевны оказался составитель этой «Семейной Хроники». Л. П.

Moора, и надо сознаться, что этотъ великій геній не лишенъ мелочности характера: иногда велъ себя завзятымъ пьяницей, и я, чтобы съ нимъ помириться, перечиталъ его. Люблю его какъ поэта, но какъ человѣка — нѣтъ. Впрочемъ я не такъ образованъ, чтобы оцѣнить строго его по достоинству... Прочелъ я, кромѣ того, воспоминанія капитана англійскаго корабля Галля. Они интересны, несмотря на остроту Александра, который мнѣ ихъ подарилъ передъ отъѣздомъ. Онъ предупредилъ меня, что сцены, описываемыя авторомъ на водѣ, исполнены большой сухости, что и справедливо.

«Леонъ былъ въ Харьковѣ»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 26 октября,—«разсчитывалъ провести тамъ дней пятнадцать, а потомъ объѣздить весь Крымъ вдоль и поперегъ, но говоритъ, что это намѣреніе отмѣняетъ... Не подозрѣваетъ, въ какой степени меня огорчаютъ всѣ его напрасныя путешествія. Александръ, опять запою ту же пѣсню, «ни слова, ни слова» (pas un mot, pas un mot). Завишу же я отъ него до извѣстной степени, а онъ оставляетъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ совершенной неизвѣстности на счетъ моей судьбы».

. . . .

Во второй главѣ «Хроники» мною уже приведено письмо моей бабки къ Николаю Ивановичу отъ 7-го ноября, по случаю моего появленія на свѣтъ Божій,—письмо, которымъ она и открыла съ моимъ отцомъ дипломатическія сношенія. Привожу теперь письмо моего дѣда отъ того же числа:

«Дорогой Николай Ивановичъ! Вчера, къ большому нашему удовольствію, мы получили ваше письмо, извѣщающее насъ о благополучномъ разрѣшеніи Олиньки отъ бремени. Да ниспошлетъ небо на вашего новорожденнаго всѣ свои благословенія! Смотрю на него — маленькаго Леона — дайте ему это имя—какъ на ангела мира, и надѣюсь, что онъ будетъ утѣшеніемъ вашей старости. Буду, само собою разумѣется, его крестнымъ отцомъ. Если же самъ не пріѣду къ вамъ, выберите друга—моего представителя *).

*) Представителемъ дѣда при крестинахъ былъ другъ моихъ родителей, тогда адъютантъ Паскевича Владиміръ Ивановичъ Аничковъ.

...«Вчера мы получили, слава Богу, письмо отъ Александра: онъ пріѣхалъ изъ Болдина и занимаетъ квартиру, гдѣ жили Вяземскіе у Гагаринской пристани, на набережной, въ домѣ Баташева. Сей же часъ ему отвѣтилъ и сообщилъ великую радость о рожденіи твоего маленькаго. Пишу и Леону на удачу въ Тифлисъ. Оба они, любя тебя, его полюбятъ, въ особенности Александръ, такъ какъ самъ отецъ; но надѣюсь— опять шучу въ припадкѣ радости—что и «храбрый капитанъ» не замедлитъ превратиться, рано или поздно, въ таковаго».

«Радости моей описывать нѣтъ нужды»,—прибавляетъ по-русски къ письму дѣда гостившій тогда въ Михайловскомъ у стариковъ Пушкиныхъ двоюродный братъ бабки—Веніаминъ Петровичъ Ганнибалъ *). — «Расцѣлуй отъ сердца и души, по-африкански, по-Ганнибальски, отпрыскъ новый Ганнибаловъ, твоего Льва, а теперь львенка. И я прошу: дай ему это великолѣпное имя, чтобы онъ здоровьемъ былъ крѣпокъ, какъ великолѣпный, доблестный твой братъ Левъ Сергѣевичъ, или какъ настоящій левъ-царь звѣрей, что̀ и того лучше. Никогда мы до этого радостнаго дня не переписывались, но будь увѣрена—даю слово Ганнибала,—что родственныя мои чувства всегда останутся такими же, какъ и были. Посылаю завтра крестикъ для твоего ребенка **). Напиши и мнѣ а писать твоему дядѣ ей-Богу слѣдуетъ. Стыдно, стыдно не писать, честное, Ганнибальское слово... пожалуйста, напиши, да поскорѣе: похожъ ли онъ на Ганнибаловъ, то-есть черномазый ли Львенокъ-арапченокъ, или бѣлобрысый? А главное, пріищи ему кормилицу здоровую, пригожую, и объ этомъ напиши любящему тебя и на этомъ, и на томъ свѣтѣ дядѣ Веніамину».

Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна пригласили сосѣдей отпраздновать «событіе». Вся «Ганнибальщина», съ Семеномъ Исааковичемъ и Веніаминомъ Петровичемъ во главѣ, хозяева Тригорскаго и прочіе обитатели «весей окрестныхъ»

*) Сынъ Петра Ибрагимовича. Л. П.

**) Крестикъ хранится на мнѣ. Л. П.

не заставили себя ждать. Семейное торжество въ ихъ присутствіи началось молебномъ, затѣмъ послѣдовалъ обѣдъ и танцы запросто, подъ звуки доморощеннаго оркестра дворовыхъ Веніамина Петровича, фейерверкъ, ужинъ и опять танцы до разсвѣта. На другой день вся компанія, обрадовавшись случаю повеселиться, ускакала къ Семену Исааковичу Ганнибалу; и онъ задалъ пиръ.

Описаніе этихъ двухъ праздниковъ изложено въ письмѣ Сергѣя Львовича отъ 12-го ноября съ довольно забавной характеристикой дѣйствовавшихъ на обѣдахъ и танцахъ особъ. Приводить это описаніе, котораго я былъ безсознательной причиной, не нахожу надобности. Привожу другія мѣста изъ переписки дѣда и бабки.

«Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ тебѣ уже извѣстно изъ нашего письма»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ отъ 14 ноября.—«Сегодня мы получили отъ него, сверхъ ожиданія, второе письмо. Раздѣляетъ нашу радость, поручаетъ тебѣ благословить ребенка. По письму очень веселъ и подшучиваетъ, сообщая будто бы видалъ во снѣ, что маленькій Леонъ черенъ какъ Абрамъ Петровичъ. Жена Александра опять брюхата. Ея сестры живутъ съ нею и нанимаютъ прекрасную квартиру съ Александромъ пополамъ. Сынъ увѣряетъ, что хотя это ему и удобно въ отношеніи расходовъ, но немного его стѣсняетъ, такъ какъ не любитъ измѣнять своихъ привычекъ. (Nathalie est grosse derechef; ses soeurs sont avec elle, et louent une très belle maison de moitié avec Alexandre. Il dit que cela l'accommode quand aux dépenses, mais le gêne un peu, car il n'aime pas à déranger ses habitudes de maître da la maison). Онъ очень ихъ хвалитъ. Все это хорошо, и я совершенно увѣренъ, что мой сынъ въ лицѣ свояченицъ, добрыхъ и милыхъ, пріобрѣтетъ друзей, но какъ бы онѣ добры и милы ни были, все же между нимъ и женой оказывается и третье, и четвертое лицо, тогда какъ, по моему мнѣнію, присутствіе между супругами родителей, братьевъ и сестеръ неудобно: супруги будутъ стѣсняться въ разговорахъ, слѣдовательно въ душѣ каждаго изъ нихъ появятся секреты, а секретовъ между

ними быть не должно. Въ случаѣ же недоразумѣній, вопросы будутъ разрѣшаться не съ глазу на глазъ, а при третьемъ, четвертомъ, можетъ статься и пятомъ лицѣ, и разрѣшаться въ пользу того изъ супруговъ, кто къ нимъ по родству ближе. А ну какъ появятся у этихъ третьихъ лицъ женихи или невѣсты? Тогда обстоятельства еще болѣе усложнятся. Короче, въ переселеніи свояченицъ къ Александру не вижу достаточныхъ поводовъ (bref, je n'y vois pas de raisons suffisantes). Онъ какъ нельзя больше занятъ (il est on ne peut plus occuppé), а потому не адресуй на его имя твое слѣдующее къ намъ письмо въ Петербургъ: забѣльшитъ между бумагами, а тамъ позабудетъ и не отдастъ, а пиши такъ: Сергѣю Львовичу Пушкину: въ Петербургъ. Оставить на почтѣ до востребованія.

«...Quand on parle du soleil—on en voit les rayons (когда говоришь о солнцѣ, видишь лучи»), — прибавляетъ Сергѣй Львовичъ—«Сейчасъ мнѣ сказали, что на почтѣ насъ ожидаетъ еще письмо Александра. Горю нетерпѣніемъ узнать, чтò съ нимъ случилось, а вѣроятно, случилось что-нибудь, иначе онъ бы, по своему обыкновенію, молчалъ. Выѣзжаемъ, во всякомъ случаѣ, не позже двадцатаго».

«Удивишься не мало»,—сообщаетъ бабка отъ 8 декабря,— «когда получишь это письмо не изъ Петербурга, куда предполагали выѣхать, а изъ Михайловскаго; Александръ не успѣлъ еще пріискать для насъ квартиры, но увѣряетъ, что только объ этомъ и думаетъ. Будемъ ждать, что напишетъ; останавливаться же въ гостиницѣ нѣтъ разсчета. Леонъ ему пишетъ изъ Харькова — отъ 2-го ноября, что его въ Харьковѣ удержали какія-то важныя дѣла, а такъ какъ теперь будто бы путешествовать по горамъ невозможно, то выжидаетъ зимы уѣхать въ Тифлисъ и забыть тамъ тяжелыя впечатлѣнія, полученныя имъ въ Петербургѣ, куда, еслибы тамъ де мы не жили, не поставилъ бы и ноги (чтò не мѣшало ему, однако, веселиться въ Петербургѣ съ утра до вечера).

«А въ Грузіи, что онъ будетъ дѣлать, не имѣя мѣста? Я просила Александра написать въ пользу Леона Кавказскому

начальству и облегчить своему брату дорогу въ ряды Кавказской арміи».

Дѣдъ и бабка возвратились въ Петербургъ 15-го декабря.

«Пріѣхали сюда благополучно»,—сообщаетъ бабка отъ 17-го декабря,—«третьяго дня, въ субботу, и остановились на нѣсколько дней въ гостинницѣ «Демута»; квартира, нанятая для насъ Александромъ, еще не устроена. Въ дорогѣ у папа спазмы возобновились до такой степени, что мы принуждены были пробыть въ Псковѣ болѣе сутокъ. Я тоже схватила лихорадку. Папа, тотчасъ послѣ пріѣзда, послалъ за Александромъ; сына не оказалось дома, и увидѣли его только вчера. Не описываю нашего свиданія... обоюдная радость помѣшала намъ говорить толкомъ. Папа бросился Александру на шею, разрыдался, и ничего кромѣ: la volonté du Ciel soit faite—не выдумалъ сказать. Александръ, повидимому (à ce qu'il parait), тоже былъ взволнованъ, но первое слово его было о тебѣ и о твоемъ ребенкѣ. Ѣхать къ тебѣ въ Варшаву не могъ, такъ какъ въ Болдинѣ пробылъ больше, чѣмъ располагалъ. Разумѣется, онъ себя оправдывалъ (il a protesté de son innocence) въ рѣдкихъ къ намъ письмахъ. Говоритъ надѣется поправить дѣла разсчитывая на продажу Пугачеву (Il dit, qu'il espère de mettre ses affaires en ordre, dés qu'il vendra son Пугачевъ); увѣрялъ также, что его послѣдній романъ въ прозѣ, во вкусѣ фантазера Гофмана, произвелъ большой эффектъ (et comme si son dernier roman en prose—qu'il a composé à l'instar de cet illuminé de Hoffmann—a fait un effet admirable *)

«Наташа сильно простудилась и ее лѣчитъ Спасскій.

«Сейчасъ возвратились отъ Александра»,—сообщаетъ дѣдъ отъ 22-го декабря.—«Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что надняхъ вышлетъ тебѣ свой портретъ, а маленькому Леону затрудняется что послать и спрашиваетъ, кто меня замѣнилъ въ качествѣ крестнаго отца? Желаетъ, чтобы его крестной матерью была твоя милая подруга Варвара Петровна Лахтина,

*) Вѣроятно, повѣсть дяди «Пиковая дама». Л. П.

которая такъ тебя любитъ *). Говоритъ, что попроситъ Наташу сшить твоему маленькому одѣяльце и чепчикъ, которые и перешлетъ **)

«Видѣлъ обѣихъ сестеръ Наташи; изъ нихъ одна пожалована 6-го числа фрейлиной. Обѣ любезны и предупредительны, но далеко уступаютъ Наташѣ въ красотѣ. Маленькая Маша очень довольна была меня видѣть и бросилась мнѣ на шею къ большому удивленію присутствовавшихъ; но съ мама она крайне не любезна. Маша такъ привыкла видѣть щеголихъ, что раскричалась при видѣ мамá, а когда Александръ ее спросилъ, зачѣмъ она не хотѣла поцѣловать бабушку,—дѣвочка отвѣчала: «У бабушки дурной чепчикъ и дурное платье».

«Сочиненіе Александра о Пугачевскомъ бунтѣ появилось. Замѣчательно по стилистикѣ и очень интересно. Однако, до сихъ поръ журналы вовсе его не разбираютъ и даже о немъ и не упоминаютъ».

«Вообрази наше удивленіе и радость»,—пишетъ на другой день послѣ этого письма Надежда Осиповна.—«Леонъ, конечно, не твой маленькій, а Леонъ большой, вчера пріѣхалъ, сверхъ всякаго чаянія, но не изъ Тифлиса, а изъ Харькова. До Тифлиса онъ и не доѣхалъ, и сказалъ, что выждетъ весны. Разумѣется, я очень ему обрадовалась, но жалѣю, что деньги плачутъ; стоило тратиться на дорогу! Все равно, что вышвырнуть деньги изъ окошка ***), а тутъ опять пойдутъ расходы на посѣщенія баловъ и маскарадовъ. Долги Леона насъ изсушили (nous ont mis tout à fait à sec), и если Александръ вамъ до сихъ поръ еще ничего не прислалъ,—а выслать непремѣнно хотѣлъ послѣ рожденія у тебя сына—то это случилось не по винѣ его, да и не по нашей: заложивъ наше послѣднее имѣніе, Александръ заплатилъ часть

*) Покойная Варвара Петровна Лахтина, рожденная Домогацкая, сблизившаяся съ Ольгой Сергѣевной съ 1832 года въ Варшавѣ. На ея внучкѣ женатъ второй сынъ поэта—Григорій Александровичъ Пушкинъ. Л. П.

**) Предметы эти были дѣйствительно отосланы дядей. Л. П.

***) Эти фразы по-русски. Л. П.

долговъ брата, а они дошли до восемнадцати тысячъ (Alexandre a payé ce que son frère devait, et cela montait à 18 milles). Такимъ образомъ Александръ могъ отпустить Леону на дорогу въ Тифлисъ очень мало, и ожидаетъ денегъ изъ Болдина; вѣроятно сдѣлаетъ для васъ, что можетъ, принимая ваше положеніе близко къ сердцу».

«Не скрою отъ тебя»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ,—«что меня очень огорчаетъ непослѣдовательность Леона; онъ взошелъ въ долги, которые никогда не былъ бы въ состояніи уплатить немедленно, и по милости которыхъ я принужденъ былъ заложить послѣднихъ крестьянъ (grâce auxquelles j'ai été obligé d'engager les derniers paysans, que j'avais de libres). Продолжалъ онъ и послѣ того безполезные расходы. Подобныя дѣйствія поставили Александра въ невозможность давать намъ необходимое (Cela a mis Alexandre dans la position de ne pas pouvoir nous donner le strict necessaire). Но довольно; что̀ сдѣлано—то сдѣлано; скажу только, что меня всего больше огорчаетъ разочарованіе: я былъ увѣренъ, что Александръ тебѣ прислалъ кое-что, вовсе не зная о значительномъ долгѣ Леона».

Переписка стариковъ съ дочерью за 1834 годъ заключается письмами отъ 26, 28 и 30 декабря. Привожу изъ нихъ выдержки:

«...Не знаю почему, добрѣйшій мой Николай Ивановичъ»,—пишетъ бабка моему отцу (послѣ моего появленія на свѣтъ она перестала его игнорировать),—«и Олинька, вы себѣ вообразили, будто бы требую во что̀ бы то ни стало вашего пріѣзда. Правда, я говорила, что разлука мнѣ тяжела, и что завидую участи матерей, которыя съ дочерьми неразлучны. Но было бы съ моей стороны безуміемъ требовать свиданія, зная ваши обстоятельства... Александръ очень проситъ сообщать ему почаще о маленькомъ Леонѣ и желаетъ, чтобы онъ былъ похожъ на «храбраго капитана», за исключеніемъ его долговъ (ses dettes exceptées); безпокоится, получила ли ты одѣяльце и чепчикъ; очень благодаритъ тебя за посылку ему пряди бѣлокурыхъ волосиковъ ребенка и сказалъ: «вотъ блистательное

опровержение моего сна, а я видѣлъ Леона во снѣ чернымъ, подобно его прапрадѣду». (Voilà un éloquent démenti, donné à mon rêve! et moi je l'ai vu tout aussi noir que son bisaïeul!) «Отсюда вижу безпокойство сестры о глазахъ Леончика, сказалъ Александръ,—но увѣренъ, что коситься не будетъ послѣ всѣхъ мѣръ, которыя она приняла; съ маленькими это часто случается; зрѣніе ихъ еще слабо, а потому и взглядъ не можетъ быть, какъ у взрослыхъ». Александръ совѣтуетъ тебѣ, когда кормятъ ребенка, закрывать ему чѣмъ-нибудь глаза. Впрочемъ я сама всегда точно такъ же поступала со всѣми моими дѣтьми, и покойная Ирина *) Родіоновна называла васъ поэтому «занавѣсные Пушкенята». Говоря о твоемъ ребенкѣ, Александръ, Богъ знаетъ почему, расплакался (En parlant de ton enfant, Alexandre s'est mis à pleurer à chaudes larmes, Dieu sait pourquoi). Разстроены у него нервы и все тутъ, а всего вѣроятнѣе нервы раздражены какими-нибудь новыми пакостями, которыя отъ насъ скрываетъ. Не говорилъ Александръ и Леону ровно ничего, а я не хочу вызывать его на откровенности помимо его воли...

«За то Леонъ...—все ему съ гуся вода,—веселъ, какъ жаворонокъ (En revanche Léon—все ему съ гуся вода—est gai comme une alouette). Сейчасъ отправился отъ насъ на вечеръ къ такому же весельчаку, какъ и онъ, но весельчаку степенному, долговъ не дѣлающему и вина въ ротъ не берущему, а въ балладахъ плачущему—Жуковскому **). А у насъ Леонъ вчера обѣдалъ и просидѣлъ до десяти часовъ вечера и такъ меня смѣшилъ, что забыла мою болѣзнь и не замѣтила, какъ время прошло.

...«По прежнему Леонъ восхищенъ княжной Маріей Вяземской; похожа на своего отца и очень дружна съ Наташей, которая участвовала во всѣхъ вечерахъ. По случаю праздни-

---

*) Въ подлинникѣ написано по-русски: «Ирина», а не Арина. Покойная бабка, подобно своему сыну-поэту и моей матери, собственныхъ именъ никогда не коверкала. Л. П.

**) Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ по-русски. Л. П.

ковъ Рождества, собраній было очень много; Александръ сопровождалъ ее и обѣихъ сестеръ; былъ съ нею и у Фикельмонъ, которую впрочемъ терпѣть не можетъ. «Храбрый капитанъ» тоже тамъ очутился, не зная хозяйки вовсе; Александръ его представилъ.

...«Описывать блистательныя собранія не могу; знаю о нихъ единственно понаслышкѣ. Скажу только, что вчера Александръ съ женою и двумя свояченицами присутствовалъ во дворцѣ. Тамъ были живыя картины, а дѣйствовавшими лицами—дѣти всякаго возроста. Великія княгини, исключая Маріи Николаевны, участвовали тоже съ дочерьми великаго князя Михаила, а также и Константинъ Николаевичъ, что̀ было сюрпризомъ, который сдѣлала императрица великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Полагаю, прочтешь объ этомъ въ газетахъ. Александръ отъ всѣхъ этихъ баловъ опять усталъ. «Капитанъ», можетъ «по своей волѣ», посѣщать свѣтъ, или вовсе не знать его: онъ совершенно свободенъ, но Александръ связанъ, а Наташа любитъ свѣтъ. Какъ бы не разочаровалась (Le brave capitaine — c'est une autre paire de manche! Il peut fréquenter le grand monde, il peut aussi lui tirer sa reverance, Léon est libre, mais Alexandre ne l'est pas. Quant à Natacha, elle aime le monde. Dieu veuille, qu'elle ne se désenchante pas!). Сержусь на Александра и Наташу: они тебѣ преувеличили мою болѣзнь (J'en veux à Alexandre et à Nathalie de t'avoir exagéré mon mal). Присылай изъ Варшавы твоего доктора Порай-Кошеца, какъ мнѣ обѣщалась. Пишешь, что этотъ «Кошецъ» завернетъ въ Петербургъ, заѣдетъ къ намъ и сообщитъ тебѣ откровенно, какъ онъ меня нашелъ. Вотъ и прекрасно. Насчетъ же сказанной Черевинымъ остроты о немъ: «Это не пара кошекъ, а одинъ п—ля», ты меня и Александра очень разсмѣшила. Какъ бы ни было, Кошецъ лѣчилъ тебя успѣшно, знаетъ свое дѣло не хуже Спасскаго, который меня пользуетъ, а потому и не боюсь его шпіонства (et voila pourquoi je ne crains pas son espionnage). Кошеца ждутъ и Александръ и Леонъ; оба желаютъ его видѣть и услышать отъ него извѣстія о тебѣ и Леончикѣ, котораго благословляемъ отъ всей души».

«Тебѣ обязана хорошему началу новаго 1835 года»,—сообщаетъ бабка отъ 4-го января.—«Наканунѣ его мы получили твое письмо, адресованное «до востребованія», а въ самый новый годъ—и два другія, которыя принесъ мнѣ Александръ на нашу новую квартиру (на Моховой въ домѣ Кленберга). Въ новый годъ я только видѣла его и Леона, и нигдѣ не была, даже и въ церкви, чтò со мной случается первый разъ. Чувствовала себя слабой, но не безпокойся; завтра начну, по совѣту Спасскаго, подкрѣпляющія ванны и скоро выйду на чистый воздухъ — источникъ всякой жизни. Я еще не такъ стара и, Богъ дастъ, не послѣдній новый годъ встрѣчаю. Умирать же страшно. Никогда не соглашусь съ твоимъ взглядомъ и взглядомъ твоего брата на смерть—но со взглядомъ шута Соболевскаго. Всякій разъ когда Александръ заводитъ съ нимъ рѣчь о смерти, Соболевскій перебиваетъ его словами: «Когда перестанешь твердить мнѣ объ этой гадости?» И я перестану говорить тебѣ объ этой гадости, особенно въ первомъ письмѣ послѣ новаго года...»

Затѣмъ бабка, желая въ письмѣ казаться веселой, описываетъ въ забавномъ тонѣ своихъ знакомыхъ, извѣщаетъ, что дядя Левъ опять ѣдетъ въ Тифлисъ, но на этотъ разъ поѣдетъ не шутя, и въ концѣ письма упоминаетъ о нездоровьѣ Натальи Николаевны.

Взглядъ же Александра Сергѣевича на болѣзнь бабки, а онъ считалъ ея недугъ, болѣзнь печени—чрезвычайно важнымъ — оказался вѣрнѣе. Какъ онъ и предвидѣлъ, Надежда Осиповна прожила немного болѣе года. Положеніе своей матери Пушкинъ ни мало не преувеличилъ, чтò и доказывается письмомъ ея же отъ 5-го марта.

«Теперь»—пишетъ она,—«я на пути къ выздоровленію, а потому могу тебѣ сообщить, что моя болѣзнь была далеко не изъ легкихъ. Передъ папá я долго скрывалась, но высказала все Александру. По настоянію твоего брата, а онъ очень перепугался, я, кромѣ Спасскаго, пригласила и Рауха; оба, въ присутствіи Александра, совѣщались нѣсколько разъ. Улучшеніемъ обязана я единственно Рауху, а Спасскому, кото-

рый самъ обрадовался мысли Александра лѣчить меня при помощи перваго, я такъ же мало вѣрю, какъ и ты. И Раухъ, и Спасскій говорятъ, что за мое совершенное выздоровленіе ручаются. Зло будто бы происходило въ пораженной печени; причиной же болѣзни—нравственныя долговременныя волненія. Не представишь себѣ, какъ я похудѣла и постарѣла. Вообрази, что съ 15-го декабря я только два или три раза выѣзжала изъ дому. Сначала чувствовала отвращеніе отъ пищи какой бы ни было, теперь могу только ѣсть габерсупъ. Запахъ мяса, рыбы для меня невыносимъ; чая, который такъ любила, терпѣть не могу. Работать не въ силахъ, а досадно, такъ какъ не могу кончить кофточку для Лели, слѣдовательно и послать ее тебѣ; начала ее шить еще въ деревнѣ... Сдѣлалась, противъ обыкновенія, совершенно праздной—днемъ только читаю немного».

«Милая Оля»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа,—«увѣдомляю тебя, что Раухъ и Спасскій совершенно меня успокоили. Мама на пути въ выздоровленію, но, сознаюсь, перенесъ я очень тяжкія минуты. Александръ, кромѣ этихъ двухъ докторовъ, непремѣнно хочетъ видѣть твоего Порай-Кошеца, ожидая его пріѣзда изъ Варшавы, какъ ты писала. Я мнителенъ, Александръ же еще больше. Онъ, слава Богу, здоровъ и приходитъ къ намъ всякое утро. Опять у него кякія-то непріятности: затрудняются допустить его читать бумаги въ архивѣ сената по Пугачевскому дѣлу, несмотря на разрѣшеніе, а этихъ бумагъ на домъ не даютъ. Привелъ ко мнѣ вчера свою «Машку»; она прелестна, а «Сашка» дѣлаетъ зубы и такъ часто боленъ, что выводить его не рѣшаются. Наташа тоже нездорова и не выходитъ.

«Все это время Александръ очень былъ несловоохотливъ, такъ что ничего не могъ отъ него добиться насчетъ Леона (Alexandre tout ce temps a été si laconique, que je ne pouvais tirer un mot de lui, à ce qui concerne Léon), а сказалъ только, что онъ получилъ отъ брата письмо изъ Харькова отъ 1-е февраля, наканунѣ отъѣзда «капитана» въ Тифлисъ; но въ чемъ заключалось письмо, Александръ не счелъ нужнымъ

сообщить. Крѣпко подозрѣваю, что «капитанъ» опять у брата денегъ проситъ. Александръ распространялся только о твоей подругѣ Бартеневой; она очень обрадована вниманіемъ императрицы къ ея старшей дочери, которая поетъ не хуже Зонтагъ. Услышавъ о талантѣ дочери и о бѣдственномъ положеніи ея матери, государыня пристроила ее ко двору; Полинѣ такое счастіе и не снилось. Она среди царскаго семейства, и производитъ голосомъ большой эффектъ, (elle passe son temps avec la famille impériale, et fait fureur grâce à sa voix charmante). Говоритъ еще Александръ, что надняхъ встрѣтилъ Вигеля, *) который смѣялся такъ зло надъ семействомъ Н—въ, впрочемъ, и безъ того довольно смѣшнымъ, что не уступалъ и Соболевскому—своему врагу заклятому (son ennemi juré).»

«Наконецъ доктора мнѣ объявили»,—сообщаетъ бабка отъ 1-го апрѣля,—«что опасаться нечего, и совѣтуютъ мнѣ одно лишь душевное спокойствіе. Но гдѣ же оно? Безпокоюсь я и о непріятностяхъ, которымъ Александръ подвергается на каждомъ шагу, и о тебѣ, въ особенности о твоемъ ребенкѣ. Освободился ли онъ отъ этого мерзкаго кашля? Но Богъ не безъ милости, и надѣюсь, что твой докторъ преувеличилъ; и въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть сухотка (marasme) у шестимѣсячнаго дитяти? Молю Бога удостоиться мнѣ на страстной недѣлѣ причаститься въ церкви. Къ счастію домовая церковь въ домѣ Апраксина отъ насъ недалеко».

«Вчера мы получили письмо отъ Леона изъ Тифлиса», — сообщаетъ Надежда Осиповна на другой день. — «Онъ здоровъ и очень много разспрашиваетъ о тебѣ и о новомъ своемъ племянникѣ. Проситъ насъ хлопотать въ свою пользу у барона Розена, и сегодня папа уже наводилъ по этому дѣлу справки. Розенъ не знаетъ, когда онъ вернется въ Тифлисъ; начальникъ же штаба Вальховскій, безъ разрѣшенія свыше, не можетъ ничего самъ отъ себя сдѣлать. Леонъ оставилъ всѣ свои бумаги въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а какъ ихъ от-

---

*) Автора интересныхъ записокъ, о которомъ я упоминалъ въ X главѣ настоящей «Хроники».

туда достать—Богъ знаетъ. Обнимаю ребенка. Богъ да благословитъ его...»

«Слава Богу, я счастлива»,—сообщаетъ бабка отъ 6-го апрѣля. — «Пріобщилась въ церкви св. Таинъ, а потому радостно пишу вамъ, друзья мои, «Христосъ воскресъ!» Признаюсь, я не разсчитывала прожить до пасхи—дѣло прошлое. Чувствую себя всякій день лучше и лучше, и возвращена къ жизни, послѣ того какъ была на два пальца отъ смерти (me voilà rendue à la vie, ayant été à deux doigts de la mort); отъ болѣзни остался лишь одинъ упорный кашель, нѣкоторая слабость, отсутствіе аппетита и слабость зрѣнія. Порай-Кошецъ еще не являлся, а Раухъ и Спасскій твердятъ мнѣ лишь одно: не храбритесь *); приказываютъ мнѣ ни о чемъ не думать, и предаваться розовымъ мечтамъ, какъ особа купающаяся въ въ счастіи. (Ils m'ordonnent de ne penser à rien, d'avoir des idées couleurs de rose, comme une personne, qui nage dans le bonheur).

...«Жду твоего Кошеца какъ жиды Мессію! Стукъ экипажей причиняетъ мнѣ спазмы, не могу выносить громкихъ звонковъ, плачу, когда роняютъ ложки и вилки на полъ. Все это нервы... безъ сомнѣнія пройдетъ, а Кошецъ, какъ пишешь, исцѣляетъ успѣшно нервныхъ. Страдаю безсонницей и лишена утѣшенія видѣть твоего Лелю даже во снѣ... На яву же не вижу, кромѣ Александра, теперь никого, такъ какъ присутствіе постороннихъ меня утомляетъ. Наташа заходитъ рѣдко: она здорова, почти всякій день въ театрѣ, много гуляетъ, а въ концѣ мая разрѣшится отъ бремени. Обѣ ея сестры тоже, какъ сказалъ Александръ, веселятся. Твой братъ съ женой и съ ними занимаетъ прекрасную квартиру на большой набережной за 6,700 рублей. Онъ сообщилъ мнѣ сейчасъ очень прискорбное извѣстіе: бѣдный князь Вяземскій лишился восемнадцатилѣтней дочери Полины. Скончалась въ Италіи; все семейство въ отчаяніи, и возвращаются сюда. Наталья и Ольга Соловыя за-

*) Фраза написана по-русски.

мужемъ, и одна изъ нихъ за Александромъ Ланскимъ *), о чемъ тоже сынъ мнѣ сообщилъ.

«Устала... Въ слѣдующій разъ напишу побольше. Обнимаю тебя, благословляю Лелю, а Николаю Ивановичу передай мои теплыя чувства».

Дальнѣйшія событія въ семействѣ Пушкиныхъ за 1835, 1836 и 1837 годы войдутъ въ слѣдующія, послѣднія главы хроники.

XXXVI.

«Александръ вчера уѣхалъ въ Тригорское», — сообщаетъ Надежда Осиповна моей матери отъ 7-го мая 1835 года,—«и долженъ возвратиться прежде десяти дней, чтобы поспѣть къ родамъ Наташи. Ты подумаешь, быть можетъ, что онъ отправился по дѣлу—совсѣмъ нѣтъ; а единственно ради удовольствія путешествовать, да еще въ дурную погоду! (Tu croiras peut être que c'est par affaire? Pas du tout: rien que pour avoir le plaisir de voyager et par ce mauvais temps!) Мы очень были удивлены, когда Александръ пришелъ съ нами проститься наканунѣ отъѣзда, и его жена очень опечалена; надо сознаться, что твои братья оригиналы, которые никогда не перестанутъ быть таковыми (Sa femme est toute triste; il faut avouer, que tes frères sont des originaux, qui ne se désoriginaliseront jamais). Леонъ ожидаетъ въ Тифлисѣ Розена съ большимъ нетерпѣніемъ. Тифлисомъ онъ очарованъ, восхищаясь прелестной природой, прелестнымъ климатомъ, и въ очень веселомъ письмѣ подшучиваетъ надъ своими лѣтами: говоритъ, что въ тридцать лѣтъ онъ разстался съ романическими мечтами, увѣряя, будто бы у него болѣе половины волосъ посѣдѣло, чтó и придаетъ ему видъ будто бы совершенно шутовской (et que cela lui donne un air tout à fait ridicule).

«Наконецъ дождались Порай-Кошеца», пишетъ Сергѣй Львовичъ десять дней спустя, 17-го мая—«Онъ у насъ былъ,

*) Дочь ея вышла впослѣдствіи за старшаго сына поэта.

передалъ твое письмо, и мы очень были обрадованы, какъ можешь себѣ представить, посѣщенію твоего посланнаго, а ждали его, повторяю, какъ жиды Мессію. Пріѣхалъ Кошецъ 12-го числа, въ прошлое воскресенье. Я просилъ его считать нашъ домъ своимъ (je l'ai prié de regarder notre maison comme la sienne). На это Кошецъ отвѣчалъ усердными, едва ли не китайскими поклонами. Дай Богъ, чтобы онъ содѣйствовалъ совершенному выздоровленію мама; непремѣнно къ нему зайду, а остановился Кошецъ у своего отца, который и служитъ, и живетъ въ почтовомъ департаментѣ... Но письмо я началъ о Кошецѣ подъ вліяніемъ радости и надежды, что онъ возвратитъ здоровье моей Надеждѣ *), извини опять за каламбуръ. По настоящему, я долженъ былъ начать письмо съ другой новости: 14-го числа, т. е. въ прошлый вторникъ, въ семь или въ восемь часовъ вечера, Наташа разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, котораго они назвали Григоріемъ,— право не знаю, съ какой стати (ce quatorze, c'est à dire Mardi, à sept ou à huit heures du soir, Nathalie est accouchée d'un garçon, qu'ils ont appellé Grégoire, je ne sais trop pourquoi). Александръ, совершивъ десятидневную поѣздку въ Тригорское, пробылъ въ отлучкѣ, считая время туда и обратно, три дня и возвратился въ среду, въ восемь часовъ утра, на другой день разрѣшенія Наташи. Александръ сообщилъ намъ печальныя извѣстія о Михайловскомъ: крестьяне грабятъ и дѣлаютъ ужасы (les gens pillent et font des horreurs). Тебѣ извѣстно, какъ я ухаживалъ за садомъ; смѣю сказать, украсилъ его и придалъ изящный видъ всему, что окружало господскій домъ; кромѣ того, распорядился въ прошломъ году выстроить заново флигеля (les dépendances) теперь же все, по словамъ Александра, пошло къ чорту. Безпорядокъ такой, какой и вообразить себѣ нельзя; этотъ безпорядокъ, огорчая насъ донельзя, не приглашаетъ насъ, сказать нечего, ѣхать туда лѣтомъ. Не знаю, что съ нами будетъ, лишь бы Богъ оказалъ намъ милосердіе выбраться лѣтомъ изъ Петербурга».

---

*) Фраза по-русски. Л. П.

....«Въ концѣ концовъ, вотъ и ожидавшійся съ такимъ нетерпѣніемъ Кошецъ»,—продолжаетъ приводимое письмо дѣда Надежда Осиповна (à la fin des fins voilà ce Кошецъ, si longtemps attendu).—«Я такъ ему обрадовалась, что право не знаю, почему его не расцѣловала; онъ все время говорилъ о васъ; расположеніе къ тебѣ доктора дѣлаетъ его въ моихъ глазахъ очень интереснымъ. Кошецъ встрѣтилъ Александра на боровичской станціи, когда онъ, то есть не Кошецъ, а мой сынъ, отправлялся въ Тригорское; твой братъ былъ, по словамъ Кошеца, очень озабоченъ, разсѣянъ, и я почти увѣрена, что мой «старшій» не разслышалъ ничего, о чемъ ему толковалъ докторъ, потому что вчера, когда ему сообщала о Кошецѣ, Александръ удивился и сталъ раскаиваться въ оказанномъ холодномъ пріемѣ доктору, котораго самъ же ожидалъ съ нетерпѣніемъ и какъ искуснаго врача, а главное, какъ твоего хорошаго знакомаго. Думаю также, что Александръ не пустился съ нимъ на станціи въ бесѣду, принимая его за одного изъ многихъ любопытныхъ пассажировъ, добивающихся его знакомства».

«....Александръ увѣряетъ, что въ Петербургѣ жить ему невозможно, и желаетъ отправиться въ деревню на нѣсколько лѣтъ. Но не думаю, чтобы Наташа на это согласилась. Она родила наканунѣ его пріѣзда, и радость свиданія съ мужемъ ее такъ разстроила, что проболѣла весь день (le plaisir de revoir son mari l'a tellement agitée, qu'elle a été souffrante pendant toute la journée). Посѣтить мнѣ ее невозможно: погода прескверная, и вообрази, не могу ѣздить въ каретѣ, не подвергаясь спазмамъ. Какъ желала бы видѣть новорожденнаго Григорія! Но что же дѣлать? Надо вооружиться терпѣніемъ. Желаю еще болѣе видѣть тебя съ твоимъ ребенкомъ, но тутъ и всякое терпѣнье исчезнетъ (je suis encore plus impatiente de te voir avec Lolo, mais il n'y a plus de patience qui tienne); это меня опечаливаетъ, и, признаюсь, когда думаю о лишеніяхъ, какія испытываю,—горько плачу; сдѣлалась такой нервной, что сама себѣ удивляюсь, Думаемъ нанять дачу въ Павловскѣ: слишкомъ слаба, чтобы предпринять болѣе дальнюю

поѣздку. Со времени болѣзни забываю числа мѣсяца и дни недѣли, мѣшаю имена, что̀ дѣлаетъ меня смѣшною въ глазахъ свѣта (j'embrouille tous les noms, ce qui me donne un air tout à fait ridicule dans le monde); даже не могу хорошенько припомнить, что̀ недавно тебѣ писала».

«Милая Ольга»,—сообщаетъ бабка отъ 8-го іюня,—«не безпокойся, если мои письма къ тебѣ подробны и длинны. Мнѣ писать совсѣмъ не тяжело: сижу очень удобно въ креслахъ, держу бумагу на пюпитрѣ, грудь не болитъ, не болитъ и бокъ. Просила Кошеца тебѣ написать и на мой счетъ успокоить; ждала его и вчера, и сегодня, а третьяго дня онъ, вмѣстѣ съ Александромъ, провожалъ обѣихъ Анетъ—Вульфъ и Кернъ. Обѣ уѣхали. Дворъ въ Петергофѣ, Архарова въ Павловскѣ, и приказала своей дочери Васильчиковой отыскать для насъ тамъ дачу, но наше переселеніе туда зависитъ отъ Александра: надо, чтобы онъ далъ намъ для этого средства. Наташа слаба, недавно вышла изъ спальни (il n'y a pas longtemps qu'elle a quitté sa chambre à coucher) и не можетъ ни читать, ни писать, ни работать; между тѣмъ у нея большіе планы повеселиться на петергофскомъ праздникѣ 1-го іюля—въ день рожденія императрицы, ѣздить верхомъ съ своими сестрами на острова, нанять дачу на Черной рѣчкѣ, и не хочетъ отправиться дальше, какъ желалъ бы Александръ. Въ концѣ концовъ «чего женщина хочетъ, того хочетъ Богъ». Она мнѣ сказала:

—«Я увѣрена, что вы будете любить Лелю, сына Ольги Сергѣевны, больше, чѣмъ моихъ дѣтей; бабушки, говорятъ, предпочитаютъ дѣтей дочери дѣтямъ сыновей» (Nathalie me disait l'autre jour: «je suis sûre, que vous aimerez mieux Lolo que mes enfants, car on prétend, que les grand's mamans aiment mieux ceux d'une fille que d'un fils»). Ничего я Наташѣ на это не отвѣтила. Знаю, что очень люблю дѣтей Александра, Машу и Сашу, но къ маленькому Леону, который отъ меня такъ далеко, чувствую особенную нѣжность (une tendresse toute particulière). Кстати, извиняюсь передъ нимъ за маленькое воровство, и это преступленіе заглажу надняхъ: я ему

спила одѣяльце, но сообразивъ, что Александръ послалъ уже твоему Леончику другое, сшитое Наташей, и чепчикъ, подарила мою работу маленькому Григорію, новорожденному «моего старшаго». За то шью Леончику теперь одѣяльце покрасивѣе, побольше. Это справедливо, и такая мысль побуждаетъ меня работать съ большимъ удовольствіемъ.»

«Отъѣздъ нашъ въ деревню всецѣло зависитъ отъ Александра»—пишетъ на другой день (отъ 9-го іюня) Сергѣй Львовичъ,—«но онъ самъ не знаетъ, что̀ и съ нимъ будетъ. По крайней мѣрѣ изъ моихъ съ нимъ разговоровъ я не добился толку. Отпуска ему продолжительнаго не дадутъ, такъ по крайней мѣрѣ думаю, даже и на годъ; останется въ Петербургѣ, и тратить ему деньги на дачу—все равно, что жить въ столицѣ: тѣ же посѣщенія большаго свѣта, который переселился на тѣ же дачи. Александръ надѣется на успѣшную продажу сочиненій. Но вѣрно ли это? Конечно, его геній будетъ оцѣненъ презрѣннымъ металломъ. Но презрѣнный металлъ развѣ будетъ достаточенъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей (pour subvenir à tous ses besoins), сообразно его придворному и семейному положенію? Ровно ничего не знаю... ума не приложу, а отъ Александра, повторяю, зависитъ и нашъ отъѣздъ въ Михайловское, или въ Павловскъ».

«Всѣ мои насущныя заботы не мѣшаютъ мнѣ постоянно думать и говорить о тебѣ и о твоемъ Лелѣ встрѣчному (et de parler de toi et de Lolo, à qui veut l'entendre). А Леля большой, то-есть храбрый капитанъ Левъ Пушкинъ, веселится въ Тифлисѣ, но умалчиваетъ, чѣмъ кончились его хлопоты о новомъ опредѣленіи въ Кавказскую армію. По послѣднему письму «мой младшій» все ожидаетъ возвращенія Розена, который будто бы рѣшитъ его судьбу; по прежнему восторгается Тифлисомъ и Кавказомъ, называя этотъ край земнымъ раемъ. Объѣхалъ Леонъ всю Грузію и провелъ пятнадцать дней въ деревнѣ у вдовы несчастнаго Грибоѣдова, да, смѣшно сказать, желѣзное сердце храбраго капитана не осталось чуждо поэзіи: Леонъ нашъ пишетъ, что считаетъ эти пятнадцать дней самыми счастливыми днями своей жизни;

очарованъ умомъ и любезностью жены своего покойнаго друга̀, и опять туда поѣдетъ, во ожиданіи Розена. Увѣряетъ, будто бы начинаетъ помышлять о карьерѣ (il dit, qu'il commence à songer à sa carrière). Во всякомъ случаѣ, онъ не замедлитъ опять сражаться. Драться ему наслажденіе, а намъ... Боже мой!.. онъ намъ дороже жизни»...

«Дача въ Павловскѣ нанята»,—сообщаетъ Сергѣй Львовичъ десять дней спустя (19-го іюня).—«Завтра переѣзжаемъ, а пиши намъ такъ: чрезъ Царское Село въ Павловскъ, въ домъ крестьянина Удалова, возлѣ нѣмецкой церкви. Въ Павловскѣ пробудемъ нѣсколько мѣсяцевъ. Признаюсь, скорблю о Михайловскомъ, но плетью обуха не перешибешь (mais à l'impossible nul n'est tenu). Мама́, будетъ пользоваться Маріенбадскими водами, которыми запасаемся здѣсь въ городѣ и не искусственными, а натуральными. Аннетъ Вульфъ въ Тригорскомъ, а ея братъ Алексѣй—здѣсь. Александръ ѣдетъ на три года въ деревню, да не знаю куда именно *). Мы надѣемся, если Богъ дастъ, поѣхать въ Михайловское черезъ годъ, чѣмъ избавить Александра отъ лишнихъ хлопотъ по приведенію въ порядокъ «холмовъ и полей родныхъ». Не можемъ ему предоставить Михайловское на все это время и лишать себя послѣдняго утѣшенія (nous ne pouvons pas le lui abandonner pour tout ce temps là. Ce n'est pas du tout notre plan que de nous priver de cette dernière consolation). Обнимаю тебя и Леончика отъ всего сердца; дай Боже мнѣ его увидѣть. Adesso e sempre твой.»

«Бога ради не имѣй черныхъ мыслей обо мнѣ»,—пишетъ бабка 3-го іюля изъ Павловска.—«По твоему письму вижу и чувствую твои опасенія, но еще разъ повторяю: они совершенно напрасны, что̀ тебѣ можетъ подтвердить и Кошецъ. Александръ тоже хочетъ тебѣ обо мнѣ писать. Если мнѣ не вѣришь, повѣрь имъ, а я скажу одно: право, я здорова **.)

*) Дядя выѣхалъ изъ Петербурга, но гораздо позже, въ августѣ 1835 года, получивъ трехмѣсячный отпускъ. Л. П.

**) En verité je me porte bien.

Съ 20-го іюня мы въ Павловскѣ, а 22-го я стала пить воды, которыя очень мнѣ помогли: могу довольно долго гулять, и даже ѣзда экипажей перестала дѣйствовать на нервы.

«Петергофскій праздникъ удался какъ нельзя лучше. Подробностей описывать не стану, а скажу, что Александръ былъ на праздникѣ съ Наташей; Наташа была говорятъ очаровательна, чему вполнѣ вѣрю: послѣ ея послѣднихъ родовъ красота ея въ полномъ блескѣ (Nathalie était superbe, à ce qu'on dit; c'est vrai, qu'après cette couche elle est devenue plus belle que jamais). А знаешь, Александръ ѣдетъ въ сентябрѣ въ деревню на три года! Это рѣшено: отпускъ получилъ, чему Наташа и покорилась»....

Приводя дословно письмо бабки отъ 3-го іюля, сомнѣваюсь, получилъ ли дядя Александръ именно тогда этотъ отпускъ.

«Александръ уѣзжаетъ»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ отъ того же числа,—«но куда—ничего не знаю; да и онъ, кажется, самъ не знаетъ; не думаю, чтобы сынъ меня навѣстилъ до своего отъѣзда; если же навѣститъ, то появится какъ молнія (et s'il le fera—il paraîtra comme un éclair); между тѣмъ, многое мы должны вмѣстѣ съ нимъ порѣшить прежде, нежели разстаться—быть можетъ на очень долгое время (et pourtant, nous aurons beaucoup de choses à régler entre nous avant que de nous séparer, et peut être pour bien longtemps).

«Вчера былъ день твоихъ имeнинъ»,—сообщаетъ Надежда Осиповна отъ 12-го іюля,—«провела его, милая Ольга, какъ провожу всѣ прочіе дни моей жизни, т. е. думала о тебѣ, мой ангелъ, думала о нашей долговременной разлукѣ. Мысли эти черныя: сердце надрывается, и однѣ лишь слезы его нѣсколько облегчаютъ; не полагаю, однако, что слезы лѣкарство отъ жёлчи...

«....Александръ не даетъ намъ о себѣ знать; знаемъ только по-наслышкѣ, что онъ съ женой веселится (Alexandre ne nous donne pas signe de vie; je sais par ouï dire qu'ils s'amusent—c'est à dire lui et sa femme). Были они и въ Петергофѣ, и въ Парголовѣ у графини Бобринской, а Александрѣ Ивановнѣ Шевичъ сказали, будто бы непремѣнно пріѣдутъ къ намъ.

Мы ихъ ждали и къ пятому и къ одиннадцатому, а теперь, кажется, ожиданія видѣть ихъ такъ и останутся ожиданіями (et je crois que nous les attendrons sous l'orme). Далеко не забавно, потому что твой братъ забываетъ, что не можемъ жить однимъ воздухомъ. Обнимаю тебя, прижимая Лелю къ моему растерзанному сердцу».

Сергѣй Львовичъ тоже сѣтуетъ на сына, заключая письмо слѣдующими строками:

«Александръ намъ даже не пишетъ, какъ будто мы въ какой-нибудь Кохинхинѣ. Сердце надрывается и молчу. Да будетъ воля неба! (Alexandre ne nous écrit pas même, c'est comme si nous étions à Cochinchine. Cela me serre le coeur et je me tais. Enfin, que la volonté du Ciel soit faite!)

XXXVII.

Въ августѣ 1835 года Ольга Сергѣевна отправилась къ родителямъ изъ Варшавы, взявъ и меня съ собою.

«Наконецъ, я у моихъ»,—пишетъ она моему отцу отъ 31 числа изъ Павловска.—«Ласкаютъ меня, лелѣятъ ребенка. Живу не на той дачѣ, которую родители хотѣли для меня нанять—она оказалась не совсѣмъ удобной—а въ ихъ же домѣ. У меня двѣ комнатки, и я была бы совершенно спокойна, если бы не плохое здоровье матери: перемѣнилась болѣе, чѣмъ я себѣ воображала; говоритъ, чувствуетъ себя недурно, но ея слабость меня очень безпокоитъ. На другой день я немедленно поѣхала къ Александру. Описывать его радость не стану. Сейчасъ же послѣ первыхъ словъ спросилъ, гдѣ мой ребенокъ, и узнавъ, что привезла его съ собой и оставила у родителей, спросилъ опять, хорошо ли тамъ за нимъ будутъ смотрѣть до вечера? Братъ представилъ меня своимъ остальнымъ женамъ—т е п е р ь у н е г о ц ѣ л ы х ъ т р и, к а к ъ т е б ѣ и з в ѣ с т н о *); эти жены, то есть обѣ его свояченицы, очень красивы, но

*) Подчеркнутая фраза по-русски Л. П.

не могутъ все-таки сравниться съ Наташей, у которой появился свѣжій цвѣтъ лица:—она немного и пополнѣла. Гостила у брата недолго, а сегодня онъ съ женой былъ у насъ. Въ Нижегородской деревнѣ они не будутъ, какъ братъ предполагалъ, потому что Наташа и слышать объ этомъ не хочетъ. Братъ ограничится поѣздкой на нѣсколько дней въ Тригорское, а Наташа изъ Петербурга не тронется *). (Hier Alexandre avec sa femme est venu me voir. Ils ne vont plus à la campagne de Nijni, comme monsieur se le proposait, car madame ne veut pas en entendre parler. Alexandre se contente d'aller faire un séjour de quelques jours à Тригорское, et elle ne bouge pas de Pétersbourg). Онъ мнѣ говорилъ во-первыхъ о томъ, что получилъ отпускъ на четыре мѣсяца, и, кромѣ того, ему дали, о чемъ просилъ: тридцать тысячъ рублей взаймы».

Далѣе Ольга Сергѣевна пишетъ:

«Вовторыхъ, Александръ проситъ тебя извѣстить, какую довѣренность полагаешь составить, чтобы ты черновую написалъ, а онъ на все согласенъ. Между тѣмъ, тебя предупреждаетъ, «что если ты хочешь на пашню, то трудъ лишній будетъ, а толку мало: земли на его части слишкомъ недостаточно—то лучше ихъ оставить на оброкѣ» **); тамъ новый управитель Пеньковскій. Александръ уже ему писалъ о нашемъ дѣлѣ».

«Александръ»,—продолжаетъ моя мать,—«надняхъ продалъ фермуаръ за 850 рублей и вчера принесъ мнѣ деньги, стало быть не безпокойся о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, а

---

*) Это письмо не совсѣмъ согласно съ замѣткою Я. К. Грота, въ его «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», гдѣ сказано: «27-го августа Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до декабря 23-го и ѣдетъ въ Калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Петербургъ уже къ 15-му октября, по причинѣ болѣзни матери». Изъ письма же Ольги Сергѣевны видно, что Пушкинъ посѣтилъ ее 30-го августа въ Павловскѣ, слѣдовательно и не поѣхалъ тогда ни въ Болдино, ни въ Михайловское. Л. П.

**) Подчеркнутыя слова по-русски. Л. П.

родители въ этихъ-то обстоятельствахъ очень стѣснены, почему и не хочу быть имъ въ тягость.

«Александръ, во время своей бесѣды, держалъ Лелю на рукахъ, ласкалъ его, но при этомъ, нечего сказать, братъ утѣшать мастеръ: сталъ высказывать свое предчувствіе, что судя по печальному выраженію лица ребенка и грустному его взгляду, онъ едва ли будетъ счастливъ и безпрестанно повторялъ: «береги, береги его»...

«Александръ уѣхалъ на три мѣсяца въ Тригорское»,— сообщаетъ Ольга Сергѣевна отъ 12-го сентября;—«это, однако, не мѣшаетъ тебѣ прислать на его имя довѣренность: братъ подпишетъ вотъ и все, что и поручилъ тебѣ сообщить. А еще было бы лучше, еслибы вмѣсто переписки, ты бы самъ пріѣхалъ зимой, между тѣмъ какъ при перепискѣ будутъ возникать недоразумѣнія съ моимъ братомъ, у котораго никогда не хватаетъ терпѣнія дочитывать письма до конца. (Il y aura toujours du mic-mac par écrit avec mon cher frère, qui n'a jamais la patience d'achever une lettre). О поѣздкѣ моихъ родителей нѣтъ и рѣчи; я же затрогивать этого вопроса не хочу; впрочемъ, едва ли на поѣздку у нихъ оказались бы средства, а вообрази, въ прошломъ году имѣніе описывали пять разъ».

Ольга Сергѣевна черезъ недѣлю отправилась на нѣсколько дней по дѣламъ въ Петербургъ, откуда, между прочимъ, пишетъ:

«У мамá разлитіе желчи; чувствуетъ себя то лучше, то хуже. Беспокоится обо Львѣ, который, надѣвъ опять мундиръ, ушелъ въ экспедицію противъ горцовъ, чтó гораздо лучше, нежели быть празднымъ.»

«..Добрѣйшая Дельвигъ, нынѣ Баратынская, въ деревнѣ и очень счастлива. Теща и невѣстка весьма ее полюбили, но мужъ въ постоянныхъ отлучкахъ, будучи вынужденъ посѣщать больныхъ, чтó мнѣ говорилъ Александръ. Очень жаль, что мнѣ не удастся ея видѣть. Кстати, о новостяхъ: государь запретилъ графинѣ С—й въѣздъ въ Москву и Петербургъ (Sa Majesté a donné la clef des champs à la comtesse S—f à

condition, qu'elle ne mette pas le pied ni à Moscou ni à Pétersbourg), за данный ею безъ позволенія праздникъ въ Славянкѣ; она, во время праздника, распорядилась поставить мачту (un mât de cocagne) и повѣсить на верхушкѣ сарафанъ и повойникъ, назначивъ ихъ въ награду тому, кто ихъ сниметъ со столба. Вообрази, побѣду одержала старая 50-ти лѣтняя, толстая, некрасивая баба. Мужъ ея, усмотрѣвъ въ гимнастикѣ своей супруги крайне неприличную выходку, отколотилъ побѣдительницу, а трофеи бросилъ въ огонь, приговаривая: «Ты осрамила меня и себя на цѣлый вѣкъ! Вотъ тебѣ сарафанъ, а вотъ тебѣ и повойникъ *). Героиня пожаловалась графинѣ; та сейчасъ же подарила ей другой нарядъ, приказавъ не снимать эту награду за ловкость и отвагу. Говорятъ, господа военные, поѣхавшіе безъ позволенія на праздникъ, очутились на другой день за это на гауптвахтѣ.

...«Бѣдная Кюхюльбекеръ, разставшись съ своей дочерью Глинкой, совершенно одинока. Сынъ ея Вильгельмъ въ сухоткѣ и совершенно гаснетъ (et s'éteint tout à fait); другая же дочь Юлія поступила въ компаньонки къ графинѣ Полье, которая, наконецъ, выходитъ замужъ за богатаго итальянца, Бутера. Теперь новость за новостью: твой и мой другъ, композиторъ Михаилъ Глинка, женился на Ивановой, молодой дѣвицѣ, бѣдной и безъ образованія (jeune personne sans fortune et sans éducation)—далеко не красивой, и которая музыки терпѣть не можетъ, что не помѣшало, однако, Глинкѣ посвятить ей великолѣпное свое произведеніе (un morceau de musique de toute beauté), исполненіе котораго вчера слышала, Игралъ молодой Даргомыжскій. Теперь Даргомыжскій геній, но такъ обиженъ природой, что кто обладаетъ мало-мальски веселымъ характеромъ, тотъ не будетъ въ состояніи видѣть, въ особенности же слышать его, безъ желанія разсмѣяться. (C'est un genie maintenant, mais si disgracié de la nature, qu'avec un caractère tant soit peu gai, on ne saurait le voir, et surtout l'entendre parler, sans avoir envie de rire). Даргомыжскій мнѣ и сообщилъ о знаменитой женитьбѣ своего друга.

---

*) Фраза по-русски Л. П.

... «Пожалуйста не присылай мнѣ больше твоихъ статей для передачи редакторамъ журналовъ»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 13-го октября;—«я еще въ Павловскѣ, и даже еслибы была въ Петербургѣ, то ни за что на свѣтѣ не хочу водить знакомства съ журнальной ракальей (avec toute cette racaille littéraire, ne vous en déplaise). Отъ этой шайки я подальше. Богъ только одинъ знаетъ, чтó отъ нея терпѣлъ бѣдный Александръ, и предсказываю, что эта ракалья подпольными пакостями исподтишка не оставитъ его въ покоѣ in saecula saeculorum, говоря по-латыни. А потому эту шайку терпѣть не могу, и можешь посылать твои палинодіи (vos palinodies) прямо къ означеннымъ господамъ...»

...«Я въ Павловскѣ теперь одна: мои старики поѣхали въ Петербургъ выбрать квартиру; мать пробудетъ пока у Княжниной, а отецъ—у графа Толстого. Они получили письмо отъ Леона, которое ихъ ужаснуло. Полагаю, Леонъ говоритъ опять о своихъ долгахъ; лучше бы молчалъ, не разстраивая надломленное здоровье мамà. Брата Александра здѣсь нѣтъ, а онъ имѣетъ иногда талантъ ее успокоивать, (il a au moins ce talent quelquefois). Уѣхалъ онъ въ Тригорское, гдѣ и пробудетъ вѣроятно весь ноябрь *). Отецъ переслалъ тебѣ копію письма брата; по его словамъ, Александръ совершенно согласенъ предоставить тебѣ самыя широкія полномочія, (de vous donner les pleins pouvoirs) за исключеніемъ, разумѣется, продажи имѣнія, но не рѣшается дать довѣренности, не зная, въ чемъ она должна состоять. Александръ увѣренъ, что мы въ Москву не поѣдемъ, и не ошибается: мама по болѣзни не можетъ тронуться, въ особенности зимой, а денегъ оказалось въ этомъ мѣсяцѣ такъ мало, что мама заняла у меня 150 рублей, кромѣ того, я для родителей покупаю на мои деньги дрова, свѣчи и прочее. Между тѣмъ Александръ, какъ тебѣ, впрочемъ, уже писала, получилъ 30,000 рублей отъ его величества. Стало быть дѣла его слава Богу...»

---

*) Предположенія Ольги Сергѣевны не оправдались: Пушкинъ возвратился вскорѣ послѣ этого письма. Л. П.

«Шестнадцатаго числа я пріѣхала изъ Павловска»,—пишетъ мать отъ 20-го октября.—«У Княжниной нашла мама́ очень ослабѣвшей, въ постели. У нея сидѣли доктора Спасскій и Раухъ. Спаскій тотчасъ мнѣ объявилъ, что за жизнь мама̀ не ручается, и прибавилъ: «болѣзнь вашей маменьки длится съ 1807 года, потому что именно тогда желчь у нея разлилась въ первый разъ». Заявленіе Спасскаго показалось мнѣ донельзя смѣшнымъ. Раухъ немного утѣшительнѣе: говоритъ, болѣзнь матери хроническая, но пока опасности не представляетъ, хотя на радикальное исцѣленіе разсчитывать нельзя. Доктора стали ей давать лѣкарства, которыя сама желаетъ, а я и Новосильцова послали Толстого переговорить съ изобрѣтателемъ цѣлебныхъ лепешекъ Маркеловымъ; графъ Толстой привезъ ихъ.»

«Ухудшенію здоровья мама содѣйствовало отчаянное письмо Леона, увѣряющаго, что находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи: занялъ будто бы деньги, чтобы опустить письмо на почту, что̀ почти унизительно, и прочее (que pour remettre sa lettre à la poste, il a eu recours à une démarche presque humiliante, et cetera). Ни во что̀ считаетъ двадцать тысячъ, уплаченныхъ за него братомъ и стариками, а, между тѣмъ, Леонъ живетъ въ Тифлисѣ какъ всякій, у кого въ распоряженіи десять тысячърублей на расходы, что̀ подтвердилъ женѣ Александра и пріѣхавшій оттуда Россетъ. Мама, прочитавъ письмо сына, подверглась ужасному лихорадочному припадку. Третьяго дня переѣхали на новую квартиру, у Шестилавочной, на углу Графскаго переулка въ домѣ Кокушкина. Квартира незавидна, въ деревянномъ домѣ, и мала, по милости множества слугъ, съ которыми отецъ не рѣшается разстаться; изъ себя выходитъ, когда всю челядь не видитъ на лицо: «Да гдѣ этотъ, да гдѣ тотъ, да кто его послалъ?» *) Мама не могла квартиру даже и осмотрѣть, а знаетъ только свою комнату, гдѣ и я помѣстилась съ ребенкомъ...»

... «Александръ возвратился вчера изъ Тригорскаго и при-

*) Подчеркнутая фраза по-русски Л. П.

везъ намъ только одни поклоны отъ Осиповой, которая все больна, и дочери ея Вревской. Александръ, вѣрующій въ Спасскаго, какъ жиды въ пришествіе Мессіи, повторяетъ все, что̀ тотъ ни говоритъ, увѣряя будто бы мать очень плоха (mon frère, qui croit à Spasky comme les juifs au Messie, qui doit leur arriver, repète tout ce qu'il dit, et prétend que ma mère est très mal.) Но это неправда: Александръ только одинъ это проповѣдуетъ, а другіе поздравляютъ ее съ улучшеніемъ, и въ самомъ дѣлѣ: послѣдніе дни она замѣтно поправилась съ тѣхъ поръ, какъ стала принимать лепешки Маркелова, такъ что сегодня Спасскій разинулъ ротъ. Приписываетъ улучшеніе не лепешкамъ Маркелова, а единственно крѣпкому тѣлосложенію больной. Можешь себѣ, между тѣмъ, представить положеніе моего отца! Его преслѣдуютъ черныя мысли, а къ тому же денегъ нѣтъ. Сдѣлался хуже женщины, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, плачетъ, а я право не знаю, что дѣлать. Отдала все, что̀ могла, и безъ толку, по милости домашнихъ порядковъ и плутовства лакеевъ, въ сравненіи съ которыми сахаръ медовичъ Пронька ходячая добродѣтель *). Получено изъ деревни тысяча рублей, за квартиру уплачено 400, а остальные куда дѣвались? Ни я, ни маленькій Леля, ни мои люди родителямъ не стоятъ ни копѣйки, занимаю только у нихъ комнату. За столъ же и моимъ двумъ прислугамъ плачу я изъ присылаемаго жалованья и изъ денегъ, вырученныхъ Александромъ отъ продажи фермуара; данныя мной старикамъ 150 рублей такъ и пропали. Отецъ проситъ у меня еще 225 рублей, такъ что у меня, до высылки тобой денегъ, ничего и не останется (je serai tout a fait à sec). Просить же возвращенія уже данныхъ мною финансовъ, у меня не достанетъ духу—слишкомъ на этотъ счетъ совѣстлива и деликатна...»

... «9-го ноября. Жена Александра опять беременна. Александръ объявилъ мнѣ объ этомъ сегодня. Вообрази, на нее, бѣдняжку, напали—отчего и почему мать у нея не остано-

---

*) Эта фраза по-русски. Л. П.

вилась по пріѣздѣ изъ Павловска? А дѣло просто: мама не думала тогда, что еще больше захвораетъ, разсчитывая и прежде того остаться у Княжниной до переѣзда на новую квартиру. На мѣстѣ моей невѣстки и я бы не пригласила свекровь, подвергая ее неудобствамъ. Правда, квартира Александра большая, но въ ней проживаютъ уже двѣ сестры, да трое ребятъ; брата же тогда и не было, а безъ его разрѣшенія Наташа не предложила бы мамà къ ней переселиться. Безкостные языки пошли далѣе: вознегодовали (on est venu à se recrier), зачѣмъ у невѣстки ложа въ театрѣ, зачѣмъ на туалеты тратитъ бѣшеныя деньги, между тѣмъ какъ родители ея мужа бѣдствуютъ (à quel propos elle dépense un argent fou pour ses robes, tandis que les parents de son mari se trouvent dans de mauvais draps), словомъ нашли очень остроумнымъ ее бранить (en un mot, on a trouvé très piquant de la gronder) *). Бранятъ и насъ, само собою разумѣется: Александръ—дескать **чудовище, а я—жестокосердая дочь!** (Alexandre est un monstre, et moi—une fille dénaturée!) Впрочемъ Александръ, я и Наташа не лишены и защитниковъ. Знаешь, что еще говорятъ?—будто бы ты управляешь имѣніемъ, отецъ насъ будто бы отдѣлилъ, а братъ Александръ подарилъ, сверхъ того, **мнѣ** двѣсти душъ, полученныхъ имъ отъ отца къ своей свадьбѣ. **Дай Богъ ихъ устами медъ пить. Но это никогда не будетъ: не говорю объ Александрѣ—было бы глупо и несправедливо съ его стороны: онъ отецъ семейства, и жена ему ближе меня** **).

Всѣмъ однако сплетнямъ отецъ самъ виноватъ: онъ то и дѣло жалуется, плачетъ и вздыхаетъ при встрѣчномъ и поперечномъ (il ne fait que se plaindre, pleurer et soupirer à

*) Подтвержденіемъ того, что моя мать сообщила отцу, служитъ письмо дяди Александра къ П. А. Осиповой, но **не въ исходѣ августа**, какъ напечатано на 260 стр. VIII тома изд. г. Суворина, а послѣ возвращенія Пушкина въ Петербургъ—въ октябрѣ. Дядя высказываетъ почти тѣ же мысли. Л. П.

**) Подчеркнутыя фразы по-русски Л. П.

tout venant et à tout passant). Когда у него просятъ денегъ на дрова или сахаръ, бьетъ себя по лбу и кричитъ: что вы ко мнѣ приступаете? я несчастный человѣкъ*). Пустилъ онъ это восклицаніе и при мнѣ, что, признаюсь, меня позабавило, такъ какъ подумала о его тысячѣ двухстахъ душахъ въ Нижнемъ (car j'ai d'abord songé à ses 1,200 paysans de Nijni)... Постарайся пріѣхать сюда зимой! Ручаюсь, примутъ съ распростертыми объятіями! Даже моя мать повидимому тебя полюбила; часто говоритъ о тебѣ, спрашивая, что̀ мнѣ пишешь, и всегда поручаетъ тебѣ очень кланяться. Твою палинодію напечатаютъ въ «Сѣверной Пчелѣ», куда ее отослалъ Вяземскій, а статья противъ Сенковскаго, по словамъ Вяземскаго и брата Веневитинова, запоздала: бумаги Брамбеуса уже такъ упали, что о немъ больше и не говорятъ; это подтвердилъ и Александръ.»

«Кстати: отгадай, чѣмъ занимается Анетъ Кернъ?—Переводитъ Жоржъ Занда, и не ради удовольствія, а ради денегъ! Просила она Александра замолвить слово въ ея пользу Смирдину; но Александръ всегда дѣйствуетъ безъ церемоніи, когда дѣло идетъ объ отказѣ (mais Alexandre est toujours sans façons, quand il s'agit de refuser). Братъ отвѣчалъ, что онъ Смирдина совсѣмъ не знаетъ, но Анета не печалится, разсчитывая получить за переводъ романа «Andrée» ни болѣе ни менѣе какъ пятьсотъ рублей».

Въ письмѣ отъ 22 ноября Ольга Сергѣевна разсказываетъ довольно юмористическое происшествіе:

«Твое письмо, а лучше сказать, вложенный туда кредитивъ на имя банкира произвело не совсѣмъ плохой эффектъ: надо замѣтить, что въ тотъ же день мой отецъ долженъ былъ получить 1400 рублей, высланныхъ управляющимъ, и преподнесъ мнѣ съ сіяющимъ видомъ сто рублей—часть его долга. Затѣмъ получается и твое письмо; я его отцу читаю. «Дражайшій» вытянулъ физіономію и вознегодовалъ, зачѣмъ высылаешь мнѣ деньги чрезъ банкира? Приходитъ тогда Але-

*) Подчеркнутая фраза по-русски. Л. П.

ксандръ; «дражайшій» отводитъ его въ сторону, показываетъ письмо управляющаго и, топая ногою, спрашиваетъ: «Что это такое? что это значитъ? не понимаю (qu'est ce que c'est que cela, qu'est ce que cela veut dire? je ne comprends pas). Я удалилась въ другую комнату, дать отцу и брату объясняться на свободѣ. Однако слышала ихъ преніе. Александръ говорилъ съ большимъ жаромъ, и когда споръ кончился, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Для тебя есть девятьсотъ рублей, но тебѣ не дадутъ ничего, потому что мой отецъ, несмотря на мои доказательства, упорно утверждаетъ, что деньги для Льва (Il y a neuf cents roubles pour vous; mais on ne vous donnera rien, car mon père, malgré que je le lui prouvais, s'obstine à soutenir, que c'est pour Léon); а мужъ твой виноватъ: еслибы написалъ прежде Пеньковскому, деньги были бы у него *). Мама, лежа въ постели, услышавъ, что говорятъ о дѣлѣ въ сосѣдней комнатѣ, перепугалась, опасаясь сцены, а сидѣвшая у матери Княжнина выходитъ къ намъ наципочкахъ, со словами: «Бога ради потише! Съ вашей мама сдѣлается дурно». Я сей же часъ пошла съ братомъ къ больной; Александръ, полагая ее успокоить, сказалъ ей, что ничего особеннаго не случилось, а разговоръ касался денегъ, высланныхъ изъ деревни. Затѣмъ Александръ взялся за шляпу и былъ таковъ **). Весь день мой отецъ дулся; за обѣдомъ и ужиномъ не проронилъ ни слова (et ne me souffla pas le mot), но послѣ ужина послѣдовалъ за мной и, показывая мнѣ бумажникъ, сказалъ:—Тутъ есть деньги и для тебя, какъ увѣряетъ Александръ; возьми по крайней мѣрѣ часть (Il y a aussi de l'argent pour toi, à ce que dit Alexandre; prends au moins une partie). Первымъ моимъ словомъ было отказаться, и я отвѣчала:—если васъ это стѣсняетъ, ни за что̀ на свѣтѣ не приму, а попрошу только у васъ, что̀ мнѣ должны.—«Но это меня ни мало не стѣсняетъ»,—отвѣчалъ отецъ.—«Матвѣй Михайловичъ Сонцовъ мнѣ прислалъ кое-что надняхъ...» Я

*) Подчеркнутая фраза по-русски. Л. П.
**) Подчеркнутыя слова по-русски. Л. П.

опять просила его не безпокоиться, вслѣдствіе чего онъ и положилъ обратно бумажникъ въ карманъ, а на другой день... ни слова. На третьи сутки, зарядившись храбростью и видя отца въ хорошемъ расположеніи, я попросила должные мнѣ сто двадцать пять. На это «дражайшій»:—«Возьми же пятьсотъ, прошу тебя»: Послѣ того я уже отцу не прекословила. Остальныя пятьсотъ отецъ послалъ въ Тифлисъ Леону, вмѣстѣ съ письмомъ довольно безцеремоннымъ, чтобы не сказать рѣзкимъ. Но храброму капитану—съ гуся вода: подвергается не такимъ пулямъ *). Какъ тебѣ это все кажется? Право, папа́ жалокъ, всегда нуждается. Александръ увѣряетъ что «дражайшій» опять хочетъ заключить заемъ. Со всѣхъ сторонъ отца обманываютъ, обворовываютъ, грабятъ, да еще подсмѣиваются надъ нимъ. А челядь его—саранча сущая **). Итакъ, не присылай теперь мнѣ денегъ: у меня болѣе четырехъ сотъ рублей; двухъ сотъ круглымъ счетомъ очень достаточно; если же весной поѣдемъ въ деревню—и того слишкомъ много. Не буду выѣзжать, помимо увѣщаній Александра, въ свѣтъ, во избѣжаніе расходовъ...

«Только-что возвратилась отъ Александра»,—сообщаетъ мать отъ 26 ноября, между прочимъ,—«и провела у него цѣлый день съ моимъ Лелей. Братъ, повидимому, опять меня весьма полюбилъ (mon frère parait de nouveau m'aimer beaucoup), а Лелю очень хвалитъ и ласкаетъ ***). Леля большой говорунъ и особенно сошелся съ своимъ двоюроднымъ братомъ Сашей, но успѣлъ на него тутъ же дядѣ насплетничать:—«Дядя, знаешь, Маша плачетъ? Сашка ее прибилъ!» Александръ своимъ дѣтямъ такъ же, какъ и я моему, спуску не даетъ—ни двухлѣтнему своему мальчику, ни дѣвочкѣ. Впрочемъ, нѣжный отецъ (il châtie bien son garçon, qui n'a que deux ans, et sa Macha de même. Au reste il est tendre père). Знаешь ли, братъ хотя человѣкъ и не дѣловой, но дѣла понимаетъ, и

---

*) Подчеркнутое по-русски. Л. П.

**) Подчеркнутое по-русски. Л. П.

***) Тоже. Л. П.

далъ мнѣ много практическихъ совѣтовъ? Ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ журналистовъ, называя ихъ ябедниками и жидами. Говоритъ, въ деревнѣ писалъ очень немного, но своей элегіей (онъ мнѣ ее прочелъ) остался доволенъ *). Написалъ и очеркъ «Клеопатра» **). Отыскалось у него до двадцати экземпляровъ твоего лирическаго альбома ***). Отдалъ мнѣ пятнадцать для перемѣны на книги, совѣтуя пріобрѣсти взамѣнъ, между прочимъ, сочиненія Гоголя. Прочти ссору Ивана Ивановича съ сосѣдомъ—тоже Иваномъ». Я послушалась и купила, но не взамѣнъ альбома, а на чистыя деньги. И дѣйствительно не раскаиваюсь: хохотала до упаду. Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ—неподражаемы. (Ces deux Иванъ sont impayables, et le «поцѣлуйтесь съ своей свиньею, а если не хотите такъ съ чортомъ»— c'est tout ce qu'il y a de plus gentil). Гораздо больше смѣялась при чтеніи «Ивана Ивановича, чѣмъ при чтеніи Героя Очаковскихъ временъ» Основьяненки, который, помнишь, меня такъ забавлялъ!..»

«Наташа и сестры ея, Азинька и Коко ****), прелюбезныя и предобрыя. Видятъ во мнѣ родную, и, конечно, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, ласкаютъ моего Лелю, въ особенности Коко. Мальчишка (le petiot) кажется уже въ нее и влюбился...

Къ сожалѣнію, не могу часто у нихъ бывать. Всякій день проливной дождикъ, а грязь непроходимая, въ особенности въ части города, гдѣ живемъ. Мамѣ теперь гораздо лучше, и если будетъ продолжать лепешки Маркелова, Богъ дастъ поправится».

«Тебѣ кланяется»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 28 ноября,—«Сергѣй Соболевскій, безъ котораго Александръ жить не можетъ. Все тотъ же на словахъ злой насмѣшникъ, а на дѣлѣ добрѣйшій человѣкъ. Братъ посвящаетъ Соболевскаго въ се-

---

*) Вѣроятно это элегія: «Вновь я посѣтилъ». Л. П.

**) Не «Клеопатра», а «Египетскія ночи». Л. П.

***) Объ этомъ альбомѣ мною упомянуто выше. Л. П.

****) Александра и Екатерина Николаевны. Послѣдняя вышла замужъ за Дантеса. Л. П.

мейныя дѣла; ничего отъ него не скрываетъ. Читая твои письма, Александръ часто терялъ терпѣніе, и тогда Соболевскій ихъ ему дочитывалъ, совѣтуя обращать серьезное вниманіе на то, о чемъ сообщаешь. Разсмѣшилъ меня этотъ mylord qu'importe своей сатирической выходкой; сказалъ мнѣ по-русски: «Сестра незабвеннаго здѣсь присутствующаго піита, и дочь знаменитаго его родителя! Не соблаговолите ли осчастливить мой карманъ девятью стами сребренниковъ, ожидаемыхъ вами отъ оного родителя? Когда-нибудь честное слово отдамъ, если не на этомъ, то, ей-Богу, на томъ свѣтѣ»...

... «Леонъ продолжаетъ писать письма изъ Тифлиса старикамъ на имя Александра, который, по моему совѣту, болѣе ихъ по принадлежности и не пересылаетъ—(иначе съ мама сдѣлалось бы Богъ знаетъ что̀), и не стѣсняется ихъ распечатывать. По этимъ письмамъ, Леонъ, прежде опредѣленія своего въ линейный казачій полкъ, задавалъ будущимъ товарищамъ обѣды. Какъ тебѣ нравится? Къ тому же, Александръ мнѣ разсказалъ, что Леонъ, будучи въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нанялъ первый номеръ въ домѣ Энгельгардта, за который платилъ двѣсти рублей въ недѣлю, и давалъ завтраки графу Самойлову! Александръ говоритъ: «это уже изъ рукъ вонъ, ни на что не похоже!»

... «Александръ намѣренъ ѣхать въ Москву на два мѣсяца, а можетъ быть останется и долѣе. Будетъ рыться въ архивахъ для своей исторіи Петра Великаго. Онъ очень разсѣянъ, и не рѣшаюсь поэтому подробно говорить ему о нашихъ денежныхъ дѣлахъ. Къ тому же слишкомъ озабоченъ хозяйствомъ, ребятишками и нарядами жены (D'ailleurs il pense trop à son ménage, a sa marmaille, et à la toilette, de sa femme). Вчера былъ, по обыкновенію, не надолго, къ тому жъ съ тремя женами и въ дистракціи *). Все, чего отъ него могла добиться, ограничивается тѣмъ, что, какъ ты полагалъ, на нашу долю придется пока, за вычетомъ процентовъ въ ломбардъ, 1600 рублей, которые управляющій долженъ

* Подчеркнутыя слова по-русски. Л. П.

выслать тебѣ во что бы ни стало, и будто бы Александръ письменно приказалъ ему это сдѣлать. Повтори однако это господину Пеньковскому. Но во всякомъ случаѣ было бы еще лучше, еслибы ты пріѣхалъ сюда, пока Александръ еще здѣсь, или же немедленно по его возвращеніи переговорить съ нимъ лично. Полагаю, братъ не уѣдетъ раньше января, а въ мартѣ будетъ назадъ. Ничего положительнаго объ этомъ не говоритъ даже и Наташѣ».

... «Былъ у насъ Плетневъ, былъ и Жуковскій, были и Талызины, но мать къ нимъ не выходила, а принималъ «дражайшій». Мама поправляется, но очень медленно, и перебирается съ помощью палки изъ спальни въ гостиную, посидитъ въ креслѣ и опять уходитъ.

... «Пишу тебѣ въ знаменитый день моего рожденья»,— иронизируетъ Ольга Сергѣевна въ письмѣ отъ 20-го декабря.—«Удивительное, нечего сказать счастіе, что лишній годъ сѣлъ мнѣ на плечи! Еслибы знаменитый день принесъ мнѣ какое-либо особенное благополучіе—можно было бы его еще отпраздновать. Александръ совершенно согласенъ съ моими мыслями, потому и не счелъ нужнымъ находиться въ числѣ поздравившихъ, а ихъ было много. Богъ знаетъ какимъ образомъ всѣ они провѣдали о «достославной годовщинѣ». Показались даже такіе господа, которыхъ я до «сихъ поръ» и въ глаза не видала. Все это звонило безъ памяти, такъ что и звонокъ никуда больше не годится, злословило, сплетничало, ѣло, да закусывало, да радовалось и повидимому всякій воображалъ, что восторгается не моимъ, а собственнымъ днемъ своего рожденія *). Боже мой, какъ все это смѣшно, и какъ достойно самыхъ колкихъ насмѣшекъ Александра, (Grand Dieu, que c'est ridicule! Mais tout ceci peut servir de sujet aux épigrammes les plus mordantes d'Alexandre!) Утромъ мама настояла, чтобы я пошла къ обѣднѣ, что я и сдѣлала, зная какъ это будетъ ей пріятно, хотя дома помолилась бы съ бо́льшимъ усердіемъ, не соблаз-

*) Подчеркнутая фраза по-русски. Л. П.

няясь на пѣніе дьячка въ скороговорку, которое болѣе чѣмъ неблаголѣпно, не располагая къ теплой молитвѣ. Принимая же затѣмъ знакомыхъ и незнакомыхъ, въ качествѣ «новорожденной»—въ тридцать-то восемь лѣтъ *)—я устала такъ, что и сказать не могу. Отецъ не въ духѣ, мать тоже не въ своей тарелкѣ и, какъ полагаю, единственно вслѣдствіе моихъ словъ, что день моего рожденья терпѣть не могу.

... «Мама чувствуетъ себя повидимому лучше. Раухъ и Спасскій являются всякій день и говорятъ между собою по-латыни, что меня однако далеко не успокоиваетъ».

... «Мамà не покидаю днемъ. Занимаю ее чтеніемъ Вальтеръ-Скотта, Бальзака и Поль де-Кока, чѣмъ и заставляю смѣяться. Мать кажется полюбила тебя не на шутку, очень желаетъ тебя увидѣть, спрашиваетъ, привезешь ли свою гитару, прошелъ ли твой кашель, даже прослезилась, сказавъ: «я много, много была виновата передъ нимъ». (J'ai eu tort, bien tort à son égard»). Леля ея любимецъ и баловень. По вечерамъ выѣзжаю очень рѣдко, и то, чтобы сдѣлать удовольствіе Александру. Была съ нимъ у Вяземскихъ, Ѳалызиныхъ, но не пускаюсь въ большой свѣтъ... что я тамъ забыла? Правда, ѣздила въ собраніе, но не танцовала, а была на хорахъ. Наташа разумѣется танцовала, а братъ нашелъ своего Соболевскаго, который тоже не танцовалъ, а прогуливался, задравъ кверху носъ, руки въ карманы и, кажется, былъ намѣренъ сказать: «Смѣюсь надъ всѣми! (il se promenait le nez au vent, les deux mains dans ses poches, et semblait dire à toute la société: je ne me moque pas mal de vous)!—Надняхъ посѣтила я Анетъ Кернъ вмѣстѣ съ Александромъ. Былъ тамъ Глинка. Онъ ставитъ свою оперу «Сусанинъ». Кромѣ Глинки встрѣтила я многихъ пріятныхъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, нравственно отдохнула, и прежняя веселость, хотя на пару часовъ, ко мнѣ возвратилась. Кстати или некстати (à propos ou mal à propos). Очень хорошо дѣлаешь, что не кажешь носа къ К—мъ, послѣ того, какъ глава этого семейства не

*) Подчеркнутая фраза по-русски.

заблагоразсудилъ отвѣчать тебѣ визитомъ. Александръ говоритъ, что онъ очень глупъ, доказательствомъ чего, между прочимъ, служитъ слѣдующая выходка этого вельможнаго пана: вообрази, заставилъ французскихъ актеровъ играть свой глупый водевиль, и вышелъ просто срамъ. Употребляю выраженіе Александра (Alexandre dit, qu'il est bien sot et ce qui le prouve, c'est que, figurez vous, qu'il à fait jouer aux acteurs français sa bête de pièce—son charmant vaudeville!— C'était une honte tout court. J'emploie les termes d'Alexandre). Что касается жены этого господина, то она Александра терпѣть не можетъ. Она когда-то вздумала говорить ему о его стихахъ, а такъ какъ братъ ей отвѣчалъ довольно сухо, то и отнеслась къ нему съ насмѣшливымъ тономъ:

— Знаете ли, г. Пушкинъ, что вашъ «Годуновъ» можетъ показаться интереснымъ въ Россіи?

Алексанръ на это отвѣчалъ:

— Такъ же онъ можетъ показаться интереснымъ въ Россіи, какъ вы можете казаться красивой женщиной въ домѣ вашей матушки. (Savez vous monsieur Пушкинъ que votre «Годуновъ» peut paraître intéressant en Russie?— Madame—riposta Alexandre—tout comme vous pouvez passer pour une jolie femme dans la maison de madame votre mère).

«Александръ вообще въ долгу не остается; на глупости отвѣчаетъ мѣтко и дерзко, тогда какъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы пожать на пошлыя фразы плечами и отойти, или же, на худой конецъ, забарабанить пальцами по столу, какъ будто невзначай, въ отвѣтъ на подобныя выходки: самое лучшее средство, и значило бы: «съ пошляками не хочу тратить словъ». Александръ же нервный. Принимая къ сердцу то, что надо бы пропустить мимо ушей, и не ожидая выходокъ, на которыя всегда надо быть готовымъ, онъ тогда или растеряется, а черезъ полчаса отомститъ колкой эпиграммой, которую напечатаетъ, или же «огрѣетъ» (il ripostera) противника на мѣстѣ, да такъ «огрѣетъ», что тотъ, будучи разбитъ двумя-тремя словами Александра на́ голову (étant battu à plate couture), сдѣлается его тайнымъ, слѣдовательно, самымъ

опаснымъ врагомъ *)... К—я съ тѣхъ поръ равнодушно на него смотрѣть не можетъ...

«Александръ далъ мнѣ надняхъ читать стихи Бенедиктова; есть вещи прекрасныя, но и безвкусія довольно. Показались ли они у васъ? «Ледяной домъ»—новый романъ Лажечникова—вовсе не хорошъ. Пахнетъ литературнымъ похищеніемъ (cela sent son plagiat); подражаніе и Гюго, и Вальтеръ Скотту, мочи нѣтъ **), что̀ собственно très mauvais goût... Съ этимъ согласенъ и Владиміръ Соломирскій' мой ученикъ по френологіи и хиромантіи; былъ у меня надняхъ вмѣстѣ съ Александромъ. Говорю «у меня», такъ какъ отца не было дома, а мама принять, по болѣзни, никакъ не могла. Соломирскій выдержалъ тоже большую и еще болѣе опасную болѣзнь».

«.... Тебѣ уже извѣстно»,—пишетъ Ольга Сергѣевна мужу отъ 3-го января слѣдующаго 1836 года,—«что̀ сдѣлалъ мой братъ Леонъ, но что̀ мнѣ сейчасъ разсказалъ Александръ—это уже новость: Леонъ проигралъ тридцать тысячъ рублей! (mais ce que vient de me dire Alexandre—c'est quelque chose de nouveau: Léon vient de perdre au jeu trente mille roudles!) Александръ хочетъ купить вексель, и напрасно; ему это удалось однажды. Левъ проигралъ Болтину десять тысячъ, а помирился эдакимъ манеромъ на двѣ тысячи. Каковъ же Левъ? Изъ рукъ вонъ! Соболевскій

---

*) Къ этому времени появилось въ «Московскомъ Наблюдателѣ» знаменитое стихотвореніе дяди «На выздоровленіе Лукулла», направленное противъ Сергѣя Семеновича Уварова, въ отместку за его замѣчаніе, вслѣдствіе извѣстной эпиграммы Пушкина на попечителя петербургскаго учебнаго округа Дондукова-Корсакова. Ольга Сергѣевна многое предвидѣла, что̀ касалось ея брата; злополучные стихи дяди на Уварова, о которыхъ впрочемъ она въ письмахъ отцу ни упоминаетъ, были ей тогда еще неизвѣстны. Съ дочерью графа Уварова, княгиней Александрой Сергѣевной Урусовой, мужъ которой состоялъ, если не ошибаюсь, адъютантомъ у Паскевича, Ольга Сергѣевна находилась въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Александра Сергѣевна, разумѣется, была во всей этой исторіи не при чемъ. Л. П.

**) Подчеркнутыя слова по-русски. Л. П.

говоритъ: «Придется же Александру Сергѣевичу кормить; кормить-то еще не бѣда, а поить накладно»; *) я же съ моей стороны не вижу никакой причины платить за долги Леона и полушки.»

... «Хочу тебя уже давно спросить, когда же выйдетъ романъ нашего друга полковника Франковскаго **). А пора ему и другой печатать: кстати, здѣсь появился новый русскій романъ; мнѣ его рекомендуютъ, но не имѣю храбрости прочесть, такъ какъ, признаюсь, имѣю очень дурное мнѣніе о новыхъ произведеніяхъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ. Конечно, само собою разумѣется, не говорю о перѣ моего брата, Жуковскаго, Вяземскаго и Гоголя, котораго «Вечера въ Малороссіи» ***)—прелесть. Онъ и поэтъ, и живописецъ. Я его видѣла у Александра. Показался мнѣ крайне печальнымъ, неразговорчивымъ, задумчивымъ, такъ что я въ шутку спросила брата: не влюбился ли онъ въ одну изъ твоихъ женъ? Большой фаворитъ Плетнева. Что касается Булгарина, то и его встрѣтила на улицѣ. Представь, узналъ, остановилъ и очень много о тебѣ разспрашивалъ. Разумѣется о братѣ и не заикнулся. Проситъ тебя присылать ему для печати твои замѣтки о Варшавѣ, восхищался твоимъ талантомъ писать «положительныя» статьи, бренчать ****) на гитарѣ, восторгался твоимъ лирическимм альбомомъ—словомъ, что ни слово—любезность, что̀ ни жестъ—утонченный комплиментъ †). Объ этой встрѣчѣ я разсказала Александру, а братъ отвѣчалъ: «онъ хорошъ съ твоимъ мужемъ и съ тобой, а со мной... Богъ съ нимъ!» (Il est très bien avec ton mari et avec

---

*) Подчеркнутое по-русски. Л. П.

**) Полковникъ Франковскій упомянутъ мною во второй главѣ. Объ этомъ воинѣ, который во время взятія, въ 1814 г., высотъ Бельвиля и Монмартра, обратилъ своей храбростью вниманіе покойнаго императора Александра Павловича,—поэтѣ и беллетристѣ—разсказываю болѣе подробно въ другомъ отдѣлѣ моей «Семейной Хроники» отъ 1837 по 1846 годъ. Л. П.

***) «Вечера на хуторѣ». Л. П.

****) Слово написано по-русски. Л. П.

†) Тоже. Л. П.

toi; mais quant-à-moi—que le bon Dieu le bénisse!) Встрѣтила я и Элькана. Такой же какъ былъ; попрежнему подражаетъ Александру въ костюмѣ, бакенбардахъ, даже въ походкѣ. Этотъ тоже меня узналъ, «грозился быть у Сергѣя Львовича, хотя бы для того, чтобы насладиться моей бесѣдой». Пожалуйста не ревнуй меня къ нему. Онъ, правда, очень уменъ и любезенъ, но далеко не опасенъ».

«Очень благодарю»,—сообщаетъ Ольга Сергѣевна отъ 18 января,—«за присылку денегъ, но чрезвычайно недовольна твоимъ письмомъ Александру. Твое письмо взволновало лишь его жолчь. Не помню, видѣла ли я когда-нибудь брата въ такомъ скверномъ расположеніи духа!! Онъ раскричался до хрипоты, что лучше отдастъ все, чѣмъ владѣетъ, нежели опять имѣть дѣло съ Болдинымъ, управляющимъ, ломбардомъ и пр. (Votre lettre n'a abouti qu'à lui mettre le bile en mouvement, et je ne me souviens pas d'avoir vu mon frère d'une humeur aussi détestable!! il a crié jusqu'à s'égosiller, qu'il aimait mieux donner tout ce qu'il possède, que d'avoir affaire de nouveau à Boldino, a l'intendant, au lombard etc., etc). Сказалъ, что вмѣсто того, чтобы писать ему, можешь адресоваться прямо къ Пеньковскому, который и долженъ слѣдить за дѣлами, такъ какъ за это получаетъ деньги. Александръ письма твоего не читалъ и, распечатавъ, возвратилъ его тотчасъ. Впрочемъ, гнѣвъ Александра показался мнѣ довольно забавнымъ: казалось, онъ передразнивалъ отца (il avait tout l'air de contrefaire mon père). Изъ его словъ (cependant j'ai pu tirer de lui) я вынесла, вопервыхъ, что Пеньковскій простофиля, которому братъ уже приказалъ внести деньги въ ломбардъ, и затѣмъ выслать тебѣ по разсчету что̀ слѣдуетъ; вовторыхъ, что имѣніе заложено за сорокъ тысячъ, шесть процентовъ слѣдуетъ внести, а такъ какъ дохода приблизительно лишь четыре тысячи, то мы можемъ получить только отъ 1,500 до 1,600 рублей, и, наконецъ, втретьихъ, что такъ какъ намъ въ ноябрѣ доставлено девятьсотъ, а теперь столько же, то мы и получили двумя стами рублями больше, чѣмъ слѣдовало. Правда, въ ноябрѣ я получила четыреста рублей, но тѣмъ не менѣе день-

ги, высланныя брату Льву, были наши. Напиши Пеньковскому, безъ лишнихъ церемоній, что съ его стороны довольно глупо причинять тебѣ хлопоты уплачивать проценты изъ Варшавы въ московскій ломбардъ, слѣдовательно avec un argent rogné. Сообщи ему, ради Бога, чтобы онъ больше не писалъ ни Александру, ни моему отцу, а вѣдался бы съ тобой, согласно приказанію моего брата; если же Пеньковскій считать не умѣетъ, то можетъ узнать какимъ-либо другимъ образомъ, сколько онъ долженъ уплачивать изъ имѣнія Александра. Ясно ли? Просрочка же ничего не значитъ. — Александръ тѣмъ и заключилъ. *) Разбери самъ все хорошенько, если кое-что покажется тебѣ неяснымъ. Ничего болѣе не въ состояніи узнать отъ Александра, и какъ тебѣ угодно, говорить съ нимъ объ этомъ уже не стану. Твои же письма онъ броситъ въ печку и броситъ нераспечатанными. Вѣрь мнѣ. Брату же не до того теперь: онъ издаетъ на дняхъ журналъ, который ему приносить будетъ не меньше шестидесяти тысячъ рублей. Хорошо и завидно **). Кстати: Соболевскій надняхъ выигралъ процессъ въ сто четыре тысячи рублей, а вчера эту всю сумму получилъ сполна. Собирается опять съѣздить за границу и посѣтить Испанію—единственный край, въ которомъ еще не бывалъ. Его стихотвореніе, подъ названіемъ «Моя поѣздка въ Италію» презабавно. Подсмѣивается онъ и надъ затѣей Анеты Кернъ переводить Занда. Опять кстати (encore un à propos): здѣсь въ Петербургѣ ожидаютъ пріѣзда Бальзака; увѣряютъ, будто бы онъ уже въ Кіевѣ».

«...Журналъ Александра»,—пишетъ Ольга Сергѣевна отъ 31 января,—«будетъ въ родѣ англійскаго «Quarterly Review»,

---

*) Подчеркнутыя слова по-русски Л. П.

**) Подчеркнутыя фразы порусски. Ольга Сергѣевна подразумѣваетъ журналъ «Современникъ», но ошибается, говоря надняхъ. Первый томъ «Современника», на изданіе котораго покойный дядя получилъ разрѣшеніе въ началѣ января, одобренъ цензурою къ печати гораздо позднѣе, и вышелъ, когда Пушкинъ отсутствовалъ, сопровождая тѣло Надежды Осиповны въ Святогорскій Успенскій монастырь. Л. П.

выходя только въ количествѣ четырехъ томовъ въ годъ. Александръ будетъ помѣщать бо̀льшею частію не свои прелестныя произведенія, но плоды вдохновенія сотрудниковъ, а потому, право не знаю, сдѣлаюсь ли я усердной читательницей? Не жалую, болѣе нежели когда-либо, нынѣшнюю литературу, въ особенности послѣ того, какъ прочла хваленый романъ Лажечникова «Ледяной домъ». Хвалятъ еще одинъ новый романъ пера фрейлины (!) Шишковой, «Скопинъ Шуйскій». Воображаю, какая прелесть! Что же касается стихотвореній, все-таки не говорю о твореніяхъ Александра — они неподражаемы — то всѣ прочія наводятъ на меня несносную скуку; не могу рѣшиться прочитать и двѣнадцати строкъ. За то читаю и перечитываю все съ бо̀льшимъ наслажденіемъ «Евгенія Онѣгина», въ которомъ открываю всякій разъ новыя красоты. Нѣтъ, никогда подобнаго, какъ говорятъ французы (comme disent les Français) chef d'oeuvre, у насъ не появится. Говорю не какъ сестра Александра, а какъ женщина, вполнѣ понимающая изящное и изучившая поэзію, хотя и не обладаю творческимъ талантомъ. Совѣтую и тебѣ углубиться на досугѣ въ поэму Александра и увѣрена съ моимъ мнѣніемъ согласишься. Братъ мнѣ прочелъ и новое свое стихотвореніе «Полководецъ», въ память и честь Барклая, которое напечатается въ журналѣ брата. Александръ прочелъ «Полководца» съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ чувствомъ, что не могла удержаться отъ слезъ. Въ этой пьесѣ всякій стихъ—алмазъ. Вотъ какъ надо творить! Не думай, впрочемъ, что ничего, кромѣ Онѣгина и Годунова не читаю. Александръ снабдилъ меня, по моей просьбѣ, многими французскими и даже англійскими авторами, а маму развлекаю нашимъ пріятелемъ Поль-де-Кокомъ, котораго и читаю вслухъ. Она смѣется, и забываетъ на пару часовъ свои страданія... Говоритъ, что нашъ Лель ей самый лучшій докторъ, и будто она никогда не встрѣчала такого милаго и хорошенькаго ребенка,—заблужденіе и пристрастіе, свойственныя всѣмъ бабушкамъ. Напротивъ того: онъ порядочный горланъ, плакса и далеко не красивъ, да и не въ кого. Александръ, когда

приходитъ, всегда беретъ мальчишку къ себѣ на колѣни, душитъ его конфектами (et le bourre de bonbons), а сегодня увезъ къ себѣ на цѣлый день играть съ своими ребятишками (pour qu'il joue avec ses poupons à lui). Братъ находитъ его печальнымъ, и безпокоится, что мальчикъ худъ и блѣденъ, забывая, что послѣ піявокъ иначе и быть не можетъ..»

«...Сегодня день святаго Льва папы Римскаго»,—пишетъ Ольга Сергѣевна 18 февраля,—«значитъ именины и нашего ребенка, и его дяди храбраго капитана, котораго здѣсь нѣтъ къ большому огорченію бѣдной мамá».

...«Сегодня маленькій Леонъ — мущина самый счастливый на свѣтѣ (le petit Lolo est aujourd'hui l'homme le plus heureux du monde). Александръ, его жена и обѣ свояченицы навезли ему съ три короба игрушекъ. Александръ, пока пишу тебѣ, сидитъ у мамà, и останется у насъ весь день, чѣмъ заставитъ ее забыть отсутствіе другаго именинника — большаго Леона. Завтра Александръ ѣдетъ на пятнадцать дней въ Москву по литературнымъ дѣламъ и отправляется не одинъ, а съ шуриномъ Иваномъ Гончаровымъ.

...«Не описываю подробно увеселительную мою прогулку съ Александромъ и его женой на масляницѣ за городомъ, а также и поѣздку на третій день—тоже за городъ на фарфоровую фабрику. Этотъ послѣдній пикникъ устроили Политковскіе. Завтракали, обѣдали и танцовали подъ звуки стройнаго оркестра до 11 часовъ вечера» . . . .

...«Мама очень плоха», — пишетъ Ольга Сергѣевна 11-го марта. — «Статься можетъ, въ ней осталось жизни лишь на нѣсколько дней, и когда получишь это письмо, безъ сомнѣнія, она отойдетъ въ вѣчность. Докторъ сказалъ: «на этой недѣлѣ все можетъ кончиться (cette semaine tout peut finir). Голова у нея еще свѣжа; она улыбается Лелѣ, но это покойница. (Elle sourit à Lolo mais c'est une morte). Ничто не могло спасти ее. Осенью она уже была приговорена (elle a été condamnée depuis ces automne), и болѣзнь ея была ничто иное, какъ медленная агонія (une longue agonie, une agonie prolongée). Я видѣла сама, что на исцѣленіе нѣтъ надежды, но

полагала, что мать можетъ протянуть еще годъ, если не два. По мнѣнію доктора Спасскаго, ее сломила единственно печаль. Отчаяніе отца меня мучаетъ невыразимо; не можетъ воздержаться: рыдаетъ при ней, что̀ ее и пугаетъ, и волнуетъ. Я попыталась ему это высказать, но онъ закричалъ на меня, забывая, что и я лишаюсь матери. Право не знаю, что дѣлать. Александръ приходитъ на нѣсколько времени и уходитъ, какъ и прочіе (Alexandre ne fait que des apparitions, ainsi que les autres personnes), я съ отцомъ совершенно одна, а подруга моей матери, Тимоѳеева, не можетъ находиться безотлучно, помимо всего своего желанія, такъ какъ надняхъ неумолимая смерть похитила ея сестру, Екатерину Воронцову. Боже мой! еслибы, по крайней мѣрѣ, я имѣла счастіе быть съ тобою! Между тѣмъ, хозяйство изъ рукъ вонъ: челядь поистинѣ ужасна—сущіе разбойники! Нѣтъ у нихъ никакого усердія, никакихъ слезъ, хотя мама всегда была съ прислугами ласкова; челядь поступаетъ такимъ образомъ потому, что выжидаетъ перемѣны, а всякая перемѣна этимъ людямъ нравится (la valetaille est terrible: se sont des brigands à la lettre! aucun zèle, point de larmes, et pourtant maman a été toujours bonne envers eux. C'est qu'ils s'attendent à un changement—tout changement leur plait). Даю мои деньги дворнику за возлагаемыя на него порученія. Къ большому счастію, Александръ не уѣхалъ, какъ предполагалъ: распутица и дурныя дороги его испугали (l'ont effrayé). Увижу ли тебя, по крайней мѣрѣ, къ праздникамъ? Пріѣзжай прямо къ намъ; отецъ не говоритъ о тебѣ ни слова, но все равно. За его будущность я спокойна (je suis tranquille sur son avenir à lui). По всей вѣроятности онъ переселится къ своей сестрѣ Сонцовой. И мама думала переселиться въ Москву немедленно послѣ выздоровленія... Право не знаю, что пишу; рука дрожитъ, не знаю спокойствія ни днемъ, ни ночью.»

«Всякую минуту ожидаю страшнаго удара. Мама говоритъ со мною и постоянно требуетъ къ себѣ маленькаго Лелю, безпокоится, когда его уносятъ, почему онъ и не сходитъ съ моихъ рукъ, а я при ней безотлучно. Мама очень терпѣливо

переносить страданія (elle est très patiente). Прощай... завтра жду твоего письма»...

Получивъ это грустное сообщеніе моей матери, отецъ немедленно явился къ фельдмаршалу и испросилъ позволенія безотлагательно отправиться въ Петербургъ; онъ выѣхалъ 24 марта на страстной недѣлѣ, но прибылъ въ столицу только 30-го, на Пасхѣ.

Между тѣмъ жизнь Надежды Осиповны догорала. Она обнаруживала сильное безпокойство о Николаѣ Ивановичѣ, томительно ожидая свиданія; спрашивала дочь, на которой, по разсчету Ольги Сергѣевны, онъ станціи... считала бой часовъ, минуты, секунды, затѣмъ подзывала къ себѣ дочь, клала ей руки на голову, требовала, чтобы ей меня показывали, благословляла меня, ласкала и опять спрашивала дочь:

«Какъ думаешь?—скоро ли пріѣдетъ мужъ... да не тутъ ли онъ? Можетъ быть, раздѣвается въ той комнатѣ... пріѣхалъ... поди, узнай»...

Въ великую пятницу или субботу, не запомнилъ изъ разсказа матери, бабку пріобщили Св. Тайнъ. Сынъ и дочь были при ней. Дядя Александръ рыдалъ какъ ребенокъ, Сергѣй Львовичъ рвалъ на себѣ волосы и подвергся ужасному истерическому припадку, такъ что его «унесли» въ сосѣднюю комнату. Тутъ же лежалъ въ комнатѣ бабки и я полусонный. По требованію угасавшей, Александръ Сергѣевичъ взялъ меня на руки и поднесъ къ умирающей. Она опять меня благословила, сказавъ:

«Ольга, посмотри... не пріѣхалъ ли мужъ?»...

Часа черезъ два бабка лишилась сознанія. Вечеромъ, въ великую субботу, началась агонія, но тихая, а въ половинѣ перваго часа ночи, во время великой заутрени, когда въ храмахъ Божіихъ раздавалось радостное «Христосъ воскресе», не стало Надежды Осиповны Пушкиной...

Не могу не замѣтить: бабка выражала неоднократно желаніе переселиться въ будущую жизнь именно во время этого богослуженія . . . .

. . . .

«Я въ Петербургѣ съ понедѣльника Свѣтлой недѣли»,— сообщаетъ Николай Ивановичъ своей матери, Луизѣ Матвѣевнѣ отъ 9-го (21) апрѣля.—«Пріѣхалъ сюда по службѣ и по дѣламъ. Пріѣздъ мой ускоренъ былъ извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни матушки моей жены: она очень желала меня видѣть, но я опоздалъ одними сутками, заставъ ее уже на столѣ. Скончалась въ первый день Свѣтлаго воскресенья, въ самую заутреню. Кончина ее меня очень огорчила, и печаль, въ которой засталъ батюшку и Ольгу, долго не позволяла мнѣ приняться за дѣла... Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ въ Псковскую деревню, вслѣдъ за тѣломъ Надежды Осиповны, которая тамъ будетъ погребена...

«Живу у тестя. По окончаніи шести недѣль онъ отправится въ Москву къ своей сестрѣ Елизаветѣ Львовнѣ Сонцовой, поэтому Ольгѣ нельзя здѣсь оставаться безъ меня. Ѣхать съ нею и сыномъ къ вамъ, а потомъ въ Варшаву, было бы и дорого, и даже опасно при здоровьѣ ребенка. Слѣдовательно, не остается ничего болѣе, какъ воротиться съ ними въ Варшаву. По дорогѣ думаю заѣхать въ Псковскую деревню и прожить тамъ нѣсколько времени. Можетъ быть, оттуда проберусь къ вамъ одинъ, если обстоятельства, разумѣю денежныя, позволятъ: фельдмаршалъ рѣшитъ мои планы. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ меня съ собою; онъ же можетъ доставить мнѣ способы къ исполненію моихъ желаній.

«Ольга очень грустна, но слава Богу здорова, а Левка дѣлаетъ зубы: большой любимецъ дѣдушки, дядюшки и тетушекъ, а въ особенности былъ баловнемъ покойной своей бабушки»...

Прискорбное событіе дядя Левъ Сергѣевичъ узналъ въ Тифлисѣ изъ письма къ нему моей матери. За пять же дней до кончины бабки, 24-го марта *), Александръ Сергѣевичъ извѣщалъ брата, излагая ему матеріальныя обстоятельства,

*) А не 24-го апрѣля, какъ напечатано въ изданіи г. Суворина (т. VIII, стр. 146). 24-го же апрѣля Александръ Сергѣевичъ возвратился въ Петербургъ послѣ преданія тѣла Надежды Осиповны землѣ. Л. П.

только о томъ, что «мать очень больна, почему онъ все еще занимается дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе, и что надѣется сдать ихъ при первой возможности».

Пребываніе Александра Сергѣевича въ Михайловскомъ и Тригорскомъ было кратковременно. Хотя онъ, по словамъ моей матери, то же былъ младенецъ въ сельско-хозяйственномъ управленіи, но, посѣтивъ запущенную дѣдомъ Михайловскую вотчину, развелъ руками. Въ вотчинѣ оказалось все въ величайшемъ безпорядкѣ, а потому онъ и сообразилъ, что горю лучше всего можетъ пособить одна лишь энергія Николая Ивановича, который и избавитъ дядю отъ лишнихъ заботъ. Къ тому же у дяди было множество и другихъ непріятностей.

Первая книжка «Современника» вышла въ началѣ апрѣля, слѣдовательно во время его отсутствія. Противъ статей, входившихъ въ составъ первой книжки, подробно уже упомянутыхъ въ матеріалахъ Анненкова, да и противъ самаго изданія ополчились, какъ выражалась Ольга Сергѣевна, журнальные щелкоперы, а въ «Сѣверной Пчелѣ» дядю прямо укоряли въ занятіяхъ, несвойственныхъ его поэтическому генію. Онъ еще осенью 1835 года заявилъ сестрѣ, что пускается въ журналистику единственно съ цѣлію улучшить денежныя обстоятельства. Балы, камеръ-юнкерство и прочіе расходы, безъ которыхъ, по его мнѣнію, обойтись было нельзя, заставили Пушкина отдаться дѣлу діаметрально противуположному его поэтической натурѣ...

Дядя Александръ, предавъ землѣ тѣло Надежды Осиповны, погребенной рядомъ съ прахомъ ея родителей, Осипомъ Ибрагимовичемъ и Марьей Алексѣевной, и приготовивъ тогда же, по недоброму предчувствію, мѣсто и для себя, возвратился въ Петербургъ 14-го или 15-го апрѣля. Николай же Ивановичъ и Ольга Сергѣевна оставались на квартирѣ у Сергѣя Львовича.

Дѣдъ осунулся; горе его было внѣ всякаго описанія, а сестра его, Елизавета Львовна, и мужъ ея Матвѣй Михайловичъ

Сонцовъ отправляли ему письмо за письмомъ съ приглашеніемъ разстаться съ злополучнымъ Петербургомъ. Извѣстія о дѣлахъ Льва Сергѣевича, тоже не особенно благопріятныя, огорчали старика и сердили Александра Сергѣевича. Пріѣхавъ изъ Михайловскаго, этотъ послѣдній сообщилъ сестрѣ и зятю съ малѣйшими подробностями всѣ открытыя имъ въ деревнѣ безобразія и напомнилъ Николаю Ивановичу его обѣщаніе заѣхать въ Михайловское на возвратномъ пути въ Варшаву и водворить въ запущенномъ имѣніи порядокъ.

Въ началѣ мая дядя взялъ кратковременный отпускъ въ Москву, чтобы поработать въ мѣстномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и позабыть, хоть на нѣсколько времени, непріятности, которыя на этотъ разъ не счелъ нужнымъ сообщить сестрѣ. Въ этотъ періодъ времени, какъ она догадывалась, началась уже подпольная противъ ея брата интрига.

Въ Москву, почти въ одно время съ дядей, уѣхалъ и Сергѣй Львовичъ, а Наталья Николаевна съ сестрами поселилась на дачѣ Каменнаго острова.

Ольга Сергѣевна посѣщала невѣстку довольно часто, но не по вечерамъ, причемъ брала съ собой и меня.

Дядя воротился 23 мая, спустя нѣсколько часовъ по разрѣшеніи жены отъ бремени дочерью *), что̀ и дало поводъ Ольгѣ Сергѣевнѣ подшутить: «Всегда Александръ на нѣсколько часовъ опаздываешь! Въ прошломъ маѣ прозѣвалъ Гришу, а въ этомъ маѣ Наташу».

По возвращеніи Александра Сергѣевича, Николай Ивановичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское 10 іюня, предварительно исходатайствовавъ у фельдмаршала трехмѣсячный отпускъ. Ольга же Сергѣевна выѣхала туда же въ концѣ іюня, прогостивъ послѣднія двѣ недѣли со мною у дяди.

Тутъ дядя высказывалъ ей свои мрачныя предчувствія, недовольство жизнію, одолѣвающую его тоску, которую не могли подавить ни ласки жены и сестры, ни вниманіе окружав-

---

*) Натальи Александровны, по первому браку Дубельтъ, а по второму графини Меренбергъ. Л. П.

шихъ. Не могли подавить это чувство и его усиленныя занятія. Переписываться съ Николаемъ Ивановичемъ, котораго Александръ Сергѣевичъ называлъ «прозой ходячей», Пушкинъ считалъ очень скучнымъ и писалъ вообще о дѣлахъ à corps défendant, а Льву Сергѣевичу послалъ одно лишь короткое «дѣловое посланіе» 3 іюня, по поводу предполагаемаго раздѣла *).

Ольга Сергѣевна, уѣхавъ въ Михайловское, разсталась съ братомъ очень грустно. Оба рыдали и разлучились на вѣки. Провожалъ онъ сестру до Подгорнаго Пулкова, какъ и четыре года тому назадъ. Слова Пушкина, при разставаньи, приведены мной уже во 2-й главѣ «Хроники», а здѣсь прибавлю только, что дядя ласкалъ меня всю дорогу, крестилъ нѣсколько разъ, а, благословляя, положилъ руку мнѣ на голову и повторялъ: «живи, и будь счастливъ, будь счастливъ»..

Мои родители провели въ Михайловскомъ цѣлое лѣто...

Привожу слѣдующія выдержки изъ двухъ русскихъ писемъ отца къ Луизѣ Матвѣевнѣ. Одно изъ нихъ, отъ 8 іюня, писано наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, второе—по возвращеніи въ Варшаву, отъ 15 октября.

... «Я не получилъ здѣсь ожидаемаго мною денежнаго сикурска, и съ трудомъ нашелъ денегъ, чтобы добраться отсюда за пятьсотъ верстъ въ Псковскую деревню, принадлежавшую моей тещѣ, а теперь поступающую въ раздѣлъ между Ольгою и ея двумя братьями. Наслѣдство не велико—всего 80 душъ. Въ деревнѣ проживемъ до половины сентября, пока Александръ Сергѣевичъ успѣетъ достать намъ денегъ для продолженія нашего пути въ Варшаву. Завтра надѣюсь выѣхать одинъ. Жена хочетъ еще побыть у брата недѣли съ двѣ съ Левкой. Здоровье Ольги очень разстроено. Съ нетерпѣніемъ желаю добраться до деревни. Поѣздка сюда принесла мнѣ только ту пользу, что я самъ привезу жену и сына въ Варшаву».

---

*) Напечатано въ Суворинскомъ изданіи (см. т. VIII, стр. 147—148).
Л. П.

... «Возвратились мы недѣли три тому назадъ благополучно»,— пишетъ отецъ во второмъ письмѣ,—«а въ дорогѣ побаивался за здоровье Ольги и Левки. Еслибы не кончина тещи, конечно, я побывалъ бы у васъ, оставивъ Ольгу у родителей; но всѣ мои планы разрушились. По крайней мѣрѣ видѣлъ деревню, которой часть достается Ольгѣ; вмѣсто 8,000 р. жена получитъ 10,000 изъ этого наслѣдства. Я завелъ тамъ совсѣмъ другіе порядки, и говорю, не хвастая, дѣло сдѣлалъ. Плута управляющаго обличилъ въ подвигахъ очень неблаговидныхъ, и отправилъ къ чертямъ, поставивъ на его мѣсто другаго, чѣмъ значительно улучшилъ хозяйство и добился того, что увеличилъ не мало поземельный доходъ. Велъ переписку и съ шуриномъ, Александромъ Сергѣевичемъ, и съ тестемъ. Оба, надѣюсь, будутъ мнѣ за это пѣть хвалебныя пѣсни. А потрудился я порядкомъ, да иначе нельзя: надо браться за дѣло всякое не съ верхушки, а съ корня. Тесть, наконецъ, обѣщаетъ выслать изъ Москвы дарственную запись на полтораста душъ въ Нижегородскомъ имѣніи. Все это еще впереди, а пока... едва съ чѣмъ нашлось сюда пріѣхать. Можете себѣ представить, что̀ стоила мнѣ дорога, въ двухъ экипажахъ, подъ каретой шесть, а подъ коляской четыре лошади, со всѣмъ почти домомъ. Хорошо, что давали во все это время жалованье, а то бы мнѣ не сдобровать. Къ счастію еще успѣлъ продать хлѣбъ, и на эти-то деньги сюда пріѣхать».

Тотчасъ послѣ пріѣзда въ Михайловское, моя мать заболѣла серьезно—острымъ воспаленіемъ въ легкихъ, простудясь въ дорогѣ, и уже 27-го іюня слегла. Ждали въ Михайловское Александра Сергѣевича, но онъ не пріѣхалъ. Къ августу Ольга Сергѣевна поправилась и стала видѣться часто съ сосѣдями—П. А. Осиповой, дочерьми ея баронессою Е. Н. Вревской и А. Н. Вульфъ, а также и съ Веніаминомъ Петровичемъ Ганнибаломъ, сосѣдствомъ котораго, какъ опытнаго агронома, Николай Ивановичъ и воспользовался.

. . . .

XXXVIII.

Убійца моего дяди, баронъ Георгъ Дантесъ-Гекеренъ, главнымъ образомъ выступилъ на сцену лѣтомъ того же года, на злополучной Каменноостровской дачѣ; впрочемъ, Ольга Сергѣевна встрѣтила его раза два или три въ домѣ своего брата уже въ первыхъ мѣсяцахъ 1836 года.

Само собою разумѣется, не могу передать съ буквальною точностью разсказы и мысли моей матери о насильственной смерти ея брата, но передаю ихъ добросовѣстно.

«Въ этой кончинѣ», — говорила мнѣ она,—«гораздо менѣе виновенъ ничтожный Дантесъ, нежели добрые люди (!), намѣтившіе его палачемъ,—люди, въ числѣ которыхъ, кромѣ нѣмца Бенкендорфа, оказались между прочими — къ вящшему ихъ стыду и посрамленію, носившіе русскія, украшенныя княжескими титулами фамиліи — іезуитъ Гагаринъ, и авторъ не одного памфлета противъ Россіи — кривоногой (le bancal) *) Долгоруковъ Петръ. Оба они, въ сущности, ненавидѣли Россію, въ которой родились, воспитывались, хлѣбъ которой они ѣли не одинъ десятокъ лѣтъ... оба виновны, и нельзя придавать значенія ихъ сшитымъ бѣлыми нитками уверткамъ. Одинъ изъ нихъ соображалъ, сочинялъ и писалъ пасквили, другой адресовалъ, запечатывалъ, отправлялъ». Такъ полагаетъ по крайней мѣрѣ Ольга Сергѣевна...

«Дантесъ обладалъ безукоризненно-правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что называется, стеклянными глазами. Ростомъ онъ былъ выше средняго, къ которому очень шла полурыцарская, парадная кавалергардская форма. Къ счастливой внѣшности слѣдуетъ прибавить неистощимый запасъ хвастовства, самодовольства, пустѣйшей болтовни, забавныя выходки шалуна лѣтъ семнадцати, **)

---

*) Этимъ прозвищемъ его называла не одна моя мать, а все петербургское общество. Л. П.

**) Дантесу было въ 1836 году, по словамъ Ольги Сергѣевны, не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Л. П.

(tout un arsenal de jactance, de suffisance, et de jargon, au surplus un petit ton d'un polisson de dix sept ans) и вотъ—противникъ Александра Сергѣевича.

«Дантесомъ увлекались женщины не особенно серьезныя и разборчивыя, готовыя хохотать всякому излагаемому въ модныхъ салонахъ вздору, да считать разскащика очень остроумнымъ и, по ихъ логикѣ, чуть ли не геніальнымъ человѣкомъ».

«Еслибы во время самаго разгара гнусной подпольной войны противъ брата я находилась въ Петербургѣ»,—сказала моя мать—то не посмотрѣла бы ни на какихъ Бенкендорфовъ, и не поколебалась открыть все самолично Государю, одно мощное слово котораго заставило бы низкихъ заговорщиковъ снять маски, и они понесли бы должную кару по закону. Но меня не было, а братъ не пожелалъ написать о своемъ горѣ, иначе я немедленно поѣхала бы въ Петербургъ. Въ довершеніе несчастія, въ Петербургѣ не было тоже ничего не подозрѣвавшаго брата Льва: тотъ не допустилъ бы Александра до поединка, да и самъ бы на дуэль не вышелъ, доказавъ уже храбрость въ дюжинѣ кровопролитныхъ сраженій, а безъ всякой дуэли сумѣлъ бы преподать Дантесу щеголю (à ce mirliflore) болѣе дѣйствительный урокъ, и отбить у него навсегда охоту финтить да тарантить *). Впрочемъ, «мирлифлёръ» и самъ не разсуждалъ, съ кѣмъ дерзнулъ играть, а такъ какъ въ его головѣ логика работала не съ особеннымъ усердіемъ, то гдѣ же и было ему сообразить, что самъ играетъ роль пѣшки, проводимой въ дамки поражаемыми Александромъ врагами?»

Не повторяя въ моей «Семейной хроникѣ» того, что напечатано въ Россіи и за границей о кровавой катастрофѣ, ограничиваюсь краткимъ обозрѣніемъ фактовъ въ хронологическомъ порядкѣ, руководствуясь сообщенными мнѣ моей матерью разсказами ея ближайшихъ родныхъ—отца Сергѣя Львовича,

---

*) Буквальныя, русскія слова Ольги Сергѣевны. Л. П.

сестры его Сонцовой, ея мужа Матвѣя Михайловича, безвинно пострадавшей Натальи Николаевны, а также и моими личными бесѣдами съ остававшимися въ живыхъ друзьями дяди.

При послѣднемъ свиданіи съ сестрою въ іюнѣ 1836 года, Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что онъ еще въ прошломъ году принялъ къ сердцу «учительскій» тонъ Уварова, укорившаго его за эпиграмму: «Въ академіи наукъ засѣдаетъ» и проч., и отомстилъ ему комплиментомъ *) еще болѣе злымъ—комплиментомъ, появившимся въ печати и переведеннымъ на французскій языкъ однимъ французскимъ профессоромъ. Этотъ французъ, обиженный Уваровымъ, препроводилъ къ обидчику свой переводъ и пригрозилъ напечатать его за границей. Уваровъ поскакалъ къ Бенкендорфу, всѣдствіе чего Пушкинъ и получилъ отъ послѣдняго выговоръ. Вотъ все, что̀ разсказалъ моей матери дядя. Ольга Сергѣевна замѣтила ему, что Уваровъ, и безъ того недолюбливавшій брата, человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, мстительный, и во всякомъ случаѣ сила, съ которой нельзя не считаться.

Этимъ разговоръ между ними и кончился.

Родители мои ожидали дядю въ Михайловскомъ, особенно Николай Ивановичъ, желавшій познакомить шурина съ заведенными имъ новыми порядками, но Пушкинъ не только не пріѣхалъ, но и не писалъ ни зятю, ни сестрѣ. Не отвѣчалъ онъ сестрѣ и по прибытіи ея въ Варшаву. Тогда она стала очень о немъ безпокоиться, почему и черкнула въ Петербургъ своей давнишней пріятельницѣ, Т. С. Вейдемейеръ, прося ее извѣстить, не случилось ли чего-нибудь съ братомъ. Татьяна Семеновна, наведя немедленно справки, сообщила, что Александръ Сергѣевичъ здоровъ, сопровождаетъ попрежнему жену и своячелицъ на балы; что сестра пишущей, фрейлина—княжна Херхеулидзева,—видѣла его недавно у графини Нессельроде и графини Фикельмонъ, жены австрійскаго посланника, а одинъ изъ ея родственниковъ, на раутѣ у графини Разумовской.

*) «На выздоровленіе Лукулла». Л. П.

Въ этихъ-то домахъ, въ особенности же въ салонѣ у графини Фикельмонъ, и вертѣлся Дантесъ, вмѣстѣ съ усыновившимъ его голландскимъ посланникомъ барономъ Гекереномъ. Вертѣлся онъ, кромѣ того, у Карамзиныхъ, Вяземскихъ и наконецъ, въ домѣ своей будущей жертвы.

Говоря безпристрастно, Дантесъ не былъ злымъ, лукавымъ человѣкомъ, но по легкомыслію, свойственному и юношескому возрасту и націи (отецъ его, какъ нѣкоторые утверждаютъ, былъ выслужившійся при Наполеонѣ офицеръ), возмечталъ, что онъ необычайный красавецъ и что никакое женское сердце не можетъ устоять противъ его очаровательныхъ глазъ и игриваго ума. Снабженный рекомендательными письмами, записанный въ первый русскій кавалерійскій полкъ, съ довольно значительнымъ негласнымъ пособіемъ, усыновленный, наконецъ, представителемъ иностраннаго двора, Дантесъ счелъ себя въ правѣ держаться въ высшемъ обществѣ нахально. . . . . .

Враги Пушкина, нуждавшіеся въ «подставной пикѣ» поняли, что Дантесъ имъ очень удобенъ, и можетъ какъ нельзя лучше осуществить ихъ замыслы, вовсе при этомъ не подозрѣвая, кому именно онъ служитъ. Роль же старика Гекерена, который, вслѣдствіе неоднократныхъ по отношенію къ нему рѣзкостей Пушкина увеличилъ собою число враговъ послѣдняго, была, по мнѣнію моего дѣда Сергѣя Львовича, не въ примѣръ хуже, хотя онъ и не авторъ анонимныхъ пасквилей; но Ольга Сергѣевна полагала, что Гекеренъ-отецъ въ началѣ вовсе не хотѣлъ язвить Пушкина, а слова его Натальѣ Николаевнѣ «rendez moi mon fils, pour l'amour de Dieu», или нѣчто въ этомъ родѣ, вовсе не имѣли характера, имъ придаваемаго: Гекеренъ просто хотѣлъ просить или просилъ ее похлопотать о свадьбѣ своего питомца на ея сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой.

Дантесъ, какъ я уже сказалъ выше, зачастилъ въ домъ Александра Сергѣевича еще лѣтомъ 1836 года, на Каменноостровской дачѣ. Осенью дядя переѣхалъ въ домъ Волконской, по Мойкѣ, дѣдъ оставался въ Москвѣ, Левъ Сергѣевичъ воевалъ на Кавказѣ, а Соболевскій очутился за границей.

Переписки съ Сергѣемъ Львовичемъ за этотъ періодъ Ольга Сергѣевна не сохранила. Упоминала только, что ея отецъ, сообщая однѣ лишь московскія новости, жаловался, попрежнему, на молчаніе сыновей, на безденежье, и располагалъ пріѣхать въ слѣдующемъ году въ Варшаву, что̀ сдѣлалъ, однако, гораздо позднѣе.

Въ началѣ ноября 1836 г. дядей и многими его знакомыми былъ полученъ пасквиль, въ видѣ диплома на предоставленіе Пушкину (за мнимою подписью одного всѣми уважаемаго лица) званія coadjuteur du grand maître, et historiographe de l'ordre des c...»

«Еще гораздо раньше этого пасквиля», — говорила мнѣ мать,—«Александра преслѣдовали анонимными письмами насчетъ Дантеса и его жены, рекомендуя брату принять мѣры въ защиту своей супружеской чести (знали злодѣи, на что̀ били). Письма подбрасывали къ нему на квартиру, подсовывались и въ ресторанѣ (куда онъ изрѣдка заходилъ по дорогѣ съѣсть кусокъ) въ салфетку прибора, а разъ, при выходѣ изъ театра, нашелъ онъ подобную гадость и въ карманѣ верхней одежды, поданной капельдинеромъ.

«Отъ жены братъ сперва утаивалъ эти посылки, но, наконецъ, не выдержалъ: показалъ и прочелъ Наташѣ одну изъ нихъ, затѣмъ бросилъ въ растопленный каминъ, причемъ заявилъ: «Voilà le cas que j'en fait!» (Вотъ какъ отношусь къ этому!)

«Наташа истерически зарыдала и стала на колѣняхъ умолять мужа всѣми святыми уѣхать съ нею и съ дѣтьми въ деревню, не теряя ни минуты (sans coup férir). Александръ согласился, отвѣчая, что самъ уже объ этомъ давно думаетъ, и только ждетъ отъ одного пріятеля высылки денегъ на дорогу, а пока распорядился: Дантеса не принимать, во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей.

«Вскорѣ послѣ этого, Александръ, возвращаясь къ себѣ домой довольно поздно вечеромъ, увидѣлъ въ передней военную шинель на вѣшалкѣ.

— Кто здѣсь?

Камердинеръ назвалъ фамилію Дантеса.

— Да я же велѣлъ его не пускать.

— Не послушались: они у барыни.

«Александръ прошелъ въ комнату жены, и засталъ Наталью Николаевну бесѣдующей о чемъ-то съ Дантесомъ, который, на вопросъ хозяина дома чего ради пожаловалъ, отвѣчалъ:

— Съ цѣлью просить руки Екатерины Николаевны.

— Если такъ, сказалъ дядя, требую, чтобы свадьба состоялась черезъ три дня! Самъ приготовлю и разошлю свадебные билеты.

Такъ, по словамъ Ольги Сергѣевны, Пушкинъ и поступилъ...

Свадьба не поправила взаимныхъ отношеній, и, по мнѣнію. Ольги Сергѣевны, ея братъ сдѣлалъ тутъ большой промахъ: не только не примирился съ свояком, но и не отдалъ новобрачнымъ свадебнаго визита, чѣмъ и воспользовалась ополчившаяся на поэта шайка.

Горю хотѣлъ пособить почтенный графъ Строгоновъ, родственникъ Натальи Николаевны, желавшій отъ добраго сердца помирить враждовавшихъ: онъ устроилъ свадебный обѣдъ, на которомъ и свелъ супруговъ Пушкиныхъ съ супругами Дантесами-Гекеренами.

Но вышло еще хуже:

Дантесъ, на этомъ обѣдѣ, промахнулся въ свою очередь: сидя противъ Натальи Николаевны, онъ чокнулся съ нею бокаломъ черезъ столъ, что̀ страшно взорвало Пушкина.

Затѣмъ, Дантесъ, по обыкновенію, сталъ упражняться въ своихъ плоскихъ каламбурахъ.

Раздражило дядю и все послѣдующее поведеніе Дантеса, который продолжалъ танцовать и разговаривать исключительно со свояченицей на вечерахъ, устраиваемыхъ «не безъ злостнаго намѣренія людьми добрыми» (О. С. называетъ Фикельмоншу, возненавидѣвшую поэта, уже гораздо прежде), сводившими и стравливавшими враговъ, какъ бы невзначай. «У господъ NN, буквальныя слова матери, они грызлись какъ собаки». Достойная же всякаго уваженія княгиня

Вѣра Θедоровна Вяземская заявила Дантесу, что встрѣчи его съ Пушкиной въ ея домѣ, ей не нравятся, вслѣдствіе чего и распорядилась закрыть «новобрачному» доступъ въ ея квартиру по вечерамъ, когда у подъѣзда будутъ кареты.

Дантесъ, по мнѣнію покойнаго моего дѣда, игралъ тогда двойную роль: съ одной стороны—жаловался всѣмъ и каждому на упорство Пушкина продолжать ссору, поводы которой, дескать, угасли со свадьбой Екатерины Николаевны, а съ другой—Богъ знаетъ почему не прекращалъ назойливыхъ, нахальныхъ ухаживаній за свояченицей.

Наступилъ 1837 годъ. Пушкинъ снова подвергся разнаго рода анонимнымъ пасквилямъ, а ѣхать въ деревню лишенъ былъ возможности... Деньги не высылались. Такимъ образомъ враги, бившіе навѣрняка, заранѣе предвкушали побѣду, и не долго пришлось имъ ждать крови намѣченной жертвы...

Привожу слѣдующія слова моей матери:

«Братъ среди этихъ обстоятельствъ потерялъ терпѣніе, почему и сдѣлалъ рядъ ошибокъ, не сообразивъ, что если онъ разрубитъ Гордіевъ узелъ трагической исторіей, то какъ бы она ни кончилась—пострадаетъ, въ концѣ концовъ, имъ же обожаемая Наташа: всякій мерзавецъ сочтетъ себя въ правѣ кинуть въ нее камнемъ».

«Предложеніями Дантеса заключить миръ слѣдовало брату непремѣнно воспользоваться, но сказать притомъ Дантесу: «мирюсь съ вами, только подъ честнымъ вашимъ словомъ вести себя по отношенію къ женѣ моей, слѣдовательно и ко мнѣ—такъ, а не иначе». Дантесъ далъ бы и сдержалъ слово: вѣдь онъ же не былъ абсолютнымъ негодяемъ».

«Оскорбленіе, нанесенное братомъ сѣдовласому Гекерену-отцу—братъ бросилъ старику едва ли не въ лицо примирительное письмо Дантеса,—съ площаднымъ ругательствомъ «Tu la recevras gredin»—шло въ разрѣзъ съ чувствомъ самоуваженія и даже съ добрымъ сердцемъ».

«Эта соблазнительная, почти уличная сцена въ домѣ и въ присутствіи почтенной дамы, г-жи Загряжской, не могла не оскорбить добрѣйшую, гостепріимую хозяйку.»

«Обида была нанесена въ силу подозрѣнія, будто бы старикъ Гекеренъ авторъ анонимныхъ пасквилей—подозрѣнія, ни на чемъ не основаннаго.»

«Наконецъ, послѣдовавшее вскорѣ послѣ того роковое письмо Александра къ нему же, старику—какимъ бы онъ тамъ въ нравственномъ отношеніи ни былъ—письмо, порвавшее нить жизни брата—было просто явленіемъ сверхъестественнымъ, по забвенію азбуки приличія и злобѣ».

«Послѣ подобнаго письма все пропало»...

Покойнаго К. К. Данзаса дядя пригласилъ въ секунданты неожиданно, за нѣсколько часовъ до поединка, при разговорѣ своемъ съ секундантомъ противника, виконтомъ Даршіакомъ. По словамъ Ольги Сергѣевны, Данзасъ былъ такъ пораженъ всѣмъ происшедшимъ, на долю его выпало столько порученій, съ требованіемъ окончить все черезъ два или три часа, что поневолѣ онъ и упустилъ единственное средство,—неспосылавшееся, казалось, свыше—къ спасенію жизни драгоцѣнной для всей Россіи: когда Данзасъ отправлялся въ саняхъ съ Пушкинымъ на мѣсто поединка и узналъ Наталью Николаевну, ѣхавшую въ экипажѣ, почему-то не крикнулъ ея кучеру спасительное—«стой» *).

«Брата огорчили, брата же убили»,—говорила Ольга Сергѣевра,—«къ большому ликованію Бенкендорфа и ему подобныхъ, имъ же имя легіонъ. А бѣдной Наташѣ какое вышло удовлетвореніе? Ее стали въ свѣтѣ—какъ и предвидѣлъ Александръ на смертномъ одрѣ—заѣдать, честное имя ея терзать. Къ счастію, она въ послѣдствіи—года черезъ четыре—нашла смѣлаго защитника, въ лицѣ добрѣйшаго, благороднѣйшаго человѣка—Петра Петровича Ланскаго **).

---

*) См. брошюра Аммосова, стр. 22. Въ ней сказано: «На Дворцовой набережной они (т.-е. дядя и Данзасъ) встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее, надежда въ немъ блеснула, встрѣча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону». Л. П.

**) Нынѣ покойнаго. Прибавлю и отъ себя: Наталья Николаевна, своимъ замужествомъ, исполнила предсмертную волю поэта, который—какъ пишетъ

«Между тѣмъ, и послѣ того нашлись люди, осуждавшіе ее и за этотъ именно шагъ,—шагъ послужившій для моей невѣстки спасеніемъ»...

Говоря о смерти шурина и извѣщая о постигшей Ольгу Сергѣевну болѣзни, отецъ мой пишетъ, между прочимъ, Луизѣ Матвѣевнѣ:

«Не распространяюсь на счетъ самой дуэли и кончины Александра Сергѣевича. Объ этомъ вся Россія, а слѣдственно и вы, въ Екатеринославѣ, слышали и знаете. Жаль дѣтей и вдовы—невинной причины несчастія. Онъ искалъ смерти, умеръ съ радостію, а потому былъ бы несчастливъ, еслибъ остался живъ. Самолюбіе его, чувство, которое руководило всѣми его поступками, было слишкомъ оскорблено. Оно отчасти удовлетворилось въ послѣднія минуты: вся столица смотрѣла на умирающаго. Противникъ его родственникъ, ибо женатъ на родной сестрѣ его жены, кавалергардскій офицеръ Гекеренъ (прежде Дантесъ) подъ судомъ: ожидаемъ примѣрнаго наказанія».

Во второй главѣ я говорилъ, какимъ образомъ до Ольги Сергѣевны дошло извѣстіе о кончинѣ брата, упомянулъ также о выдержанной ею, вслѣдствіе того, опасной нервной болѣзни, и объ участіи къ ней всего варшавскаго, какъ русскаго, такъ и польскаго, высшаго общества, но забылъ сказать, что по странному, свойственному членамъ ея семейства, психологическому характеру, съ моей матерью повторилось явленіе, какому подверглась она въ 1831 году, за нѣсколько дней до кончины ея дяди Василія Львовича.

Три ночи сряду, до полученія чрезъ г. Софіаноса ужаснаго извѣстія, Александръ Сергѣевичъ являлся сестрѣ во снѣ, блѣдный и окровавленный, между тѣмъ какъ наяву объ исторіи съ Дантесомъ она и не догадывалась; такимъ образомъ, моя мать и тутъ была подготовлена таинственнымъ образомъ, почему перебила моего отца, собиравшагося разска-

---

кн. Вяземскій—сказалъ женѣ: «Ступай въ деревню, носи по мнѣ трауръ два года, а потомъ выходи замужъ, но за человѣка порядочнаго»... Л. П.

зать ей сообщеніе г. Софіаноса вопросомъ: «Скажи же, наконецъ, что братъ боленъ? боленъ? умеръ?!»

. . . .

Въ заключеніе нѣсколько словъ о Дантесѣ-Гекеренѣ:

Лѣтомъ 1880 года, возвращаясь изъ Москвы, куда ѣздилъ на открытіе памятника моему дядѣ, я сидѣлъ въ одномъ вагонѣ съ сыномъ подруги моей матери, жены партизана Давыдова, Василіемъ Денисовичемъ Давыдовымъ, нынѣ покойнымъ, съ которымъ встрѣтился въ Москвѣ же послѣ долголѣтней разлуки.

Разговоръ конечно шелъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ о Пушкинѣ, и вотъ что В. Д. мнѣ сообщилъ:

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Василій Денисовичъ былъ въ Парижѣ. Пріѣхавъ туда, онъ остановился въ какомъ-то отелѣ, гдѣ всякій день ему встрѣчался совершенно сѣдой старикъ большаго роста, замѣчательно красивый собою. Старикъ всюду слѣдовалъ за пріѣзжимъ, что и вынудило Василія Денисовича обратиться къ нему съ вопросомъ о причинѣ такой назойливости. Незнакомецъ отвѣчалъ, что, узнавъ его фамилію и что онъ сынъ поэта, знавшаго Пушкина, долго искалъ случая заговорить съ нимъ, причемъ, рекомендовавшись барономъ Дантесомъ-Гекереномъ де Бревеардомъ, (или Бевервардомъ, сказать навѣрное не умѣю), объяснилъ Давыдову, будто бы онъ, Дантесъ, и въ помышленіи не имѣлъ погубить Пушкина, а, напротивъ того, всячески старался примириться съ Александромъ Сергѣевичемъ, но вышелъ на поединокъ единственно по требованію усыновившаго его барона Гекерена, кровно оскорбленнаго Пушкинымъ. Далѣе, когда соперники, готовые сразиться, стали другъ противъ друга, а Пушкинъ наводилъ на Гекерена пистолетъ, то разсказчикъ, прочтя въ исполненномъ ненависти взглядѣ Александра Сергѣевича свой смертный приговоръ, якобы оробѣлъ, растерялся и уже по чувству самосохраненія предупредилъ противника и выстрѣлилъ первымъ, сдѣлавъ четыре шага изъ пяти назначенныхъ до барьера. Затѣмъ, будто бы цѣлясь въ ногу Александра Сергѣевича, онъ, Дантесъ, «страха ради»

передъ безпощаднымъ противникомъ, не сообразилъ, что при такомъ прицѣлѣ не достигнетъ желаемаго, а попадетъ выше ноги. Le diable s'en est mêlé» («чортъ вмѣшался въ дѣло») закончилъ старикъ свое повѣствованіе, заявляя, что проситъ Давыдова передать это всякому, съ кѣмъ бы его слушатель въ Россіи ни встрѣтился. . . . .

Выслушавъ Василія Денисовича, я припомнилъ слова моей матери: «Не повѣрю, чтобы Дантесъ разсчитывалъ умертвить брата. Тутъ, повидимому, самъ дьяволъ повернулъ руку Гекерена... (On dirait que c'est le diable lui-même, qui a tourné la main de Hekeren»). . . . .

Кончиной дяди-поэта и заключается первый отдѣлъ моихъ тридцатидвухлѣтнихъ воспоминаній. Событія же, обнимающія періодъ времени съ февраля 1837 по 1848 годъ, когда дѣдъ мой, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, переселился въ вѣчность, вошли въ составъ втораго отдѣла, который, если позволятъ обстоятельства, я также со временемъ напечатаю, предполагая, что онъ можетъ показаться не безъинтереснымъ для многихъ, касаясь дальнѣйшей судьбы родныхъ и друзей Александра Сергѣевича.

Конецъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

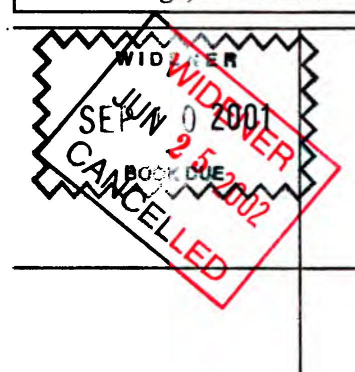
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

28*

*
* *

*
* *

*
* *


WIDENER
SEP
JUN 0 2001
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
2 5 2002